Революционный террор в России, 1894–1917. Гейфман А.

Пер. с англ. Е. Дорман. — М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. — 448 с. — (Серия «Экспресс»)
 SBN5-232-00608-8

Анна Гейфман изучает размах терроризма в России в период с 1894 по 1917 год. За это время жертвами революционных террористов стали примерно 17 000 человек. Уделяя особое внимание бурным годам первой русской революции (1905–1907), Гейфман исследует значение внезапной эскалации политического насилия после двух десятилетий относительного затишья. На основании новых изысканий автор убедительно показывает, что в революции 1905 года и вообще в политической истории России начала века главенствующую роль играли убийства, покушения, взрывы, политические грабежи, вооруженные нападения, вымогательства и шантаж. Автор описывает террористов нового типа, которые отличались от своих предшественников тем, что были сторонниками систематического неразборчивого насилия и составили авангард современного мирового терроризма.

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

С апреля 1866 года, памятного внезапно прогремевшим выстрелом Дмитрия Каракозова, неудачно покушавшегося на жизнь Александра , и до июля 1918-го, когда Ленин и Свердлов санкционировали расстрел семьи Николая II, а затем провозгласили общую политику классового «красного террора», — полвека российской истории было окрашено в кровавый цвет революционного терроризма. Признавая необходимым серьезное изучение истоков тактики политических убийств и ее развития в Российской

Империи в 1870—80-х годах, настоящая книга ставит своей целью исследование радикально-террористической деятельности на ее наиболее «взрывном» этапе, начиная с конца XIX века вплоть до революции 1917 года, уделяя особое внимание кризисному периоду 1905–1907 годов. Основная задача автора — пересмотреть устоявшиеся и во многом превратные представления о российском революционном движении и традициях путем анализа размаха и огромного значения неожиданного и беспрецедентного по силе антиправительственного террора — наиболее крайнего проявления политического радикализма. Многие затушеванные, малозаметные в других формах общественной борьбы атрибуты революционной мысли и морали особенно резко проявились в вакханалии политических убийств, которые потрясли российское общество, прежде лишь изредка тревожимое револьверными выстрелами и динамитными взрывами.

Сравнительно редкие эпизоды терроризма в XIX веке, хоть и пугали власти и отчасти служили им отговоркой, оправдывающей нежелание развивать реформы, не угрожали ни государственным устоям, ни естественному течению социально-политической жизни в стране — пожалуй, за единственным исключением убийства Александра II в марте 1881 года. Эти революционные выступления служили лишь прелюдией к кровавым событиям начала XX века, которые совпали с царствованием Николая II, затронули все леворадикальные (а отчасти даже и умеренные) политические течения в стране, унесли тысячи жизней и не позволили не только сановникам, но даже просто мирным обывателям на всей территории империи чувствовать себя в безопасности.

Прежде чем перейти непосредственно к рассказу о российских террористах, необходимо предупредить читателя о некоторых концептуальных предпосылках этой книги, которые, несомненно, вызовут противоречивые отклики, но без которых, однако, позиция автора не будет раскрыта.

Изучив огромное количество исторических источников, связанных с революционным движением и его представителями, хочется высказать предположение, что многие из тех, кто в разные времена так беспокоился о судьбе масс и страдал о народных тяготах, инстинктивно ощущали (а некоторые даже и осознавали), что народу не нужна их забота, а сами они чужды и в лучшем случае безразличны ему. Чувствуя это, радетели за народное благо все же настойчиво и неудержимо продолжали стремиться вперед по избранному пути, дабы облагодетельствовать человечество или уж по меньшей мере своих соотечественников в России. Не касаясь до времени роли всевозможных «темных личностей», составляющих «изнанку» любого общественного движения, независимо от его окраски, следует спросить: что же двигало людьми достойными, честными, жертвенными? Зачем же так стремились они к тому, о чем их никто не просил, зачем столько хлопотали они о подарке, который — они знали — даруемый не хочет получать, а при случае найдет способ вернуть, возможно неучтиво и даже грубо? Может быть, полезнее здесь не спешить выплеснуть на читателя всю ту революционную риторику с неплохо звучащими, но уже несколько избитыми уверениями о непобедимой силе абстрактных истин, позывах гражданской совести и прочими словесными клише, которые общественные деятели произносят в свой адрес, навязывая таким образом непосвященным предвзятое представление о собственной внутренней мотивации.

Люди, обуреваемые жаждой разрушительной общественной деятельности, зачастую достаточно тонкокожи и уязвимы, чтобы ощущать грубость, грязь, пошлость, уродство и прочие несовершенства окружающего их мира. Даже неисправимым оптимистам, не склонным к меланхолии и унынию, но обладающим чувствительностью, свойственно видеть и ужасаться порочности и глубоким нравственным (и эстетическим) изъянам во всем, что их окружает. И, пожалуй, особенно травмирует их то, что, вопреки даже самому сильному желанию человека не соприкасаться с этими отвратительными сторонами

жизни, самое существование его в мире не только постоянно сталкивает его с пороком, но как бы пропитывает им человека, не умеющего противостоять давлению извне.

И вот такой человек, не злодей и не проходимец вовсе, а наоборот — личность с уязвленной душой, чутко реагирующей на соприкосновение с любым видом уродства, приходит к отчаянной мысли о возможности искоренить мировое зло за счет изменения внешних обстоятельств. В разные эпохи такие рассуждения поддерживались различными философскими идеями, как бы оформлявшими мировоззрение человека, уже одержимого жаждой общественной деятельности. И, вооружившись схемами, описывающими несовершенство миропорядка, равно как и пути к его исправлению, такой человек начинает бороться с социально-политическими, экономическими, религиозными и прочими устоями, ломая их, чтобы изменить мир по своему вкусу (самому благородному, естественно) и — для себя. Вместо того чтобы призвать на помощь мудрость и, быть может, грустную иронию, дабы не заблуждаться (и не обольщаться) по поводу глубины и уникальности собственных страданий (и… достоинств), вместо того чтобы — как следствие развития самооценки и самоиронии — увидеть, наконец, рядом с собой ближнего, заметить с удивлением, что ему (этому отдельному, живому, дышащему человеку, а не абстрактной народной массе) тоже больно и страшно, вместо того чтобы затем, не унижая его снисходительной жалостью и не самоутверждаясь за счет его страданий, просто понять, почувствовать его боль, как если бы она была своя, и, понимая даже, что, может быть, выхода-то и нет и быть не может, разделить его тоску, — вместо всего этого революционер, обремененный жаждой спасти мир, забывает и себя, и своего ближнего ради уже неотделимой от него идеи.

Не то что ближний, но и даже сам революционер уже себе не интересен, если он нашел якобы выход из жизненной безысходности — борьбу с внешними атрибутами самой жизни. Борьба с устоями здесь играет роль допинга или дешевого и поверхностного

развлекательного действа, которое отвлекает человека от самого себя внешним блеском, мельканием, преувеличенными жестами, громкими звуками… Но пристрастие к общественной деятельности имеет одно очень важное преимущество перед пристрастием к кабаре или, скажем, к скачкам, где «беганье от себя» не может продолжаться постоянно и неизменно, и в конце концов возникает вопрос: чем же заполнить перерывы. С социально-политической борьбой дело обстоит гораздо удобнее: у человека всегда есть конечная цель, намеченный результат, к которому он постоянно стремится и на который он полагается для оправдания своей жизни. (Интересно, между прочим, что делали бы общественные деятели, если бы им каким-то образом удалось осуществить их программы максимум? Собой и ближним они заниматься не умеют. Вот тут-то и начались бы подлинные страдания! И, может быть, существует связь между несбыточными идеями утопистов-практиков и их неумением взглянуть внутрь себя: чем несбыточнее утопия, которую они воплощают в жизнь, тем более подвержены строители этой утопии страху оказаться наедине с собой; поэтому-то они так старательно и заботятся о том, чтобы рай всегда лишь маячил на горизонте.)

Все это может относиться к представителям общественного движения любой окраски. И самые честные люди, защищающие самые благородные идеалы, вливаясь в общий поток «устроителей», редко находят в себе силы вырваться из вихря общественной деятельности, крутящего людей и несущего их по жизни от одного «текущего вопроса» к другому, не давая опомниться и заглянуть внутрь себя: а как я-то? Но еще 'хуже, кажется, когда человек, бегая так от себя, оправдываясь якобы интересами других, делает это за их счет, путем использования тех, кого ему не терпится облагодетельствовать в результате реализации собственных представлений о совершенной социальной справедливости. Ведь не обязательно вовсе быть циником-Лениным, чтобы экспериментировать над миллионами.

И все же многие из тех, кто с головой ушел в общественную деятельность, — люди честные, достойные, подчас истинно благородные. Их можно уважать за абсолютное неприятие зла и за самоотверженный порыв на борьбу с ним. Но, любуясь этим самозабвенным порывом, испытываешь ощущение, напоминающее чувство к Дон Кихоту: он восхитителен и жалок, он достоин сочувствия, но не соучастия, он трогателен, когда зажмурился, ослепленный своей мечтой, но мало кто поверит в глубину его души…

Впрочем, в настоящей попытке истолковать взрыв террористической деятельности в России в начале XX века мы неизбежно вынуждены акцентировать внимание на явлении, которое незаметно для общества развилось к этому периоду до огромных масштабов и которое либеральный политический деятель Петр Струве определил как «революционер нового типа» — некий симбиоз радикала и уголовника, эмансипированного в своем сознании от любых моральных условностей. Прототипом такого борца за свободу можно считать печально известного Сергея Нечаева, увековеченного в «Бесах» в образе Петеньки Верховенского. Постепенно слияние революционера и бандита потеряло свой исключительный, индивидуальный характер, оформляясь в тенденцию моральной деградации революционного движения в целом, достигшую своего апогея в начале века, когда практические действия постоянно растущего числа радикалов позволяли квалифицировать их как «террористов нового типа», нередко не отличимых от обыкновенных убийц. Отделить идейного борца за свободу от закоренелого уголовника — задача порой неразрешимая, особенно в тех нередких случаях, когда арестованный в первый раз за бытовое преступление, кражу, например, через несколько лет оказывался вновь на скамье подсудимых как террорист и, отбыв срок или бежав, снова попадал в тюрьму, скажем, за изнасилование. Неудивительно, что к началу века превращение радикала в бандита было уже очевидно наблюдателю, отнюдь не обладавшему прозорливостью Достоевского; явление это стало общедоступным, отмеченным даже в

социальной сатире. «Когда убийца становится революционером?» — задавался хитрый вопрос в популярном в те годы анекдоте. «Когда с браунингом в руке он грабит банк». — «А когда революционер становится убийцей?» — «В том же случае».

Здесь автор надеется на снисходительность читателя к еще одному заведомо спорному обобщению: то, что в российском обществе получило название «изнанки революции», в процессе развития радикального движения постепенно превратилось в его лицевую сторону, довлея над всем революционным лагерем за счет своего роста, и это тоже не случайно и имеет свои причины. Возможно, одно из объяснений в том, что зачинатели и идеологи любого социально-политического движения, инстинктивно чувствуя шаткость и навязчивость своих теоретических построений и постулатов, пытаются убедить себя в их очевидной бесспорности путем приобретения последователей и — чем больше, тем лучше. Растущее число поддерживающих поощряет лидеров к продолжению бравого марша по вехам новейшей истории; аплодисменты и одобрительные возгласы заглушают любые сомнения, а может быть, и совесть. Кстати, и конкуренты из своей же среды попритихнут (у общественных деятелей ведь всегда существует другая сторона баррикады внутри собственного лагеря): они не смогут сказать, что вот, мол, у вас в движении два с половиной человека, на что ж вы годитесь… (У такого рода людей ведь часто качество истины оценивается количеством поднятых рук… или занесенных дубинок.)

Так что последователи нужны и даже — очень, да где ж их взять? Тут уж разработана целая система: как нужно говорить, что обещать, как при этом выглядеть и т. д. Один из основных аспектов тактики приобретения и накопления последователей — чтобы все идеи движения были доступны до примитивности. В общем, чем вульгарнее, тем лучше, так как больше народу «клюнет». С такой установкой лидеры общественного движения принимаются за агитацию, упрощая, делая общедоступными все свои основные

принципы и цели, равно как и методы их достижения. Таким образом, мораль течения тоже упрощается, урезывается до примитивного и чуть ли не инстинктивного восприятия толпы, которая, как известно, отнюдь не рафинирована нравственно и, наоборот, на удивление восприимчива к различным формам жестокости, в том числе и политической.

В результате движение постепенно становится массовым, исчезает его изначальная элитарность и открывается доступ в него людям, имеющим более чем отдаленное отношение к идеалам течения на раннем его этапе. Эти новые люди движимы своими личными целями, принципами (если таковые вообще имеются) и представлением о допустимых методах, как, например, один террорист-экспроприатор, который мечтал по выходу из тюрьмы совершить еще один «экс» с тем, чтобы половину полученных денег отдать на нужды обездоленных пролетариев, а на другую купить себе небольшое имение за границей и зажить припеваючи… Многие из таких борцов за справедливость, равенство и братство совершенно чужды изначальному духу движения; они просто по-разному используют его для оправдания себя и своих поступков и для самоутверждения (убийца, например, неожиданно превращался в террориста, борца за свободу; грабитель — в экспроприатора; психопат — в оратора). Это — накипь движения, и она постепенно вытесняет то, что было его сутью. В конце концов жалкие единицы, которые когда-то являлись зачинателями течения, вынуждены либо подделываться под то, во что оно превратилось, либо уйти.

Мы видели это в истории, видим нечто подобное и сегодня в стране, где отвратительная изнанка социально-политической жизни постоянно грозит грубо оттеснить любую форму политической культуры. В контексте сегодняшней ситуации в России эта книга явно не дает повода к беззаботному оптимизму, как, впрочем, не может быть оптимистична какая-либо попытка осознать прошлое — будь оно опытом отдельной личности или историческим наследием целого общества. С другой стороны, было бы

грустно, если бы читатель, перелистав эту книгу, лишь утвердился в модном сегодня скепсисе, граничащим с цинизмом, сказав про себя: «А что еще от нас ожидать? Так у нас всегда было, есть и будет». Мы почли бы проделанную работу не напрасной, если бы знали, что она частично освещает бесспорно важные, но не рассмотренные по сей день аспекты российской истории. Быть может, нескромно претендовать на то, что эта книга хоть немного проливает свет и на некоторые скрытые стороны человеческой жизни в целом, поднимая вопросы о внутренних побуждениях к действиям и поступкам, которые человек склонен объяснять чисто внешними причинами вместо едва уловимых и малопонятных глубинных мотиваций. Автор апеллирует, однако, к словам замечательного французского историка Марка Блока, указывавшего на то, что гораздо важнее поставить вопрос, чем разрешить его.

ВСТУПЛЕНИЕ

Существует несколько работ по русскому терроризму XIX века, и это значительно облегчало задачу написания данной книги. В советской послесталинской историографии разрешались и даже поощрялись исследования по истории раннего революционного движения, особенно его так называемого/героического периода 1878–1881 годов, когда в лагере радикалов главную роль играла «Народная воля»(1). Западные историки также писали об этой партии, называя ее первой в современном мире террористической организацией(2). В очень важной работе современного ученого Нормана Нэймарка серьезное внимание уделено, в частности, сторонникам террористической тактики в период от начала 1880-х гг., после разгрома правительством «Народной воли», до середины 1890-х гг., когда разрозненные революционные группы различных ориентации начали искать пути к объединению в более крупные политические организации и к

консолидации своих сил(3).

И все же в те годы террористические акты были не так уж часты: с 1860-х до приблизительно 1900-х на счету террористов было не более 100 жертв(4). И хотя угроза террора, часто преувеличенная в полицейских донесениях, вселяла страх, политические убийства в эти годы были лишь предвестником разгула террористической деятельности в первое десятилетие XX века — тема, почти не отраженная в научных трудах по истории этого периода. Не существует ни одной монографии о волне террора в период правления Николая   (1894–1917)(5). Отсутствие серьезных исследований на эту тему объясняется несколькими причинами. Во-первых, после большевистского переворота в октябре 1917 года в официальной советской исторической науке прочно установилась тенденция пренебрегать проигравшими, т. е. всеми политическими партиями, кроме большевистской. В первую очередь пренебрегли теми, которые не принадлежали к социал-демократическому лагерю, такими, как Партия социалистов-революционеров (эсеров) и анархисты, которые и были в первую очередь ответственны за террор в России. Этим партиям советская историография отводила второстепенную роль в революционном движении и утверждала, что они были обречены на неуспех буквально со дня своего основания(б). Такая ситуация сохранилась и в послесталинское время, когда исследования в области революционного террора не запрещались явно, как в предыдущие 25 лет, но и не поощрялись. В результате до совсем недавнего времени, когда перестройка позволила появиться непредвзятым публикациям о дореволюционной политической жизни вообще и радикализме в частности, советские историки не смогли внести своей лепты в изучение русского терроризма начала XX века.

Западная наука также обошла эту тему молчанием. На протяжении многих лет основываясь на общих тезисах советской историографии, западные ученые смотрели на эсеров, анархистов и на террористическую деятельность вообще глазами большевиков. В

последнее время, однако, ученые в США и в Западной Европе заинтересовались вопросами, связанными с революционным террором в России. Появилось несколько работ о Партии социалистов-революционеров — организации, наиболее известной своими террористическими актами. Опубликовано также несколько советских и западных исследований, посвященных революции 1905 года — времени особенного усиления террора(4).

Все эти работы, однако, посвящены главным образом массовым движениям и массовым вспышкам насилия, т. е. крестьянским восстаниям, забастовкам рабочих, военным и морским мятежам, студенческим беспорядкам и вооруженным выступлениям. Причина этому, вероятно, во все еще сохранившемся влиянии марксистского подхода на советскую историографию, а в западной — в том, что в ней главенствующая роль отводится социальному фактору. Эти работы почти вовсе не принимают во внимание тот факт, что каждый день газеты по всей Российской Империи печатали сообщения о десятках покушений на отдельных людей, бомбометаний, о грабежах по политическим мотивам (радикалы называли их «экспроприации» или просто «эксы»), вооруженных нападениях, похищениях, случаях вымогательства и шантажа в партийных интересах, а также политической вендетты. Эти и другие формы насилия, подпадающие под широкое определение революционного террора(8), своим неслыханным размахом и разрушительным влиянием на жизнь всего общества представляют не просто значительный, но уникальный в своем роде социальный феномен. На основании новых изысканий можно, как нам кажется, убедительно доказать, что многочисленные индивидуальные и, как правило, предумышленные террористические акты против заранее намеченных лиц играли главную роль в кризисе 1905–1907 годов и — шире — в политической истории начала XX века.

При обобщении опыта и выводе закономерностей террористической деятельности

первого десятилетия XX века настоящее исследование уделяет особое внимание «новому типу революционера». Этот новый тип экстремиста предполагал «слияние революционера с разбойником, освобождение революционной психики от всяких нравственных сдержек»(9). Многие радикалы сами признавали, что террор вышел за пределы узкого круга лиц, полностью посвятивших себя делу освобождения, и что «революционный организм заражен нечаевщиной, чудовищной болезнью… вырождением революционного духа»(10). Анархисты и члены мелких экстремистских групп, согласно природе своих убеждений, прибегали к новому типу террор А чаще других радикалов, грабя и убивая не только государственных чиновников, но и простых граждан, по одиночке и группами. Они-то и были главным образом ответственны за создание атмосферы страха и хаоса в империи.

В книге также уделяется серьезное внимание подробному описанию «дна» революции — важнейшей ее составляющей, часто остающейся вне поля зрения историков. Рассмотрение этого аспекта революции позволяет выстроить во многом неортодоксальную концепцию истории новой фазы русской революционной традиции накануне 1917 года. Многие историки делают акцент на возвышенной идеалистической риторике сторонников антиправительственного лагеря, принимая за чистую монету то, что те сами говорили о себе. Цель автора — демифологизировать и деромантизировать русское революционное движение, самое революцию и ее участников, которых столь облагородили и возвысили далеко не беспристрастные мемуаристы.

В настоящей книге читатель познакомится с документальными источниками, ранее не доступными или недооцененными историками. Кроме того, при попытках объяснить различные малоизвестные и часто спорные проблемы, особенно в первой и последней главах книги, мы использовали, в частности, мемуары, журнальные и газетные публикации, монографии и другие источники, опубликованные в Российской Империи, в

СССР и на Западе. Литературы по российскому терроризму относительно мало, и нам пришлось обратиться к обширным исследованиям современной теории терроризма, что позволило сформулировать и проанализировать несколько важных для нас вопросов, а также поместить российский терроризм в общую картину современного политического насилия(П). В основном же работа основана на документах из трех богатейших архивных собраний русских революционных материалов на Западе. Часть статистических и большинство фактических данных о террористических актах и правительственных мерах борьбы с ними взяты из большого собрания газетных вырезок в архиве Партии социалистов-революционеров, находящемся в Международном институте общественной истории в Амстердаме. Этот же архив был основным источником сведений для главы об эсерах. При написании глав «Изнанка» революции…» и «Единым фронтом» мы пользовались материалами из двух архивных собраний Гуверовского института войны, революции и мира в Стэнфордском университете (США): огромного частного архива Бориса Ивановича Николаевского и Архива заграничной агентуры Департамента полиции (Архив Охранки, царской тайной полиции). Богатейшие материалы последнего оказались во многом заслуживающими доверия, хотя и требовали особенно критического подхода из-за стремления полиции опорочить радикалов. Глава о кадетах базируется на двух первичных источниках — стенографических записях заседаний первой и второй Государственной думы и выпусках кадетской ежедневной газеты «Речь». Огромное количество информации в западных архивах позволило нам не проводить детальных исследований в российских архивах, но мы хотим отметить, что неопубликованные материалы, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, дополняют и подкрепляют анализ и основные выводы данной книги.

Глава 1

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ИСТОКИ, РАЗМАХ И ЗНАЧЕНИЕ

Революция становилась модой. Виктор Чернов(1)

ИСТОКИ

Одной из главных предпосылок эскалации экстремизма в России в период около 1905 года многие считают своеобразное сосуществование в одной стране социально-экономического прогресса и политической отсталости. Это обстоятельство вызывало непримиримые противоречия как между появлявшимися новыми социальными группами, так и внутри них. Члены таких групп не находили себе места в традиционной структуре самодержавного государства, этих «лишних» людей охватывало разочарование и чувство отверженности. Из среды последних и вышли многие будущие террористы. Они пополняли ряды различных революционных организаций, боровшихся с существующим режимом насильственными методами.

Радикальные круги 1860-х и 1870-х годов состояли главным образом из лиц, принадлежавших по происхождению или по образованию к привилегированным группам российского общества, которое продвигало их на более высокий по сравнению с присущим им от рождения социальный и интеллектуальный уровень(2). В начале же XX века огромное большинство террористов принадлежало к первому поколению мастеровых или чернорабочих, вынужденных перебираться в города из близлежащих сел и деревень в поисках места в мелких мастерских и на небольших фабриках. Многие из них происходили из обедневших крестьянских семей и с трудом привыкали к тяготам

городской жизни. Мало того, что они жили часто в убогих экономических условиях, — они и психологически адаптировались к городу чрезвычайно медленно. Эти люди легко подпадали под влияние радикальной агитации и пропаганды после начала революции 1905 года, и не случайно, что не менее 50 % всех устроенных эсерами политических убийств было совершено рабочими(3). Многочисленные источники указывают на то, что еще большее число ремесленников и чернорабочих (часто безработных) принимало участие в террористической деятельности других радикальных групп, особенно анархических, хотя точной статистики на этот счет не существует.

В то же время все более охотно стали примыкать к экстремистам и женщины. Часто это были представительницы высшего и среднего классов, хотя к 1900 году революционное движение привлекало все больше последователей из низших слоев населения(4). В обществе шел быстрый процесс изменения семейных отношений и распространения грамотности. Стремящихся к самоутверждению девушек и женщин становилось все труднее удерживать дома, но доступ к высшему образованию был для них ограничен, места в политической жизни им не было, возможностей реализовать свой интеллектуальный потенциал не хватало. Это привело многих из них в ряды радикалов, где среди их соратников-мужчин они встречали большее уважение, чем в любых традиционных и законопослушных слоях общества(5). Таким образом, женщинам предоставлялись широкие возможности самоутверждения путем участия в подпольных организациях и сопряженных с опасностью действиях. К началу XX века женщины составляли почти треть Боевой организации эсеров и четверть всех террористов(б).

Женщины шли в революцию с самоотверженной преданностью идее и с крайним фанатизмом. Их готовность жертвовать собой ради своих убеждений как бы проецировала православный идеал женщины-мученицы на более чем светскую область — в сферу политического радикализма(7). Нужно отметить, что такой стиль поведения

был распространен и среди евреек, закрепощенных в своих семьях при традиционном социальном укладе еще больше русских женщин. По некоторым данным они составляли 30 % женщин-эсерок. Их готовность к терроризму может частично быть объяснена тем, что, становясь революционерками, они порывали со своими семьями и культурными традициями на более глубоком уровне, чем мужчины. Вступая в революционное движение, еврейская девушка не только отрекалась от политических взглядов своих родителей, но и отвергала одну из фундаментальных основ еврейского общества — предписываемую ей традицией роль матери семейства(8).

В целом, и мужчины, и женщины, принадлежавшие к новому типу террориста, гораздо чаще, чем в XIX веке, происходили из различных населявших Российскую Империю меньшинств — таких, как евреи, поляки, народы Кавказа и Прибалтики. Эту категорию экстремистов составляли главным образом люди, стоявшие на самых низших ступенях социальной лестницы и бывшие по преимуществу необразованными. Лидеры радикалов, привлекая их к боевым действиям, взывали к их национальным чувствам, планируя использовать их не столько для достижения социально-политических целей, сколько в контексте национально-освободительного движения.

Вышесказанное не означает, что терроризм утратил свою привлекательность для привилегированных социальных групп (иногда даже аристократов) и для разночинцев (студентов, учителей, врачей, адвокатов и других представителей образованного общества). Многие, считавшие себя частью русской интеллигенции, были возмущены контрреформами Александра , которые ограничили или же де факте уничтожили политические достижения 1860-х годов. Они также были разочарованы провалом собственных усилий улучшить социально-политическую ситуацию в стране в так называемую «эпоху малых дел» (середина 1880-х — 1890-е). Все большее число этих образованных людей склонялось к экстремизму, считая, что эффективная мирная работа

в рамках существующей политической системы более невозможна(9).

Многие из вышеперечисленных лиц обратились к идее террора частично в результате голода, последовавшего за неурожаем 1891 года и совпавшего с эпидемиями холеры и тифа в европейской части России в 1891–1892 годах. Общая нищета деревень усугубляла последствия стихийных бедствий(Ю). К направленным на облегчение ситуации действиям правительства прибавились усилия многих добровольцев (в первую очередь студентов и либералов из числа лиц интеллигентных профессий), отправившихся в деревню на помощь голодающим(И). Часть из них искренне хотела облегчить жизнь крестьян, но значительное число радикалов ухватилось за этот шанс, чтобы вызвать новую волну революционной активности, направив недовольство голодающих в русло борьбы с царским режимом(12). В затронутых неурожаем областях стали повсеместно появляться революционные кружки, члены которых усиленно принялись за печатание и распространение антиправительственной литературы и за открытую пропаганду насилия против государственных чиновников, полиции и богачей, обвиняя их во всех несчастьях крестьян и городской бедноты(13).

И власти, и революционеры понимали, что голод и эпидемии 1891–1892 года придадут новый импульс радикализму в центральных областях России(14). Тем не менее на пути этой радикализации деревни встретилось серьезное препятствие: даже самые ярые идеалисты, верующие в прогрессивную природу русского крестьянства, должны были признать, что отношение деревенских жителей к приехавшим из города было явно враждебным. Крестьяне не доверяли врачам и были уверены, что образованные люди могут им только навредить. Многие даже считали, что правительство засылает медиков, чтобы их отравить, и в некоторых деревнях врачей избивали и прогоняли. Когда же радикалы попытались направить крестьянский гнев против правительства, оказалось, что крестьяне относятся к зажигательным речам так же недоверчиво, как к медицинской

помощи. Они не видели связи между своими несчастьями и центральной властью, да к тому же были благодарны правительству за оказываемую им материальную помощь, называя ее «царским пайком»(15). Таким образом, крестьянство представляло собой полную противоположность «сознательной революционной силе», и это заставило многих противников царского режима усомниться в своей способности мобилизовать все еще дремлющие русские массы. Многие из тех, кто пытался поднять крестьян в 1890-х гг., стали искать новых путей борьбы и вернулись к мысли о том, что для обеспечения участия в революции широких народных масс необходимо разжигать эту самую революцию с помощью индивидуального террора(16).

Не все противники самодержавия были согласны посвятить свою жизнь профессиональной революционной или террористической деятельности, однако к концу XIX века было достигнуто понимание и даже сотрудничество между большой частью российского образованного общества и экстремистами. То, что либеральные круги симпатизировали террористам, стало очевидным уже в 1878 году, во время суда (с оправдательным приговором) над дебютировавшей как террористка-мстительница Верой Засулич. После убийства Александра 1 марта 1881 года умеренные либералы смотрели на террор сквозь пальцы, а во время контрреформ Александра и в последующий период становится очевидным их стремление объединяться с революционерами в антиправительственной деятельности. В своих мемуарах Вера Фигнер, в молодости одна из самых активных участниц Исполнительного комитета «Народной воли», писала о том, что общество не видело выхода из существующего положения: одна его часть одобряла насилие, в то время как другая видела в нем только необходимое зло — но даже они восторгались доблестью и ловкостью борца… Посторонние смирялись с террором из-за бескорыстия его целей; он оправдывал себя отказом от материальных выгод, тем, что революционер не хотел довольствоваться личным благосостоянием, искупая вину

тюрьмой, ссылкой, каторгой и смертью.

Таким образом, либеральная общественность конца XIX века видела в действиях террористов примеры самопожертвования и героизма, а в них самих — людей редких гражданских качеств, которыми двигал глубокий гуманизм, и поэтому им прощали даже преступления (17). Такое отношение могло только способствовать экстремизму, ибо можно считать очевидным, что, «как правило, террористы добиваются наибольшего успеха, если им удается заручиться пусть небольшой практической, но зато широкой моральной поддержкой в уже нестабильном обществе»(18).

В последующие десятилетия даже некоторые консерваторы, разочарованные оборонительной и излишне осторожной политикой Николая , перестали поддерживать борьбу правительства с экстремистами, предпочитая оставаться в стороне от политического процесса (или хотя бы от участия в работе правительственных структур) и осуждая обе стороны(19). Более того, несмотря на свое презрение к революционным идеям, многие люди умеренных взглядов и даже консерваторы не верили официальной точке зрения, что все радикалы и террористы — уголовники или полоумные мальчишки(20). Они считали такой подход к проблеме экстремизма в России упрощенным и даже опасным, потому что он как бы освобождал самодержавие от необходимости решать неотложные социальные, экономические и политические проблемы.

Естественно, такие настроения в кругах, лояльных правительству, не способствовали успеху официальных мер против терроризма, а терпимость, понимание и даже оправдание революционной тактики либералами, которые к тому же с осуждением относились к репрессивным мерам властей, еще более усложняли положение правительства. Вдобавок к этому, к середине 1890-х годов либералы начали выказывать готовность присоединиться к радикалам в борьбе с существующим политическим

режимом. Эта тенденция проявилась особенно отчетливо, когда, после более десятка лет разобщенности вследствие распада «Народной воли», представители различных группировок антиправительственного лагеря стали искать пути к объединению своих сил в единую мощную политическую организацию, к определению современных принципов идеологии и тактики борьбы с самодержавием. Их первой сравнительно удачной попыткой такого рода стало создание в сентябре 1893 года Партии народного права. Это недолговечное и разнородное по составу образование включало в себя и революционеров и либералов, что и стало главной причиной неспособности Партии сформулировать свою позицию по вопросу о революционном терроре(21). Партия народного права была разгромлена полицией в апреле 1894 года, но она создала прецедент для формирования в Российской империи политических партий современного типа. Политическая активность вступила в новую фазу своего развития, во время которой возникли все главные радикальные антиправительственные организации начала XX века, в том числе основанная в 1901 году Партия социалистов-революционеров.

Создание ПСР, с ее откровенно протеррористической позицией, теоретическим обоснованием террора как формы борьбы с правительством и усовершенствованной организационной структурой, привело к увеличению числа политических убийств в России. Заметно увеличилось число террористов и сочувствующих им: никогда не было нехватки людей, желавших участвовать в эсеровском терроре(22). Не менее важным было и создание эсерами сильной технической базы для проведения удачных террористических акций.

Начать с того, что эсеры теперь могли рассчитывать на более основательную финансовую поддержку и направили особые усилия на добывание денег в России и особенно за границей, достигая в этом деле большого мастерства(23). Далее, меценаты, желавшие поддержать российское революционное движение, предпочитали жертвовать

большие суммы денег в пользу не мелких экстремистских группировок или отдельных террористов, а организованной политической партии(24). Постоянно пополняющаяся партийная казна позволяла эсерам не только содержать своих боевиков, но и широко закупать оружие и взрывчатые вещества для террористических акций. И наконец, организация разветвленной партийной сети значительно облегчила задачу незаконного ввоза оружия и динамита в Россию из-за границы.

Такая же ситуация складывалась и в случаях, когда другие радикальные группировки становились организованными политическими партиями(25).

Научный прогресс и технические нововведения облегчали производство оружия и взрывных устройств, что также способствовало распространению насилия. Современники отмечали, что производство бомб приобрело огромные масштабы, а техника в этой области достигла таких успехов, что теперь любой ребенок мог сделать взрывное устройство из пустой консервной банки и аптечных препаратов. Во всех городах открывались мастерские по изготовлению бомб(26). Неудивительно, что люди стали говорить о взрывных устройствах как о повседневных вещах, и прозвание ручной гранаты — «апельсин» — прочно вошло в речь того времени(27). «Осторожно, апельсины», — было шуткой дня, по рукам ходило много шуточных стихотворений на эту тему, например:

Боязливы люди стали — Вкусный плод у них в опале.

Повстречаюсь с нашим братом — Он питает страх к гранатам.

С полицейским встречусь чином — Он дрожит пред апельсином(28).

Появились афоризмы по поводу взрывных устройств: «Счастье подобно бомбе, которая подбрасывается: сегодня — под одного, завтра — под другого»(29). Шутки шутками, но этот черный юмор зачастую отражал общее недовольство социальной, экономической и

политической действительностью. Один популярный анекдот высмеивал министра финансов графа Сергея Витте, который якобы решил заменить золотые деньги динамитом, поскольку динамит течет в Россию, а золото — утекает(30).

Всплеску террористических настроений в начале века предшествовал период относительного спокойствия, который начался после убийства членами «Народной воли» Александра II в 1881 году. Несмотря на продолжавшуюся подпольную агитацию насильственных действий изолированными революционными группировками, в России за это время не было совершено ни одного крупного террористического акта (за исключением неудавшегося покушения на жизнь Александра III 1 марта 1887 года, предпринятого группой подпольщиков, в которую входил старший брат Ленина Александр Ульянов). Таким образом, время между этим покушением и серединой 1890-х годов было затишьем перед бурей. До самой смерти Александра III осенью 1894 года продолжатели дела «Народной воли» намеревались свести счеты с человеком, в котором они видели виновника разгула тирании в стране. В 1893 году, например, полицейские агенты сообщали о подготовке террористического акта «первостепенной важности»(31). Естественная смерть Александра III не остановила сторонников террора, особенно находившихся за границей; они продолжали вынашивать планы крупных убийств сразу же после воцарения Николая II, еще перед тем, как новый царь определил свою политику; в центре этих планов по-прежнему стояло цареубийство. Другие заговорщики продолжали разработку новых взрывных устройств — бомб, начиненных гвоздями. Все же решено было ничего не предпринимать до коронационных торжеств, чтобы дать Николаю шанс объявить курс на политические реформы и уступки оппозиции(32). Когда же новый царь заявил, что он будет неуклонно продолжать политику своего отца, цареубийство снова стало главной целью всех сторонников террора(33). Эта цель была, однако, неосуществима и абстрактна, хотя и оставалась излюбленной и нежно лелеемой мечтой

этого поколения радикалов. Их фантазии на эту тему доходили до невероятных проектов вроде сооружения летательного аппарата для сбрасывания бомб на Зимний дворец(34).

В это же время большое число революционеров, наиболее ярким из которых был живший тогда в Лондоне и вскоре ставший знаменитостью Владимир Бурцев, начали открыто говорить о том, что пришло время для новой волны политического терроризма, подобной событиям 1879–1881 годов, и даже более мощной. Не оставляя мысли о цареубийстве, они теперь рассматривали и менее важных государственных деятелей как подходящие объекты для террора(35).

В России же небольшая экстремистская группа, образованная в начале 1901 года, члены которой называли себя социалистами-террористами и своей главной целью ставили проведение террористических выступлений, объявила своей первой задачей убийство министра внутренних дел Дмитрия Сипягина. Резолюция этой группы показывает, как важно для ее членов было общественное мнение: они объясняли свой выбор жертвы в частности тем, что убийство реакционного министра получит полное одобрение со стороны не только оппозиции, но и всего русского общества. После Сипягина эта группа намеревалась убить обер-прокурора Синода Константина Победоносцева и только тогда, набравшись боевого опыта, обратиться к планам покушения на жизнь Николая 11(36).

До образования Партии эсеров анархисты и представители неонароднических кругов, верные идеям разгромленной «Народной воли», были особенно активны в разработке планов политических убийств(37). Практика терроризма постепенно распространилась и на окраины империи, к примеру — на Польшу, где члены Польской социалистической партии уже с конца XIX века время от времени уничтожали «врагов революции», в том числе полицейских осведомителей и штрейкбрехеров. Некоторые еврейские

антиправительственные группы также начали говорить о необходимости создания боевых организаций и вступления на путь террористической борьбы(38). Но большая часть немногочисленных терактов этого времени все-таки была совершена боевиками нового типа: малоизвестными лицами, экстремистами с неопределенными идейными убеждениями, не принадлежавшими ни к каким организациям и действовавшими по собственной инициативе(39). Уже к 1897 году некоторые из таких лиц прибегали к беспорядочному насилию по сугубо личным мотивам. В одном случае некий рабочий Андреев, уволенный с предприятия, выразил свое недовольство социально-экономическим порядком нападением на представителя режима — армейского генерала, приехавшего на концерт в Павловск(40). Некоторые акты индивидуального террора в это время имели более ясно выраженную политическую направленность; самый известный из них — убийство 4 февраля 1901 года консервативного министра образования Н.П.Боголепова студентом Петром Карповичем, незадолго до того исключенным из университета(41). Это было первое политическое убийство в XX веке. Вероятно, основное значение этого теракта было в том, что он оправдал предсказание, сделанное ранее несколькими приверженцами террористической деятельности: первая удачная бомба соберет под знамя террора тысячи сторонников, и тогда денежные средства потекут рекой(42). Российские радикалы явно устали от вечных споров по теоретическим и программным "опросам, считая эти прения пустой тратой времени и сил. Все больше преобладало мнение, что «пока правит деспот, пока все в стране решает самодержавное правительство, никакие дебаты, программы, манифесты не помогут. Необходимо действие, настоящее действие… и единственно возможное действие при нынешних условиях — это самый широкий, разносторонний террор»(43).

Чрезвычайно знаменательно, что некоторые радикалы своими терактами стремились спровоцировать усиление репрессий, рассчитывая, что это усугубит общественное

недовольство и приведет ко всеобщему восстанию(44). Таким образом, неудивительно, что в ситуации, когда в России все чаще раздавались голоса в пользу террора, летом 1901 года, еще до вызванной образованием партии эсеров новой волны общественной поддержки террористической тактики, представители царской администрации боялись, что революционная деятельность в стране вскоре выльется в целую серию терактов(45).

Итак, радикалы были готовы взять в руки оружие и динамит; сердца и душевные силы революционеров в России были напряжены до предела; все антиправительственные силы ждали сигнала к началу главной экстремистской кампании, первого удара «вечевого колокола», зовущего к открытой революционной борьбе(46). Их терпение испытывалось недолго. Долгожданный сигнал к действию прозвучал в воскресенье 9 января 1905 года.

События «кровавого воскресенья», когда правительственные войска убили и ранили сотни рабочих и членов их семей, направлявшихся к Зимнему дворцу с петицией царю, обычно считаются началом революционного процесса(47). Этот эпизод достаточно полно освещен в историографии в контексте сложных социальных, экономических, политических и дипломатических факторов, приведших к постепенной радикализации российской политики. По всей империи действия революционеров подчинялись закономерности, подмеченной учеными, занимающимися проблемами политического насилия: «Когда непопулярный… режим… испытывает неудачи и проявляет признаки разложения, определенные подпольные или эмигрантские группы могут попытаться ускорить его падение с помощью кампании террора. Такие группы особенно охотно прибегают к террору в периоды перемен»(48). Принимая во внимание усугубляющиеся проблемы как в деревне, так и в городе, общий процесс модернизации и изменение политического сознания, а также неожиданные и разрушительные последствия русско-японской войны 1904–1905 годов, приведшие к революции, необходимо все же подчеркнуть (как это делают и некоторые другие историки), что объективные

обстоятельства сами по себе не являются достаточным, а возможно, даже и необходимым условием возникновения терроризма(49).

Российский терроризм распространился в то время, когда, по словам Вильяма Брюса Линкольна, «убийства, самоубийства, сексуальные извращения, опиум, алкоголь были реалиями русского Серебряного века»(50). Это был период культурного и интеллектуального брожения и декадентства, когда многие мечущиеся бунтующие умы под влиянием жажды модного тогда артистического экстаза искали поэзию в смерти(51). Для растущего числа образованных людей, отвергших не только официальную Православную Церковь, но и самые основы веры и духовности вообще, экспериментирование с разными суррогатами стало стилем жизни. Эти поиски новой идеологии привели многих к принятию идеи революции в качестве подходящей интеллектуальной формулы, конструирующей их мировоззрение и направляющей их действия. Около 1905 года наиболее тонкие и восприимчивые люди (часто — представители литературной среды) начали предсказывать неизбежный крах традиционного уклада. Их пессимизм отражал не только предчувствие приближающегося политического кризиса, но и более глубокое ощущение духовной катастрофы, постигшей страну. Для некоторых, например, для крупнейшего поэта современности Александра Блока, было очевидно: революционное кровопускание стало обычным явлением потому, что нужен какой-то иной высший принцип. А поскольку такового нет, бунт и насилие всякого рода занимают его место(52). Очевидно, что чисто политическое решение не могло разрешить внутренние конфликты российского общества.

Неудивительно поэтому, что, несмотря на распространенное мнение о том, что «оружие политического насилия будет вырвано из рук» экстремистов установлением конституционного строя (53), террористические акты не прекратились после опубликования Манифеста 17 октября 1905 года, гарантировавшего соблюдение

основных прав человека для всех граждан России и представлявшего законодательную власть Государственной думе. Революционеры рассматривали эту уступку как признак слабости (чем она на самом деле и была) и, ободренные, бросили все силы на свержение существующего строя. «Наихудшие формы насилия проявились только… после опубликования Октябрьского манифеста»(54), когда действия радикалов, направленные на ослабление государства вплоть до его падения, превратили страну в кровавую баню. Мало кто мог оставаться беспристрастным свидетелем этих событий: были дни, «когда несколько крупных случаев террора сопровождались положительно десятками мелких покушений и убийств среди низших чинов администрации, не считая угроз путем писем, получавшихся чуть ли не всяким полицейским чиновником;…бомбы швыряют при всяком удобном и неудобном случае, бомбы встречаются в корзинах с земляникой, почтовых посылках, в карманах пальто, на вешалках общественных собраний, в церковных алтарях… Взрывалось все, что можно было взорвать, начиная с винных лавок и магазинов, продолжая жандармскими управлениями (Казань) и памятниками русским генералам (Ефимовичу, в Варшаве) и кончая церквами» (55).

Список наиболее сенсационных террористических актов, совершенных в первые годы XX столетия и направленных против ведущих политических деятелей, впечатляет, но он не передает всего огромного размаха этого явления. Были убиты несколько выдающихся членов правительства, среди них — в апреле 1902 года министр внутренних дел Сипягин, в июле 1904 года — его преемник на этом посту Вячеслав фон Плеве, а в феврале 1905 года — даже дядя царя, московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Однако это все были только отдельные акты террора, большинство из которых были проведены одной террористической группой — Боевой организацией партии эсеров. Когда же с началом революции 1905 года все виды насилия приобрели массовый характер, политические убийства и акты экспроприации также стали

совершаться в массовых масштабах.

В борьбе за сохранение существующего порядка государство оказалось перед лицом целого ряда противников: крестьян, убивавших помещиков и жегших имения; рабочих, бастовавших и сражавшихся на баррикадах; солдат и матросов, стрелявших в своих офицеров и бросавших их за борт; представителей различных нерусских народностей, восстававших с оружием в руках против имперских властей на окраинах страны; когорт радикалов, готовых к любым насильственным действиям, захватывавших контроль над целыми городами, и интеллигенции, в целом приветствовавшей смуту. В этих условиях широко распространенный терроризм одновременно был и результатом, и катализатором внутреннего российского кризиса. С одной стороны, индивидуальные убийства и акты экспроприации играли главную роль в подрыве политической и экономической основы царизма, затрудняя попытки развернуть эффективную антиреволюционную войну на нескольких фронтах. С другой стороны, терроризм смог достичь таких чудовищных размеров только вследствие целого комплекса революционных событий в России — событий, которые многие современники называли «кровавой анархией» или просто «огромным сумасшедшим домом»(56).

РАЗМАХ ТЕРРОРА

О размахе революционного террора можно судить даже по неполной доступной статистике, которая ясно показывает, что в России в первое десятилетие XX века политические убийства и революционные грабежи были действительно массовыми явлениями. За один год, начиная с октября 1905-го, в стране было убито и ранено 3611 государственных чиновников(57). Созванная в апреле 1906 года   Государственная дума

не смогла остановить террор, который наряду с различными формами революционных беспорядков охватил Россию в 1906 и 1907 годах. К концу 1907 года число государственных чиновников, убитых или покалеченных террористами, достигло почти 4 500 (58). Если прибавить к этому 2 180 убитых и 2 530 раненых частных лиц, то общее число жертв в 1905–1907 годах составляет более 9 000 человек (59). Картина поистине ужасающая. Подробная полицейская статистика показывает, что, несмотря на общий спад революционных беспорядков к концу 1907 года (года, в течение которого, по некоторым данным, на счету террористов было в среднем 18 ежедневных жертв(60)), количество убийств оставалось почти таким же, как в разгар революционной анархии в 1905 году. С начала января 1908 года по середину мая 1910 года было зафиксировано 19 957 терактов и революционных грабежей, в результате которых погибло 732 государственных чиновника и 3 051 частное лицо, а 1 022 чиновника и 2 829 частных лиц были ранены. За весь этот период по всей стране на счету террористов было 7 634 жертвы (61).

Подсчитывая общее число жертв, необходимо принимать во внимание не только случаи политических убийств, совершенных до 1905 года, но также и теракты 1910 и 1911 годов, кульминацией которых стало смертельное ранение премьер-министра Столыпина 1 сентября 1911 года, и все последующие предприятия террористов, вплоть до последних зафиксированных террористических заговоров в 1916 году.

Кажется вполне вероятным, что в общем хаосе революционной ситуации значительное число терактов местного значения не было нигде зафиксировано, не попав ни в официальную статистику, ни в хронику революционного движения. Мы поэтому считаем возможным утверждать, что за это время жертвами революционного террора стали всего около 17 000 человек.

Эти цифры не отражают ни числа политически мотивированных грабежей, ни экономического ущерба, наносимого актами экспроприации, которые стали после 1905 года источником постоянного беспокойства властей. По словам одного либерального журналиста, грабежи совершались каждый день «в столицах, в провинциальных городах, в областных центрах, в деревнях, на больших дорогах, в поездах, на пароходах… (экспроприаторы) забирают суммы в десятки тысяч, но не брезгуют и отдельными рублями» (62). Известно, что в октябре 1906 года в стране было совершено 362 политически мотивированных грабежа, а в один только день 30 октября департамент полиции получил 15 сообщений об актах экспроприации в различных государственных учреждениях. Согласно подсчетам Министерства финансов, только с начала 1905 и до середины 1906 года революционный бандитизм нанес имперским банкам ущерб более чем в 1 миллион рублей (63). В течение одного года, с октября 1905-го, был совершен 1 951 грабеж, из которых 940 были направлены против государственных и частных финансовых учреждений. В 1 691 случае революционеры сумели избежать ареста, что прибавило им смелости в совершении крупных экспроприации; считается, что в этот период времени экспроприаторы присвоили 7 миллионов рублей (64). Как и в случае с политическими убийствами, даже после некоторого успеха в борьбе правительства с революционными грабежами последние продолжали совершаться на территории всей империи, теряя в конце концов связь с политическими событиями и с массовыми беспорядками. За две недели с 15 февраля по 1 марта 1908 года приблизительно 448 000 рублей попало в руки революционеров(65). Со временем экстремисты приобрели опыт и умение, позволявшие им в некоторых случаях захватывать сотни тысяч рублей единовременно(66).

Государственные и частные финансы страдали также от психологического давления на население актами экспроприации. Многие граждане полагали небезопасным вкладывать

свои деньги в какие бы то ни было финансовые учреждения. Этот страх отображен в популярной шутке — определении банка в выдуманном Новейшем Энциклопедическом Словаре: «В прежнее время банком называлось хранилище денег»(67). Скоро, по мере учащения актов грабежей, стало так же небезопасно хранить деньги дома. После 1905 года к огромной сумме экспроприированных государственных денег необходимо прибавить сотни тысяч рублей, конфискованных радикалами у частных лиц якобы для политических целей.

В XIX веке каждый акт революционного насилия был сенсацией. После же 1905 года такие террористические нападения стали совершаться столь часто, что многие газеты перестали печатать подробности о каждом из них. Вместо этого в газетах появились целые Разделы, посвященные простому перечислению актов насилия. В этих разделах ежедневно публиковались списки политических убийств и актов экспроприации на территории империи(68). Все эти революционные действия после 1905 года стали частью повседневной российской жизни, отражая то, что даже некоторые радикалы характеризовали как массовый психоз и «эпидемию боевизма»(69)

Этой эпидемией были охвачены и окраины России может быть, даже больше, чем центральные области Особенно это было заметно на Кавказе, после обнародования Октябрьского манифеста захлестнутого волной кровопролития и анархии. Представители царской администрации на местах оказались не в состоянии удержать под контролем ухудшающуюся ситуацию на Кавказе, где открыто распространялись экстремистски листовки и брошюры, ежедневно происходили массовые антиправительственные митинги, а радикалы с полной безнаказанностью собирали огромные пожертвования на дело революции. Вооруженный человек. на улице стал явлением обычным, и царские власти были бессильны перед боевыми организациями, члены которых даже не пытались скрыть свою личность или род занятий; грабежи, вымогательства и убийства происходили

чаще, чем дорожные происшествия(УО).

Доступные нам статистические данные позволяют только очень приблизительно оценить размах политического террора в этом регионе. Такая информация поступала с окраин нерегулярно, и власти в С.-Петербурге часто заносили случаи революционного насилия в общие списки уголовных преступлений. Особенно относится это к годам после 1907-го, когда Министерство внутренних дел насчитало на Кавказе 3 060 терактов, из которых 1 732 было классифицировано как грабежи, в результате которых 1 239 человек погибли и 1 253 были ранены. Эти цифры Министерства были явно завышены, так как они включали жертвы непрекращавшейся борьбы между армянами и мусульманами, но и данные местных властей не более надежны. Стремясь оправдать свою политику и смягчить впечатление от своей бездеятельности и некомпетентности, русский наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков приводил заниженную статистику: 689 терактов в 1907 году, в результате которых, как он сообщал, погибло 183 официальных и 212 частных лиц, а еще 90 официальных и 213 частных лиц было ранено. Уверяя, что в создавшейся ситуации невозможно отличить политические грабежи от обычных, Воронцов-Дашков докладывал общие данные по бандитизму в регионе: 3 219 в 1905 году, 4 138 в 1906 году и 3 305 в 1907 году. Несмотря на то, что к этим цифрам надо подходить осторожно, даже приблизительные сведения о размахе насилия на Кавказе говорят сами за себя, как и тот факт, что в промышленном центре Армавире террористы, заявлявшие о своей принадлежности к различным революционным организациям, убили средь бела дня 50 местных коммерсантов за один апрель 1907 года. К этому времени доход экстремистов от экспроприации только в этом городе достиг почти 500 000 рублей(71).

В то время как в российских столицах и крупных городах наиболее активной участницей террора была партия эсеров, на Кавказе за большую часть терактов несла ответственность Армянская революционная партия Дашнакцутюн (Единство). Эта

организация, основанная на Кавказе в 1890 году и действовавшая под лозунгом «Свобода или смерть», к 1903 году сумела набрать силу и привлечь симпатии местного населения, во многом благодаря своей националистической направленности. Сначала основные усилия этой партии были направлены на освобождение армян, живущих под турецким владычеством. В этом она пользовалась поддержкой царского правительства в рамках общей политики России по отношению к Турции. Однако после того, как императорским указом от 12 июня 1903 года имущество Армянской Церкви было передано под контроль имперских властей (что подрывало экономическую базу армянских националистических сил во главе с Дашнакцутюн), партия заняла воинственную антирусскую позицию .

Положение партии как объединяющей силы для угнетенного и разъединенного народа объясняло ее огромную популярность среди всевозможных патриотических групп на территории русской Армении. Дашнакцутюн смогла организовать многочисленные, хорошо вооруженные боевые силы, состоявшие главным образом из тысяч армянских беженцев из Турции — молодых, бездомных, ничего не имевших бродяг без семейных связей, которым в 1901 году разрешили селиться в городах русского Закавказья. Большинство из них не имело никакой профессии и умело лишь орудовать кинжалами.

В то. же время партия получала огромные деньги на войну с мусульманами от добровольных и вынуждаемых жертвователей-армян. Эти пожертвования стали особенно щедрыми после начала настоящей гражданской войны между армянами и татарами в 1905 году(73).

Революционное восстание 1905 года привело к расколу в движении Дашнакцутюн. В то время как правые элементы в партии по-прежнему стремились к борьбе с турками и к объединению армян под защитой российского правительства, левые, под влиянием

российской эсеровской идеологии и тактики, присоединились к другим радикальным силам в борьбе против самодержавия. Их социальные, экономические и политические требования включали самоопределение для всего армянского народа. Эти дашнакские революционеры, закаленные в кровавых боях с турками и татарами, добились верховенства в партии, определяя ее решения и в то же самое время подчиняя себе путем жестокого насилия целые местности на Кавказе.

Дашнаки физически уничтожали своих политических противников, а также принуждали богатых людей платить определенный налог (доходивший иногда до восьми тысяч рублей в год) в пользу партии Дашнакцутюн. Они покупали оружие, оборудовали лаборатории по изготовлению бомб и брали на себя административные судебные функции, наказывая всех тех, кто обращался за помощью к законным властям, а не к местным революционным комитетам. В некоторых случаях у полиции не было иного выхода, как признавать всемогущество партии, вступать в переговоры с ее представителями и сотрудничать с ними в решении наиболее острых проблем(74).

К началу 1907 года дашнаки потеряли популярность и былую поддержку большей части населения из-за своей практики повального насилия, продолжающегося несмотря на возвращение конфискованного ранее царскими властями церковного имущества Армянской Церкви. Это не помешало Дашнакцутюн оставаться главной виновницей террора в Закавказье, по крайней мере до 1909 года(75). В то же время после 1905 года революционная ситуация в Армении, Грузии и других областях региона породила различные более мелкие и менее организованные экстремистские группы и отдельные боевые отряды, некоторые из них определяли свою суть вполне откровенно, например группы «Ужас» или «Смерть капиталу» (анархисты-коммунисты). Обе эти группировки придерживались тактики дашнаков(76). В грузинском городе Телави примеру дашнаков следовала «Красная сотня», военизированная организация неопределенно-радикального

направления, которая приговаривала к смерти своих противников, вымогала деньги в окрестных деревнях и принуждала местное население прекращать выплаты налогов государству. Для многих из этих террористических группировок национальные цели превалировали над социально-экономическими. Так, Кавказский Всемусульманский Союз Дфаи, образованный в августе-сентябре 1906 года, использовал тактику убийств в борьбе с армянским влиянием и русификацией, проводимой имперскими властями(77).

В это же время увеличивалось число кавказских террористов нового типа — не входивших ни в одну партию и не исповедовавших ни одну определенную революционную идеологию. Многие из них быстро стали главарями малочисленных, но свирепых полууголовных банд, называвших себя просто борцами за свободу или анархистами. Эти банды терроризировали целые области. Успеху Дашнакцутюн, других радикальных образований и отдельных экстремистов (некоторые из них, к слову, были отпрысками местных аристократических семей) во многом способствовало то, что используемые ими методы террора обычно включали в себя традиционные для региона формы насилия и бандитизма, такие, как сжигание посевов и запрет на уборку урожая, похищение женщин, требование огромных выкупов за похищенных детей и, конечно, кровная месть(78).

Революционный террор в Царстве Польском был окрашен в националистические цвета даже больше, чем на Кавказе. Вся история Польши, в отличие от истории большинства кавказских областей, была отмечена стойким отказом признавать русское владычество. К началу века борьба поляков за национальное освобождение стала уже давней традицией и главной заботой почти всех польских политических деятелей, как умеренных, так и радикальных. Для большинства революционеров национально-освободительная борьба перевешивала преданность идеям социализма, и в то время, как имперские власти могли иногда использовать в своих целях разрозненность и взаимную враждебность различных

национальностей в Закавказье, для них гораздо большую опасность представляла Польша, объединенная в своем стремлении к независимости.

Статистические данные о жертвах террора в Польше, хотя и неполные, так же показательны, как и на Кавказе. В 1905–1906 годах террористы убили 790 военных, жандармских и полицейских офицеров и ранили 864. В ходе боевых операций экстремисты взорвали 120 бомб и других взрывных устройств, убив или ранив 142 человека. Согласно более подробным данным, только в Варшаве в 1906 году было убито 83 полицейских и военных офицера и 96 было ранено. Таким образом, каждый месяц 15 официальных лиц становились жертвами революционного террора. Эти цифры не включают жертв среди гражданского населения и не отображают масштабности всплеска политических убийств и актов экспроприации после 1906 года (79). Согласно одному правительственному источнику, в Варшавском округе с октября 1905 года до конца февраля 1908 года террористами было убито или ранено 327 официальных и 631 гражданское лицо: за тот же промежуток времени в других польских округах жертвами революционного террора стали еще 1 009 официальных и гражданских лиц- (80).

Так же, как и на Кавказе, в Польше действовал; сильная организация, сделавшая после 1904 года политические убийства и экспроприации своей главной тактикой, — Польская социалистическая партия (ППС), которая была основным источником террора в регионе в последующие годы. 31 октября 1904 года члены этой партии дебютировали в массовых боевых действиях, совершив ряд одновременных террористических нападений на варшавских полицейских. Через несколько месяцев на V съезде партии террор был признан официальной тактикой борьбы с врагами польского народа. Несмотря на свою приверженность социалистическим принципам, партия на этом съезде не рекомендовала использовать террор против буржуазии, кроме как в случаях, когда отдельные лица способствовали бы контрреволюции, обращаясь за помощью к полиции или армии.

Польская социалистическая партия видела в политических убийствах не просто инструмент мести и уничтожения видных сторонников репрессий, а чрезвычайно эффективный способ дестабилизации российской имперской власти в Польше. В соответствии с этой точкой зрения съезд санкционировал создание специального боевого отдела партии, чье сокращенное польское название «Боювка» (Bojowka) очень скоро стало идентифицироваться с волной политического насилия(81).

Как и в других частях империи, в Польше революционеры считали уступки Октябрьского манифеста недостаточными и только усилили свою террористическую деятельность после его обнародования, распространяя террор из Варшавы на все польские местности. Их действия вскоре стали включать в себя покушения на жизнь ц имущество капиталистов и богатых землевладельцев, а также акты экспроприации банков, магазинов, почтовых контор и поездов(82). Партия нуждалась в большем числе боевиков и в этих целях предпринимала серьезные усилия для вербовки потенциальных террористов среди крестьян, призывая их организовывать местные отряды по типу «Боювки». Более того, в 1906 году в Кракове открылась подпольная боевая школа, в которой специальные инструкторы тренировали для партии новых боевиков(83).

Руководство партии, несмотря на строгую партийную структуру, не могло эффективно ограничивать стремление террористов, бывших поначалу под его контролем, к самостоятельности. Все чаще боевики действовали независимо от центрального комитета, сами решая, кто является их врагом. Очень немногие из них руководствовались в своих действиях дальними политическими целями. Время от времени они выбирали жертву — какого-нибудь известного представителя российского правительства в Польше — для проведения хорошо спланированного и громкого теракта, как это было, например, летом 1906 года, когда было совершено покушение на жизнь варшавского генерал-губернатора Скалона; но в подавляющем большинстве случаев боевиками двигала

личная ненависть и жажда мести по отношению к подозреваемым в сотрудничестве с полицией, городовым, казакам, охранникам, тюремным надзирателям и солдатам. Жертвами террористов становились также мелкие гражданские чиновники — безликие слуги порядка, с которыми экстремисты часто имели свои счеты и которых убивали en masse (84).

Многие из этих актов, включая чисто символические (такие, как подкладывание бомб в церкви и под памятники русским солдатам, погибшим во время польского восстания в 1863 году(85)), вполне соответствовали общей политике партии. Это относится и к печально известной «кровавой среде» 2 (15) августа 1906 года, когда террористы ППС совершили нападения на полицейские и военные патрули одновременно в разных частях Варшавы, убив 50 солдат и полицейских и ранив вдвое больше(86). Тем не менее, хотя за 1905–1906 годы боевые действия польских социалистов заметно ослабили российский контроль в Царстве Польском, террористы все чаще подвергались критике со стороны более умеренных членов партии, недовольных их неразборчивостью в выборе жертв и их личным поведением. Эти нападки усугубили внутрипартийные конфликты и приблизили намечавшийся раскол партии(87).

Официальный разрыв произошел на X партийном съезде в начале 1907 года, когда ППС раскололась на две фракции. Большая из них и более умеренная, «девица» (Lew ca, левая), переместила фокус с борьбы за независимость Польши на установление социалистического строя, приблизившись таким образом к польским социал-демократам. Вторая, более радикальная группа, парадоксально называвшаяся «правица» (Praw ca, правая), была известна как революционная фракция. Не отказываясь от социалистических идей, эта группа отодвигала их на второй план, стремясь к главной первоначальной цели партии — независимости Польши. На съезде обсуждались также и различия в тактике. Умеренные члены партии решили не применять никаких

террористических методов, в то время как радикальные националисты, в число которых входили члены «Боювки» во главе с Юзефом Пилсудским (будущим главой польского государства), пропагандировали широкий террор и экспроприацию как средство дезорганизации и ослабления российских властей в Польше. Это экстремистское меньшинство считало себя единственным законным наследником Польской социалистической партии и немедленно приступило к осуществлению новой кампании террора(88).

Вакханалия убийств и революционных грабежей свирепствовала по всей Польше(89). ППС была самой крупной и наиболее активной террористической организацией в регионе, но были и другие группы, использовавшие в своих политических целях убийства и экспроприации. Одной из них была Польская социалистическая рабочая партия, члены которой покинули революционную фракцию ППС в ноябре 1907 года в знак протеста против деспотического контроля лидеров-интеллигентов над деятельностью членов из среды рабочих. Утверждая, что пролетарии должны взять дело освобождения в собственные руки, эта маленькая группа, чья программа почти ничем не отличалась от программы ППС, давала своим боевикам полную свободу инициативы.

Еще в 1900 году от ППС откололась ППС-«Пролетариат», главным образом из-за принятия тактики систематического террора, чему тогда ППС не сочувствовала. Члены «Пролетариата» настаивали на том, что польское восстание обречено, если оно не станет составной частью всероссийской революции, которая должна привести к федеративному государству, где Польша будет отдельной республикой. В конечном итоге эта партия надеялась объединить все польские территории в единую республику в составе воображаемых Соединенных Штатов Европы. В духе своих смутно-социалистических целей, «Пролетариат» являлся сторонником не только убийств российских официальных лиц, но и экономического террора, призванного защитить

трудящихся от капиталистов, директоров фабрик, управляющих и других «эксплуататоров». В 1905–1906 годах партия использовала террористические методы в поддержку забастовок и время от времени организовывала политические убийства. Несмотря на свои радикальные лозунги, «Пролетариат» не смог соперничать в широте террора с Польской социалистической партией, и многие ее члены вернулись к 1907 году в ряды ППС(90).

Свою лепту в разгул насилия в Польше внесли и различные несоциалистические группировки, наиболее радикальной из которых была националистическая организация «Национальный рабочий союз» (Zw azek robotn czy narodowy). Союз стоял на воинствующих антирусских позициях, что привело к решению проливать кровь не только предателей, но всех, кто препятствует счастью родины. Хотя своевременные действия полиции предотвратили приведение в исполнение смертных приговоров, вынесенных союзом некоторым российским официальным лицам, группа все же совершила несколько удачных терактов против русских школьных инспекторов, протестуя таким образом против имперской политики насильственной русификации польской молодежи(91).

Другие польские организации, практиковавшие террор в те годы, включали в себя различные анархические и полуанархические группы, такие, как Варшавская группа интернационала анархистов-коммунистов. Их действия, как и действия их единомышленников в России и на Кавказе, сводились главным образом к совершению налетов и метанию бомб в окна богатых граждан в целях вымогательства; подобные деяния продолжались и после спада революционной волны в 1907 году(92).

Дашнакцутюн и Польская социалистическая партия были самыми внушительными террористическими организациями на окраинах. Тем не менее и в Прибалтике число насильственных действий в это время неожиданно выросло, хотя, в отличие от Польши и

Кавказа, в этих регионах ранее не наблюдалось открытых выступлений против имперских властей. За два года (к январю 1906) городская полиция только в одной Риге потеряла 110 человек — больше четверти своего состава — в результате нападения экстремистов(93). И в этом случае статистика показывает всплеск террористической деятельности после опубликования Октябрьского манифеста: в то время как в сентябре 1905 года в Риге было совершено 69 актов политического террора, в октябре — 64 (включая акты экспроприации), в ноябре число их увеличилось более чем вдвое и составило 143(94). В 1907 году директор имперского Департамента полиции сообщил в Государственной думе, что в двух прибалтийских губерниях — Лифляндской и Курляндской — было совершено 1 148 терактов, в результате чего погибли 324 человека, главным образом полицейские и солдаты(95). Согласно официальным данным канцелярии генерал-губернатора, в Прибалтике в 1905–1906 годах было зафиксировано 1 700 террористических актов и 3 076 вооруженных нападений(96).

Эта внезапная эскалация терроризма в Прибалтике напоминала порочный круг. Даже оппоненты правительства не отрицали того факта, что в ответ на спровоцированные революционерами многочисленные забастовки, демонстрации и насильственные действия власти были вынуждены применять особо жесткие репрессии — такие, как объявление военного положения в некоторых областях и широкое использование армии для подавления мятежников(97). В свою очередь радикалы все с большим рвением и жестокостью совершали нападения на государственных чиновников. Это опять же вело к усилению репрессивных мер со стороны Петербурга и местных представителей власти, многие из которых были потомками немецкой знати, издавна игравшей главную роль в этом регионе. Таким образом, взаимная вражда в Прибалтике не прекращалась, и в то время, как усиливавшаяся кровавая борьба между революционерами и властями несла смерть и разорение местному населению, многие стали видеть в представителях

царского режима чужеземных захватчиков, против которых все средства, включая террор, казались хороши. Тяжесть внутреннего кризиса отразило выдуманное анекдотическое объявление в газете: «В скором времени здесь открывается выставка революционного движения в Прибалтийских губерниях. В числе экспонатов будут, между прочим, находиться: настоящий живой латыш, неразрушенный немецкий замок и неподстреленный городовой»(98).

В Прибалтике революционное насилие более всего было распространено в Латвии, где радикалы-социалисты и анархисты ежедневно совершали акты террора и экспроприации в Риге и других городах(99); некоторые районы почти полностью контролировались экстремистами. Как и дашнаки на Кавказе, члены различных радикальных организаций, объединившихся в латвийской столице в Федеративный рижский комитет, не только руководили забастовками фабричных, железнодорожных, почтовых и телеграфных рабочих, но и брали на себя функции городской администрации, которая почти перестала действовать в результате революционного хаоса. Комитет произвольно назначал свои собственные налоги, запрещал торговлю и проводил наспех подготовленные, но жестко контролировавшиеся судебные процессы, на которые даже адвокаты назначались без согласия обвиняемого. Революционеры выносили смертные приговоры и немедленно приводили их в исполнение, иногда даже еще до решения революционного трибунала. Более того, агенты Комитета присвоили себе право врываться в частные дома, проводить обыски, конфисковывать деньги и личные вещи, решать, какие представители или сторонники старой администрации должны быть казнены; при этом они часто использовали сложившуюся ситуацию для сведения личных счетов. Интересно, что Комитет организовал не только собственную полицию для патрулирования улиц, но и собственную тайную полицию, чьи шпионы должны были выявлять случаи нелояльности по отношению к новой власти. Виновных арестовывали и иногда казнили по обвинениям

вроде «оскорбление революционного строя»(100).

В других прибалтийских городах и районах экстремисты совершали убийства и акты экспроприации столь же часто(101). В сельской местности наиболее активны были так называемые лесные братья — члены военизированных банд, особенно расплодившихся в конце 1905 года и в 1906-м. Большинство лесных братьев составляли бунтовщики и боевики, вынужденные скрываться в латвийских лесах от репрессий со стороны правительства(102). Эти революционеры-партизаны, объединявшиеся обычно в банды по 10–15 человек, происходили главным образом из крестьянской среды, и среди них было немало полууголовных элементов. Они стали широко известны своими молниеносными и кровавыми грабительскими набегами не только на замки и усадьбы местных баронов и богатых помещиков, но и на фермы и деревни, где заставляли местных крестьян предоставлять им провизию, деньги и убежище(ЮЗ). Всех сопротивлявшихся безжалостно убивали. Согласно одному правительственному источнику, в сельских местностях террор применялся против помещиков и управляющих, против православных священников, волостных старшин и их помощников, чиновников и учителей, которые не выполняли требований агитаторов поддерживать бунтовщиков. Таких лиц объявляли «шпионами», приговаривали к смерти и убивали(104). Местная знать, особенно немецкие бароны, с ее сильными военными традициями, начала оказывать сопротивление лесным братьям и организовывать отряды самообороны. Они-то и стали главными мишенями партизан наравне с жандармами, полицейскими и казаками, предпринимавшими отчаянные и поначалу безуспешные попытки остановить насилие и анархию в сельской местности(105). Ради приятной забавы лесные братья не только обворовывали и убивали богатых помещиков и дворян, но и грабили и сжигали усадьбы, что даже некоторые местные революционеры считали вандализмом, так как при этом гибли огромные библиотеки, бесценные картины и другие произведения искусства(106). Согласно данным

центральной власти за зиму 1906–1907 годов, только в Рижском уезде из 130 поместий было разграблено и сожжено 69 (общий убыток — 1,5 миллиона рублей) (107). И тем не менее во многих леволиберальных и неореволюционных кругах лесные братья пользовались известностью и славой местных Робин Гудов. Один мемуарист рассказывает, например, о девушке, принадлежавшей к клубу молодежи из богатых семей, члены которого называли себя якобинцами. Эта девушка объявила о своем желании выйти замуж за своего знакомого — лесного брата, но сначала попросила его убить ее реакционера-отца(108). Революционеры в других прибалтийских губерниях делали все, чтобы не отстать от латышей. К весне 1905 года в почти каждом заметном городе северо-западного края империи были организованы боевые от — ряды(109). Они совершали индивидуальные теракты и нападения на магазины, винные лавки, трактиры, частные дома и церкви. В Эстонии представители социалистических организаций, в том числе и партии эсеров, даже не пытались делать вид, что их действия направлены в первую очередь против крупных государственных чиновников и известных эксплуататоров из буржуазии. Как и лесные братья и другие мелкие террористические группы, они были заняты главным образом грабежами и сведением счетов с мелкими служащими, чиновниками, консервативно настроенными учителями, священниками и вообще со всяким, кого они подозревали в отсутствии сочувствия к их действиям или кто отказывался давать деньги на революцию. Движимые лишь задачами текущего момента, эти террористы нового типа большей частью не утруждали себя раздумьями о более отдаленных целях и были всегда начеку, буде появится в их поле зрения любой «представитель реакции», которого можно убить и ограбить.

До того как в начале 1908 года многочисленные аресты в Эстонии и других прибалтийских областях положили конец массовому террору, многие из этих налетчиков успели поучаствовать в десятках террористических актов и уже плохо помнили, во

скольких именно; не могли они и с уверенностью сказать, что конкретно происходило в ходе каждой отдельной операции(110).

Наименее затронутой террором окраиной империи была Финляндия, в большой степени благодаря ее особому полуавтономному конституционному статусу в Российской Империи. Тем не менее российские экстремисты быстро обнаружили, что они могут без особого риска действовать в Финляндии, до которой было легко добраться от столицы по железной дороге. Все слои финского общества были охвачены сильными сепаратистскими настроениями, многие представители местной финской администрации, даже на самых высоких постах, сочувствовали делу революции; среди полицейских чинов были социал-демократы, и некоторые являлись членами Партии активного сопротивления (Finska Aktiva Motstandspart), схожей по своей тактике с партией эсеров. Никто из них не собирался помогать царскому правительству в борьбе против террористов, которые, по их собственным словам, находили в Финляндии безопасное убежище и чувствовали там себя как рыба в воде(111).

Местные стражи порядка были поразительно внимательны к нуждам радикалов, а полицейские относились к боевикам просто по-товарищески. Финские власти охотно оказывали экстремистам различные услуги, например, арестовывали филеров Охранки как подозрительных лиц, затрудняли выдачу революционеров российским властям, помогали им бежать из-под стражи и даже содействовали в перевозке бомб и динамита(112). Финское образованное общество и прогрессивно настроенная буржуазия практически единодушно поддерживали российское подполье, и в результате этого после 1905 года Финляндия превратилась в огромный склад взрывных устройств, которые экстремисты контрабандой ввозили из-за границы или изготавливали в специально оборудованных лабораториях, а иногда даже испытывали на финской территории(ИЗ).

В Финляндии не было массовой террористической кампании, однако имели место отдельные политические убийства, главным образом в Хельсинки, где революционеры совершили ряд покушений на жизнь государственных чиновников — от генерал-губернатора Бобрикова (3 июня 1904 года) и прокуратора финского сената Ионсона (6 февраля 1905 года) до жандармских офицеров, простых полицейских и солдат(114). Экспроприации, хотя и немногочисленные, тоже имели место; например, 31 августа 1906 года в Выборге радикалы конфисковали у служащего железной дороги 20 000 финских марок(115).

Обзор распространения терроризма в Российской империи был бы неполон без особого рассмотрения беспрецедентного кровопролития в районах еврейской черты оседлости. К 1900 году почти 30 % всех лиц, арестованных за политические преступления, составляли евреи. В то время как в 1903 году из 136-миллионного населения России только 7 миллионов были евреи, среди членов революционных партий евреи составляли почти 50 %, что сильно отличалось от ситуации в 1870-х годах, когда состав национальных меньшинств среди радикалов находился в более близкой пропорции к национальному составу населения в целом(116). Хотя непропорционально большое число евреев среди российских экстремистов — явление сложное и противоречивое, нам кажется, что традиционные объяснения его требуют некоторых поправок.

Историки особо подчеркивали, что для объяснения большого числа евреев среди террористов недостаточно приводить только безусловные факты того, что в Российской империи евреи подвергались притеснениям. Хорошо известно, что, хотя многие молодые евреи и пытались вырваться из своей традиционной, религиозной среды, большинству из них был закрыт доступ в российское общество; они также были ограничены в своих экономических правах, и это толкало их в ряды оппозиции существующей социально-политической системе. В то же самое время, однако, большинство известных еврейских

революционеров и террористов, ассимилировавшись, были полностью интегрированы в российское общество и пользовались всеми экономическими и культурными благами. Десятки менее известных еврейских экстремистов никак не могли сказать о себе, что они находятся в худших социально-экономических условиях, чем большинство членов традиционных еврейских общин, где в 1870-х годах семьи подчас соблюдали недельный траур (шива) по детям, примкнувшим к радикалам, и где в начале XX века многие испугались революции и мечтали, «чтобы министры… повесили всех этих негодяев, которые только и умели, что кидать бомбы»(117). Нам кажется поверхностным подход, при котором притеснение со стороны правительства считается единственной причиной возникновения ситуации, о которой сионист Хаим Вейцман писал в июне 1903 года Теодору Герцлю: «Это ужасающее зрелище… видеть большую часть нашей молодежи — и никто не назовет их худшей частью — приносящей себя в жертву как в припадке лихорадки»(118).

В своих работах об участии евреев в русском революционном движении некоторые мыслители, и прежде всего Николай Бердяев, отмечали, что еврейские радикалы вышли из среды, главными отличительными чертами которой были глубокая, многовековая гордость и духовное бремя сознания своего избранничества, ощущение себя избранным народом. Эти писатели пытались найти корни еврейского радикализма в концепции, лежащей в основе еврейского национального и религиозного самосознания — в мессианской идее. Мессианская же идея, развивающаяся в тесной связи с мечтами о земле обетованной, с попытками преодолеть катастрофу диаспоры и сопутствующие ей несчастья и гонения евреев на протяжении веков, включает в себя веру в то, что спасения и славы добьется в конце концов весь народ Израиля, а не отдельные личности после смерти. Исконное стремление иудаизма к будущему воплощению этой цели может являться ключом к пониманию еврейского склада мыслей, внутренних ресурсов и

движущих сил у лиц, конечно же, не смогших порвать в первом поколении тысячелетнюю связь с еврейскими преданиями, устоями и миропониманием, даже ценой отказа от всяких религиозных форм и собственного атеизма(111).

На деле, разрывая все видимые связи с религией, еврейские радикалы совершали чисто внешнюю подмену понятий, просто приспособляя традиционное мессианское мировоззрение к новой исторической ситуации и современным интеллектуальным нормам. Старые верования выразились в новых и слегка измененных формах, что, может быть, особенно заметно в мироощущении и отправных пунктах исторической концепции Карла Маркса, которого Бердяев назвал очень типичным евреем. Маркс, будучи материалистом, отрицавшим все духовные ценности, лишь несколько преобразовал идею мессии, ведущего народ Израиля к земному раю, в учение, по которому к спасению от несправедливости и угнетения приведет мир новый избранный «народ» — пролетариат(120). Эта переработка знакомых понятий в духе атеистического взгляда на мир (что включало и марксистское определение класса, а не личностей, как единственного активного участника исторического процесса) оказалась чрезвычайно привлекательной для многих российских евреев, которые начали пополнять ряды радикалов в количестве, прямо пропорциональном степени распространения марксизма в конце XIX века в России(111).

Вышеприведенная схема хотя бы частичного объяснения еврейского радикализма ни в коей мере не снимает с российского правительства вины за уход еврейской молодежи в революцию. Этому способствовали и погромы 1880-х годов, и волна антисемитских выступлений в Кишиневе в 1903 году и в Одессе, Минске и Киеве в 1905-м. К тому же, ограничения в экономических правах, в продвижении по социальной лестнице и в делании карьеры (что могло бы стать для многих ассимилированных евреев делом их жизни) буквально толкали их в революцию, на которую они тогда возлагали все свои

надежды(122).

Для евреев интернационалистское учение Маркса с его ориентацией на рабочий класс было более привлекательным, чем ориентирующаяся на крестьян народническая идеология эсеров, которая для многих рядовых еврейских радикалов ассоциировалась с «традиционным русским характером, склонным к погромам, реакции, обскурантизму и славянскому шовинизму». Марксизм не обязывал их порывать со своим еврейским прошлым так решительно, как того требовало народничество, и поэтому среди рядовых эсеров евреи составляли не больше 15 %, хотя среди эсеровского руководства их было, вероятно, больше(123). В то же самое время многие революционеры, как евреи, так и не евреи, хотя и находясь под сильным впечатлением от «научного» подхода марксистов (особенно меньшевиков и бундовцев), никак не могли привести свои эмоции в согласие с марксистским строго рационалистическим мировоззрением, где не было места ничему, кроме абстрактных схем, материалистических расчетов и практического анализа. Горя желанием пострадать и принести себя в жертву за свои новообретенные убеждения, многие молодые еврейские экстремисты — неофиты, не вступившие в определенно «ненаучную» и более склонную к насильственным действиям партию эсеров, — посвящали себя делу максималистов и особенно анархистов, обладавших той притягательной силой, какую для нетерпеливых имеет жестокость методов. Это можно объяснить еще и тем, что из всех революционных направлений анархизм и максимализм, провозглашавшие полное разрушение традиционного общественного устройства необходимой предпосылкой перестройки общества, были наименее абстрактны, не основывались на разработанной теории и не требовали от своих приверженцев чрезмерных интеллектуальных усилий и подготовки; это было удобно для некоторых не слишком образованных еврейских добровольцев, которые часто полуграмотно изъяснялись на идише и почти совсем не читали по-русски. Таким образом, в то время

как многие революционные лидеры предпочитали не использовать евреев в качестве непосредственных исполнителей терактов из опасения вызвать антисемитские настроения, некоторые максималистские и анархистские группы просто не имели другой альтернативы: по своему составу они были почти полностью еврейскими(124). Это явление не ускользнуло от внимания не только антисемитов-консерваторов, но и современных либеральных сатириков, в шутку сообщавших: «Расстреляно в крепости одиннадцать анархистов; из них пятнадцать евреев»(125).

Большая часть террористических актов, приведенных в исполнение евреями, была совершена в районах черты оседлости, где жертвами революционеров, в первую очередь анархистов, были представители местной администрации, главным образом полицейские, казаки и солдаты(126). Проводили они также мелкие акты экспроприации и нападения на местных дельцов, особенно на тех, кто оказывал им сопротивление. В одном таком случае в маленьком промышленном городке Кринки в январе 1906 года фабриканты пытались защититься от анархистов, объединившись в союз, но во время их первого же собрания революционеры взорвали бомбу в синагоге, где оно происходило ?).

В районах черты оседлости, больше чем в других регионах империи, радикалы стремились бороться с частными лицами монархических убеждений и другими консервативными противниками революции. Любой, кто проповедовал патриотические, националистические или проправительственные взгляды, мог быть объявлен черносотенцем, против которого можно было применять любые насильственные действия хотя бы только потому, что такие взгляды подразумевали прямую или косвенную поддержку антисемитских погромов. Хотя не секрет, что члены монархических и правых групп с энтузиазмом участвовали в антисемитских выступлениях, все же часто революционные экстремисты в районах черты оседлости сами явно провоцировали репрессии со стороны консерваторов — репрессии, направленные поначалу не против

еврейского населения вообще, а только против еврейских революционеров. Это особенно относится к случаям, когда радикалы бросали бомбы или стреляли в участников патриотических или религиозных собраний и демонстраций, а также в отдельных христиан, при этом иногда их жертвами становились и невинные прохожие, включая детей и стариков, что провоцировало антисемитские настроения и попытки возмездия. Результатом часто были жестокие столкновения и кровопролитие с обеих сторон и — что особенно трагично — нападения толпы на мирное еврейское население(128).

Несмотря на кровавые последствия революционного терроризма для преимущественно аполитичного еврейского населения, некоторые еврейские националистические группы, такие, как Сионистская социалистическая рабочая партия, рассматривали террор как приемлемый метод в борьбе против существующего строя (129). Еврейские революционные трибуналы выносили приговоры местным врагам, а отдельные радикалы с оружием в руках нападали на частные владения(130). Более того, не были редкостью случаи, когда еврейские революционные экстремисты оскорбляли членов своих традиционных общин действиями, граничащими с богохульством, например — избирали синагогу стратегическим местом для ведения перестрелки или производства взрывов, что и приводило к казачьим обстрелам и захватам этих молельных домов(111). Неудивительно, что многие евреи, особенно старики, были очень недовольны молодыми еврейскими экстремистами, чья террористическая деятельность приводила к погромам: «Они стреляли, а нас бьют…»(132).

Деятельность российских революционеров не ограничивалась рубежами Российской империи. Попадая в эмиграцию, многие экстремисты не оставляли своих привычных занятий. Большая часть радикалов, участвовавших в боевых действиях за границей, были анархистами или членами мелких экстремистских групп, действовавших главным образом в европейских столицах и промышленных центрах, где к началу XX века террор,

проводимый местными террористами, перестал быть новостью, хотя никогда не достигал российских масштабов(133). В то же самое время в Европе некоторые русские эсеры и эсдеки использовали свободу от постоянного надзора Охранки для участия в действиях, обычно более свойственных анархистам — таких, как изготовление взрывных устройств. Эти устройства предназначались в первую очередь для переправки в Россию, но иногда использовались и на месте(134). Практика эта началась еще в 1890-х годах и продолжалась после подавления первой русской революции(135). Как и их товарищи в России, некоторые русские террористы за границей были ранены или убиты случайными взрывами при неумелом или неосторожном обращении с изготовленными кустарным способом бомбами(136).

В некоторых случаях лидеры партий в эмиграции, особенно члены ЦК Партии эсеров, высказывали свое неодобрение террористических действий на территории иностранных государств, предоставлявших безопасное убежище представителям российского революционного подполья(137). Несмотря на это, многие русские радикалы, не имея возможности нападать на царскую администрацию и богачей у себя в стране, планировали и время от времени приводили в исполнение покушения на российских политических деятелей и чиновников, находившихся за границей, а также на членов императорской семьи, живших или путешествовавших по Евро-пе(138). Они также были всегда готовы прибегнуть к силе против любого, подозреваемого в связях с полицией, в том числе против бывших своих соратников, пытавшихся спрятаться за границей от революционной мести(139). Многие эти революционеры переносили свою ненависть к правящим кругам и аристократическому обществу в России на высшие слои общества в Европе. Все чаще они сосредотачивали свои усилия на борьбе с лицами, которых считали ответственными за тяжелые социально-политические условия в монархических государствах, особенно в Германии и в Габсбургской империи, в Болгарии и в Турции. Это

интернациональное стремление к освобождению порабощенных масс привело, например, некоторые русские анархистские группы и отдельных экстремистов за границей к планированию убийства германского императора Вильгельма в 1903, 1906 м 1907 годах(140).

Русские экстремисты, живя в консервативных европейских государствах, также использовали свое относительно безопасное положение для подготовки актов экспроприации. Так, в Австрии эсеры и анархисты обучали специальных агентов для проведения экспроприации в России(141). Но русские радикалы совершали политические грабежи и в приютивших их странах. Например, известный боевик, большевик

Камо (Семен Тер-Петросян) готовился ограбить Банк Мендельсона в Берлине, используя при этом бомбу(142). Группа анархистов в Турции планировала в 1907 году «грандиозную экспроприацию» нескольких миллионов рублей — вероятно, речь шла о нападении на богатый православный монастырь на Афоне(НЗ). И наконец, несколько отдельных экстремистов использовали в погоне за быстрым обогащением шантаж и вымогательство, часто от имени несуществующих организаций, таких, как «Внепартийные эмигранты города Вены»(144).

Интересно отметить тот факт, что русские радикалы не ограничивались в своих действиях территориями стран с консервативными политическими системами, но совершали акты насилия и в либерально-демократических и республиканских государствах, таких, как Англия, Франция и Швейцария. В этом они резко отличались от своих предшественников — народовольцев, которые принципиально отрицали терроризм при демократическом строе, что они и сформулировали в своем известном письме-соболезновании по случаю убийства американского президента Джеймса Гарфилда в сентябре 1881 года(145). Это позволяет предположить, что по крайней мере для

некоторых экстремистов нового типа, в частности, практически для всех анархистов и революционеров с неопределенной идеологией, заявления об их борьбе с деспотическим режимом в России и за границей были не совсем искренними или по меньшей мере не являлись главным мотивом их террористических действий.

Особенно откровенными в описании своей позиции были анархисты. «Не все ли равно мне было, в какую буржуазию бросить бомбу? — спрашивал Владимир Лапидус (Стрига) в письме к товарищам перед своей смертью в мае 1906 года при взрыве бомбы в < Венсенском лесу под Парижем. — …мстить подлой буржуазии, где бы она ни была»(146). В соответствии с этим он подумывал бросить бомбу в ресторан, который посещали богатые аристократы(147). Имеются сведения, что в Брюсселе анархисты хотели отомстить за депортацию из Бельгии нескольких своих товарищей, убив министра юстиции этой страны, в то время как 1 во Франции некоторые революционеры, скорее всего — анархисты, готовили террористический акт против французского премьер-министра Жоржа Клемансо, сняв квартиру в его доме и собирая сведения о его привычках и распорядке дня, а также занимаясь сбором денежных средств для проведения этой операций 148). Начальник представительства Охранного отделения в Париже к весне 1906 года собрал достаточно информации, чтобы заподозрить группу русских анархистов в подготовке нападения на один из трех объектов: парижскую биржу (чтобы наказать капиталистов за содействие недавнему французскому займу России), полицию (которая арестовала шестьдесят русских во время первомайской демонстрации) или российское посольство и консульство в столице Франции(149).

Французское правительство, естественно, было озабочено случаями кровопролития, часто происходившими во время собраний русских эмигрантов-революционеров в Париже; один раз, например, взрыв бомбы ранил несколько человек, в том числе двух полицейских(150). Как и их товарищи в России, за границей анархисты оказывали

вооруженное сопротивление представителям местных властей при обысках и арестах; в одном случае известный террорист Зелигер-Соколов смертельно ранил комиссара полиции и полицейского при сопротивлении аресту в Генте(151). Отдельные русские радикалы неопределенных направлений, не принадлежавшие ни к каким партиям, тоже совершали теракты; например, революционер по имени Яков Лев открыл стрельбу по французским солдатам в Париже 1 мая 1907 года(152).

Излишне подчеркивать, что анархисты не испытывали никакой благодарности за гостеприимство по отношению к принявшим их странам и совершали акты экспроприации, часто уносившие жизни невинных людей. Анархист Ростовцев, убежавший за границу из русской тюрьмы, попытался ограбить банк в Монтро, при этом он убил нескольких прохожих, и швейцарской полиции едва удалось спасти его от линчевания возмущенной толпой местных жителей(153). Анархисты в Женеве, Лозанне и других швейцарских городах (равно как и их товарищи в Англии и Франции) также страстно желали урвать себе часть богатств западного буржуазного общества путем экспроприации. Они также иногда занимались вымогательством денег у богатым русских граждан, живших за границей, кстати, даже у тех, кто сочувствовал делу революции(154).

В поисках новых источников доходов русские экстремисты показали себя находчивыми и беззастенчиво нещепетильными. Так, в 1906 или 1907 году неизвестная группа русских радикалов направила владельцам казино в Монте-Карло письмо с угрозой убийства и требованием выдать им двадцать тысяч рублей(155). В Брюсселе анархисты конфисковали три тысячи франков у бельгийского революционера(156). И наконец, один анархист признался в том, что он ограбил в Ницце знаменитого русского певца Федора Шаляпина, хотя последний был известен как сторонник революции и в антиправительственных кругах его превозносили за исполнение антимонархических и революционных гимнов на сцене русского! императорского театра(157).

Как и анархисты, отдельные экстремисты и радикалы 1 в эмиграции были ответственны не только за вымогательные письма, так называемые «мандаты», посылавшиеся из-за границы богатым людям в Российской Империи(158), но и за кровавые грабежи в Лондоне (в том числе Tottenham outrages 23 января 1909 года) и в других европейских городах, приводивших к жертвам среди местной полиции и населения. В числе этих жертв были дети, и неудивительно, что реакцией европейского общества и даже многих русских политических эмигрантов часто было возмущение против такого неразборчивого применения насилия(159). По словам Надежды Крупской, описавшей в мемуарах свою жизнь с Лениным в Швейцарии — этой наиболее терпимой и гостеприимной европейской стране, — в 1907 году в Женеве в повергнутом в ужас обществе «все только и говорили о русских экспроприаторах». Большой процент среди тех, кто занимался политическими грабежами, составляли лица кавказского происхождения, и вид одного из грузинских друзей Ленина вызвал крик ужаса у его квартирной хозяйки, захлопнувшей дверь прямо перед носом «живого экспроприатора» 160).

Российское правительство пыталось использовать эти настроения для развития международного сотрудничества в борьбе с революционерами. Эти попытки были сравнительно удачными, поскольку даже правительства демократических стран стояли перед лицом угрозы терроризма, главным образом со стороны анархистов. Уже в 1904 году несколько европейских правительств заключили соглашение о совместных действиях против анархистов и начали сотрудничать в борьбе с контрабандой оружия и взрывчатки(161). В то же самое время, однако, под давлением влиятельных социалистических и либеральных кругов разных стран правительственные чиновники даже в консервативной Германии и Австро-Венгрии (не говоря уже о более либеральных режимах) часто не хотели помогать российскому правительству, особенно в случаях требования выдачи бежавших заключенных и известных убийц, связанных с

экстремистскими социалистическими организациями(162). В глазах европейского общества и многих представителей западных официальных кругов русские радикалы были борцами за свободу, то есть правой стороной в борьбе с деспотическим и варварским режимом на своей родине, пусть даже они и использовали недопустимую тактику. Вместе с британским государственным деятелем Дж. Ремзи Макдональдом многие из них желали удачи русским революционерам(163). Само собой разумеется, что такое отношение никак не способствовало укреплению позиций российского правительства, уже поколебленных кровавой революцией у себя дома.

ВЛИЯНИЕ ТЕРРОРИЗМА НА ПРАВИТЕЛЬСТВО И ОБЩЕСТВО

Шквал террора достиг своей цели уже в 1905 году: власти были растеряны и измучены, все их силы и средства борьбы полностью парализованы(164). Правительственные чиновники испытывали чувство беспомощности, граничившее с отчаянием: «Каждый Божий день — по нескольку убийств, то бомбой, то из револьверов, то ножом и всякими орудиями; бьют и бьют, чем попало и кого попало… Надо удивляться, как еще не всех перестреляли нас…»(165) Анекдот того времени передает эти настроения. «Его превосходительство генерал-губернатор принимал вчера у себя во дворце поздравление от подведомственных ему чинов по случаю благополучного трехнедельного правления его краем»(166).

Подобные чувства не были беспочвенными или преувеличенными, и к лету 1907 года главные полицейские чины С.-Петербурга были готовы отложить все дела, включая расследования случаев революционной агитации и пропаганды, установки нелегальных типографий, организации забастовок и других небоевых проявлений революционной активности, и направить все свои усилия на самое главное — на раскрытие и

искоренение политических убийств и экспроприаций(167). В значительной степени эта смена направленности политического сыска объясняется тем, что терроризм нового типа отличался от революционного насилия XIX века не только числом своих жертв, но и их отбором. До 1905 года экстремисты тщательно выбирали свои мишени только из числа тех чиновников правительственной администрации, которых они считали наиболее злостными притеснителями народа, ответственными за самые жестокие репрессивные или карательные меры. В то время радикалы не убивали государственных служащих и частных лиц без разбора и в больших количествах(168).

После начала революции, среди хаоса насилия и кровопролития, человеческая жизнь упала в цене и скоро не стала стоить убийцам и копейки(169). В 1879 году народовольцы, настойчиво отрицая намерение наказывать своих врагов похищением членов их семей, писали о том, что каждый человек лично несет ответственность за свои поступки. Уже в 1903 году, однако, Бурцев предлагал брать в заложники правительственных чиновников и представителей буржуазии с целью использования их в будущих переговорах с правительством, а в 1905 году прибалтийские революционеры, не задумываясь, брали заложников из мирного населения(170). Прекрасной иллюстрацией различия между старым и новым типом терроризма может служить случай, когда члены Польской социалистической партии казнили отца полицейского осведомителя, чтобы во время похорон убить сына — свою главную мишень(171).

Что касается правительственных служащих, то здесь террор проводился без особого разбора, и его жертвами становились полицейские и армейские офицеры, государственные чиновники всех уровней, городовые, солдаты, надзиратели, охранники и вообще все, кто подпадал под весьма широкое определение «сторожевых псов старого порядка». Из 671 служащего Министерства внутренних дел, убитого или раненного террористами в период между октябрем 1905 и концом апреля 1906 года, только 13

занимали высокие посты, в то время как остальные 658 были городовыми, полицейскими, кучерами и сторожами(172). Особенно распространилось среди новых профессиональных террористов обыкновение стрелять или бросать бомбы без всякой провокации в проходящие военные или казачьи части или в помещения их казарм(173). В общем, ношение любой формы могло явиться достаточным основанием для того, чтобы стать кандидатом на получение пули или быть подорванным бомбой террористов. Выходившие вечером погулять боевики могли плеснуть серную кислоту в лицо первому попавшемуся им на пути городовому(174). Можно привести множество примеров беспорядочного насилия, свидетельствующих о том, что терроризм стал не только самоцелью, но и — в прямом смысле слова — спортом, в котором игроки видели в своих жертвах лишь движущиеся мишени(175). В 1906–1907 годах многие их этих «дровоколов» (как прозвал их один революционер), особенно среди анархистов и максималистов, соревновались друг с другом в том, кто совершит больше грабежей и убийств, и часто завидовали чужим успехам в этой области(176).

По мнению Нэймарка, «на этом фоне реакцию правительства на все усиливающуюся кампанию террора нельзя назвать иначе, чем нетвердой и нерешительной»(177). В особенно неспокойных областях на окраинах империи и в районах черты оседлости представители властей не решались даже показываться на улицах, поскольку все защитники старого порядка были мишенью для стрельбы. Согласно одному официальному рапорту, среди жандармов резко увеличилось число нервных заболеваний(178). Хотя отдельные полицейские и военные проявляли выдающуюся личную храбрость и преданность правительству(179), многие думали лишь о спасении собственной жизни и либо подавали в отставку, либо просто отказывались являться на службу и замещать своих убитых предшественников(180). Городовые тоже часто проявляли трусость, не оказывая сопротивления разоружавшим их боевикам и умоляя о

пощаде(181). В одном особенно ярком случае, после того как телохранители известного латвийского террориста по имени Эпис несколько раз стреляли в полицейских, неоднократно пытавшихся арестовать последнего, офицеры полиции отказались подчиняться приказам и вместо этого начали отдавать Эпису честь, встречая его на улице(182).

В своих донесениях центральной администрации местные чиновники, жившие в состоянии постоянной «чудовищной паники», признавали свое бессилие контролировать события и описывали свою власть как «чисто номинальную»(183). Такая же ситуация складывалась и в больших городах, включая столицы; в 1905 году члены императорской семьи и придворные, а также некоторые высшие чины царской администрации (главные мишени террористов) подвергли себя добровольному домашнему аресту. Глава Охранного отделения С.-Петербурга постоянно сталкивался с неподчинением своих служащих, угрожавших забастовкой из страха перед революционерами(184). Все считали, что любой защитник режима на высоком посту обречен стать жертвой всемогущих террористов, и скорее раньше, чем позже. Это убеждение стало темой выдуманного диалога в редакторском кабинете: «Секретарь: — Биография нового генерал-губернатора лежит в запасе уже третий день. Разобрать ее? — Редактор: — Оставьте. Сразу пустим в некролог»(185).

Не менее серьезным было влияние терроризма и на жизнь частных граждан Российской Империи. Они оказались захваченными «революционным смерчем» и являлись жертвами того, что понятие частной собственности для нового типа русского террориста потеряло всякое значение(186). В то время как почти все революционеры конца XIX века отказывались от практики эспроприаций с нескрываемым чувством отвращения, мало кто из их последователей испытывал угрызения совести по поводу ежедневных вооруженных грабежей(187). Более того, видя в процветающих гражданах символы реакции или

эксплуатации, радикалы часто терроризировали их и без захвата их имущества, пользуясь как устными угрозами, так и физическими нападениями, мстя им просто за принадлежность к привилегированным слоям общества. Месть революционеров обрушивалась часто также на тех, кто не мог доказать своей лояльности антиправительственному движению, на таких, как члены монархических обществ, сотрудники патриотических или консервативных изданий, духовенство, а также на специалистов-инженеров и промышленников, отказывавшихся искать расположения местных профсоюзных деятелей и агитаторов. Упрямые купцы, особенно те, которые организовывали группы самообороны для охраны своего имущества, тоже платили своей жизнью за неповиновение, равно как и кучера, медлившие при предоставлении своих услуг убегавшим с места нападения экстремистам. Жертвами террористов становились также судьи, судебные следователи, свидетели обвинения против революционеров. Эти последние часто получали письма с угрозами, после которых некоторых убивали. В одном таком случае в Прибалтике в 1905 году свидетель, давший показания против одного экстремиста на суде, был убит товарищами последнего, оставившими на месте преступления записку, видимо, с намерением запугать других: «Собачья смерть шпиону»(188).

Несмотря на кровавые последствия революционного террора для повседневной жизни во всей стране, тенденция оправдывать экстремистов продолжала существовать в либеральных и интеллектуальных кругах, и многие широко известные литературные произведения, например рассказы Леонида Андреева, отражают симпатии, которые питало образованное общество к суровым и бесстрашным боевикам(189). Частично под влиянием публикаций — некоторые из них были подписаны такими именами, как Максим Горький и Владимир Короленко, — немалое число либералов, не имевших склонности к насилию, признали этическую и общественную обязанность предоставлять боевикам

кров, деньги и документы; некоторые даже предоставляли свои квартиры для хранения оружия и взрывных устройств(190). В либеральных кругах, куда входили университетские профессора, учителя, инженеры, журналисты, адвокаты, врачи, а также промышленники, директора банков и даже некоторые правительственные чиновники, помощь экстремистам стала признаком хорошего тона(191). Такое отношение льстило самолюбию радикалов и способствовало распространению насилия, подталкивая их к новым действиям. Экстремисты знали теперь о существовании многочисленных «поклонников террора» среди образованных людей, которые «втайне рукоплескали каждому теракту», даже если вслух они пропагандировали (и в душе предпочитали) более «культурные методы борьбы» с самодержавием(192).

Точно так же и в низших слоях населения некоторые лица, особенно среди рабочих, принявших объяснение радикалами своих действий как попытку освободить трудящихся, были готовы помогать террористам. Некоторые жертвовали деньги специально для покупки оружия, другие помогали делать взрывчатку. Так, когда революционеры предложили одному владельцу маленькой скобяной лавки заплатить за его услуги, он отказался брать деньги: «Я паяю бомбы бесплатно»(193). Иногда частные лица были готовы и на насилие, чтобы помочь экстремистам; из нескольких мест поступали сообщения о группах простых людей, нападавших на конвой и освобождавших арестованных террористов. В начале революции местное население, особенно на окраинах империи, где были распространены антирусские настроения, часто отказывалось оказывать помощь раненым чиновникам(194).

В то же время потенциальные жертвы революционеров иногда пытались защищаться. Архиепископ Казанский нанял двух личных телохранителей, а монахи местного монастыря обратились за разрешением носить револьверы(195). В поселениях отдаленных районов Сибири, Дальнего Востока и на окраинах, где революционные

комитеты захватили административную власть, жители пытались обеспечить себе минимальную безопасность. Так, в Риге в 1905 году, после того как люди осознали бессмысленность обращения за защитой своей жизни и имущества к законным властям, они стали объединяться в группы (такие, как «Самозащита», «Общество помощи соседям»), которые все вместе составили около 1500 человек и смогли до какой-то степени дать революционерам вооруженный отпор(196). Однако были и случаи, когда такие группы изменяли своему назначению и вместо самообороны начинали сами прибегать к насильственным действиям; это случилось, например, с «Зеленой сотней», организацией, созданной в августе 1907 года в Баку армянскими частными собственниками, которые сами в конце концов оказались вовлеченными в квазианархистские действия(197). В том же городе богатые промышленники наняли вооруженных телохранителей из числа местных головорезов и сорвиголов. Эти телохранители были готовы рисковать жизнью в защите своих работодателей от экстремистов, но в то же время они сами участвовали в различных преступных и насильственных действиях(198). Наконец, некоторые предприимчивые граждане тоже решили извлечь выгоду из царившего хаоса. В Прибалтике бывшие арестанты и другие полупреступные элементы подходили к людям на улице и предлагали свои услуги в качестве наемных убийц; со временем цена на убийство сильно упала, убийцу можно было нанять меньше чем за три рубля за одну жертву(199).

Тем не менее большинство мирного населения было запуганно и пассивно, надеясь лишь пережить эти кошмарные времена. В местах, особенно сильно затронутых революционной анархией, таких, как Рига, где каждый день на улицах была слышна стрельба, человек, выходя из дому, не был уверен, что вернется, а в случае возвращения не знал, найдет ли живой свою семью(200). По мере эскалации террора его жертвами все чаще становились невинные прохожие, случайные свидетели, среди которых были

женщины и дети(201). Население было запугано до такой степени, что в некоторых местах гробовщики и священники не решались оказывать свои услуги жертвам революционного террора, а близкие родственники боялись прийти на их похороны(202).

Страх стал править действиями людей. Когда несколько врачей в бакинской больнице получили весной 1907 года письма с угрозами и требованиями больших сумм денег для местной организации анархистов, они бросили своих больных и спрятались, а некоторые даже уехали из города(203). После 1905 года, когда все увеличивающееся число экспроприаторов перенесло свое внимание с государственного имущества и больших предприятий на более мелкие объекты, такие, как маленькие магазины и лавки, частные квартиры и даже просто карманы прохожих, в Екатеринославе и других центрах революционной активности не только представители буржуазии, но и просто служащие, ремесленники и люди интеллигентных профессий установили двойные и тройные замки на дверях, сделали глазки, чтобы видеть посетителя, и даже днем впускали незнакомых людей очень неохотно и только после длительного допроса. Все были охвачены паникой, все ожидали грабежей(204).

Все же, поскольку в глазах многих свидетелей беспорядочного насилия и экспроприации революция оказалась покрытой «слоем грязи и мерзости», участились случаи, когда граждане, ранее симпатизировавшие радикалам, стали сотрудничать с властями, выдавая экстремистов или помогая полиции арестовывать их на месте преступления, часто выражая свой гнев физическими нападениями на террористов(205). В Баку владельцы частной собственности поддерживали правительство деньгами, беря на себя более двух третей расходов по содержанию полиции(206). Этими людьми руководили практические, а не идеологические соображения, поскольку по мере приближения террора и анархии к своему апогею многие граждане стали идентифицировать революционеров с обычными бандитами(207).

Глава 2

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И ТЕРРОР

Эсер без бомбы — не эсер. Иван Каляев(1)

Партия социалистов-революционеров возникла в конце 1901 года, когда различные неонароднические группы в России и за ее пределами объединились в единую организацию. Не будучи единственной левой организацией, провозглашавшей политические убийства эффективными методами революционной борьбы в России, только Партия социалистов-революционеров официально включила террористическую тактику в свою программу и сама стала олицетворением террора(2), поскольку именно она была ответственна за четко спланированные и часто удачные покушения на представителей центральной власти в С.-Петербурге и в Москве. Никакая другая русская террористическая группа не могла претендовать на подобный успех.

В связи с очевидной значимостью этой партии несколько ученых посвятили свои работы анализу ее общей истории и конкретно изучению ее террористической деятельности(3). Поскольку политические убийства, совершенные эсерами, имели колоссальное значение для политической жизни страны в первом десятилетии XX века, они также упоминаются в различных исторических работах об общем положении дел в России в этот период. Тем не менее некоторые аспекты террористической деятельности ПСР были либо не замечены, либо ошибочно истолкованы как современными их наблюдателями, так и исследователями нашего времени.

К тому же большое количество ранее недоступных или незамеченных первичных и архивных материалов по террору эсеров оправдывает новый взгляд и свежим подход к некоторым проблемам в общем контексте изучения боевых действий этой организации.

ТЕОРИЯ

В январе 1902 года на страницах только что начавшие выходить газеты «Революционная Россия», центрального органа Партии социалистов-революционеров, руководство Партии заявило о своем твердом намерении начать неизбежную и необходимую террористическую деятельность, как только она сочтет таковую деятельность своевременной(4).

Официально объявляя политические убийства инструментом в своей борьбе с правительством, лидеры эсеров готовы были на практике опровергнуть модную в те годы формулу «Террор делают, но о терроре не говорят» и с самого начала пытались создать стройную теоретическую базу для оправдания террора. Главным фактором, который облегчил эту задачу и помог подвести «научный» фундамент под практические действия, стало распространение марксизма.

Эсеры рассматривали террористическую тактику своей партии на первых этапах ее становления как продолжение традиций «Народной воли», членов которой они считали своими прямыми предшественниками и духовными отцами(6). Распространение марксистской доктрины требовало от всех революционеров неонароднического толка пересмотра многих понятий, в том числе и идеи террора. И действительно, уже в 1890-х годах трудно было встретить сторонника тактических принципов «Народной воли»,

который бы ней принимал во внимание новые постулаты социалистической теории. Ко времени появления Партии социалистов-революционеров марксизм уже был составной частью русского революционного движения, и лидеры партии, желая привлечь к себе сторонников, не могли себе позволить не обращать на это внимания.

Согласно стандартной интерпретации ортодоксальной марксистской доктрины, отдельный человек не может сколь-либо серьезно повлиять на историческое развитие. Лишь массовые движения могут быть двигателями истории, причем изменения в политических системах зависят только от взаимоотношений классов. Поскольку роль индивидуума в истории очень ограничена, его физическое уничтожение тоже не может оказать заметного влияния на историческое развитие, какое бы важное место он ни занимал. Отсюда следует, что одиночные террористические акты — не более чем бесполезные попытки отважных и самоотверженных идеалистов изменить железные законы истории.

Не находя возможным игнорировать эту логику, эсеры, с самого начала выводившие свою идеологию не только из принципов, провозглашенных народническими писателями (такими, как П. Лавров и Н. Михайловский), но и из работ Маркса, попытались приспособить свою протеррористическую позицию к тому, что они понимали как научную теорию. Поэтому они настаивали на том, что их тактика политических убийств неотделима от общей борьбы трудящихся масс. Главный партийный теоретик Виктор Чернов заявлял: «Мы — за применение в целом ряде случаев террористических средств. Но для нас террористические средства не есть какая-то самодовлеющая система борьбы, которая одною собственной внутренней силой неминуемо должна сломить сопротивление врага и привести его к капитуляции… Для нас террористические акты могут быть лишь частью этой борьбы, частью, неразрывно связанной с другими частями… (и) должны быть переплетены в одну целостную систему со всеми прочими способами партизанского и

массового, стихийного и целесообразного напора на правительство. Террор — лишь один из родов оружия… только один из технических приемов борьбы, который лишь во взаимодействии с другими приемами может проявить все то действие, на которое мы рассчитываем»(7).

В соответствии с такой неомарксистской точкой зрения, теоретики ПСР неустанно повторяли, что главная цель партии — не индивидуальный террор, а революционизация масс(8). Террористические акты таким образом должны быть обоснованы нуждами рабочих и крестьянских движений и дополнять их, в то же время вызывая борьбу масс путем возбуждения в них революционного духа(9).

В добавление к агитационному и пропагандистскоему значению террористических актов, которые должны были радикализировать трудящихся, распространять революционные идеи и «разбудить самых сонных обывателей… и заставить их, даже против их воли, политически мыслить», терроризм в глазах эсеров должен был выполнять еще две важные функции: защищать революционное движение и вносить страх и дезорганизацию в ряды правительства(10). Таким образом, руководство партии ожидало, что угроза немедленного террористического возмездия заставит правительство приостановить репрессии, направленные против революционеров, и что террористические акты оправдают себя как средство самозащиты, как необходимое орудие обеспечения безопасности, без которого абсолютно ничем не сдерживаемое насилие самодержавного произвола перейдет все границы(11). В то же самое время убийства наиболее заметных представителей царского режима будут иметь дезорганизующий эффект, вселяя страх в их преемников и делая их более склонными к компромиссу: «Револьверы и бомбы если и не разрушат государство, то хотя бы заставят его пойти на уступки обществу»(12).

В этом последнем пункте теоретики ПСР уже были далеки от строго марксистского понимания исторических перемен. В конце концов, ведь убийство одного угнетателя, даже находящегося на высоком посту, и замена его другим, более мягким, может самое большее привести к поверхностному политическому улучшению и не уничтожит то, что для всякого социалиста является истинным злом, — капиталистический базис российского государства. Такой же ересью с марксистской точки зрения было определение эсерами подходящих мишеней для террористической деятельности партии. Согласно одному заявлению, типичному по своему описанию позиции эсеров в вопросе террора, теракты должны были быть направлены в первую очередь против высокопоставленных правительственных чиновников, а не против царя, потому что их очевидно легче осуществить: «Никакой министр не может жить во дворце, как в крепости»(13). Увлеченные собственным энтузиазмом, эсеры зачастую выходили далеко за рамки своей теоретической модели, утверждая, например: «Как и в прошлом, когда лидеры решали исход сражений единоборством, так и террористы в их единоборстве с самодержавием завоюют свободу для России»(14).

Большое число террористических актов, совершенных эсерами, включая и наиболее знаменитые, не попадают ни в одну из трех категорий тактики терроризма, определенных партийными теоретиками, а скорее являются актами возмездия за то, что они считали преступлениями против народа. Чаще всего эсеровские боевики, определяя наказание «угнетателям» и «палачам», не особенно интересовались тем, что их лидеры оправдывают террор как составную часть борьбы трудящихся масс. Так или иначе, Центральный комитет партии эсеров основал в конце 1901 года специальный отряд, известный как Боевая организация, для проведения террористических акций против государственных деятелей и официальных лиц, главным образом в С.-Петербурге, Москве и крупных городах провинции, санкционированных ЦК партии за границей (что

стало называться «центральным террором»).

БОЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Деятельность Боевой организации в первую очередь отличалась своей конспиративностью. В то время как в "Народной воле» одни и те же люди были и теоретиками, и организаторами, и террористами, вовлеченными во все сферы партийной жизни, лидеры партии эсеров придерживались распространенного в радикальной среде того времени мнения о необходимости профессионализма в революционной и особенно в боевой деятельности. Следуя этому убеждению, центральный комитет ПСР ввел разделение труда и организовал в России небольшой отряд революционеров, единственной обязанностью которых были подготовка и совершение политических убийств и которые должны были держаться как можно дальще от всякой другой партийной деятельности(15). Таким образом, эсеровская террористическая организация была создана на основе убеждения, что ключом к успеху является использование специальных кадров, занимающихся исключительно боевой деятельностью и соблюдающих строгую конспирацию. В результате изоляция террористической группы достигла такой степени, что влиятельные члены партии часто не имели ни малейшего понятия о том, что происходит в Боевой организации, и даже иногда сомневались в ее существований 16). Даже Центральный комитет не имел права вмешиваться в ее внутренние дела, и, во всяком случае в первое время, большинство лидеров партии, которые, как Чернов, по разным причинам не изъявляли желания лично участвовать в терроре, не пытались изменить такой статус Боевой организации, особенно пока уважаемые и почти обожествляемые боевики, окруженные ореолом опасности и тайны, приносили славу партии своими террористическими подвигами(17). Такая ситуация не

могла долго существовать без последствий, ибо, согласно наблюдениям Лакера о террористической деятельности вообще, у боевиков «всегда есть чувство обиды против политиков, которые ничем не рисковали и потому не имели морального права направлять действия террористов, если, конечно, это не совпадало с их желаниями и убеждениями. Короче говоря, почти всегда имели место разногласия и соперничество между политической и террористической частями партии и стремление террористов к полной автономии»! . Это заявление вполне справедливо и по отношению к боевикам-эсерам, которые в результате своей конспиративной работы и образа жизни в России выработали свои обособленные взгляды и чувство собственной исключительности. Верность друг другу ценилась выше преданности партии. Таким образом Боевая организация постепенно превратилась в нечто вроде секты, члены которой считали, что только они по-настоящему несут «революционный крест» России(19). Они не просто совершали террористические акты, они видели в терроре нечто священное. Примечательно, что и Центральный комитет впал в ту же крайность и, в полном противоречии с теоретическими принципами, согласно которым терроризм является лишь одним из средств партийной работы среди масс, стал рассматривать центральный террор как наиболее важную часть своей деятельности(20). Это подтверждается и тем фактом, что при распределении партийных средств лидеры партии не отказывали Боевой организации ни в чем, если не хватало денег, они экономили на всем, но только не на боевой деятельности(21). В результате боевики очень скоро решили, что только они одни осуществляют действительно революционные действия, и, в духе нового типа терроризма, относились с большим скептицизмом к любой абстрактной теории и мало интересовались внутрипартийными и межпартийными политическими дебатами, а часто и политикой вообще(22).

Ни один из трех лидеров Боевой организации (Григорий Гершуни, Борис Савинков и

Евно Азеф) не проявлял никакого интереса к теоретическим проблемам. Роль Гершуни сводилась исключительно к организации и подбору кадров; у Савинкова просто не было времени для теоретизирования, так как он лично принимал участие в терактах, придавая им основное значение; загадочный Азеф, разоблаченный в 1908 году как полицейский агент, никогда не скрывал своего пренебрежения к социалистической идеологии и открыто заявлял о том, что он состоит в партии только до установления в России конституционного строя. Эсеры даже прозвали его «кадетом с террором»(23).

Среди рядовых террористов тоже мало кто был склонен к принятию социал-революционной идеологии. Убежденный анархист Федор Назаров, например, был одно время членом Боевой организации эсеров, которая, по его мнению, не разделяла программу партии. Среди боевиков была и специалист по изготовлению бомб Дора Бриллиант, которая не интересовалась программными вопросами и для которой террор олицетворял саму революцию. Борис Моисеенко был человеком независимых и оригинальных взглядов, а с точки зрения партии — еретиком. Он не придавал большого значения мирной работе и относился к конференциям, собраниям и съездам с плохо скрываемым презрением. Он верил только в террор. Абрам Гоц объявлял себя последователем Канта, а Мария Беневская была христианкой и никогда не расставалась с Евангелием(24). Иван Каляев, прозванный товарищами Поэтом, сочинял молитвы в стихах, прославляя Всевышнего, а Егор Сазонов объяснял родителям в письме из тюрьмы: «Мои революционные социалистические верования слились воедино с моей религией… Я считаю, что мы, социалисты, продолжаем дело Христа, который проповедовал братскую любовь между людьми… и умер как политический преступник за людей… Требования Христа ясные. Кто их исполняет? Мы, социалисты, хотим исполнить их, хотим, чтобы царство Христово наступило на земле… Когда я слышал, как мой учитель говорил: «Возьми свой крест и иди за мной»… Не мог я отказаться от своего

креста»(25).

Таким образом, теплая, почти родственная атмосфера и солидарность внутри Боевой организации основывались не на общепринятой идеологической догме, а, как нам кажется, на потребности нонконформистов, взбунтовавшихся против норм и правил своего окружения, выработать в тесном и близком кругу свое психологическое самосознание во времена социальных потрясений. Сплоченность этого круга усиливалась за счет внешних опасностей, которые затушевывали внутренние разногласия перед лицом общего врага, в условиях строгой изоляции и конспирации, когда всем членам была суждена общая судьба, в обстановке постоянной угрозы преследований. Следствием этого в Боевой организации была тенденция боевиков растворять собственную индивидуальность в «коллективном разуме» группы(26).

Итак, понятно, почему террористы были не очень склонны выполнять приказы гражданских эсеровских лидеров и почему даже на ранних стадиях партийный контроль над боевиками был слабым. К тому же Боевая организация сама распоряжалась своими денежными фондами, специально собираемыми на нужды террористов, и это тоже способствовало независимому от партии положению боевиков(27). Боевая организация готовила и осуществляла техническую сторону терактов без обсуждения с Центральным комитетом, что объяснялось стремлением сохранить конспирацию и тем обезопасить террористов, а также тем, что боевики считали подобные вопросы находящимися в компетенции только тех лиц, которые сами принимают участие в террористической деятельности. Боевая организация постоянно стремилась сделать выбор жертв и время проведения теракта своей прерогативой, несмотря на пункт в уставе партии о том, что такие вопросы решаются только центральным руководством(28).

Уже террористический дебют Боевой организации — убийство министра внутренних дел

Сипягина 2 апреля 1902 года в С.-Петербурге — продемонстрировал не только пренебрежение террористов к теоретическому положению о том, что террор должен быть лишь одним из средств Партии эсеров революционизировать массы, но и отчуждение боевиков от самой партии. Степан Балмашев действовал, как типичный террорист-одиночка: одетый в мундир адъютанта, он бравым шагом вошел в Мариинский дворец и, вручая министру пакет с вынесенным ему смертным приговором, выстрелил два раза в упор(29). Интересно отметить, что Центральный комитет ПСР взял на себя ответственность за действия Боевой организации лишь постфактум и открыто признал БО частью партии только после ее первого успеха(ЗО).

Этой первой победой началась террористическая кампания эсеров, и 29 июля того же года столяр Фома Качура (Качуренко) стрелял в выходившего из театра харьковского губернатора князя И.М. Оболенского пулями, отравленными стрихнином. Террорист не попал в князя, но ранил начальника городской полиции, находившегося рядом(31). В следующие месяцы полиции удалось арестовать несколько человек, близких, к Боевой организации, среди них был и соратник Гершуни Михаил Мельников; но 6 мая 1903 года эсер Егор Дулебов стрелял в уфимского губернатора Н.М.Богдановича, и на этот раз Боевой организации повезло больше: еще один представитель реакции был уничтожен, а убийцы сумели скрыться. Руководители ПСР не стали связывать этот акт с борьбой трудящихся масс и в своих заявлениях говорили только о мести за правительственные репрессии и о запугивании угнетателей(32). Что же касается народа, то эсеры выразили надежду на то, что героические подвиги, совершаемые в атмосфере официальных преследований, скоро разбудят трудящихся и объединят их в одно могучее движение.

Главным зачинщиком этих акций был бывший фармацевт и один из организаторов ПСР Григорий Гершуни, которого полиция считала «артистом террора», а радикалы называли «тигром революции»(33). Гершуни никогда лично не участвовал в терактах, но, согласно

А.И. Спиридовичу, видному представителю сыска, хорошо знавшему Гершуни, он был убежденным террористом, умным, хитрым, с железной волей, обладавшим необычайным даром овладевать неопытной, легко увлекающейся молодежью; его гипнотизирующие глаза и особенно убедительная речь подчиняли ему тех, с кем он говорил, и они становились его ярыми поклонниками. Человек, с которым начинал работать Гершуни, скоро полностью покорялся ему и становился бессловесным исполнителем его приказов(34).

Леонид Ратаев, еще один влиятельный полицейский чиновник, который одно время возглавлял иностранную агентуру Охранного отделения, считал, что Гершуни обладал почти гипнотической силой влиять на людей(33). Революционные соратники также считали Гершуни «ловцом душ» и сравнивали его с Мефистофелем, на чьем лице играла ироническая улыбка и чьи глаза проникали прямо в душу(36).

Гершуни действительно удалось привлечь в Боевую организацию некоторое число молодых идеалистов. Одним из них был студент Балмашев, убивший Сипягина, впечатлительный и довольно наивный юноша, привлеченный в революцию своим отцом-народником. Привлек Гершуни и молодого армейского лейтенанта Григорьева и его жену Юрковскую, которых он обрабатывал несколько месяцев, пока не добился согласия участвовать в террористическом акте. Заручившись таким согласием, Гершуни немедленно приступил к подготовке покушения на жизнь обер-прокурора Святейшего Синода К. П. Победоносцева, которое предполагалось совершить во время похорон Сипягина. Согласно плану, выстрелы Григорьева в Победоносцева должны были вызвать панику, во время которой Юрковская, переодетая гимназистом, попыталась бы убить губернатора С.-Петербурга генерала Клейгельса. И все же, несмотря на гипнотическую силу Гершуни, Григорьев в последнюю минуту пожалел престарелого Победоносцева и не смог заставить себя нажать курок, сорвав таким образом оба покушения(37).

Фома Качура, которого Гершуни выбрал для покушения на Оболенского только потому, что Качура был рабочим и это придало бы акции больший идеологический вес, позже рассказывал, какое огромное влияние оказывал на него глава Боевой организации. Спиридович вспоминал: «Качура трепетал перед ним. В тюрьме он начал давать показания против Гершуни только после того, как ему показали фотографию последнего в тюремной одежде и в наручниках»(38). Во время следствия Качура раскаялся в совершенном преступлении и уверял, что если бы Гершуни не находился рядом с ним до последнего момента, постоянно подстрекая его, то он ни за что не решился бы выстрелить. Со своей стороны руководители Партии эсеров хотели заработать дополнительный престиж на деле Качуры. Обойдя молчанием его предательское поведение на суде, они превозносили его в своих публикациях как народного героя, не упоминая о том, что это Гершуни продиктовал простодушному рабочему каждое слово письма, которое должно было быть личным рассказом Качуры об идеалистическом революционном деянии(39).

Героический, почти мифический образ Гершуни, нарисованный эсерами (особенно после его смерти в 1908 году), требует пересмотра. В противоречии со своей репутацией великого знатока характеров Гершуни часто неудачно выбирал сторонников, которые явно вздыхали с облегчением, освободившись от его чар, как только он уходил от них и не мог лично их контролировать. Даже Мельников, заместитель Гершуни в Боевой организации, оказался неготовым к самоотверженной жертве(40). Более того, когда Гершуни был наконец арестован в Киеве в мае 1903 года и ему грозил смертный приговор, сам он был вполне согласен пожертвовать своим революционным идеализмом перед лицом угрозы собственной жизни, несмотря на его прославленные смелость и силу воли. В то время как предыдущие представители поколений русских революционеров использовали суды над собою для прославления революции, не одобряли тех, кто

подавал прошения о помиловании в адрес царя, Гершуни, как и многие другие террористы нового типа, отчаянно отрицал свое причастие к каким бы то ни было политическим убийствам, а потом послал Николаю прошение о помиловании. Ему удалось добиться замены смертной казни пожизненной каторгой, но, согласно данным полиции, многие его соратники по партии считали такое поведение недостойным и трусливым, и им было трудно спорить со своими социал-демократическими критиками, утверждавшими, что фигура Гершуни была дутой и его репутация незаслуженной(41).

С арестом Гершуни закончился первый активный период в истории Боевой организации, которой в результате пришлось заменять арестованных членов и приспособлять свою тактику к новым техническим средствам и новому руководству. Так, террористы отказались от револьверов в пользу динамита. Поскольку в начале было трудно провести в Россию из-за границы взрывчатку (ее доставка в больших количествах из стран Западной и Юго-Восточной Европы не была организована до самой революции 1905 года), террористы должны были изготовлять бомбы на месте. Эта трудная и опасная работа, выполняемая дилетантами, забрала в один год две жизни: Алексей Покотилов погиб 31 марта 1904 года при изготовлении бомбы в Северной гостинице С.-Петербурга, а Максимилиан Швейцер разделил его участь 26 февраля 1905 года в гостинице «Бристоль». В обоих случаях разрушительная сила взрывов была огромной: номера, в которых находились изготовители, и прилегавшие к ним комнаты были разрушены и тела террористов разорваны в куски: Покотилов был опознан только по его необычно маленькой кисти руки, а части тела Швейцера были найдены в близлежащем парке(42).

В мае 1903 года Борис Савинков заменил Гершуни в качестве организатора и главы боевиков в России, лично занимаясь набором новых членов и играя главную роль в детальной разработке террористических актов. Читая мемуары Савинкова, трудно понять истинную причину его участия в революции, но его пример лишний раз показывает, что

боевики «часто вступали в организацию по причинам, отличным от идеологических принципов… (и что) образ террориста как человека, действующего исключительно согласно глубоким и неизменным политическим принципам, прикрывает более сложную реальность»(43).

Сын варшавского судьи, Савинков в молодости казался баловнем судьбы. У него было все: образование, достаточно обеспеченная жизнь, широкие связи (его жена была дочерью известного народника, писателя Глеба Успенского) и привлекательная внешность, что способствовало его репутации ловеласа. Многие люди с похожей биографией шли в революцию, но немногие выказывали такое глубокое равнодушие к социалистической догме, да и вообще ко всем теоретическим вопросам и даже к цели борьбы — освобождению рабочих и крестьян. В ранней молодости в 1890-е годы Савинков отдал должное марксизму и пропаганде среди рабочих, но его воспоминания о террористической деятельности — наиболее ярком периоде его революционной карьеры — показывают его озабоченность ближайшими целями — убийством того или иного государственного деятеля, — в то время как мотивация остается неясной. По словам одного из знакомых Савинкова из эсеров, позднее из партии вышедшего, «глубокая социальная индифферентность и растущий эгоцентризм постепенно стали его отличительными чертами». В противоречии с тем, что ожидалось от революционера, вовсе не народ или массы, а раздутое и требующее самовыражения «я» этого «искателя приключений» диктовало его действия(44).

В то время, когда возможно только догадываться о внутренних причинах увлечения Савинкова террором, его первый роман «Конь бледный», опубликованный в 1909 году, и в какой-то степени второй, «То, чего не было», вышедший в свет в 1912 году (оба под псевдонимом В. Ропшин), могут отчасти служить ключом к пониманию его сложной личности(45). Его психологический анализ террористов, описанных в обоих романах,

вызвал скандал среди эсеров, некоторые влиятельные члены партии даже считали эти произведения «по сущности контрреволюционными» и порочащими террористов и самое идею террора. Кое-кто из них даже настаивал, чтобы он остановил публикации и был изгнан из партии, несмотря на его прежние заслуги(46).

Первый роман Савинкова особенно интересен. Это произведение, написанное от первого лица и проливающее свет на психологию революционного убийцы, явно подражает творениям двух современных декадентских писателей — Дмитрия Мережковского и Зинаиды Гиппиус, которые оказали сильное влияние на стиль романа, а Гиппиус даже подсказала название. Автор описывает группу террористов, прототипами которых были члены Боевой организации, приводя различные причины, приведшие их к кровопролитию. Поразительно, что в описании Савинкова какой бы то ни было идеализм и жертвенность, возможно, присущие этим террористам в начале, тонут в море цинизма, глупости, морального разложения и обычной уголовщины. По словам историка Айлин Келли, «Конь бледный» был откровенной демистификацией цельного героя»(47).

Главный герой, лидер террористической группы, в котором просматриваются многие черты автора, описан как одинокий и искалеченный человек с неизменно скептическим взглядом на какие-либо идеи и идеалы. Несколько раз он сам признает, что не знает, почему и зачем он участвует в терроре(48). В полном отрыве не только от народа, но даже и от собственных товарищей, он полностью занят и ограничен своими внутренними конфликтами; ему просто безразличен весь мир(49). Его эгоизм, презрение и глубокое равнодушие к чужим судьбам, неважно чьим — жертв или террористов, — безграничны, и в своей готовности проливать кровь он ставит себя выше всего, совершая убийство по чисто личным мотивам. Короче говоря, роман Савинкова, в котором, кстати, автор следует типичному для Серебряного века заигрыванию с религией или, вернее, с апокалипсическими аспектами духовного мироощущения, выглядит как слабое

подражание «Бесам» Достоевского. Принимая во внимание автобиографические черты романа, важно отметить, что даже в своих собственных глазах Савинков, известный террорист, бывший одно время членом Центрального комитета партии эсеров, оказывается просто воплощением Николая Ставрогина(50). Как отмечает Келли, вторя Струве: «Роман также очерчивает возникновение нового типа, в котором моральная устойчивость превратилась в равнодушие к морали, — высокоспециализированного техника революции»(51).

В то же самое время нельзя отрицать, что как боевик Савинков обладал личной храбростью и был незаурядным практиком, хотя бы уже потому, что под его руководством Боевая организация совершила два своих самых знаменитых теракта. После долгой слежки террористам удалось определить ежедневные передвижения министра внутренних дел Плеве, вызывавшего особую ненависть как революционеров, так и либералов. 5 июля 1904 года, когда министр отправлялся на очередную аудиенцию у царя, Егор Сазонов (известный под кличкой Авель) подбежал к его карете и швырнул внутрь метательный снаряд, разорвавший Плеве в куски и ранивший самого бомбометателя(52). Этот успех, который долгие годы многие эсеры считали «делом чести для партии», значительно повысил престиж Боевой организации как внутри ПСР, так и среди других революционеров и их сторонников(53). Не теряя времени даром, террористы начали готовить столь же громкое покушение на жизнь великого князя Сергея Александровича, генерал-губернатора Москвы.

Впрочем, на некоторое время они отвлеклись на две неожиданные возможности в столице. Проводя слежку за генерал-губернатором Д.Ф. Треповым в С.Петербурге, члены местного отделения Боевой организации случайно узнали расписание министра юстиции Муравьева. Хотя у террористов не было санкции Центрального комитета и единственный его член, находившийся тогда в Петербурге, Николай Тютчев, резко высказывался против

совершения этого теракта, считая жертву слишком незначительной, Савинков придерживался собственной логики: «Если есть случай убить Муравьева, то нельзя не воспользоваться им уже потому, что неизвестно, будут ли удачны покушения на Трепова и великого князя Сергея»(54). Покушение на Муравьева состоялось 19 января 1905 года, но не удалось.

Вторая возможность была еще более заманчивой. Члену Боевой организации Татьяне Леонтьевой, дочери якутского вице-губернатора, в декабре 1904 года была оказана честь продавать цветы на балу, на котором должен был присутствовать Николай . Леонтьева, убежденная террористка, экспансивная и с несколько неустойчивой психикой, немедленно предложила убить царя. И вновь террористы, не дожидаясь согласия партийного руководства, с энтузиазмом одобрили это предложение. Савинков заявил: «Царя следует убить даже при формальном запрещении Центрального комитета»(55). Однако Леонтьевой не удалось принять участие в этом акте открытого неповиновения центральному руководству партии со стороны террористов: бал был неожиданно отменен.

К этому времени московское отделение Боевой организации было уже готово нанести удар императорской семье. Убийство великого князя Сергея Александровича произошло 4 февраля 1905 года. Большая самодельная бомба, брошенная близким другом Савинкова Иваном Каляевым, взорвалась с грохотом, который был слышен в отдаленных районах Москвы и был принят поначалу за землетрясение. На месте взрыва «лежала бесформенная куча… из мелких частей кареты, одежды и изуродованного тела… Головы не оказалось, из других частей можно было разобрать только руку и часть ноги». Бомба также тяжело ранила кучера и самого террориста, который был арестован, судим и повешен(56).

В практической области эти две внушительные победы — убийства Плеве и великого князя — принесли «кучу денег и много кандидатов в члены Боевой организации»(57). Даже среди консерваторов Плеве был известен как противник любых реформ и считался бюрократом до мозга костей, который душил всякое проявление свободомыслия и «компрометировал правительство, как никакой другой министр». Его убийство принесло ПСР и ее боевикам широкую известность, тем более что никто не сказал ни слова соболезнования по случаю смерти Плеве(58). Великого князя также считали реакционером, и к тому же его титул и близкие отношения с царем привносили некий символизм в это событие, так как он был первым членом царской семьи, убитым после 1881 года. Более того, его убийство подтвердило, что успех террористов, убивших Плеве, не был случайностью. Эти два теракта, однако, стали и последними успешными акциями Боевой организации, которая приближалась к концу своего так называемого героического периода. В марте 1905 года полиция, действуя на основании сведений тайного агента, эсера Николая Татарова, арестовала семнадцать членов Боевой организации, после чего она, согласно Савинкову, уже никогда не смогла достичь такой же силы и значения(59).

Из старых боевиков на свободе остались только Дора Бриллиант и несколько кандидатов в члены Боевой организации, еще никогда не участвовавшие в-терактах. Савинков, не поколебленный неожиданными арестами,

продолжал в Петербурге подготовку к покушению на Трепова, который в это время был, пожалуй, самой ненавистной фигурой в России. Однако непрерывная полицейская слежка за террористами, которая осуществлялась благодаря информации Татарова, заставила его на время отложить этот план(60). Тогда боевики стали вынашивать замысел убить великого князя Владимира Александровича, главнокомандующего С.-Петербургским военным округом, которого они считали ответственным за приказ открыть огонь по толпе в день Кровавого воскресенья. Они также планировали убийства Клейгель-са,

занимавшего должность киевского генерал-губернатора, и барона Унтербергера, губернатора Нижнего Новгорода. Из этих замыслов тоже ничего не вышло, и Боевая организация показала себя совершенно бессильной в период с февраля по октябрь 1905 года. Когда Николай обнародовал Октябрьский манифест, Центральный комитет ПСР, несмотря на громкие протесты всех членов Боевой организации и боевиков в провинции, принял решение прекратить террористическую деятельность партии, считая ее неуместной при новом конституционном порядке. Не обязанные больше оставаться в столице, почти все террористы-эсеры разъехались по провинциальным городам и, по словам Савинкова, «Боевая организация распалась»(61).

Савинков и другие убежденные сторонники террора, однако, не были готовы признать решение Центрального комитета обязательным для себя. В это время Савинков вынашивал несколько фантастических планов террористических нападений, включая арест председателя Совета министров графа Витте, взрыв бомбы в петербургском отделении Охранки и уничтожение всех электрических и телефонных коммуникаций в городе(62). Ни один из личных замыслов Савинкова не был претворен в жизнь, но после подавления правительством декабрьского восстания в Москве новый Центральный комитет, избранный на первом съезде ПСР, состоявшемся в Финляндии 29 декабря 1905 — 4 января 1906 года, заявил о намерении возобновить террористическую деятельность(63). Боевую организацию решено было восстановить и усилить новыми членами. Их должно было быть около 30, и направление их деятельности было заранее определено: Центральный комитет наметил две первые жертвы — Петра Дурново, министра внутренних дел, и вице-адмирала Ф.В. Дубасова, московского генерал-губернатора. По очевидным политическим причинам оба теракта должны были произойти до открытия заседания Думы(64). Генерал-губернатора решили убить первым, и примерно в это же время в Москве распространилась шутка: «Молодчина Дубасов, в

такую тяжелую минуту не потерял головы». — «О, не беспокойтесь, он ее еще потеряет»(65).

За исключением акта возмездия против полицейского осведомителя Татарова, убитого 4 апреля в Варшаве на глазах его родителей(66), покушение на Дубасова стало последним успехом Боевой организации, да и то неполным. После нескольких неудачных попыток приблизиться к жертве Борис Вноровский, переодетый в форму морского офицера, бросил 23 апреля 1906 года, за четыре дня до последнего срока, установленного Центральным комитетом, под карету Дубасова сверток, похожий на коробку конфет, завернутую в подарочную бумагу и перевязанную ленточкой. Произошел сильный взрыв, е результате которого террорист и адъютант Дубасова граф Коновницын были убиты на месте, кучер и несколько прохожих были ранены, а генерал-губернатора выбросило из кареты и он отделался легкими ранениями(67). 2(апреля новый выпуск сатирического журнала «Спрут? опубликовал уместную загадку: «Вопрос: Какая разница между европейскими министрами и нашими? Ответ: Те падают, а наши взлетают»(68).

27 апреля открылось заседание Думы, и Центральный комитет ПСР, хотя он и бойкотировал выборы подтвердил намерение прекратить террористической деятельность(69). Косвенно руководство партии такт образом спасло жизнь министра внутренних дел, покушение на которого Боевая организация не сумел произвести в отведенное на это время. Она также н смогла осуществить покушение на жизнь министр юстиции М.Г. Акимова. Эти неудачи, а также безуспешные попытки убить двух военных, которые игра ли главные роли в подавлении декабрьского восстания в Москве, — генерал-майора Георгия Мина, командира знаменитого Семеновского полка, и полковника Римана, — только лишний раз напоминали о провалах, преследующих организацию со времени арестов в марте 1905 года. Ранение Дубасова было единственным исключением, и многие члены партии начали сомневаться в правильности проведения

центрального террора, указывая на то, что целый ряд неудачных попыток не может быть случайностью(ТО).

Однако после роспуска Думы в июле 1906 года Центральный комитет опять переменил свою политику в области террора и официально возобновил террористическую деятельность, твердо решив применить все возможные средства против «поборников реакции», в первую очередь против министра внутренних дел Столыпина, который незадолго до того был назначен еще и премьер-министром. Столыпин, которого революционеры считали основным виновником роспуска Думы, стал главной мишенью Боевой организации. Чтобы защитить свою семью, Столыпин принял приглашение царя поселиться в Зимнем дворце, откуда он плавал по Неве на свои ежедневные встречи с Николаем II в Петергофе. Террористам не удалось использовать бомбы для покушения на Столыпина, так как они не могли даже приблизиться к нему. И наконец поздней осенью 1906 года они были вынуждены отказаться от своих планов и признать еще один провал(71).

В отчаянии Савинков попытался организовать убийство В.Ф. фон дер Лауница, петербургского градоначальника, но, когда даже это не удалось из-за постоянной полицейской слежки, он ушел со своего поста вместе с Азефом, который в то время представлял в Боевой организации Центральный комитет. ЦК назначил двух влиятельных эсеров, Слетова и Гроздова, на опустевшие посты, но, верные своей психологии закрытого кружка, боевики не признали посторонних и самораспустились. К началу 1907 года Боевая организация распалась окончательно и больше в своем прежнем виде уже не воскресала(72).

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НА МЕСТАХ

Вышесказанное не означало, что эсеры были готовы отказаться от тактики политических убийств, поскольку Боевая организация не была единственным террори-

слал террористку Евстилию Рогозинникову убить начальника С.-Петербургского Отдела тюрем А.М. Максимовского 15(28) октября 1907 года. Он же, совершенно в духе неразборчивости террориста нового типа, разработал план, согласно которому государственные деятели должны уничтожаться не потому, что они виновны в каком-то конкретном преступлении, а просто потому, что они занимают высокие посты. Он также вынашивал идею бросить бомбу в правую секцию зала заседаний Государственного совета, где сидели консерваторы, в том числе и министры. Поскольку будущих министров часто выбирали из консервативных членов Государственного совета, этот удар убил бы сразу двух зайцев — уничтожались не только действующие министры, но и возможные будущие государственные деятели, еще не успевшие показать себя врагами народа. Этот акт должен был совершить террорист, представлявшийся журналистом, но план не осуществился благодаря расторопности полиции: место пребывания Трауберга было установлено и он был арестован(77).

Планировавшееся нападение на Государственный совет не было единичным случаем неразборчивого террора. Террористы Северного летучего боевого отряда Трауберга сознательно избрали своей специальностью массовые убийства. Летом 1907 года, намереваясь убить военного министра А.Ф. Редигера, они собирались бросить бомбу во время заседания Военного совета. Власти раскрыли замысел, и во время следствия после ареста террористов один из них сообщил: «Организация решила убить всех министров и их заместителей, начиная с тех, кого меньше охраняют»(78).

Арест Трауберга был тяжелым ударом для Северного летучего боевого отряда, однако это не заставило террористов отказаться от подготовки других громких акций, и в конце

1907 года они направили свои усилия на покушения на великого князя Николая Николаевича, дядю царя, и министра юстиции И.Г. Щегловитова(79). А.В. Герасимов, начальник С.-Петербургского отделения Охранки, не мог найти остававшихся на свободе членов отряда, пока один из его агентов не открыл ему имя Анны Распутиной. Слежка за Распутиной установила, что она и ее товарищи регулярно встречаются в Казанском соборе, где, притворяясь молящимися, обмениваются информацией и взрывчаткой. Таким образом полиция раскрыла связи террористов и к 7 февраля 1908 года готова была действовать. Были арестованы девять членов Северного летучего боевого отряда, среди них — Марио Кальвино (Всеволод Лебединцев), который был весь обложен динамитом, являя собой живую бомбу, так как он собирался броситься под карету Щегловитова. Во время своего ареста он кричал полицейским: «Осторожно! Я весь обложен динамитом. Если я взорвусь, то вся улица будет разрушена»(80). Полиции все же удалось его арестовать, и через неделю состоялся суд. Семь террористов, включая Распутину и Лебединцева, были приговорены к смерти и повешены(81). Смелость боевиков перед лицом смерти впечатлила даже прокурора, наблюдавшего за казнью: «Как эти люди умирали… Ни вздоха, ни сожаления, никаких просьб, никаких признаков слабости… С улыбкой на устах они шли на казнь. Это были настоящие герои»(82). Общество тоже было потрясено этой казнью, раздавались голоса протеста, а писатель Леонид Андреев написал свой известный «Рассказ о семи повешенных».

В столице действовали в это время и другие террористические группы эсеров, в том числе Боевой отряд при Центральном комитете под руководством Льва Зильберберга, первоначально созданный как замена Боевой организации. Отряд добился своего первого успеха 3 января 1907 года, когда один из его членов, Евгений Кудрявцев (Адмирал), застрелил фон дер Лауница, давно уже бывшего объектом покушений. Накануне нападения фон дер Лауниц отказался принять во внимание предупреждения

полиции и не усилил мер безопасности.

Полиции удалось арестовать Зильберберга 9 февраля 1907 года, но его отряд продолжал и даже активизировал свои действия. 13 февраля только счастливая случайность спасла жизнь великого князя Николая Николаевича, когда подложенное под его поезд взрывное устройство было обнаружено солдатом за несколько минут до взрыва. В том же месяце Герасимов получил сведения о том, что террористы планируют теракт против самого Николая . Расследование показало, что еще летом 1906 года революционеры пытались завербовать Николая Ратимова, казака Императорского Конвоя, для помощи в нападении на царя, а может быть, и для выполнения этого акта. Ратимов, притворяясь согласным с планом террористов, постоянно сообщал об этих переговорах в Охранку, позволяя властям собрать достаточно улик для ареста и суда(83).

31 марта 1907 года двадцать восемь человек, вовлеченных в этот заговор, были арестованы. Во время суда над восемнадцатью террористами летом 1907 года Центральный комитет ПСР опубликовал официальное отречение от какой бы то ни было связи с этим планом и его участниками, уверяя, что руководство партии не приказывало никому из обвиняемых совершать теракт против царя(85). В то же самое время адвокаты, и среди них наиболее известные либеральные юристы России — В.А. Маклаков, Н.К. Муравьев, Н.Соколов и А.С. Зарудный, пытались доказать, что Охранное отделение раздуло дело, выставляя нескольких молодых революционных энтузиастов полноправными членами страшной Партии социалистов-революционеров и закоснелыми террористами(84). Однако Герасимов сумел предъявить суду достаточно доказательств того, что заговор против царя был задуман Центральным комитетом ПСР. В результате три лидера заговора — Б.И.Никитенко, В.А. Наумов и Б.С. Синявский — были приговорены к смерти, а остальные пятнадцать к различным срокам каторжных работ и ссылки(86).

Этот лживый отказ Центрального комитета ПСР от ответственности за террористическую деятельность не было единичным случаем. Высшее руководство партии заняло такую же позицию после казни эсерами героя Кровавого воскресенья, священника и харизматического пролетарского лидера отца Георгия Гапона, ставшего полицейским осведомителем вскоре после событий 9 января 1905 года. Для высшего руководства партии, установившего связь с Гапоном и потом публично отрекшегося от сотрудничества с ним, он стал мишенью номер один. В отличие от более ранних случаев, когда эсеровские террористические акты планировались и проводились группами боевиков, Центральный комитет послал привести в исполнение смертный приговор Гапону только одного человека — его друга и революционного соратника Петра Рутенберга (Мартына), который шел вместе с ним к Зимнему дворцу и спас ему жизнь, уведя в безопасное место, когда началась стрельба. Чтобы доказать сторонникам Гапона его связи с полицией, Центральный комитет решил, что Рутенберг должен убить и Гапона, и П.И. Рачковского, начальника политического отдела Департамента полиции, во время их тайной встречи(87).

В феврале 1906 года Гапон посетил Рутенберга в Москве и рассказал ему о своих связях с полицией. Он попросил Рутенберга помочь ему получить информацию о Боевой организации, за что полицейские чиновники якобы пообещали заплатить сто тысяч рублей. Действуя с санкции Центрального комитета, Рутенберг притворился, что обдумывает предложение Гапона, и во время торговли со священником о разделе между ними денег стал настаивать на личной встрече с Рачковским — встрече, которая предоставила бы ему возможность, убить обоих врагов(88). Время шло, Рачковский был слишком благоразумен, чтобы встречаться с революционером на условиях последнего, Рутенберг терял терпение и в конце концов решил избавиться только от Гапона, таким образом нарушая приказ Центрального комитета(89).

28 марта 1906 года Рутенберг заманил Гапона в заброшенный дом недалеко от финской границы, чтобы якобы закончить переговоры. Несколько рабочих прятались в смежной комнате и слышали, как Гапон убеждал Рутенберга предать своих товарищей. Убедившись в измене Гапона, рабочие, ранее бывшие его поклонниками, вломились в комнату и, не обращая внимания на мольбы священника, обмотали веревку вокруг его шеи и повесили(90).

Незадолго до этого убийства лидеры эсеров согласились принять участие в публичном суде над Гапоном за границей. Поэтому после расправы с ним они не испытывали желания признавать, что изменник был казнен до суда по их распоряжению. Чтобы выйти из этого неловкого положения, Центральный комитет использовал тот факт, что Рачковский, в нарушение инструкций, не был убит вместе с Гапоном(91). Лидеры эсеров также были озабочены возможной негативной реакцией трудящихся масс, среди которых, как они полагали, Гапон все еще был очень популярен как герой, который чуть не погиб, передавая петицию бедняков царю в Кровавое воскресенье; они боялись, что рабочие решат, что Гапон был убит из-за мелких интриг и соперничества внутри партии(92).

Человеком, заплатившим за беспринципность эсеровских руководителей, стал Рутенберг, превратившийся в глазах обществаиз революционного мстителя в обычного уголовника, подозреваемого в убийстве Гапона по личным мотивам и по собственной инициативе. Центральный комитет явно предал Рутенберга; может быть, желая скомпрометировать в то же время и правительство, ЦК даже не опроверг широко циркулировавшие слухи о связях Рутенберга с полицией и о том, что он убил революционного священника по приказу властей(93). В течение многих лет Рутенберг требовал, чтобы партия опубликовала официальное заявление о том, что Центральный комитет приказал ему убить Гапона, но руководство эсеров постоянно отклоняло его требования(94).

Анализ многочисленных политических убийств, готовившихся и совершенных в столице или недалеко от нее Боевой организацией или более мелкими террористическими группами, не оставляет сомнений в одном: постоянные заверения партийных идеологов о том, что террор был всегда частью массового движения рабочих, крестьян и солдат, являлись по преимуществу пустыми словами, необходимыми для видимой верности теоретическим постулатам. Многие теракты были местью, хотя некоторые и ставили цель углубления борьбы с правительством. В 1907 году, например, властям в С.-Петербурге удалось расстроить планы эсеров совершить «несколько террористических актов против высшего военного командования… чтобы поддержать революционные настроения в армий»(95).

Как совершенно правильно отметила исследовательница ранней деятельности эсеров, «терроризм эсеров был более эффективен в 1902–1904 годах, когда массовое движение находилось в начальной стадии, чем в революционные 1905–1907 годы»(96). Во-первых, высокопоставленные жертвы первых лет террористической деятельности эсеров были выбраны так, чтобы их убийства символизировали борьбу против репрессий властей. Во-вторых, громкие убийства таких государственных деятелей, как Плеве и великий князь Сергей Александрович, не только оказывали огромное пропагандистское воздействие, но и принуждали царское правительство идти на значительные уступки. После Плеве министром внутренних дел стал защитник либеральных преобразований князь Святополк-Мирский, а объявление политических реформ в феврале 1905 года последовало вслед за убийством великого князя(97). С другой стороны, хотя число террористических актов, совершенных эсерами, в это время значительно увеличилось, эффективно способствуя дестабилизации центральных российских регионов, после 1905 года эсерам не удавалось добиться заметного успеха в достижении трех главных целей организованного террора: возмездие, пропаганда революции и ослабление верховной

власти с целью заставить ее идти на уступки.

Согласно статистике, собранной самими эсерами, между 1902 и 1911 годами на всей территории империи было совершено 205 террористических актов против правительственных чиновников разных уровней, и есть основания полагать, что на самом деле этих актов было гораздо больше(98). В революционном хаосе 1905–1907 годов многочисленные группы эсеров, действовавших в маленьких городках и местечках, а также в областных и уездных центрах, были настолько изолированы от штаба партии за границей и настолько независимы в своих действиях, что многие теракты так никогда и не попали в летопись партии. К тому же не было редким явлением совершение террористических актов эсерами-одиночками, целиком по собственной инициативе и без формального согласия местных групп. Конечно, партия не брала на себя ответственность за многие подобные теракты, которые были направлены против мелких чиновников и других малозначительных особ(99). В 1905–1907 годах люди погибали ежедневно в результате никем не зарегистрированных террористических нападений, и источники приводят самые разные цифры, сообщая о многочисленных жертвах среди прохожих на местах взрывов.

В атмосфере анархии, царившей в России в революционные годы, часто было трудно установить, кто песет ответственность за конкретный теракт. Это осложнялось еще и соревнованием различных террористических групп, стремившихся записать на свой счет удавшиеся убийства, видя в этом повышение политического престижа их партий и приобретение личной славы для исполнителей. Среди многих других подобных случаев особенно выделяется один, имевший место в Киеве ранней весной 1905 года, когда один эсер объявил себя террористом, скрывшимся после причинения огнестрельных ранений начальнику Охранного отделения Спиридовичу. Друзья самозваного героя пытались переправить его за границу, чтобы спасти от ареста, и обратились за помощью к

комитету, ПСР в Киеве, который отказал в помощи на том основании, что этот акт не был им санкционирован.   Скоро выяснилось, что этот теракт был совершен вовсе 1 не эсером, а одним осведомителем Охранки, которого мучили угрызения совести и который жаждал отомстить своим полицейским начальникам. Это не по-1 мешало киевским эсерам распространить тысячи листовок, в которых они приписывали своему товарищу заслугу в «героическом приведении в исполнение приговора, вынесенного ПСР Спиридовичу»(100).

Точно так же как террористы нового типа в центральной Боевой организации стремились отстоять свою независимость от высших партийных органов, их товарищи в провинции часто игнорировали резолюции ЦК и даже иногда действовали вопреки им. Это неповиновение проявилось особенно ярко в реакции различных групп на принятую после обнародования Октябрьского манифеста резолюцию ЦК ПСР о прекращении террористической деятельности. Многие эсеры на местах были возмущены тем, что они считали оппортунизмом и соглашательством с умирающим самодержавием. Екатерина Измаилович, позже стрелявшая и тяжело ранившая вице-адмирала П.Г. Чухнина, командира Черноморского флота в Севастополе, подавившего бунт на крейсере «Очаков» в 1905-м, назвала такое решение руководства партии «предательством народного дела». Многие эсеры решили не подчиняться ЦК и продолжать террористическую деятельность(101). Таким образом, после октября 1905 года, несмотря на официальное заявление ПСР о приостановке всякой террористической деятельности, за исключением терактов против отдельных особо отличившихся жестокостью репрессивных мер представителей правительства, эсеры по всей российской территории продолжали убивать государственных чиновников, полицейских и армейских офицеров, осведомителей и шпионов(102). То же происходило и сразу после открытия заседаний Думы, когда руководство ПСР в очередной раз оказалось не в состоянии контролировать

своих боевиков(103).

Впрочем, все увеличивавшееся число новых эсеров-боевиков сильно отличалось от членов Боевой организации той легкостью и явным равнодушием, с которыми они осуществляли свои кровопролитные акции. Боевая организация действовала сравнительно осторожно, и в начальный период ее деятельности Гершуни принимал меры к сохранению жизни невинных прохожих, используя не взрывные устройства, а револьверы и, по словам боевика Владимира Зензинова, оказывая предпочтение «прямым и героическим ударам в лицо врагу»(104). И позже, при Савинкове, Иван Каляев после нескольких недель подготовки в последний момент отказался от намерения бросить бомбу под карету великого князя Сергея Александровича, заметив, что там кроме сановника находились его жена и дети ее родственников(105).

С другой стороны, трудно безоговорочно принять уверение Зензинова, что «эти принципы… стали характерными для всей террористической деятельности партии даже после Г.А. Гершуни» и что «они превратились в традицию для террора ПСР на все будущие времена и на весь период ее существования»(106). Так, например, покушение на генерал-лейтенанта Неплюева, командира севастопольской крепости, показывает, что рядовые российские граждане не могли чувствовать себя в безопасности при эсеровском терроре. 14 мая 1906 года, во время парада по случаю празднования годовщины коронации Николая II , двое террористов, действовавших с ведома и с помощью севастопольского комитета ПСР, но не по прямому его приказу, пытались убить Неплюева при помощи самодельных бомб. Имея на себе смертоносные, в любой момент могущие взорваться «адские машины», они смешались с толпой зрителей, ожидавших проезда генерала, но, когда один из них, Николай Макаров, бросил свою бомбу под ноги Неплюеву, взрывной механизм не сработал. В это же самое время раздался оглушительный взрыв с другой стороны — это преждевременно разорвалась бомба

второго террориста, матроса Ивана Фролова, которая убила на месте самого Фролова и шестерых зрителей и ранила тридцать] семь человек(107).

Это покушение на Неплюева не было случайным трагическим эпизодом в кампании эсеровского террора эсеров. Поскольку для террористов наилучшие возможности для приближения на достаточно близкое расстояние к высшим чиновникам представляли публичные мероприятия, они использовали для совершения терактов такие события, как, например, церковные службы и молебны(108). К 1905 году гнев эсеров уже не был направлен только против крупных правительственных чиновников, лично ответственных за преследования. Например, террорист Сергей Ильинский объяснял после того, как 9, декабря 1906 года в городе Твери он стрелял отравленными пулями в генерал-адъютанта графа Игнатьева, члена Государственного совета, что причиной этого поступка послужила причастность графа к правительству, которое «шло против народа и вешало его», а также его близость ко двору(109).

Жертвами эсеровских групп на местах, как и действующих в одиночку членов ПСР, в отличие от Бое-; вой организации и вообще от столичных эсеров, становились и менее заметные фигуры, чем Неплюев и Игнатьев, — еще и потому, что в провинции попросту было не так уж много высших должностных лиц. Понятно, что революционеры не жалели и полицейских агентов и предателей из своей среды, заявляя: «Шпионы подлежат уничтожению во всякое время уже по одному тому, что они шпионы»(110). В этом эсеры мало отличались от своих предшественников, но только начиная с 1905 года их мишенями стало такое огромное количество низших чинов — таких, как городовые, жандармы, тюремные надзиратели и военные, а также частные лица, включая управляющих фабриками, сторожей и дворников, которых эсеры причисляли к «активным силам реакции»(111).

Объяснение этих убийств, предложенное самими революционерами, проливает свет на то, как, по их, мнению, нужно было теперь бороться с правительством. На собрании специальной боевой дружины при С.-Петербургском комитете ПСР, состоявшемся 14 сентября 1906 года в Финляндии, революционеры решили «немедленно начать вести партизанскую войну, не только для того, чтобы добыть [денежные] средства или нанести какой-либо урон правительству при убийстве какого-нибудь полицейского чина, но и, главным образом, для того, чтобы постоянными партизанскими выступлениями поддерживать боевой дух в [террористических] дружинах, приучить их к опасностям и поддерживать таким образом практику»(112). Только представитель Центрального Комитета, присутствовавший на этой встрече, возражал против массовых убийств городовых, считая «бессмыслицей убивать человека за то только, что он носит мундир». После дискуссии революционеры достигли своеобразного компромисса: «…отдельных городовых не убивать, но разослать прокламации, чтобы все оставили бы полицейскую службу, а те, кто не оставит таковой, объявляются врагами народа и будут одновременно убиты на своих постах»(113).

Как и другие террористы нового типа, к 1905 году эсеры были готовы к массовым убийствам представителей ненавистного режима. Во многих случаях это намерение не ограничивалось словами: эсеры бросали бомбы в проходящие военные патрули в Екатеринославе и Одессе и в эскадроны казаков в Гомеле(114). В одном случае член местного комитета СР подложил самодельную бомбу под вагон, в котором ехали низшие чины жандармерии, и некоторые из них были ранены при взрыве(115). Эсеры также планировали железнодорожные катастрофы и в декабре 1905 года попытались (впрочем, безуспешно) устроить крушение поезда, которым в Москву переправлялись войска для подавления восстания(116).

Местные террористические группы также отличались от революционных идеалистов

предыдущих поколений своим составом и идеологией. Огромное число боевиков в провинции, отклоняясь от ортодоксальной позиции ПСР или вовсе ее игнорируя, были истинными представителями нового типа террористов. Большинство из них совершенно не интересовались теоретическими вопросами и спорами в социалистической среде. Бесстрашные экстремисты, готовые пролить кровь и погибнуть в борьбе за свободу, с презрением относились к словесным баталиям, философским абстракциям и политическим построениям и не обладали элементарными знаниями о классовой теории, чтобы называться социалистами. К примеру, эсер Н.Д. Шишмарев, в августе 1909-го убивший начальника тобольской каторжной тюрьмы Могилева, открыто заявлял, что те революционеры, которые слишком серьезно относились к догматическим вопросам, теряли революционное рвение и решимость. Товарищи Шишмарева прекрасно знали, что он сам вовсе не был последовательным сторонником партийной программы, что не мешало им считать его настоящим эсером, поскольку в те времена выше всего ценились боевой дух и революционный энтузиазм(117).

Достаточно большое число революционеров вступало в эсеровские террористические группы, не ознакомившись с целями и принципами ПСР. Григорий Фролов, бывший столяр, убивший самарского губернатора Блока, признавал, что он совершенно невежествен в партийных вопросах и что он видел настоящих революционеров только два раза в жизни, когда недолго находился в тюрьме за незначительные политические проступки. Сначала Фролову понравились большевики, но впоследствии он примкнул к более воинственным эсерам и стал активным участником боевых действий не потому, что превратился в убежденного социалиста или террориста, а просто для того, чтобы «узнать, что это за партия»(118). Спустя много лет после завершения его террористической карьеры Фролов, описывая в своих мемуарах лидера самарских боевиков, удивлялся, «почему это случилось так, что выбор в такие чрезвычайно важные

организации, как боевые, был поручен товарищу чрезвычайно молодому, девятнадцати лет, абсолютно неопытному и не умеющему выбирать подходящих для этой цели людей»(119). Так низка была политическая культура некоторых революционеров, что один такой «освободитель народа», горя желанием помочь террористической группе, в своем рвении даже не удосужился узнать ее название и партийную принадлежности 120). Принимая во внимание ограниченную теоретическую подготовку своих членов, ПСР не могла ожидать от них следования своему главному принципу — сочетанию террористических методов с различными проявлениями массового движения в стране. Большинство совершенных в провинции политических убийств никак не были связаны с революционной активностью трудящихся, что иногда признавали сами лидеры эсеров, заявляя, что вооруженное восстание маловероятно в ближайшем будущем, и в то же время призывая боевиков продолжать убивать чиновников и полицейских(121).

Мы не хотим сказать, что террор всегда был изолирован от экономической борьбы. В 1905-м, например, в Риге эсеры убили десятки управляющих и директоров фабрик, которых они считали виновными в тяжелых условиях труда или в которых видели противников стачек и других форм протеста рабочих(122). В это же время на Урале существовали особые боевые отряды эсеров, использующих террористические методы для помощи рабочему движению в этом промышленном регионе(123). На Кавказе весной 1907 года эсеры принимали активное участие в забастовке каспийских матросов в Баку, действуя под руководством комитета ПСР и распространяя листовки с угрозами нанимателям, отказывавшимся принять рабочих обратно на службу. Они также взорвали большой корабль, причинив ущерб приблизительно в шестьдесят тысяч рублей, и убили командира корабля, пытавшегося прекратить беспорядки(124).

Не желая слепо следовать официальной линии партии, многие эсеры ощущали необходимость переоценить свое личное отношение к индивидуальному и

экономическому террору. Их новые взгляды часто сильно отличались от ортодоксального социал-революционного мышления, и попытки руководства ПСР подчинить еретиков более жесткому центральному контролю привели к тому, что многие из них отошли от партии и образовали автономную организацию — фракцию максималистов.

МАКСИМАЛИСТЫ

Со дня своего основания Партия социалистов-революционеров пропагандировала политический террор, определяя его как «нападения на правительственных чиновников, в том числе шпионов и осведомителей». Однако начиная примерно с 1904 года в среде эсеров] стали возникать группы, призывавшие к использованию экономического террора как «средства более тесно связать деятельность партии с движениями масс». Экономический терроризм принимал различные формы, включая в себя аграрный и фабричный террор и революционные экспроприации(125).

С самого начала отношение ПСР к аграрному террору было двойственным. С одной стороны, уже в 1902 году Крестьянский союз эсеров предлагал мирные средства экономической борьбы, такие, как забастовки и бойкоты, но указывал, что в случае необходимости крестьяне могут прибегать и к насильственно-разрушительным действиям, таким, как незаконный выпас скота и порубки леса, поджоги (на языке;' деревни — пускание «красного петуха»), захват урожая, нападения на усадьбы и на самих землевладельцев и их управляющих(126). С другой стороны, лидеры; ПСР часто осуждали аграрный террор, потому что им   было трудно контролировать традиционные выступления крестьян против землевладельцев и вводить их в { рамки общей партийной работы в деревне(127). В то же время руководство ПСР опасалось, что партия может остаться в стороне от крестьянского движения, если будет настаивать только на мирных и

организованных формах экономической борьбы(128).

Последнее соображение привело некоторых эсеров к созданию в Женеве группы аграрных террористов под; руководством старой народоволки Екатерины Брешко-Брешковской («бабушки русской революции») и М.И. Соколова (Каина или Медведя), которые к 1904 году стали требовать от партии более активного участия во всех крестьянских выступлениях, в том числе в провоцировании и координации насильственных действий в деревнях. В ноябре того же года женевская группа приняла резолюцию о формировании особых боевых отрядов для проведения аграрного и политического террора на местах с целью уничтожения представителей и защитников правящих классов(129).

Брешковскую и Соколова поддержали наиболее молодые и радикальные эсеры, занимавшиеся практической деятельностью, в то время как старшее поколение революционеров в эмиграции выступило против их предложений. Те, кто пытался не допустить вовлечения ПСР в аграрный террор, были более знакомы с теорией, а не с работой среди крестьян. Они боялись распространения анархии в деревне и настаивали, чтобы партия не участвовала в экстремистских выступлениях, поскольку насильственные действия крестьян не поддаются контролю.

Центральный комитет был готов пойти на компромисс со сторонниками аграрного террора и разрешить нападения на казаков и сторожей в помещичьих усадьбах, объявив такие акты частью политической борьбы(130). В определенных случаях руководство ПСР само призывало к насильственным действиям против землевладельцев и их собственности(131). Более того, ЦК разрешило аграрным террористам, как партийному меньшинству, остаться в партии и пропагандировать свои взгляды при условии, что они не будут заниматься агитацией среди крестьян. Однако Соколов по возвращении в

Россию немедленно нарушил это условие и начал активную работу среди рабочих и крестьян, призывая их «избивать царских чиновников, капиталистов и землевладельцев»(132). Его попытки привлечь к аграрному терроризму эсеров на всей территории империи оказались успешными, особенно в западных губерниях, на Украине и в Белоруссии; но в апреле 1905 года Соколов и его сторонники были арестованы в Курске, что практически «уничтожило аграрных террористов как организованную партийную фракцию»(133).

Тем не менее, по словам Перри, аграрный терроризм стал одним из основных пунктов партийной программы максималистов в 1906 году, хотя на деле они больше занимались экономическим террором в городах, а не в сельской местности(134). Для максималистов экономический террор в городах означал в первую очередь фабричный террор, то есть насильственные акты против жизни или собственности владельцев фабрик и заводов с целью оказания помощи рабочим в их экономической борьбе. Фабричный террор особенно широко распространился в промышленных районах, таких, как Урал, а также на Кавказе и в северо-западных областях. Политика максималистов основывалась на убеждении, что «только бомбами… мы можем заставить

буржуазию пойти на уступки»(135). Официальная же позиция ПСР по вопросу о фабричном терроре была не менее двусмысленной, чем в случае аграрного терроризма: критикуя и даже осуждая его в теории, руководители партии на практике допускали и даже поощряли террористические акты против капиталистов(13б). Вполне понятно, что и отношение максималистов к политическим убийствам было более радикальным, чем среди эсеров. Возмущенные слишком сильным, как они считали, центральным контролем деятельности эсеров-террористов и отсутствием независимости в проведении боевых операций, особенно после решения ПСР в октябре 1905 года о прекращении террористической деятельности, максималисты порвали в начале 1906 года формальные

связи с ПСР и объединились в Союз эсеров-максималистов(111). В первый же год существования этого союза его члены под руководством Соколова (который сам в прошлом был членом эсеровской Боевой организации) приняли участие в нескольких особо кровавых террористических выступлениях и стали участниками многочисленных случаев беспорядочного насилия. Летом и осенью 1906 года более ста максималистов были арестованы, что привело к расколу организации на отдельные группы полуанархистского типа(138).

Чернов с полным основанием описывал террористическую деятельность максималистов как массовые убийства наподобие погромов, и даже сами они признавали, что история их движения была отмечена преступно легкомысленным отношением к их собственной и чужой жизни(139). Это не были просто безответственные поступки отдельных террористов, такова была официальная политика: на Первой конференции эсеров-максималистов в октябре 1906 года лидеры фракции решили перейти от индивидуального террора к террору массовому. Участники конференции проголосовали за проведение боевых акций не только против наиболее ненавистных представителей администрации, но и против целых учреждений, заявив: «Где не помогает устранение одного лица, там нужно устранение их десятками; где не помогают десятки — там нужны сотни»(140).

Вероятно, наиболее чудовищным примером такого легкомысленного отношения к человеческой жизни было сенсационное покушение на Столыпина 12 августа 1906 года. Три максималиста, двое в форме офицеров корпуса жандармов и один в штатском, подъехали на извозчике к даче Столыпина на Аптекарском острове в С.-Петербурге, имея в руках по портфелю с бомбами. Уже внутри здания они были остановлены охраной и с криком «Да здравствует свобода, да здравствует анархия!» с силой бросили портфели с шестнадцатипудовыми бомбами наземь. Произошел страшный взрыв, максималисты

были разорваны в куски(141). Герасимов, прибывший на место взрыва, так описывает увиденную картину: «Вся дача еще была окружена густыми клубами дыма. Весь передний фасад здания разрушен. Кругом лежат обломки балкона и крыши. Под обломками — разбитый экипаж и бьются раненые лошади. Вокруг несутся стоны. Повсюду клочья человеческого мяса и кровь»(142). По счастливой случайности, от взрыва не пострадало только одно помещение — кабинет Столыпина, где он находился в момент нападения. Единственным ущербом для министра было то, что взрывной волной подбросило в воздух чернильницу на его столе, и его лицо и одежда оказались забрызганы чернилами(Н3). Место и время этого покушения прекрасно демонстрируют отношение максималистов к человеческой жизни. Рассчитав, что легче всего было проникнуть к Столыпину в приемный день, они не могли не предвидеть, что десятки людей будут ожидать своей очереди увидеть премьер-министра. В результате не только были ранены четырнадцатилетняя дочь и четырехлетний сын Столыпина, но и пострадало еще почти шестьдесят человек, из которых, по официальным данным, 27 было убито, в том числе несколько женщин и стариков(144).

Покушение на Столыпина также продемонстрировало тенденцию максималистов устраивать крупные теракты в столице, где они имели возможность убить большое количество людей при каждой операции, таким образом усиливая эффект своих действий. Одной из предложенных акций было нападение на С.-Петербургское Охранное отделение. Планировалось ввезти во двор здания экипаж, наполненный динамитом, и там взорвать его. Максималисты подготовили достаточно взрывчатки для разрушения всего здания, рассчитывая, что сотрудники Охранного отделения погибнут или при вспыхнувшем пожаре, или просто под обломками взорванного здания(145). Согласно сведениям полиции, максималисты, так же как и члены Северного летучего боевого отряда эсеров, планировали теракт против Государственного совета и мощный взрыв в

царской резиденции в Зимнем дворце(116).

В Москве после подавления декабрьского восстания многие максималисты, участвовавшие в боях на баррикадах, посвятили себя индивидуальному терроризму и стали попросту отлавливать рядовых полицейских. В одном случае максималист позвонил в дверь квартиры, где жил офицер полиции, и стал стрелять во всех, кто показывался в коридоре. Ему удалось скрыться, убив по крайней мере трех человек(147).

В провинции максималисты, казалось, еще резче реагировали на военную или полицейскую форму, стреляя без разбора во всех, кто в ней появлялся(148). Часто они принимали участие и в полууголовных насильственных акциях. Уйдя из-под контроля руководства ПСР, члены, как минимум, шестидесяти восьми максималистских организаций, действовавших на территории всей империи к 1907 году(149), открыли себе дорогу к реализации третьей составной части их экономического террора — к революционным экспроприациям, к которым и эсеры, и максималисты на практике прибегали гораздо чаще, чем к аграрному и фабричному терроризму.

ЭКСПРОПРИАЦИИ

В то время как основной задачей Боевой организации эсеров были политические убийства и ее члены никогда не занимались нападениями на частные владения или на государственные экономические учреждения, эсеровские группы в провинции не гнушались такими актами революционного насилия, как грабежи, конфискации денежных средств, вымогательства пожертвований и другие формы экспроприации. Эсеры начали экспроприировать частную и государственную собственность в первую очередь в западных областях еще в 1904 году, и к середине 1906 года количество подобных актов достигло масштабов эпидемии, нанося государству и частным лицам на всей территории

империи ущерб в миллионы рублей. Кассы многих организаций эсеров на местах пополнялись исключительно за счет экспроприированных средств(150), таким образом привлекая особое внимание руководства ПСР к вопросу о политически мотивированных грабежах.

Лидеры эсеров скоро убедились, что на деле акции, теоретически считавшиеся революционными экспроприациями, часто оборачивались чисто уголовными делами, привлекавшими в ряды социалистов различных темных личностей и даже явных бандитов. Довольно часто случалось так, что небольшой боевой отряд, организованный в начале и действовавший под руководством местного комитета СР, со временем отделялся и боевики действовали независимо, добывая средства для партии, а также для самих себя путем нападений и угроз. Их деятельность все больше и больше сводилась к обеспечению средствами себя лично. Вскоре они начинали вырабатывать подходящую идеологию и становились анархистами, терроризируя мирное население(151). По мере того как росло число случаев вымогательства, шантажа, произвольных налогов и обложений, грабежей и других форм экспроприации, особенно после появления признаков поражения революции во второй половине 1906 года, престиж партии падал, в то время как уровень деморализации среди революционеров на местах поднимался(152). В этой ситуации ПСР попыталась выработать официальную точку зрения на экспроприации и несколько раз меняла свои взгляды, все больше ужесточая условия, допускающие «эксы».

В декабре 1905 года и в январе 1906-го во время дискуссий на съезде партии эсеры подняли вопрос о революционных грабежах. В это время акты экспроприации уже совершались, хотя не стали еще столь распространенными. В течение следующего года число их так выросло, что некоторые лидеры эсеров уже не на шутку обеспокоились. Одним из тех, кто пытался бороться с этим явлением, считая акты экспроприации просто

уголовными деяниями, наносящими партии лишь вред, был Гершуни. Его не заботила так называемая «буржуазная мораль». С его точки зрения, партия должна была бороться с «эксами» не потому, что признавала неприкосновенность частной собственности, а потому, что эти акты «разрушают и развращают наши организации, унижают революцию и ослабляют ее силы»(153). Он пытался убедить своих товарищей по партии, что экспроприации ведут к деморализации революционеров, а также, будучи прагматиком, настаивал на том, что все деньги, полученные в результате экспроприации, не компенсировали потерь, которые несла партия из-за уменьшения пожертвований, так как потенциальные жертвователи отшатывались от революции из-за подобной у годовщины (154). Гершуни призывал ПСР остановить не только экспроприации частной собственности, но и, за немногими исключениями, все другие революционные грабежи, не принимать и не использовать ворованных денег(155). Большинство лидеров ПСР, однако, не разделяло беспокойство Гершуни о чистоте репутации партии и ее революционных идеалов. Осенью 1906 года Второй совет ПСР одобрил экспроприации денег и оружия у государства. При этом ставились два условия: революционные грабежи должны были проводиться только под контролем областных комитетов СР и при этом оружие могло использоваться только против полицейских и жандармов. Те, кто продолжал бы участвовать в экспроприациях частной собственности, подлежали исключению из партии(156). Эта резолюция, так же как и подобные решения организаций на местах(157), не привела к желаемому результату, и после жарких дебатов на съезде ПСР в феврале 1907 года руководство партии объявило, что экспроприации государственной собственности допустимы лишь с санкции и под прямым контролем Центрального комитета и что участники всех таких акций должны воздерживаться от пролития крови(158).

Лидеры ПСР, тем не менее, не могли игнорировать тот факт, что, по словам Перри,

если уж признан сам «принцип террористического насилия против жизни и собственности, невозможно ограничить его применение»(159). На деле ни одно из условий, поставленных руководством ПСР для «законных» грабежей, не соблюдалось рядовыми членами партии. Экспроприация частной собственности продолжалась(160). Возмущенные товарищи иногда пытались применять санкции, и несколько эсеров были исключены из партии за нападения на продуктовые магазины и лавки, не-

которые были убиты за «бандитизм» и за проведение «отвратительных экспроприаций»(161). Это не помогло, и местные и областные комитеты теперь выбирали одно из двух: они или признавали и одобряли определенные частные экспроприации «ввиду критического [исторического] момента», или категорически отрекались в своих листовках от причастности к грабежам, проводимым от имени партии эсеров(162). Непричастность к эксам в некоторых случаях, вероятно, была правдой, но чаще всего партия просто пыталась уйти от ответственности за действия ее членов, незаконные даже с ее собственной точки зрения. Интересно, что один эсер, арестованный за участие в акте экспроприации частной собственности, собирался на суде объявить себя максималистом или независимым революционером, чтобы не замарать честь партии(163). Нередко эсеры занимались и вымогательством. Обеспеченный гражданин получал небрежно написанную записку с печатью местного комитета СР приблизительно следующего содержания: «Рабочая организация Партии социалистов-революционеров в Белостоке требует от Вас немедленно пожертвовать… семьдесят пять рублей… Организация предупреждает, что в случае, если Вы не передадите эту сумму, она примет суровые меры против Вас и Ваше дело будет передано в Боевой отряд»(164).

Эсеры не выполняли и второго условия, поставленного лидерами партии, а именно чтобы экспроприации проводились под строгим контролем Центрального комитета. Местные группы эсеров редко ставили в известность центральное руководство о

планировавшихся экспроприациях частной и государственной собственности и не сообщали об уже проведенных акциях. Более того, отдельные эсеры предпринимали подобные действия по собственной инициативе и на свой страх и риск, не испрашивая санкций даже своих местных организаций(165). Поэтому практически невозможно установить, какие именно из сотен актов экспроприации, направленных против банков, почтовых отделений, казенных винных магазинов, частных лавок, церквей, больниц и других учреждений и заведений на территории империи, были осуществлены после 1905 года социалистами-революционерами.

Многие акты экспроприации были далеко не бес-

"бывшим студентом Московского университета Владимиром Мазуриным, экспроприировали у Московского Общества взаимного кредита около восьмисот тысяч рублей(169). Эти крупные средства позволили партийным оппозиционерам привлечь в свои ряды несколько местных эсеровских организаций, буквально подкупив комитеты в Екатеринославе, Рязани и Ставрополе, а также некоторые группы на Кавказе и в столицах. Таким образом руководителям оппозиционной фракции удалось собрать под своим началом довольно большие силы, хотя новое движение было ослаблено разборками между отдельными революционерами и целыми группами из-за использования экспроприированных денег и взаимными обвинениями в растратах и расточительстве(170).

Вооруженные грабежи продолжались, и 14 октября 1906 года несколько боевиков из группы Соколова под руководством некоего товарища Сергея совершили в С.-Петербурге самую блестящую из всех максималистских экспроприации государственных средств — знаменитый экс в Фонарном переулке. Вооруженные браунингами, революционеры напали на хорошо охранявшуюся карету, перевозившую больше шестисот тысяч рублей с

Петербургской портовой таможни в Казначейство и в Государственный банк. Максималисты рассчитывали на эффект внезапности и устроили налет в полдень на оживленной улице в самом центре столицы. Несколько боевиков начали стрелять в охрану и бросать бомбы, в то время как остальные захватили мешки с деньгами, перебросили их в ожидавшую карету, в которой сидела дама под вуалью, и умчались. Оставшиеся товарищи продолжали стрелять в полицейских, помешав этим погоне(171).

Хотя немногие местные группы максималистов могли похвастаться такой удачей, по всей стране ими совершалось огромное количество мелких экспроприации, и при этом в своем фанатизме они часто рисковали жизнью за совершенно незначительные суммы. Этих грабежей было так много, что даже просто своим количеством они вносили немалую лепту в огромный ущерб, наносимый государству и частным лицам. В С.-Петербурге независимый отряд максималистов во главе с Николаем Любомудровым осуществил несколько мелких экспроприации, грабя продуктовые магазины, уличных торговцев, питейные заведения, почтовые отделения и церкви. В отличие от эсеров максималисты не делали различия между государственной и частной собственностью, и их простая логика имела больше общего с примитивным анархизмом, чем с научным социализмом: «Если нет ни работы, ни жалованья, жить не на что, тогда надо экспроприировать деньги, еду и одежду»; в борьбе с эксплуататорами должна была применяться единственная тактика — экономический терроризм(172). Подобными же соображениями руководствовались многие максималистские группы в провинции, которые к тому же часто прибегали к вымогательству, посылая местным богачам письма с требованием немедленно выдать деньги и угрожая расправой в случае отказа или промедления(173).

ОЧИСТКА ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Немногие документы проливают столь яркий свет на темные стороны движения русских социалистов-революционеров, как «Очистка человечества» — брошюра, написанная Иваном Павловым, одним из видных теоретиков максимализма, и напечатанная в Москве в 1907 году. В ней обсуждаются теория и практика, типичные для терроризма нового типа. Она была написана в то время, когда максималистская деятельность начала спадать и терпеть систематические поражения вследствие эффективных мер правительства, арестовывавшего одну группу революционеров за другой. Хотя эта брошюра не стала официальной частью программы максималистов, она содержит многие идеи, близкие им по духу, и таким образом является верным отражением экстремистского направления социал-революционной мысли.

Согласно Павлову, человечество делится не только на этнические, но и на этические расы. С его точки зрения, те, кто осуществляет политическую власть (представители правительства, администрации, полиции и т. д.), а также власть экономическую (капиталисты и другие эксплуататоры), приобретают так много отрицательных черт, что их необходимо выделить в особую расу. Эта раса хищников, по мнению Павлова, морально ниже наших животных предков: худшие признаки гориллы и орангутанга развились в них в пропорциях, не имеющих параллелей в животном мире. Нет такого зверя, в сравнении с которым эти типы не казались бы чудовищами(174).

Для морально высшей расы (в которую Павлов включал «лучших альтруистов» революционного движения, и особенно террористов) наиболее опасным в подобной ситуации было то, что отрицательные черты неизбежно передавались злодеями по наследству следующим поколениям. Большинство детей эксплуататоров и угнетателей были обречены, по мнению автора, проявлять те же злобу, жестокость, жадность и ненасытность, что и их родители(175). Отсюда логически следовало, что для спасения человечества от угрозы захвата всего мира со стороны быстро растущих сил этих

морально разложившихся и звероподобных дегенератов их раса должна быть полностью уничтожена. Рассуждая в очень общих выражениях, Павлов не ответил на вопрос, каким именно способом нужно уничтожить худшую часть человечества: практические детали можно было выработать позже(176).

Таким образом, брошюра Павлова призывала к организованному массовому террору в возможно большем масштабе., то есть — к тотальной гражданской войне, когда одна часть населения стремится полностью уничтожить другую. По своей жестокости в проповеди бесконечного насилия для оправдания теоретического принципа эта брошюра не имела аналогов не только в русской революционной традиции, но и вообще в радикальной мысли. Но вот что было особенно замечательно: она не вызвала никаких отрицательных отзывов, никакого возмущения, никаких протестов, она даже не привела к спорам в рядах самих максималистов или социалистов других направлений. Среди анархии и кровопролития, царивших в России в момент написания брошюры, новый тип революционера вовсе не был шокирован павловской расовой теорией, вероятно видя в ней просто оригинальный анализ современной социально-экономической и политической ситуации. К тому же Павлов не был одинок в призывах к массовому террору с целью создания более справедливого социального устройства. Бывший народник, ставший максималистом, М.А. Энгельгардт тоже выступал за повальный красный террор и даже рассчитал, что для укоренения социализма в России необходимо уничтожить не меньше двенадцати миллионов контрреволюционеров, включая землевладельцев и заводчиков, банкиров и священ-ников(177).

Максималисты не приняли писаний Павлова за основу своей официальной программы, однако его продолжали считать «умнейшим идеологом максимализма»(178). Можно задать вопрос, является ли простым историческим совпадением тот факт, что в XX веке, проходящем под знаком тоталитарной идеологии и преследований (сначала во имя

марксистских классовых идей, затем в результате озабоченности нацистов расовыми и этническими отличиями), первые признаки тоталитаризма появились у революционных экстремистов в России, и особенно у максималистов, бывших прямыми наследниками Партии социалистов-революционеров(179). В любом случае несомненно, что в своей террористической практике многие эсеры и максималисты проявляли черты революционеров нового типа. Их презрение и к идеологии, и к требованиям партийной дисциплины, а также их почти неограниченная готовность к пролитию крови и к конфискации частной собственности заставляют видеть в этих боевиках представителей нового поколения экстремистов, встречавшихся в начале XX века не только среди эсеров, но и в других группах российского радикального лагеря.

Глава 3 СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И ТЕРРОР

Вся наша боевая и террористическая работа ныне — удел истории. Если двадцать пять лет тому назад по тактическим соображениям мы не афишировали эту часть своей деятельности, то теперь эти соображения, полагаю, отпали. Актов партизанской войны в 1906—07 гг. социал-демократы совершили много, в том числе и большевики. Н. М. Ростов(1)

В заявлениях по идеологическим и тактическим вопросам российские социал-демократы постоянно подчеркивали свое нежелание участвовать в террористической деятельности, захлестнувшей Россию в первые годы XX века. Видные члены Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) в один голос утверждали, что «применение бомб с целью индивидуального террора совершенно исключалось, так как партия отвергала индивидуальный террор как средство борьбы» с правительством . Частые ссылки на несовместимость «научных» законов марксистского учения с

политическими убийствами привели к тому, что историки просто приняли как данное, что многочисленные социал-демократические фракции были такими же противниками терроризма на практике, как и в теории(3). Факты, однако, свидетельствуют об обратном: громкие декларации марксистов о неприятии террора не мешали российским социал-демократическим организациям поддерживать индивидуальные акты политического насилия и даже участвовать в них. В численном выражении вклад террористов — социал-демократов в охвативший страну террор был не таким значительным, как вклад эсеров и анархистов, однако террористические действия и акты экспроприации социал-демократов нельзя игнорировать.

ПРЕДЫСТОРИЯ: АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Споры среди революционеров о позволительности использования индивидуальных политических убийств в качестве средства к достижению освободительных целей начались задолго до возникновения социал-демократических организаций в конце XIX века. Они велись уже во времена первой крупной русской революционной организации «Земля и Воля», в 1870-х годах. К началу XX века споры все еще продолжались.

Вопрос о терроре был одной из главных проблем, приведших к расколу «Земли и Воли» летом 1879 года. Распространенное мнение о том, что одна фракция, «Народная воля», стала на путь политических убийств, а другая — «Черный передел» — превратилась в ярого противника индивидуального террора, не совсем верно. Во-первых, еще до раскола «Земли и Воли» ее члены приняли участие в нескольких кровавых нападениях на государственных чиновников(4). Кроме того, руководители «Черного передела» Георгий Плеханов, Вера Засулич и Лев Дейч, основавшие в Женеве в 1883 году первую русскую социал-демократическую организацию «Освобождение труда», в начале не выступали

против терроризма ни по практическим, ни по моральным соображениям. Более того, двое из них были сами участниками терактов. Засулич в январе 1878 года ранила петербургского генерал-губернатора Трепова. Дейч организовал в 1876 году нападение на своего бывшего товарища Н.Е. Гориновича, обвинив его в предательстве, и лично избивал его и лил ему на лицо серную кислоту(3).

В первой программе, выпущенной группой «Освобождение труда» в 1884 году, Плеханов и его товарищи признавали необходимость террористической борьбы против абсолютистского правительства, утверждая, что они «расходятся с «Народной волей» лишь по вопросам о так называемом захвате власти и о задачах непосредственной деятельности социалистов в среде рабочего класса»(6). Они не отрицали целесообразность террора, но считали, что «Народная воля» слишком много внимания уделяет неосуществимым планам государственного переворота и тратит энергию и ресурсы на индивидуальные акты в ущерб другим, наиважнейшим аспектам революционной борьбы, в частности — в ущерб агитации среди масс. Более того, Плеханов не только не предлагал прекратить террористическую деятельность, он оставлял за ней роль первостепенной важности в будущем революционного движения: «Помимо рабочих нет другого такого слоя, который в решительную минуту мог бы повалить и добить раненное террористами политическое чудовище. Пропаганда в рабочей среде не устранит необходимости террористической борьбы, но зато она создаст ей новые, небывалые до сих пор шансы»(7).

Таким образом, при зарождении российского социал-демократического движения революционеры расходились только по вопросу о месте террора в ряду других форм антиправительственной деятельности. После многих лет политических и теоретических споров террор стал яблоком раздора среди революционеров, хотя даже сторонники индивидуальных актов насилия не считали террор единственно возможным методом

борьбы с правительством. А поскольку все радикальные социалисты признавали важность мобилизации масс (будь то крестьяне или рабочие) и расходились только по вопросу об эффективности единоличных действий, последние стали главным критерием при установлении различий между партиями.

Эти споры приобретали все большую значимость в глазах радикалов, несмотря на затишье конца 1880— начала 1890-х годов, и противники терроризма почувствовали необходимость обосновать свою точку зрения с помощью научной теории. Они предприняли шаги в этом направлении в последние годы XIX века, в то время как сторонники терроризма пытались его воскресить. После образования официально включившей террор в свою программу партии социалистов-революционеров, главного соперника социал-демократов, окончательно назрела необходимость теоретического обоснования антитеррористической позиции социал-демократов (к 1903 году тоже объединившихся в единую партию). Естественно, они основывались на постулатах марксизма.

И здесь российские социал-демократы показали себя более ортодоксальными, чем сам Маркс, который отдавал должное терроризму как подходящему методу борьбы при определенных исторических условиях(8). Принятие классовой теории вынуждало социал-демократов настаивать на том, что наиболее эффективным средством борьбы является не принесение юных жизней в жертву тактике, которая все равно обречена на неудачу, а агитация среди истинных «двигателей прогресса» — пролетарских масс, призыв их к борьбе с существующим социально-экономическим и политическим строем.

В дополнение к их уже исторически сложившейся оппозиции терроризму, теперь еще усиленной марксистским учением, у социал-демократов была и другая причина для отказа от компромисса по вопросу о политических убийствах: непримиримость в этом

вопросе помогала им набирать сторонников за счет ПСР. Лидеры социал-демократов ощущали необходимость дистанцироваться от руководства ПСР, с которой они не могли сойтись не только в спорах о поднятии восстания, но и в вопросах организации и управления кадрами в предреволюционный период.

Объединившись, ПСР и РСДРП представляли бы собой действительно могущественную силу. Но их руководители не хотели упустить контроль над своими партиями и, что еще важнее, над их финансовыми фондами и предпочли быть генералами малых армий. Социал-демократы, решив идти своим путем к общей революционной цели, с трудом выдерживали конкуренцию с ПСР — во многом из-за слабости своей аграрной программы. И РСДРП решила бросить свои силы на критику ПСР и других сторонников террористической деятельности за их неспособность понять железные законы марксизма и следовать им(9). Таким образом, вопрос о терроре стал краеугольным камнем межпартийных политических интриг(Ю).

К осени 1902 года каждый выпуск официального органа социал-демократов «Искра» обращался к проблеме терроризма. Газетная кампания СД была частью их «решительной и последовательной борьбы с террористической тактикой, провозглашаемой и осуществляемой эсерами»(11). Особенно интересны отклики социал-демократических изданий на покушение на министра образования Боголепова в феврале 1901 года, совершенное Петром Карповичем, и на убийство Степаном Балмашевым министра внутренних дел Сипягина в апреле 1902 года. В то время как большинство независимых социалистов и революционеров, более или менее придерживавшихся идеологии «Народной воли» (многие из которых потом вступили в ПСР), прославляли героические поступки Карповича и Балмашева, видя в них начало новой эры терроризма, лидеры российского социал-демократического движения, такие, как Засулич, решительно выступили против террористических методов: «передача контроля над освободительной

борьбой кучке героев… не нанесет вреда самодержавию», так как в этом случае трудящиеся массы и общество будут играть роль просто зрителей(12). Плеханов также критиковал Карповича на страницах социал-демократического издания «Заря»: «Террористическая деятельность и политическая агитация в массе… могут идти рука об руку, поддерживая и дополняя друг друга, только при самых редких, совершенно исключительных условиях. Ни одного из таких условий у нас теперь нет в наличности, и долго еще не будет. В настоящее время террор не целесообразен, поэтому он вреден(13)».

Ленин тоже выступил против террористической тактики эсеров. Он говорил, что «ставя в свою программу террор и проповедуя его как средство политической борьбы… социалисты-революционеры приносят… самый серьезный вред движению, разрушая связь социалистической работы с массой революционного класса»(14). По его мнению, террористическая деятельность отвлекала потенциальных организаторов пролетариата от действительно необходимых занятий и, поскольку «без рабочего класса все бомбы… бессильны априори», наносила вред «не правительству, а революционным си-лам»(15).

Вслед за группой «Искры» и другие социал-демократы включились в антитеррористическую кампанию. Газета «Южный рабочий» писала, что «террор — не новое средство борьбы; это средство было уже раз испытано и оказалось негодным… Вот почему террор был единогласно отвергнут, когда под знаменем. социал-демократии возобновилось революционное движение в России… О терроре уже не было речи, горький опыт научил революционеров»(16). «Arbeiter Stimme» («Голос рабочих»), официальный орган Бунда, заявлял: «Не в том должна состоять борьба, чтобы единичные люди выступали против единичных угнетателей; наших целей мы достигнем только организованной борьбой всего рабочего класса против целого политического и экономического строя»(17). И наконец, летом 1901 года на конференции за границей, на

которой присутствовали представители всех российских социал-демократических организаций, была принята следующая резолюция: «Мы считаем нужным решительно высказаться против того взгляда, согласно которому террор является необходимым спутником политической борьбы в России»(18).

Таково было идеологическое отношение социал-демократов различных направлений к терроризму, и они публично заявляли о нем всякий раз, когда нужно было разъяснить социал-демократическую платформу. Но необходимо делать различие между теми, кто определял и популяризировал официальные цели и лозунги партии, и теми, кто занимался практической деятельностью . Последние редко интересовались давней традицией соперничества между сторонниками и противниками террористической тактики, особенно если помнить, что многие из них в молодости восхищались террористами и кое-кто по нескольку раз менял стороны в спорах о терроре(20). К тому же мало было заботившихся о строгом следовании марксистской доктрине, да и очень немногие профессиональные революционеры хорошо знали теорию или хотя бы ею интересовались !). И наконец, большинству рядовых социал-демократов не было никакого дела до соперничества партийных лидеров в Женеве и Париже, и они считали эсеров и других сторонников террора товарищами по оружию(22). По всем этим причинам их отношение к терроризму существенно отличалось от того, что заявляли партийные теоретики на страницах официальных изданий.

Более того, некоторые партийные функционеры, в определенный период времени озабоченные исключительно разработкой идеологии, в другие моменты своей революционной карьеры вынуждены были заниматься практической деятельностью и вырабатывать отношение к терроризму с совсем другой точки зрения. Именно таким революционером был Ленин. Его протесты против терроризма, направленные главным образом против эсеров и сформулированные до 1905 года, находятся в резком

противоречии с его практической политикой но отношению к террористическим методам, выработанной после начала революции при изменившихся обстоятельствах и в свете новых задач дня.

ТЕРРОРИЗМ НА ПРАКТИКЕ: БОЛЬШЕВИКИ

Для Ленина, лидера фракции большевиков, вопрос об отношении к террору не был однозначным. Его позиция неоднократно менялась в зависимости от изменений его политических целей и первоочередных задач(23). В 1902 году он обрушивался на эсеров за их защиту терроризма, «бесполезность которого была ясно доказана опытом русского революционного движения»(24), в то время как за год до того он заявлял, что «принципиально мы никогда не отказывались и не можем отказываться от террора»(25). До революции 1905 года Ленин называл любую террористическую деятельность «нецелесообразным средством борьбы», так как это определенно не было «одной из операций воюющей армии [пролетариата], связанной со всей системой борьбы и приспособленной к ней»(26). Таким образом, он отрицал террор условно, до изменения политических обстоятельств ?). После резкого подъема антиправительственной деятельности в 1905 году перед Лениным встала необходимость выработать для фракции большевиков практическую политику по отношению к революционному террору.

Ряд обстоятельств вынуждал его занять четкую позицию по этому вопросу. Во-первых, он не мог не видеть, что террористическая тактика эсеров и анархистов успешно расшатывала существующий строй, вселяя в представителей власти страх и смятение. Ленин также должен был признать, что эсеры были правы, говоря, что террористическая деятельность может быть в высшей степени эффективной в деле радикализации крестьянства и пролетариата(28). И в условиях 1905 года, когда анархия быстро сменяла

порядок и когда ни правительство, ни лидеры революционеров (особенно находившиеся за границей) не могли контролировать действия своих сторонников на местах, Ленин осознал необходимость использовать акты «неизбежной партизанской войны» в империи в интересах своей партии и революции, как он ее видел(29). Даже на уровне теории террористическая деятельность была вполне оправданной в такое время: когда терроризм достиг гигантских масштабов и затрагивал практически все слои j населения, террор уже переставал быть средством индивидуального протеста и мог считаться составной частью восстания масс против всего социально-политического порядка. Для Ленина также было немаловажно то, что, в то время как «традиционный русский террор был делом заговорщиков-интеллектуалов», после 1905 года главными исполнителями терактов стали рабочие или безработные(30).

Принимая все это во внимание, Ленин наконец выработал свою позицию. В этот конкретный исторический момент террор был полезен для революционных целей, пока он мог «быть частью массового движения». Такой взгляд в сущности мало чем отличался от формулировки эсеров: «Мы призываем к террору не вместо работы в массах, но именно для этой самой работы и одновременно с ней»(32). Теперь, когда настал подходящий момент, Ленин призвал к «наиболее радикальным средствам и мерам, как к наиболее целесообразным», не исключая и децентрализованную террористическую деятельность, для чего он предлагал создавать «отряды революционной армии… всяких размеров, начиная с двух-трех человек, [которые] должны вооружаться сами, кто чем может (ружье, револьвер бомба, нож, кастет, палка, тряпка с керосином для поджога…)»(33). Эти отряды по существу ничем не отличались от террористических «боевых бригад» и «летучих отрядов» социалистов-революционеров.

Теперь он был готов идти еще дальше, чем эсеры, и временами бросал всякие попытки ввести террористическую деятельность в рамки научного учения Маркса,   утверждая:

«Боевые отряды должны использовать любую возможность для активной работы, не откладывая своих действий до начала всеобщего восстания». Они должны «тотчас же начать военное обучение на немедленных операциях, тотчас же!»(34). По существу, Ленин отдавал приказ о подготовке террористических актов (которые он ранее осуждал), призывая к нападениям на

городовых и правительственных шпионов, чье уничтожение теперь было, по его мнению, долгом каждого порядочного человека(33). Его мало беспокоила определенно анархическая природа таких действий, и он настоятельно просил своих сторонников не бояться этих «пробных нападений»: «Они могут, конечно, выродиться в крайность, но это беда завтрашнего дня… десятки жертв окупятся с лихвой»(36).

Сформулировав свою новую тактику, Ленин немедленно стал настаивать на ее практическом осуществлении и, по свидетельству одной из своих ближайших коллег, Елены Стасовой, превратился в «ярого сторонника террора»(37). Уже в октябре 1905 года он открыто призывал своих последователей убивать шпионов, полицейских, жандармов, казаков и черносотенцев, взрывать полицейские участки, обливать солдат кипятком, а полицейских — серной кислотой(38). Потом, не удовлетворенный масштабами террористической деятельности своей партии, он жаловался в письме С.-Петербургскому комитету: «Я с ужасом, ей-богу с ужасом вижу, что [революционеры] о бомбах говорят больше полгода и ни одной не сделали!»(39) Стремясь к немедленным действиям, Ленин даже защищал вполне анархистские методы перед своими товарищами — социал-демократами: «Когда я вижу социал-демократов, горделиво и самодовольно заявляющих: «Мы не анархисты, не воры, не грабители, мы выше этого, мы отвергаем партизанскую войну», — тогда я спрашиваю себя: понимают ли эти люди, что они говорят?»(40) И наконец, в августе 1906 года официальная позиция большевистской фракции РСДРП была объявлена публично, когда ее печатный орган «Пролетарий» призвал боевые

группы «прекратить свою бездеятельность и предпринять ряд партизанских действий… с наименьшим нарушением личной безопасности мирных граждан и с наибольшим нарушением личной безопасности шпионов, активных черносотенцев, начальствующих лиц полиции, войска, флота и так далее…»(41).

На самом деле Ленин напрасно жаловался на недостаток террористической активности большевиков. Его последователи участвовали в многочисленных актах индивидуального террора на территории всей империи. Эти теракты в большинстве своем не контролировались партийным руководством, изолированным от практической деятельности, и потому не были напрямую связаны с политическими целями или с сиюминутной стратегией партии. К тому же об этих актах редко сообщали не только руководству за границей, но и социал-демократическим организациям, находящимся в Москве или в С.-Петербурге, и даже местным лидерам в провинциальных центрах. Поскольку у большевиков не было официального органа, ответственного за политические убийства, наподобие Боевой организации эсеров, их террористическая деятельность, как и деятельность эсеров и максималистов на местах, принимала преимущественно анархический характер.

Среди нескольких категорий людей, имевших несчастье стать мишенями для большевиков, чаще всего были лица, подозревавшиеся в том, то они являлись полицейскими осведомителями, провокаторами и изменниками. Никто особенно не стремился организовать справедливый суд, и любой революционер, заподозренный товарищами, мог стать жертвой возмездия, обычно приводящего к его смерти(42). Даже наиболее уважаемые члены партии не были застрахованы от такого подхода по принципу «виновен, пока не доказана невиновность». Один большевик вспоминал, как несколько его товарищей, заподозрив его в измене, окружили его и наставили ему в лицо пистолеты, а он, по наивности ничего не подозревая, принял это за дружескую шутку(43).

Во многих других случаях террористы избавлялись от подозреваемых врагов народа быстро и зачастую с отменной жестокостью(44).

Революционеры считали физическое уничтожение шпионов необходимой мерой для чистки своих рядов от лиц, ставящих в опасность организацию или мешающих ее деятельности. В то же время совершались и другие теракты, главным мотивом которых являлась месть. Например, был убит тюремный палач, приведший в исполнение смертные приговоры нескольким революционерам. Большевики, совершившие это убийство, никак не могли ожидать, что оно предотвратит будущие казни, они даже и не пытались выдвинуть более идеологически обоснованную причину, чем месть. На их совести было немало таких актов возмездия, жертвами которых становились в основном полицейские и казаки, участвовавшие в кровавых столкновениях с революционерами, занимавшимися агитационной работой(46). Месть и попытки вселить страх в своих врагов также были причиной большевистского насилия против различных консервативно настроенных граждан, которых революционеры объявляли черносотенцами. Именно по этой причине 27 января 1906 года в соответствии с решением Петербургского комитета РСДРП боевой отряд большевиков совершил нападение на трактир «Тверь», где собирались рабочие судостроительных заводов, бывшие членами монархического Союза русского народа. В трактире находилось около тридцати посетителей, когда террористы бросили внутрь три бомбы, а когда рабочие пытались выбежать из здания, ожидавшие на улице большевики открыли по ним стрельбу из револьверов. В результате двое человек было убито и около двадцати ранено; террористы скрылись(47). В городе Екатеринбурге на Урале члены боевого отряда большевиков под началом Якова Свердлова постоянно терроризировали местных сторонников «черной сотни», убивая их при любой возможности(48).

Используя убийства в целях устрашения сторонников самодержавия, большевики также

стремились посеять смятение и панику в правительственных структурах и таким образом помешать властям бороться с распространяющимся революционным насилием. Экстремисты безжалостно расправлялись со своими «мишенями», которыми были главным образом местные правительственные служащие от полицейских инспекторов фабрик до городовых(49). Комментируя эти акты, некоторые большевики признавали разрушительное воздействие насилия ради насилия: «В 1907 году, осенью… боевая молодежь потеряла руководство и стала отклоняться в анархизм… устроила несколько экспроприации, потом убийства стражников, городовых и жандармов… Они были заражены и считали, что надо просто действовать»(50). Два таких террориста-большевика «от нечего делать» преследовали казаков, ожидая удобного момента, чтобы забросать их бомбами. Казаки, однако, ехали вереницей, что делало их отряд менее уязвимым для нападения, и боевики тогда бросили свои бомбы в полицейские казармы, наслаждаясь получившимся представлением: «Пока шипит горящий шнур, полицейские удирают через окна»(51).

Большевики совершали много нападений на государственных чиновников не только без официальной резолюции центральных партийных организаций, но и без согласия руководителей местных ячеек. Решение о совершении убийства часто возникало спонтанно у какого-нибудь члена партии, который и приводил его в исполнение немедленно. Таково было, например, убийство урядника Никиты Перлова около деревни Дмитриевки 21 февраля 1907 года. Его совершили двое большевиков — Павел Гусев (Северный) и Михаил Фрунзе (Арсений).

«Покушение на жизнь Перлова не было организованным заговором, решением партийной организации. Оно было результатом импульсивного порыва Михаила Васильевича [Фрунзе]… Во время собрания пропагандистов… кто-то выглянул в окно и заметил Перлова, который только что подошел… Фрунзе вскочил… позвал Гусева с

собой и, несмотря на протесты присутствовавших, выбежал наружу. Через несколько минут раздались выстрелы… Фрунзе показалось это удобной возможностью, обстоятельства благоприятствовали нападению, и решение было принято мгновенно»(52).

Некоторые большевики, однако, не считали уничтожение низших чинов полиции и мелких чиновников достаточным вкладом в дело революции и хотели попытать себя в соревновании с эсерами в убийстве государственных деятелей. Согласно одному бывшему террористу, члены его боевой группы решили убить Дуба-сова, московского генерал-губернатора. Как и в других случаях, они «начали это дело без разрешения партийной организации… установили за ним слежку; узнали об этом эсеры, решили, что это их монополия, и пришлось оставить этот план»(53). Как и эсеры, большевики в С.-Петербурге разрабатывали план убийства полковника Римана(54). А.М. Игнатьев, видный большевик, после 1905 года близкий к Ленину, человек с живым воображением, любящий приключения, предложил изощренный план похищения самого Николая II из его резиденции в Петергофе(55).

Хотя в большинстве случаев участие партии в террористических предприятиях имело мало общего с массовым движением, были случаи, частично оправдывавшие заявления лидеров большевиков о том, что террор является неотъемлемой частью классовой борьбы. По словам известного большевика Владимира Бонч-Бруевича, когда Семеновский полк вошел в Москву в 1905 году с приказом подавить декабрьское восстание, он предложил С.-Петербургскому комитету партии немедленно захватить «парочку великих князей» в качестве заложников, спрятать их в тайное место и держать в постоянном страхе неотвратимой и немедленной казни, если хоть одна капля пролетарской крови будет пролита на улицах Москвы(5б). До этого боевой отряд большевиков в столице, стремясь поддержать декабрьское восстание, готовил взрыв

поезда, перевозившего правительственные войска в Москву из С.-Петербурга. Взрыв, однако, не удался(57). Большевики также планировали в случае крупных беспорядков стрелять по Зимнему дворцу из пушки, украденной из двора гвардейского флотского экипажа(58).

Некоторые другие стороны большевистского терроризма могут рассматриваться как часть экономической борьбы масс, особенно когда эта борьба выражалась в форме стачечного движения. Революционеры избирали жертвами своих нападений не только владельцев фабрик, управляющих и полицейских, пытающихся защитить капиталистов , но и рабочих, не поддерживавших забастовки, бойкоты и другие виды пролетарского протеста. Избиения штрейкбрехеров было обычным делом, и случалось, что противников стачек даже казнили. Иногда большевики также использовали специальные вонючие бомбы, с помощью которых они успешно выгоняли людей с их рабочих мест(60).

Большевики предприняли несколько попыток сорвать правительственную военную мобилизацию, для чего они подкладывали взрывчатку на железные дороги(61). Они также прибегали к индивидуальным терактам с целью помешать подготовке к голосованию в Думу, которую социал-демократы решили бойкотировать. Считая введение в России парламентского порядка не более чем полумерой и одновременно угрозой для революции, большевики в дополнение к широкомасштабной агитации против Думы мешали выборам активными действиями, организуя вооруженные нападения на избирательные участки с конфискацией и уничтожением официальных сводок результатов голосования на местах(62). Эти акции, а также вооруженные захваты типографий и издательств с целью размножения революционных листовок и газет(63) могут, вероятно, считаться частью борьбы масс. Другие же проявления насилия, включая стрельбу в полицейских во время обысков, арестов или попыток побега(64), должны рассматриваться как индивидуальные акты, практически ничем не связанные с какими бы

то ни было теоретическими принципами, исповедуемыми руководителями социал-демократов.

Некоторые большевистские выступления, которые поначалу могли быть частью революционной борьбы пролетариата, на практике быстро превращались в индивидуальные акты насилия. Нелегальная доставка в Россию оружия и производство взрывчатки — действия, предпринимаемые, по заверениям партии, исключительно в целях подготовки массовых восстаний(65), — на деле способствовали проведению индивидуальных терактов. Примеры этому можно видеть даже в центральных партийных организациях. В С.-Петербурге Леонид Красин (Никитич), член ЦК и глава его Боевой технической группы, главный организатор всех основных боевых действий большевиков в это время, один из ближайших соратников Ленина («единственный большевик, с мнением которого Ленин считался»)(66), лично участвовал в изготовлении бомб для террористических актов(64). За границей Максим Литвинов (Меер Баллах), один из наиболее активных деятелей ленинской фракции, занимался контрабандой оружия товарищам на Кавказ, где, как он прекрасно знал, оно использовалось почти исключительно в целях террористической деятельности(68).

В то время большевики не слишком скрывали от общества свои террористические действия. Однако же они были ответственны и за несколько политических убийств, совершенных по различным причинам в такой тайне, что сейчас трудно установить все факты или даже доказать их прямое участие в этих актах. Яркий пример — убийство в 1907 году знаменитого поэта и общественного деятеля князя Ильи Чавчавадзе, вероятно, наиболее популярной национальной фигуры в Грузии начала XX века и в глазах многих — «отца Грузии и ее пророка»(69). В этом регионе велась ожесточенная борьба между двумя лагерями: социал-демократами, возглавляемыми большевиком Филиппом Махарадзе, и национальными демократами под руководством «великого Ильи»

Чавчавадзе(40). Чавчавадзе подрывал позиции большевиков своей открытой критикой программы социал-демократов, но главное было то, что его огромная популярность привлекала людей, особенно крестьян, к делу национальных демократов и уводила их от радикального социализма. Когда клеветническая кампания против Чавчавадзе на страницах местной большевистской газеты «Могзаури» («Путешественник») не удалась, комитет социал-демократов вынес ему смертный приговор(71).

30 августа 1907 года несколько темных личностей напали на Чавчавадзе и зверски убили его около деревни Цицамури. Хотя все подозревали в то время, что в этом убийстве повинны социал-демократы, местные лидеры большевиков, опасаясь возмездия оплакивавшего своего героя народа и в то же время желая перенести вину на «наемников царской тайной полиции», якобы убивших Чавчавадзе за его антирусскую позицию, категорически отрицали какую бы то ни было свою связь с этим убийством(72). В то же время несколько человек, замешанных в деле, даже не пытались скрыть свою роль; один социал-демократ публично хвастал: «Я… боевой революционер и член партии, убил Илью Чавчавадзе… как собаку, правой рукой»(73). Изучение местных источников не оставляет сомнений в том, что за убийством замечательного поэта стояли большевики. К тому же есть веские основания считать, что одним из убийц мог быть Серго Орджоникидзе, ставший позднее крупным советским партийным деятелем(74).

Таким образом, террористические акты стали нормой не только для рядовых, но и для самых видных деятелей партии, которые, не задумываясь, отдавали приказы об убийствах, когда считали их целесообразными. По крайней мере в одном случае большевики убили изменника на основании прямого приказа Красина(75). Более того, большевистские лидеры видели в убийстве средство разрешения проблем в их собственном кругу. Когда В.К. Таратуту (Виктора), одно время бывшего членом ЦК большевиков, обвинили в компрометации фракции своим аморальным поведением,

Красин, как сообщают, открыто заявил, что, если скандальное поведение Таратуты станет достоянием общественности, он прикажет кому-нибудь его убить(76).

Для большевиков терроризм оказался эффективным и часто используемым на разных уровнях революционной иерархии инструментом. Как и для многих эсеров, чьи террористические действия Ленин справедливо называл серией единоличных актов(77), террористическая деятельность большевиков в большей части имела мало общего с идеологическими принципами и целями партии. Большевистский террор стал просто еще одним полезным орудием в арсенале, используемым отдельными радикалами и целыми группами, так как в революционной борьбе все средства казались хороши. Как выясняется, большевики имели достаточно оснований утверждать, что они «не остановятся ни перед чем»(78).

ТЕРРОРИЗМ НА ПРАКТИКЕ: МЕНЬШЕВИКИ

С самого начала меньшевики последовательно отвергали терроризм как метод политической борьбы, по край-ней мере на центральном партийном уровне. В отличие от Ленина, который пытался подвести под далеко не научные практические действия основательную теоретическую базу, такие видные меньшевики, как Павел Аксельрод, Федор Дан и Юлий Мартов, никогда не позволяли прагматическим соображениям изменить их принципиальное мнение о вреде индивидуальных актов насилия. Мартов был особенно ярым противником терроризма и прилагал все усилия, чтобы удержать социал-демократов от политических убийств и экспроприации, неоднократно и недвусмысленно демонстрируя свое неприятие террористических нападений(79).

Это не означало, однако, что меньшевики не учитывали значения крупных террористических актов как средства повышения политического престижа революционной

организации. Понимая, как много выиграла ПСР после убийства Сипягина, «Искра» посвятила много страниц тому, чтобы доказать, что Балмашев действовал независимо от Боевой организации, которая незаконно присвоила связанную с этим честь(80). Меньшевики также признавали пользу политических убийств для общих революционных целей. Многие активисты фракции вместе со всеми радикалами праздновали успешное убийство Сипягина и особенно смерть ненавистного Плеве, видя их важное значение в общей борьбе с силами реакции(81).

Считая, что террористы заблуждаются в своем убеждении о совместимости террора с марксизмом, лидеры меньшевиков отнюдь не видели в боевиках врагов революции и во многих случаях высказывали свое восхищение такими последовательными сторонниками терроризма, как «героический Григорий Андреевич Гершуни»(82). Более того, после многочисленных убийств государственных и военных деятелей после 1905 года ортодоксальные марксисты оправдывали террористов и публично заявляли о полной ответственности правительства за кровопролития в России(83).

Некоторые меньшевики не были так тверды в своей антитеррористической политике, как большинство их лидеров. Хотя принято считать, что, в отличие от Ленина, Плеханов отрицал терроризм «в принципе»(84), на самом деле и он иногда колебался. Может быть, отдавая должное идеалам своей юности, он переживал искушения признать эффективность террористических методов, но ему противостояла твердая позиция Мартова(85). Вынужденный осудить террористическую деятельность, Плеханов утверждал: «Каждый социал-демократ должен быть террористом а-ля Робеспьер. Мы не станем, подобно социалистам-революционерам, стрелять теперь в царя и его прислужников, но после победы мы воздвигнем для них и многих других гильотину на Казанской площади»(86). Даже такие последовательные противники терроризма, как Засулич и Мартов, высказывали мнение, что в некоторых исключительных случаях

«террор как акт возмездия неизбежен»(87). Описывая революционеров, готовых «сразить одного из вражеских лидеров точно нацеленным ударом», Мартов также утверждал, что, в отличие от «вооруженных банд царских слуг», которые не останавливались ни перед жестокостью, ни перед бесчестием, лишь бы подавить революционное движение, «революционные борцы честно соблюдали законы войны»(88). Другой известный меньшевик, Владимир Копельницкий, открыто поддерживал партизанские действия, и этим дал своим товарищам повод заподозрить его в скрытом большевизме(89).

Связь меньшевиков с индивидуальными актами насилия, однако, не ограничивалась тем, что они грозили пальчиком расшалившимся террористам, оказывая им в то же время моральную поддержку. Здесь необходимо отличать то, о чем говорили лидеры меньшевиков в своих теоретических рассуждениях, от того, чем занимались рядовые члены меньшевистской фракции. На деле многие меньшевики охотно помогали террористам и экспроприаторам, несмотря на явные расхождения теорий и программ(90). Более того, в некоторых случаях отношение меньшевиков к терроризму мало чем отличалось от отношения эсеров и анархистов. Это утверждение, бесспорно, справедливо для сидевших в тюрьмах, где меньшевики вместе с заядлыми террористами голосовали за уничтожение особенно жестоких тюремных служащих(91).

Несмотря на явное противоречие с политикой их партии, меньшевики принимали активное участие в изготовлении бомб и других взрывных устройств для террористических мероприятий. К примеру, все члены Южного Военно-Технического Бюро при ЦК РСДРП, основанного в конце 1905 года в Киеве главным образом для производства бомб, были меньшевиками(92). В своих попытках постфактум оправдать эту деятельность революционеры настаивали на срочной необходимости заготовлять оружие для скорого всеобщего вооруженного восстания пролетариата(93). На самом же деле большая часть бомб оказалась в распоряжении боевых отрядов социал-демократов(94).

Хотя несколько бомб были взорваны этими отрядами при массовых акциях протеста", большее число взрывных устройств использовалось при совершении актов индивидуального террора, включая случай убийства меньшевистской бомбой казака и полицейского в городе Сормово, мятежном оплоте социал-демократов . К тому же, наряду с другими экстремистами, меньшевики нападали во время обысков с бомбами и револьверами на полицейских(96).

Меньшевики, которых всегда считали наименее экстремистски настроенными из всех социал-демократов, участвовали и в актах экономического террора и даже, по словам одного партийного деятеля, в этой области иногда сильно смахивали на анархистов, сторонников прямых действий(97). Один революционер вспоминал, что когда директор нефтяной компании в Баку получил от группы меньшевиков приказ покинуть город в двадцать четыре часа под угрозой смерти, он немедленно подчинился, видимо, осведомленный о прошлых действиях этой группы в подобных ситуациях(98). Хотя эта меньшевистская организация официально не санкционировала поджоги как инструмент революции, именно ее члены подожгли буровые вышки, чтобы оказать давление на предпринимателей. В другом случае один фабрикант в Баку, знакомый с тактикой различных революционных партий, выразил свою уверенность в мирном исходе забастовки, организованной меньшевиками, на его фабрике, черпая свой оптимизм в том, что социал-демократы — меньшевики не будут прибегать к насилию. Раздраженный этим молодой меньшевик, возглавлявший переговоры, почувствовал себя обязанным доказать революционный энтузиазм своей группы. Он выставил вооруженную охрану у дверей конторы и объявил, что фабрикант не получит ни еды, ни питья до конца забастовки и что любая попытка позвать на помощь повлечет за собой взрыв фабрики. После этого понадобился всего один час для улаживания разногласий между рабочими и хозяином. Правда, потом этот меньшевик-террорист признал, что его поведение вряд ли можно

назвать социал-демократическим(99).

Регионом, где центральный контроль меньшевистских лидеров над членами фракции был наименее эффективен, был Кавказ, и особенно Грузия. Во многом в результате древних традиций кровной мести в этих местах насилие было обыденностью, и местные меньшевики существенно отличались от своих сравнительно мирных коллег в России(100). Если русские меньшевики частенько прибегали к кровопролитию и, например в Воронеже, даже упрекали своих коллег-большевиков в бездействии, настаивая на ведении партизанских действий(101), их товарищи в Грузии игнорировали теорию с еще большей регулярностью, добиваясь немедленных результатов. На Кавказе меньшевики гораздо чаще участвовали в убийствах, чем во всех других регионах империи.

Меньшевики в Грузии не отрицали, что, хотя «одна хорошая демонстрация больше приближала [их]к цели, чем убийство нескольких министров», все члены их организации прибегали к политическим убийствам «в случае надобности»(102). Лидер грузинских меньшевиков Ной Жордания признавал, что социал-демократы используют террор как орудие для «создания паники в полицейских кругах»(103). Другой видный меньшевик, Ной (Наум) Рамишвили, руководил боевой организацией и сам участвовал в приобретении бомб(104). Грузинские меньшевики не щадили мелких чиновников на местах(105) и не останавливались перед местью, направляя ее против высокопоставленных сторонников репрессивных контрреволюционных мер. Так, в январе 1906 года они убили в Тифлисе начальника штаба Кавказского военного округа генерала Грязнова(106).

На Кавказе, как и в большинстве других регионов империи, социал-демократы еще выступали единым фронтом, несмотря на уже совершившийся в 1903 году раскол на большевистскую и меньшевистскую фракции. Многие местные организации РСДРП,

однако, не заметили раскола в руководстве партии за границей по крайней мере до 1905 года, во многих случаях и еще позже, и продолжали действовать как единая партия. Несмотря на тот факт, что, как горько замечали большевики, «управляющие органы партии перешли полностью в руки меньшевиков», делая, таким образом, «неизбежным подчинение масс целям меньшевиков»(107), многие рядовые социал-демократы на Кавказе называли себя просто социал-демократами, не уточняя фракции.

Таким образом, можно только гадать о принадлежности многих социал-демократических террористов на Кавказе к той или иной фракции, хотя очевидно, что большинство из них все же были ближе к меньшевикам(108). Так же невозможно перечислить все их успешные теракты (не говоря уже о неудавшихся) против врагов революции. Александр Рождественский, в начале своей карьеры бывший либеральным помощником прокурора в Тифлисе, помнил «бесчисленные убийства правительственных чиновников», ситуацию, которая скоро превратилась в «кровавый кошмар на Кавказе», особенно в Грузии, где Социал-демократическая рабочая партия была «наиболее влиятельной и многочисленной» в годы первой русской революции(109). Там, несмотря на то, что многие комитеты РСДРП не поощряли террористическую тактику и на встречах и съездах произносили речи, в которых прямо порицали и запрещали ее, рядовые члены партии зачастую меняли свои взгляды на индивидуальный террор после кровавых столкновений с казаками: «Месть, месть, месть… это были слова, которые исходили из сердец наших товарищей… Социал-демократы, в принципе отрицающие террор, теперь должны прибегнуть к нему как к единственному средству борьбы»(110). И — вполне последовательно — активисты РСДРП на Кавказе совершали террористические нападения на правительственных чиновников, служащих полиции, богатых промышленников и управляющих фабриками, а также на представителей аристократии(111). В то время как многие террористы отчитывались перед своими

партийными комитетами и даже получали иногда специальное вознаграждение за сцои действия, значительное число терактов осуществлялось целиком по личной инициативе отдельных боевиков при почти полном пренебрежении теоретическими принципами и тактикой РСДРП в целом. В Баку один член социал-демократического боевого отряда, известный как Владимир Маленький, поставил себе задачей терроризирование местных полицейских, убивая их «как дичь»(112). Другой террорист-социал-демократ с энтузиазмом рассказывал своим товарищам, что, хотя от брошенной в окно магазина бомбы не пострадал сам хозяин, несколько находившихся там человек все-таки были убиты и ранены(113).

Описывая широкомасштабную террористическую деятельность в других регионах Российской Империи в это же время, источники подтверждают единство социал-демократических сил(114). Полицейские и революционные документы тоже указывают на то, что, в то время как террористы-социал-демократы не щадили никого из правительственных служащих, самый сильный гнев вызывали у них шпионы и предатели в их собственных организациях, а также лица, считавшиеся членами «черной сотни»(115). В своем рвении наказать полицейских осведомителей социал-демократы часто вели себя неосторожно, не проводя полного предварительного расследования. Так, в одном случае они до смерти избили невинного человека, в другом чуть не убили своего товарища-революционера и его жену, только в последний момент сообразив, что он является жертвой клеветы(116).

Внося свой вклад в усилия всех революционных организаций, направленные на то, чтобы парализовать волю правительства, социал-демократические группы устраивали террористические нападения не только на отдельных представителей правительства и полиции, особенно активных в борьбе с революционным движением(117), но и на защитников монархического строя en masse. В Самаре, например, «группа бомбистов»

под управлением комитета РСДРП безуспешно пыталась бросать бомбы с балкона в отряд солдат(118). Довольно скоро многие социал-демократы поняли, что «подобного рода выступления, открывавшие возможность широкой инициативы для молодых и горячих боевиков, способствовали разрушению общепартийной дисциплины» и, что не менее важно, «взяв оружие в руки… организация незаметно для самой себя невольно должна была уклониться от ясной социал-демократической линии, приблизившись к… тактике эсеров»(119).

Не желая терпеть такое положение вещей и понимая, что с конца 1906 года революция пошла на спад, некоторые большевистские и меньшевистские организации на местах приняли срочные меры против своих непослушных членов. Многие из боевиков перестали исполнять приказы своих руководителей и их отряды в результате выродились в полуанархические банды(120). Не дожидаясь указаний центральных партийных органов из-за границы, принявших резкие официальные резолюции против всех партизанских действий только на V партийном съезде в Лондоне в мае 1907 года, многие социал-демократические комитеты на местах начали по собственной инициативе сокращать число членов боевых групп, исключая одних и разоружая других. Эти меры приводили только к частичному успеху и иногда были почти

формальностью. Например, на Кавказе меньшевистский комитет предложил одному руководителю боевого отряда, чья группа напоминала скорее банду уголовников и подлежала роспуску, отобрать и оставить наиболее сильных и храбрых бойцов, которых можно было бы использовать для террористической деятельности в будущем(121). Хотя партийные организации часто были бессильны сдерживать боевиков и просто отказывались от ответственности за их действия, социал-демократические комитеты иногда сами прибегали к услугам этих же террористов(122). В целом такие чистки лишь вызвали недовольство социал-демократических боевиков, заставив многих из них

порвать с Российской социал-демократической рабочей партией и искать новых соратников, в первую очередь среди анархистов(123).

ТЕРРОРИЗМ НА ПРАКТИКЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Еще в 1902 году Владимир Бурцев заявил, что «социал-демократы не такие уж противники политического террора, как они сами себя рисуют»(124). Безусловно, это утверждение было справедливо и для Бунда, Всеобщего еврейского рабочего союза Литвы, Польши и России, основанного в 1897 году. Это была первая социал-демократическая организация образовавшаяся в Российской Империи, а в апреле 1906 года на четвертом съезде социал-демократов Бунд вступил в РСДРП, сохранив за собой особое автономное положение. Руководство Бунда неоднократно заявляло, что политический и экономический террор как система противоречит тактике партии и что поэтому террористические акты ни при каких обстоятельствах не должны быть включены в ее программу(125). Как и большевики, члены Бунда отрицали политические убийства не из принципа, а исходя из своего понимания конкретных исторических условий, заявляя: «В настоящее время мы считаем террористическую борьбу нецелесообразной»(126). Как и меньшевики, бундовцы никогда официально не признавали террор приемлемой формой борьбы, что, однако, не мешало их руководителям оказывать моральную поддержку террористам разных партийных направлений, а рядовым членам — принимать время от времени участие в терактах(127).

В соответствии с резолюцией, что «стихийные или сознательные террористические акты должны служить… лишь агитационным средством, для внесения [революционного] сознания в рабочую и общественную среду»(128), лидеры Бунда не упускали случая

использовать политические убийства, совершенные другими организациями, в интересах революции вообще, аплодируя героическим подвигам террористов в борьбе с ненавистным царским режимом. В феврале 1902 года, например, они выпустили листовку, озаглавленную «1 марта», в которой прославляли убийство народовольцами Александра II: «Будем сегодня вспоминать наших великих революционных предшественников, проявивших такой героизм в борьбе с царским правительством. Пусть память об этих бескорыстных героях и борцах… даст нам новую силу для борьбы с проклятым самодержавием»(129).

Многие бундовцы открыто рукоплескали террористическим методам на партийных съездах, а четырнадцать комитетов на местах публично пропагандировали терроризм(130). Их аргументы оказались достаточно убедительными, чтобы заставить большинство участников пятой конференции Бунда в Бердичеве в августе 1902 года проголосовать за принятие резолюции о целесообразности «организованной мести»(131). Меньше чем через год, «считая, что индивидуальные убийства — из мести ли, для устрашения или для наказания — являются просто формой террора», большинство участников партийного съезда в Цюрихе в июне 1903 года заявили свое «решительное несогласие с резолюцией об организованной мести, принятой на пятой конференции Бунда». Но и на этом съезде активное меньшинство настаивало на занесении в протокол особого мнения: «В общем относясь отрицательно к террору как средству борьбы с самодержавием, мы считаем, что когда организованные массовые протесты… невозможны, организованный террористический акт может быть дозволен»(132).

Если лидеры Бунда недвусмысленно признавали террористические методы, то бундовские деятели на местах, обычно более радикально настроенные и менее интересующиеся теоретическими вопросами, "чем партийные генералы, были готовы идти и дальше, вплоть до активного участия в терроризме. Это проявилось особенно ярко

после взрыва массовых выступлений в 1905 году, когда в нескольких центрах еврейского радикализма, таких, как Одесса, бундовские боевые действия были более успешны, чем выступления местных эсеров(133). Полицейский источник недаром не усматривает противоречия в описании одного еврейского революционера как одновременно «серьезного бундовца» и «убежденного террориста»(134).

Как и в других революционных группах, месть была одним из главных мотивов политических убийств, совершенных членами Бунда, особенно если речь шла о служащих полиции и коллаборационистах. И во многих случаях члены Бунда, в явном противоречии с традиционным марксистским мышлением, прибегали к актам кровавого возмездия. Так, например, в еврейском местечке Жагоры, где в конце 1905 года вся «власть была в руках бундовцев… революционная власть приговорила к смерти двух провокаторов. Приговор был приведен в исполнение. Предстояла еще казнь старого исправника и других»(135).

Наиболее известный и широко обсуждавшийся в обществе акт мести бундовцев был совершен в Вильно 5(18) мая 1902 года, когда Гирш Лекерт выстрелом из револьвера ранил губернатора Виктора фон Валя, приказавшего высечь двадцать молодых еврейских рабочих после первомайской уличной демонстрации(136). Применение губернатором телесных наказаний вызвало бурю протестов среди членов Бунда, и Центральный комитет партии выпустил прокламацию, клеймящую репрессивные меры властей. Эта прокламация, в полном противоречии официальной позиции партии, недвусмысленно призывала к мести: «Мы не можем думать и говорить спокойно о том, что произошло в Вильно. Из тысяч честных сердец несется один общий крик: месть!.. Мы уверены, что из среды еврейского пролетариата восстанет мститель, который отомстит за надругательство над своими братьями; и если будет пролита человеческая кровь, то вся ответственность за это падет на царя и его диких слуг»(137).

Лекерт отозвался на этот пламенный призыв, а Центральный комитет Бунда восславил его жертвенный поступок: «Честь и слава мстителю, принесшему себя в жертву за своих братьев!» Таким образом, даже Иностранный комитет, обычно придерживавшийся антитеррористической позиции, «в атмосфере, близкой к истерии», заверял: «В таких случаях, как… апрельская расправа в Вильно, револьвер является единственным средством для облегчения первых нестерпимых мук пораженной общественной совести, для того чтобы люди не задохлись от душащего их негодования»(138).

Хотя члены бундовских организаций на местах чаще всего прибегали к терактам в целях мести, наказания и избежания ареста(139), в некоторых случаях политические убийства практиковались ими и для того, чтобы устрашить и затерроризировать своих врагов до состояния полного паралича. Это особенно выявилось во время кризиса 1905–1907 годов, когда в ситуации постоянной борьбы между правительственными силами и силами революции многие радикалы предпочли прямые действия своим теоретическим принципам. Бундовцы не были исключением. Активные члены Бунда на местах (например, в Гомеле) совершали нападения на тех, кого они считали защитниками царского режима, терроризируя «полицию, войска и все благонамеренное русское население»(140).

Но не все жертвы бундовцев были активными противниками революции: в маленьком городе Сувалки полицейский чин был серьезно ранен ударом ножа во время обхода(141); бомбы, брошенные бундовцами, убили несколько казаков в Гомеле, а в другом случае — членов драгунского патруля в городе Борисове(142). Наиболее уязвимые рядовые служащие полиции представляли собой особенно привлекательные мишени для террористов из Бунда(143), и даже бундовские лидеры чувствовали себя обязанными признать, что многочисленные «нападения на солдат… вызывают раздражение армии против революционного движения»(144).

Как и другие социал-демократы, бундовцы прибегали к насилию во время забастовок и в других конфликтных экономических ситуациях: «Это [был] так называемый «экономический террор», осуждавшийся организацией, но все же применявшийся довольно часто»(145).

Например, до совершения им покушения на жизнь фон Валя Лекерт вместе со своими товарищами с помощью физического насилия заставлял штрейкбрехеров покидать рабочие места(146). Бундовцы также следили за тем, чтобы во время забастовок магазины и конторы оставались закрытыми, и приказы полиции о том, что они должны работать как обычно, не имели эффекта, потому что, по словам одного бундовского боевика, «владельцы боялись нас больше, чем полиции»(147). В октябре 1905 года во время рабочих беспорядков в Гомеле и в декабре того же года во время всеобщей забастовки промышленных и торговых предприятий в Ковно члены специальных боевых отрядов Бунда использовали прямое насилие, чтобы остановить всю работу, стреляя при этом в правительственные войска(148). Бундовцы также разрешали с помощью насилия частные конфликты между поддерживавшими революцию рабочими и их работодателями(149).

Бундовцы прибегали к террору и для срыва выборов в Государственную думу. Как и большевики, они не только агитировали за бойкот выборов, но и нападали на избирательные участки и, угрожая оружием, забирали и уничтожали списки избирателей. В своих попытках сорвать мирную парламентскую работу бундовцы часто заходили дальше, чем другие социал-демократы. В Бобруйске, например, они разогнали предвыборный митинг, используя петарды и другие небольшие взрывные устройства и стреляя в воздух из револьверов(150). Подобные взрывы насилия в связи с бундовской официальной политикой активного бойкота Думы происходили столь часто, что уже в январе 1906 года, в самом начале предвыборной кампании, революционные лидеры на

страницах своих газет предостерегали членов партии от совершения слишком вызывающих терактов, могущих повести к вооруженным столкновениям(151).

Таким образом, Бунд выбирал в принципе те же мишени, что и другие террористы. Отличалась же его деятельность тем, что партия действовала в основном в еврейских местечках или недалеко от них и почти никогда в столицах, а многие террористические выступления объявлялись частью политики защиты от погромов. С этой целью члены Бунда организовывали так называемые «отряды еврейской самообороны», якобы исключительно для защиты мирного населения в черте оседлости от антиеврейских выступлений(152). На деле же эти отряды часто занимались политическим терроризмом против правительства и его сторонников.

Этому существует достаточно много свидетельств. Так, в синагогах Ростова-на-Дону и Нахичевани часто собирались экстремисты из евреев и христиан, получавшие оружие от местной еврейской общины для формирования отрядов самообороны. На этих собраниях ораторы призывали членов отрядов к «безжалостным насильственным действиям» против местных властей. В результате такой радикальной агитации активисты отрядов самообороны открывали беспорядочную стрельбу на улицах, среди жертв которой, наряду с другими, было несколько детей(153). В дополнение к этому власти получали сведения из различных источников, что революционные лидеры набрали специальную боевую группу из членов отряда самообороны и отдали приказ бросать взрывные устройства в нескольких местных чиновников, включая и губернатора Ростова-на-Дону(154). Лидеры еврейской общины в местечке Амдуре Гродненской губернии обратились к властям с просьбой защитить их от радикалов и указали место, где хранилось оружие отряда самообороны. Еврейские патриархи понимали, что местные активисты были больше заинтересованы в совершении антиправительственных терактов и усилении общей анархии, чем в защите еврейских интересов(155).

Используя тактику устрашения, Бунд сумел настроить против себя не только правительство, но и бедное, в массе аполитичное еврейское население. Прибегая к угрозам и прямому насилию, партия брала на себя роль посредника в экономических спорах рабочих и работодателей и даже в частных конфликтах. Молодые бундовцы также оскорбляли религиозные чувства членов еврейских общин, когда они врывались в синагоги во время праздничных служб и, угрожая оружием, разгоняли молящихся и устраивали в молитвенных домах революционные сходки(156). Когда же вмешивались власти и очищали синагоги от радикалов, лидеры Бунда в своих прокламациях представляли это как преследование евреев правительством за их национальные ценности и традиционный еврейский образ жизни, — не упоминая о том, что революционеры стреляли в полицию прямо изнутри храмов. Так случилось, к примеру, в Минске в октябре 1905 года. В Лепеле в январе 1906 года бундовцы до полусмерти избили пристава и городового, воспользовавшись тем, что те пришли в синагогу без поддержки солдат(157). И даже некоторые бундовцы сами понимали, что их террористические методы вызывали «враждебное отношение к революционерам со стороны населения, на которое ложатся всей тяжестью результаты подобных выступлений»(158).

Подобная ситуация сложилась и в Прибалтике, где «события 1905 и последующих годов достигали такого накала, как нигде больше в России»; частично по этой причине латышские социал-демократы были более склонны к терроризму, чем остальные члены РСДРП, не считая их кавказских соратников(159). Латышская социал-демократическая рабочая партия, основанная летом 1904 года и известная после 1906 года как Социал-демократия Латышского края, проводила свою революционную работу в условиях, способствовавших террористической деятельности.

Во-первых, социал-демократические организации в Латвии были абсолютно

независимы от центрального руководства РСДРП, отчасти в силу их географической изоляции от столиц, но главным образом потому, что они вступили в РСДРП чисто номинально и довольно поздно — в мае 1906 года на V съезде(160). Таким образом, латышские социал-демократы вырабатывали свою тактику, не принимая во внимание нормы, установленные для РСДРП партийными теоретиками за границей.

В своей массе латышские социал-демократы проявляли минимум интереса к нюансам марксистского учения отчасти потому, что у них, как и у грузинских социал-демократов, новые члены набирались в первую очередь из низших слоев населения, особенно из молодых неквалифицированных рабочих и беднейших крестьян. Само собой разумеется, что эти необразованные и часто неграмотные неофиты в революционных рядах не были склонны разбираться в тонкостях партийных споров о том, является ли убийство отдельных политических фигур допустимой формой борьбы с марксистской точки зрения(161). Они выбирали методы, исходя из обстоятельств, и использовали террор, когда это было им удобно, предоставляя своим лидерам объяснять их действия какими-нибудь подходящими для случая аргументами. Самый известный пример таких революционеров — «лесные братья». Значительное число этих партизан называли себя социал-демократами, хотя они понятия не имели об идеях Маркса и, естественно, не отчитывались перед РСДРП. Поэтому-то многие латышские социал-демократы больше напоминали обычных бродяг и бандитов, чем идейных борцов за свободу, как их пытались представлять мемуаристы. Независимые в своих действиях и идеологически безграмотные, многие из них использовали революционные лозунги для оправдания чисто уголовных преступлений(162). Это было в то время настолько очевидно, что, когда некоторые такие радикалы или целые группы заявляли себя членами Социал-демократии Латышского края, как это было в случае с социал-демократическим боевым отрядом в Риге, называвшим себя «Красная гвардия», официальной реакцией партии было решение

«игнорировать их как обычную бандитскую шайку»(163). Признавая отсутствие идеологической подготовки у членов этих мелких групп, было бы несправедливо не принимать во внимание искренность национальных чувств, мотивировавших многие их действия и направленные на освобождение родины от иностранных захватчиков. Их нападения на русских бюрократов и немецких баронов хотя бы частично были результатом ущемленного национального достоинства и ненависти к всевластным чужакам.

Степень национализма была характерной чертой всех национальных социал-демократических партий. В полном противоречии с принципами марксизма, который не придает значения национальному самосознанию и преданности отечеству, многие латышские социал-демократы, как и их товарищи на Кавказе и в западных областях Российской Империи, видели в русской администрации иностранных завоевателей(164). Более идеологически подкованные социал-демократы часто использовали патриотические чувства местного населения, толкая его к политическому террору с националистической окраской.

Латышские социал-демократы неоднократно заявляли, что перед революцией 1905 года, в первые годы своего существования, их партия занималась исключительно организацией деятельности масс и не использовала террористическую тактику, разве что иногда, для «вооруженной самозащиты»(165). Один социал-демократ даже утверждал, что первоначально в Латвии вообще не совершались теракты, если (как он продолжал несколько непоследовательно развивать свою мысль) «не считать терроризмом убийства низших чинов полиции»(166). Однако для латышских социал-демократов вооруженная самозащита часто означала «обезвреживание опаснейших врагов (сыщиков, предателей и самых свирепых из числа помещичьих и правительственных палачей)»(167).

За эти убийства были в первую очередь ответственны боевая организация Латышской социал-демократической партии, организованная в 1905 году и действовавшая в Риге и ее пригородах, и боевой отряд комитета социал-демократической партии в Либау (Либаве). С февраля по июнь 1905 года только эта последняя группа осуществила двадцать вооруженных нападений на «лакеев контрреволюцию 68). В то же самое время, по свидетельству одного бывшего террориста, «каждый член партии превращался в боевика, как только у него в кармане появлялся револьвер»(169). Немногие латышские радикалы ждали официальных партийных санкций на совершение терактов. Для социал-демократического террориста было в порядке вещей принять мгновенное решение, использовать момент и бросить самодельную бомбу в проезжающий казачий разъезд(170). Неудивительно, что даже сочувствующие признавали, что многие такие нападения «не имели ничего общего с революционной борьбой пролетариата»(171).

Можно сомневаться, применяли ли латышские социал-демократы террористические методы до 1905 года, но совершенно очевидно, что в буре событий первой русской революции «по характеру своей деятельности в террористическом направлении Латышская социал-демократическая партия приближается к партии социалистов-революционеров»(172). В 1906–1907 годах, «под влиянием событий», некоторые социал-демократические боевики изменили свои мнения о терроре и начали строить планы крупных акций, таких, как покушения на генерал-губернатора А.Н. Меллера-Закомельского, председателя военного трибунала В.Ф. Остен-Сакена, начальников следственной и охранной полиции(173).

На практике «в большой степени из-за отсутствия — дисциплины и самоконтроля среди товарищей боевиков» ни один из этих намеченных актов, направленных против высших представителей администрации Латвии, не был осуществлен. Было гораздо легче нападать на городовых, слабо защищенных от партизанских выступлений, или даже на

солдат. Такие теракты не требовали сложных приготовлений, детальной разработки, точного исполнения плана и следования приказам организаторов — необходимых составляющих удачно организованного политического убийства. По свидетельству одного революционера, «насколько латышский боевик был смел и… и презирал, смерть, настолько же он был легкомыслен и недисциплинирован»(174). И латышские социал-демократы, подобно всем другим представителям социал-демократии в Российской Империи, осуществляли теракты, направленные главным образом против мелких административных чиновников и полицейских. Единственной исключительной чертой терроризма на окраинах империи было относительно большое число нападений на российские воинские части, игравшие большую роль в усмирении этих областей(175).

В сельских районах и в деревнях Прибалтики наряду с массовыми беспорядками, такими, как крестьянские восстания, было много случаев насилия, которые можно охарактеризовать не иначе как политический и экономический терроризм. Большинство этих актов были совершены «лесными братьями», многие из которых ранее были членами боевых отрядов социал-демократов, действовавших в этих районах одновременно с боевой организацией Латышской социал-демократической партии. Таким образом, «лесные братья», виновные в постоянном кровопролитии и анархии в сельских местностях, стали вспомогательной силой рижской боевой организации и других партизанских отрядов Латышской социал-демократической партии, чьи руководители нередко обращались к ним за помощью в проведении политических убийств и экспроприации за пределами городских районов и особенно актов, направленных против баронов и крупных помещиков или же против казаков и военных частей, располагавшихся около их усадеб(176).

Эти радикалы-бродяги терроризировали сельские местности Латвии в течение всего 1906 года, но к его концу правительство с помощью возмущенных баронов сумело

организовать успешные облавы и арестовать многих «лесных братьев». Остальные были вынуждены покинуть родные места, поскольку местное население после наложения властями штрафа в размере от 50 до 250 рублей на каждого фермера, проявившего сочувствие революционерам, не было склонно им помогать(177). Некоторые латышские социал-демократы бежали за границу, другие продолжали террористическую деятельность в других районах империи, в частности в С.-Петербурге и в Финляндии(178). Один из их планов, описанный латышским революционером в своеобразном террористическом анекдоте, был особенно дерзок. После знакомства со служанкой, работавшей на даче Столыпина, два латышских социал-демократа решили убить премьер-министра прямо в его собственном доме, но не смогли этого сделать, потому что служанка была уволена(179).

Латышские боевики также сталкивались с трудностями, чинимыми им их же соратниками, главным образом из центра Латышской социал-демократической рабочей партии. Руководство партии понимало, что боевые действия не способствуют массовому рабочему движению, так как было очевидно, что «их борьба, несмотря на всю смелость и жертвы, велась под знаком спада, а не подъема революционной волны»(180). Лидеры латышских социал-демократов также безусловно знали об идеологическом невежестве и уголовном характере «лесных братьев», чьи террористические мероприятия не контролировались партией. Поэтому в августе 1906 года на объединительном съезде социал-демократических организаций в Риге Центральный комитет Социал-демократии Латышского края решил избавиться от «лесных братьев», которые «дискредитировали партию своим бандитизмом» и должны были быть исключены из ее рядов(181). Некоторые наиболее умеренные латышские социал-демократические лидеры заявили о своем намерении прекратить все террористические действия и распустить боевые отряды. Это решение не помешало, однако, некоторым группам продолжать свою

террористическую деятельность весь следующий год(182).

В заключение анализа участия различных национальных социал-демократических партий в политическом терроре мы считаем необходимым упомянуть о нескольких других периферийных социал-демократических организациях, занимавшихся терроризмом, хотя и не в такой степени, как остальные. Группа, известная как Социал-демократия Царства Польского и Литвы, вступившая в РСДРП в то же время, что и Бунд и латышские социал-демократы, реже всех других прибегала к террористическим методам борьбы. Создается впечатление, что до второй половины 1905 года польские социал-демократы занимали пассивную и иногда даже негативную позицию по этому вопросу, особенно в сравнении с Польской социалистической партией, проливавшей в Польше больше крови, чем любая другая местная революционная организация. Когда террористы открыли беспорядочную стрельбу по полиции в центре многолюдной варшавской площади в октябре 1904 года, польские социал-демократы осудили это первое крупное террористическое выступление ППС как преступное(111).

В то же время, однако, вместе с другими социал-демократическими организациями польские социал-демократы недвусмысленно призывали к мести после введения репрессивных мер губернатором Вильно фон Валем: «Это варварство еще больше усилило ненависть и презрение к царскому правительству, возбуждая жажду святой мести… Терпение имеет свои границы. Не наша вина, если народная месть, ненависть и возмущение выльются в форму насилия. Фон Валь сам указал к этому путь. Вся ответственность падет на царских слуг — фон Валя и его помощников… каждого из вас постигнет месть»(184).

Кризис 1905 года заставил польских социал-демократов пересмотреть свою позицию по отношению к террору. Для уяснения их новых взглядов полезно сравнить их с позицией

ППС. В то время как последняя пропагандировала террор в качестве эффективного средства борьбы с правительством, польские социал-демократы направляли свои усилия на организацию и политическое воспитание пролетарских масс, не исключая возможности использования массового террора в революционной ситуации(185). В теории проведение массового террора должно было бы стать частью общей классовой борьбы, когда террористические действия подогревали бы революционное сознание пролетариата.

Как и в случае с другими социал-демократами, реальность не всегда соответствовала теориям. В конце 1905 года социал-демократия Польши создала свою собственную Варшавскую Боевую организацию (Organisacia Bojowa), террористический дебют которой состоялся 11 ноября 1905 года, когда боевики убили некоего полковника в отставке вместе с его арендатором, так как подозревали обоих в том, что они руководили местной «черной сотней»(186). Варшавская Боевая организация разделила своих членов на летучие группы, распределенные по городским районам, и последовали новые теракты, мало чем связанные с движением пролетарских масс. Польские социал-демократы особенно старались выявлять и уничтожать полицейских осведомителей, часто выбирая местом их казни кладбища(187).

Феликс Дзержинский, будущий председатель советской ЧК, вместе с другими польскими социал-демократами пытался организовать террористов и подчинить их строгой дисциплине под контролем руководителей партии(188). И все же, как и в других бунтующих окраинных регионах империи, безразличие к человеческой жизни доходило до предела, и радикальная деятельность постепенно вырождалась в бандитизм. Развращенные постоянным и почти безнаказанным после 1905 года кровопусканием, некоторые террористические группы польских социал-демократов начали убивать и грабить без всякого разбора, пока местные партийные комитеты не осознали необходимости разоружить их и исключить из партии наиболее бесшабашных

боевиков(189). Очевидно, что готовность социал-демократических террористов прибегать к насилию с уголовным оттенком и подчас проливать невинную кровь в ходе своих террористических действий не может по своему масштабу идти ни в какое сравнение с боевой деятельностью ППС, но, однако же, немаловажно и то, что полиция включала Социал-демократию Царства Польского и Литвы в список «организаций, которые призывали к террору против правительства»(190).

Можно сказать, что отдельные члены всех фракций РСДРП находили полезным при различных обстоятельствах прибегать к политическому террору. Среди независимых национальных социал-демократических сил, официально не входивших в РСДРП, но заявлявших о своей приверженности марксизму, самыми многочисленными и активными в террористической деятельности были Литовская социал-демократическая партия и Армянская социал-демократическая организация (Гнчак). Члены этих двух групп, свободные от контроля какой-либо центральной партийной организации, участвовали в насилии, зачастую чисто уголовного характера, чаще, чем другие социал-демократы.

Многие члены Литовской социал-демократической партии были абсолютно невежественны в области теоретических принципов разных направлений революционной идеологии или просто не интересовались ими. Один член Литовской социал-демократической партии, Иосиф Куницкий, по мнению русской тайной полиции — глава бунтовщиков и лютый враг спокойствия и порядка в северо-западном регионе империи, организовал группу литовских террористов, которые гордо называли себя анархистами(191).

По крайней мере в одном из случаев акты насилия литовских социал-демократов были настолько вопиющими, что лидеры партии испугались и назначили расследование поведения террориста по имени Иван Лиджус, члена областного комитета, что привело к

исключению его из партии за хулиганство и бандитизм(192). Лиджус, по его собственному признанию, собственноручно убил около тридцати человек. Он также был признан виновным в других преступлениях, совершенных им в 1907–1908 годах: участвовал в убийстве подозреваемого полицейского осведомителя, бывшего его личным врагом; ограбил часовню; несколько раз силой забирал деньги у местных лесников, ранив одного из них; от имени партии брал деньги на собственные нужды; вместе с несколькими соратниками взял на себя право отправлять правосудие и определять наказание в ряде деревень. К тому же он отказывался следовать программе партии просто потому, что ему не нравилась ее тактика(193).

Члены Армянской социал-демократической организации, гнчакисты, открыто приняли террор как «средство самозащиты для революционной агитации и как орудие против вредных действий правителей». 14 октября 1903 года они совершили покушение на жизнь главнокомандующего Кавказским военным округом князя Голицына, которого революционеры считали ответственным за политику государственной конфискации церковного имущества. Голицын ожидал нападения и носил кольчугу, что спасло ему жизнь: он был только легко ранен(194). Интересно, что для совершения этого покушения лидеры Гнчака выбрали так называемых «феда», то есть людей, решивших жертвовать собой для блага нации(195). Репутация этой партии не была безукоризненной, и, согласно полицейскому источнику, к 1908 году Гнчак вследствие злоупотреблений руководителей своим положением потерял былое влияние и его стали раздирать внутренние конфликты(196). По мере ослабления контроля со стороны центральных органов и раскола партии участились уголовные действия ее членов. Независимая группа, называвшая себя «реорганизованные гнчакисты» и действовавшая за границей, ограничила свою деятельность «исключительно грабежами и убийствами даже своих по партии с целью поддержания собственного существования». В Нью-Йорке они убили

богатого армянина по имени Таршанджян, отказавшегося дать им деньги. В Египте они убили армянского писателя Арпяряна, который обнародовал доказательства преступной деятельности своих соотечественников(197). Бывшие члены Гнчака вместе с другими маленькими и мало известными социал-демократическими группами, отколовшимися от крупных социал-демократических объединений, постепенно двигались от политического террора к революционным грабежам(198).

ЭКСПРОПРИАЦИИ

Наравне с липами, специализирующимися на политических убийствах во имя революции, в каждой российской социал-демократической организации были люди, которые посвящали себя вооруженным грабежам и насильственной конфискации государственной и частной собственности. В отношении к этим действиям партии демонстрировали ту же двусмысленность, что и в отношении террора, который они отрицали в теории, но допускали на практике. Большинство видных социал-демократических деятелей, по крайней мере на начальных этапах, отказывались от одобрения грабежей по политическим мотивам. На съезде РСДРП в Стокгольме в 1906 году делегаты недвусмысленно выступили против «экспроприации денег у частных банков, а также всех форм насильственных пожертвований на дело революции»(199}. В то же самое время, однако, социал-демократические боевики конфисковывали оружие и взрывчатку и совершали акты экспроприации государственных и общественных средств с разрешения местных революционных комитетов и на условиях полной отчетности(200). Таким образом, у членов боевых отрядов выработалось мнение, что при определенных обстоятельствах экспроприировать государственную и общественную собственность было вполне допустимого).

Однако официально такая позиция никогда не поощрялась, и единственным лидером социал-демократической фракции, который во всеуслышание объявил грабеж допустимым средством революционной борьбы, был Ленин. И хотя представители всех социал-демократических сил в Российской Империи занимались экспроприациями без формального одобрения своего руководства, большевики были единственной социал-демократической организацией, которая прибегала к этому добыванию капиталов систематически и организованно.

Ленин не ограничивался лозунгами или просто признанием участия большевиков в боевой деятельности. Уже в октябре 1905 года оп заявил о необходимости конфисковывать государственные средства(202) и скоро стал прибегать к эксам на практике. Вместе с двумя своими тогдашними ближайшими соратниками, Леонидом Красиным и Александром Богдановым (Малиновским), он тайно организовал внутри Центрального комитета РСДРП (в котором преобладали меньшевики) небольшую группу, ставшую известной под названием «Большевистский центр», специально для добывания денег для ленинской фракции. Существование этой группы «скрывалось не только от глаз царской полиции, но и от других членов партии»(203). На практике это означало, что «Большевистский центр» был подпольным органом внутри партии, организующим и контролирующим экспроприации и различные формы вымогательства(204).

Бывший крупный большевик Григорий Алексинекии сообщал, что с 1906 по 1910 год Совет Трех, или Малая Троица, как прозвали лидеров «Большевистского центра», направлял многие экспроприации. Исполнители этих актов набирались среди некультурной, но рвущейся в дело революционной молодежи, готовой на все. На всей территории империи они грабили почтовые отделения, билетные кассы на железнодорожных вокзалах, иногда грабили поезда, устраивая крушения(205). Кавказ в силу своей особой нестабильности был наиболее подходящим регионом для подобной

деятельности. «Большевистский центр» получал постоянный приток необходимых средств с Кавказа благодаря одному из наиболее верных Ленину на протяжении всей жизни людей — Семену Тер-Петросяну (Петросянцу), человеку с нестабильной психикой, известному как Камо — кавказский разбойник (так прозвал его Ле-нин)(206). Начиная с 1905 года Камо при поддержке Красина (который осуществлял общий контроль и поставлял бомбы, собранные в его петербургской лаборатории) организовал серию экспроприации в Баку, Кутаиси и Тифлисе. Его первое грабительское нападение произошло на Коджорской дороге недалеко от Тифлиса в феврале 1906 года, и в руки экспроприаторов тогда попало от семи до восьми тысяч рублей. В начале марта этого же года группа Камо напала на банковскую карету прямо на одной из людных улиц Кутаиси, убила кучера, ранила кассира и скрылась с 15 000 рублей, которые они немедленно переправили большевикам в столицу в винных бутылках(207). Удача, казалось, постоянно улыбалась Камо, но наибольшую известность ему принесла экспроприация 12 июня 1907 года, так называемый «тифлисский экс»: на центральной площади грузинской столицы большевики бросили бомбы в две почтовые кареты, перевозившие деньги Тифлисского городского банка; убив и ранив десятки прохожих, Камо и его отряд скрылись с места преступления, отстреливаясь из револьверов и унося с собой 250 000 рублей, предназначенных для «большевистского центра» за границей(208).

Камо был сердцем кавказской боевой, или, как ее еще называли, «технической», группы большевиков, организованной специально для проведения экспроприаций(209). Тем не менее, согласно Татьяне Вулих, революционерке, тесно связанной с грузинскими террористами, главным лидером боевой организации был Сталин. Он сам не принимал участия в ее актах, но ничего не происходило без его ведома(210). Таким образом Камо доставались все практические действия, и к тому же он являлся посредником между руководством большевистской фракции и ее боевиками, которые, оставаясь в принципе

членами РСДРП и признаваемые таковыми своими товарищами, формально выходили из местных партийных организаций, чтобы не компрометировать их своими действиями, так как многие из последних шли вразрез с официальной партийной политикой по вопросу о терроре и экспроприациях(211). Камо набирал кадры преимущественно среди местных бандитов, которые «не имели никаких принципов и были грозой дорог», он подчинял их дисциплине и внушал им революционный дух(212). Боевики, в их числе и сам Камо, обладали лишь элементарными представлениями о социалистическом учении и мало интересовались внутрипартийными разногласиями в РСДРП. Один раз Камо присутствовал при оживленном споре по аграрному вопросу между меньшевиком и большевиком и явно не понял причины их несогласия друг с другом: «Что ты с ним ругаешься? Давай я его зарежу», — спокойно сказал он своему товарищу-большевику. Но, проявляя полное безразличие к теоретическим вопросам, «идеалистические гангстеры» Камо буквально боготворили Ленина, который в их глазах воплощал партию, чье каждое слово было незыблемым законом. Согласно Вулих, «они бы пошли за Лениным даже против всей партии, несмотря на их верность ей»(214). Один из боевиков, Элисо Ломидзе, никогда лично не встречавший Ленина и не бравший в руки книги, говорил, что целью его жизни является достать «200 000–300 000 рублей и отдать их Ленину со словами Делайте с ними что хотите». Таково же было и отношение всех других членов группы»(215).

Боевая организация, постоянно ища способа совершить «крупную акцию», понимала, что партия нуждалась в постоянном притоке денег, и не останавливалась даже перед самыми скромными экспроприация-ми. Тем не менее экспроприаторы бывали разочарованы, когда их усилия приносили такую мелочь, как несколько тысяч рублей, украденных из ломбарда в Тифлисе(216). Они также прибегали к вымогательству денег у местных промышленников, распространяя, по приказу Сталина, специально

отпечатанные бланки для пожертвований в пользу Бакинского большевистского комитета(217).

Одна из тщательно спланированных крупных акций особенно интересна. Кроме Камо, который приобрел такую «блестящую» репутацию в результате тифлисской экспроприации, что все члены большевистской фракции во главе с Лениным восхищались им и превозносили до небес, лишь Красин и Литвинов знали о приготовлениях к этому грабежу(218). План, разработанный Камо и Красиным, министром финансов «Большевистского центра«(219), предусматривал небывалую экспроприацию государственного банка, которая должна была принести 15 миллионов рублей в банкнотах и в золоте. Из-за физического веса предполагаемой добычи большевики решили взять только 2–4 миллиона рублей и уничтожить остальное. По их расчетам, этот акт должен был обеспечить фракцию средствами на пять или шесть лет. После экспроприации большевики собирались публично заклеймить подобную практику и тем спасти лицо партии, хотя Камо недвусмысленно заявил, что в случае удачи «будет убито так много людей, как во всех предыдущих эксах вместе взятых, по меньшей мере человек 200»(220). Этот план, однако, полностью провалился: в конце 1907 и в начале 1908 года в результате информации, полученной Охранным отделением от Якова Житомирского, одного из его лучших заграничных агентов, полиции Германии и других западно-европейских стран удалось арестовать нескольких человек, в том числе Камо и Литвинова(221).

Организация Камо на Кавказе не была единственной группой, используемой большевиками для совершения эксов. Богданову удалось установить тесные контакты и с несколькими боевыми отрядами на Урале. На конференции в Уфе в феврале 1906 года большевистские активисты провели резолюцию о будущих экспроприациях. В июне и июле того же года Большевистский областной комитет Урала утвердил эту

неопубликованную резолюцию, несмотря на решения стокгольмского съезда РСДРП(222).

По некоторым подсчетам, с начала революции 1905 года большевистские боевики на Урале осуществили более сотни экспроприаций(223). Лидером боевых групп, ответственных за большую часть этих актов, был Иван Кадомцев, ему помогали его братья Эразм и Михаил(224). Под их руководством уральские большевики не только конфисковывали оружие и взрывчатку на государственных и частных складах, но также нападали на солдат и жандармов и разоружали их(225). В нарушение резолюции стокгольмского партийного съезда, запрещающей нападения на частную собственность, Уфимский большевистский комитет, испытывая затруднения в печатании листовок и прокламаций, конфисковывал материалы и оборудование у частных типографий, забирая иногда даже печатные станки(226).

Уральские боевики также экспроприировали общественные и частные фонды, нападая на почтовые и заводские конторы, винные лавки и артели(227). Одна из их наиболее крупных акций была проведена 26 августа 1909 года. Это был налет на почтовый поезд на станции Миасс. Большевики убили семь охранников и полицейских и украли мешки, в которых находилось около шестидесяти тысяч рублей в банкнотах и двадцать четыре килограмма золота; большую часть добычи они переправили за границу(228). Полиции удалось арестовать нескольких участников налета, и они предстали перед судом. Интересно, что защищал их в суде Александр Керенский, будущий премьер-министр Временного правительства, за что получил огромный гонорар в десять тысяч рублей — из тех самых экспроприированных денег, как ему, несомненно, было известно(229). Когда один из боевиков, переодетый в зажиточного торговца, пришел к Керенскому и предложил деньги за юридические услуги, он отозвался о своих уральских товарищах как о бандитах и говорил на отъявленном уличном жаргоне, выдавая тем самым свое уголовное прошлое(230).

Нападения большевиков на государственную, общественную и частную собственность происходили и в других областях страны(231), но на Кавказе и на Урале их деятельность выродилась в темные делишки наихудшего образа(232). Многие боевики занимались грабежами, просто чтобы «быть в форме», иногда даже не сообщая о них своим партийным организациям, и их действия стали напоминать обычные уголовные преступления(233). В одном таком случае боевой отряд, в начале действовавший под управлением «Большевистского центра», стал во второй половине 1906 года стремиться к независимости, и когда экспроприаторы предложили отдать партии только небольшую часть денег, вырученных при нападении на фабрику, во время которого они убили кассира, руководство социал-демократов отказалось от этих денег и сделало им выговор. Но «было уже поздно; они разлагались на глазах и скоро стали ограничиваться бандитскими налетами обычного уголовного характера. Всегда имея в своем распоряжении большие суммы денег, бойцы предавались загулам и часто попадали в руки полиции»(234).

Таким образом резолюция Первой конференции военной и боевой организации РСДРП, созванной большевиками в ноябре 1906 года в Таммерфорсе, которая объявляла экспроприации «лишь конфискацией средств… у правительства и их передачу в руки народа», предпочтительно без кровопролития, оказалась бесполезной(235). И жестокая реальность не ускользнула от взгляда некоторых лидеров РСДРП. Мартов открыто предлагал исключить большевиков из партии за то, что он называл незаконными экспроприациями; Плеханов подчеркивал необходимость бороться с «большевистским бакунинизмом»; Федор Дан назвал большевистских членов Центрального комитета компанией уголовников, а другие меньшевики считали «Ленина и К°» обыкновенными жуликами(236). «Большевистский центр» (БЦ) стал объектом эпиграммы, сочиненной меньшевистскими остряками:

«Вы любите ли экс?» — БЦ спросили раз.

«Люблю, — ответил он. — В них прибыль есть для нас»(237).

Таким образом, даже до главного скандала, разразившегося, когда большевики попытались поменять за границей деньги, экспроприированные в Тифлисе, — чрезвычайно неприятный эпизод для всей РСДРП, который в глазах многих европейцев превратил ее в уголовную организацию(238), — меньшевистские лидеры были готовы нанести удар по «Большевистскому центру».

Большей частью нескончаемые разногласия между большевиками и меньшевиками в эмиграции не затрагивали теоретических вопросов; по словам Бориса Николаевского, историка и участника революционных событий, «за бушующими спорами о философии марксистского материализма и эмпирической критики стоял материализм другого свойства: деньги»(239). Меньшевиков особенно раздражал тот факт, что Ленин и другие большевистские лидеры использовали экспроприированные фонды в первую очередь для поражения своих внутрипартийных противников в эмигрантских склоках или, по словам Николаевского, «для приобретения власти над партией»(240).

Действительно, главной целью Ленина было усиление позиции его сторонников внутри РСДРП с помощью денег, и, согласно Богданову, приведение определенных людей и даже целых организаций к финансовой зависимости от «Большевистского центра»(241). Лидеры фракции меньшевиков понимали, что Ленин оперирует огромными экспроприированными суммами(242), субсидируя контролируемые большевиками Петербургский и Московский комитеты, выдавая первому по тысяче рублей в месяц и второму по пятьсот. В это же самое время относительно малая часть доходов от большевистских грабежей попадала в общепартийную кассу, и меньшевики были возмущены даже не тем, что экспроприации имели место, а тем, что им не удавалось

заставить «Большевистский центр» предоставлять деньги в распоряжение Центрального комитета РСДРП, в котором меньшевики преобладали и чей бюджет в плохие времена не превышал ста рублей в месяц(243). Улучшению отношений двух фракций не способствовали и такие случаи, как, например, история с видным большевиком Литвиновым, который послал двух грузинских террористов в штаб-квартиру РСДРП с требованием вернуть сорок тысяч рублей, полученных в результате экспроприации и уже потраченных Центральным комитетом, угрожая тем, что в противном случае грузины «укокошат» одного из членов ЦК(244).

Сторонники Ленина также использовали доходы от экспроприации для усиления своих рядов в преддверии партийных съездов. Их крепкая позиция накануне открытия V съезда партии в Лондоне, например, была, по словам Бориса Суварина, «в большой степени следствием огромных ресурсов, полученных от эксов, которые позволяли им содержать легионы боевиков, посылать куда угодно представителей, издавать газеты, распространять памфлеты и организовывать более или менее представительные комитеты», и все это с целью получения дополнительных мандатов на съезд(245). Более того, в 1906–1907 годах большевики использовали экспроприированные средства для создания контролировавшихся ими школы боевых инструкторов в Киеве и школы бомбистов во Львове(246). В 1910 году они создали на эти деньги социал-демократическую школу в Болонье (Италия), которая быстро превратилась в оплот большевистской группы «Вперед»(247).

V съезд партии предоставил меньшевикам возможность яростно критиковать большевиков за их «бандитскую практику». Критике этой способствовало то, что, несмотря на все усилия большевиков, по некоторым вопросам их силы перевешивала коалиция, состоявшая из меньшевиков, бундовцев и некоторых латышских социал-демократов. Даже поляки, верные союзники большевиков на съезде, не поддержали

позицию Ленина по партизанским действиям. Понимая, что на текущий момент революция потерпела поражение, социал-демократические лидеры ощущали необходимость решить фундаментальные тактические вопросы, а именно: должна ли партия прекратить конспиративную деятельность и сконцентрировать свои усилия на легальной парламентской работе или же держать свои подпольные силы в состоянии постоянной боевой готовности. Искренне считая, что «в настоящий момент сравнительного затишья партизанские выступления неизбежно вырождаются в чисто анархические приемы борьбы», которые деморализуют партию(248), меньшевики все же в первую очередь пытались бросить тень на боевую деятельность своих коллег-большевиков, особенно еще и потому, что никто в партии, кроме «Большевистского центра», не получал от этого никакой выгоды. 19 мая 1907 года съезд принял антибольшевистскую резолюцию, утверждающую, что «партийные организации должны проводить энергичную борьбу против партизанских действий и экспроприации» в любой форме и что «все специализированные боевые отряды… должны быть распущены»(249).

В теории это решение должно было положить конец всякому участию социал-демократов в террористической деятельности и экспроприациях. На практике же такие резолюции никак не влияли на действия большевиков, что доказывают тифлисская экспроприация, грабеж в Миассе и другие местные нападения на государственную и частную собственность, совершавшиеся группами террористов и экспроприаторов, которые, добывая средства для ленинской фракции, просто объявляли себя беспартийными(250). То, что подобная деятельность будет продолжаться, можно было понять уже на самом съезде. На Ленина не произвели никакого впечатления призывы Мартова к возрождению чистоты революционного сознания. Он слушал их с неприкрытой иронией. Если широко рассказывавшийся анекдот верен, во время чтения финансового отчета, когда докладчик упомянул о крупном пожертвовании от анонимного благодетеля,

Икса, Ленин саркастически заметил: «Не от икса, а от экса»(251). Продолжая практику экспроприации, он и его соратники в «Большевистском центре» получали также деньги из таких сомнительных источников, как фиктивные браки и принудительные контрибуции(252). Наконец, привычка Ленина не соблюдать денежных обязательств своей фракции сердила даже его сторонников(253).

Вопреки попыткам меньшевиков выставить большевиков позором РСДРП(254), справедливости ради следует сказать, что вряд ли Ленин может считаться единственным виновником. Хотя ни одна другая социал-демократическая организация не имела тайного органа, схожего с «Большевистским центром», существовавшим в первую очередь для добывания средств более чем сомнительными методами, меньшевики и национальные социал-демократические группы, сами тоже участвовали в экспроприациях. К тому же описанная на Лондонском съезде ситуация с боевыми отрядами под началом различных партийных комитетов, которые, как утверждалось, превратились в «замкнутые заговорщические кружки», далекие от масс и деморализованные бандитизмом(255), существовала не только у большевистских экспроприаторов, но и у боевиков других социал-демократических организаций.

Меньшевики прибегали к экспроприациям не так часто и не так систематически, организованно и эффективно, как большевики, но при этом революционер из Грузии сообщал, что местные меньшевистские боевые отряды «творят что хотят». В дополнение к этому, Охранное отделение в 1907 году получило сведения о том, что меньшевики имели в своем распоряжении пятьдесят тысяч рублей, захваченных незадолго до этого во время экспроприации в Тифлисе; один из убитых при этом боевиков был делегатом на стокгольмском съезде(256). Меньшевистская деятельность также не ограничивалась одним Кавказом. Несколько меньшевиков экспроприировали семь или восемь тысяч рублей в почтовой конторе в Киеве в феврале 1906 года(257). Несмотря на выговоры

Областного комитета за «большевистскую» практику, меньшевики совершили неудавшуюся попытку экспроприировать сто тысяч рублей на железнодорожной линии Москва — Варшава(258). Более доходным оказался налет на почтовый поезд из Севастополя, которым, как и многими другими актами, руководил Альбин (Артем), видный меньшевик, хорошо известный боевикам из-за его экспериментов со взрывчаткой(259). Кроме того, в партии было общеизвестно, что контролировавшийся меньшевиками Центральный комитет, выбранный на V съезде, «регулярно использовал деньги, полученные от экспроприаций»(260).

Члены объединенных (большевистско-меньшевистских) социал-демократических групп также часто прибегали к эспроприациям государственных и частных фондов(261). Как и революционные убийства, такие действия чаще всего совершались на Кавказе, где в 1906 году центральная социал-демократическая организация завладела двумястами тысячами рублей в результате экспроприации в Квирильском казначействе(262). В таких районах, как Гурия, местные комитеты РСДРП широко применяли силу с целью заставить людей платить установленный ими взнос в двадцать копеек в месяц с каждого жителя; они также облагали население специальными налогами для покупки оружия и финансирования своих операций(263). В Баку буржуазия была так запугана социал-демократическими боевиками, что требуемые суммы немедленно выдавались(264). В других местах, таких, как Кострома и Иваново-Вознесенск, социал-демократы совершали вооруженные нападения на винные лавки и занимались вымогательством. Не будучи в состоянии контролировать экспроприаторов, лидеры социал-демократов на периферии жаловались: «Некоторые члены боевых отрядов в сотрудничестве с посторонними лицами ведут себя как хулиганы и воруют все, до чего доходят их руки»(265). В некоторых районах эти бесчинства становились невыносимыми для мирного населения. В грузинском районе Ахалгори банда из шестнадцати «Красных партизан» грабила жителей всей долины и

заставляла крестьянские семьи покидать дома и искать убежище в других местах(266). Многие члены местных социал-демократических групп, не согласившись с антипартизанскими резолюциями руководства РСДРП в Лондоне(267), продолжали террористическую деятельность и экспроприации еще на протяжении долгого времени после мая 1907 года.

И государственная, и частная собственность становились объектом внимания экспроприаторов из различных национальных социал-демократических групп. Бундовцы действовали в районах черты оседлости, открыто пренебрегая официальной партийной позицией и нападая на банки, почтовые конторы, фабрики, магазины и частные дома(268). Их когда-то стойкий революционный идеализм после 1905 года зачастую превращался в цинизм, сопровождавшийся растущим презрением к ценности человеческой жизни и собственности. Член Бунда в городе Нижний Северск, например, согласился участвовать в экспроприации, которой руководил лидер местной банды анархистов, после того, как последний пообещал молодому борцу за свободу новое пальто, стоившее сто рублей(269). Другие бундовские активисты вымогали пожертвования на революционные нужды у богатых граждан, причем требуемая сумма зависела в каждом отдельном случае от социального положения жертвы(270). Когда Гродненский комитет Бунда распространял листовки, в которых утверждалось, что их организация «не имеет ничего общего с… хулиганами, врывающимися в дома с революьверами в руках», требуя денег от имени Бун-да(271), местные жители не были склонны поверить в искренность бундовцев.

В Латвии социал-демократы проводили экспроприации не только в сельских местностях, где они могли рассчитывать на поддержку «лесных братьев» (272), но и в городах и городских центрах. Их деятельность по добыванию средств часто сопровождалась странной особенностью — они выдавали жертвам расписки в получении

денег(273). Потерпевшие поражение и вынужденные бежать со своей родины, многие латышские социал-демократы занимались экспроприациями в других частях империи, напав, например, в С.-Петербурге на почтовую контору и на усадьбу князя Голицына в Новгородской губернии. Осенью 1906 года несколько латышских социал-демократов «потехи ради» безуспешно пытались захватить деньги в Сенате и планировали нападение на петербургский дворец великого князя Алексея Александровича(274). Наиболее сенсационным из их актов было ограбление в Финляндии хельсинкского отделения Государственного банка, где боевики надеялись обзавестись средствами для финансирования побега за границу. 13 февраля 1906 года средь бела дня группа латышских социал-демократов, среди которых были несколько членов Центрального комитета, убили охранника, заперли банковских служащих и клиентов в задней комнате и скрылись с по меньшей мере 150 000 рублей, оставив пустую консервную банку, которую все приняли за бомбу(275).

Хотя представители Польско-литовской социал-демократии на лондонском съезде признали необходимость бороться с бандитизмом в своей среде(276), они не возражали против выгодных мероприятий, предпринимавшихся их лидером Лео Тышко вместе с Лениным(277). И если принимать во внимание нападения на государственную и частную собственность, совершенные членами независимых социал-демократических групп, таких как литовские социал-демократы и армянские гнчакисты(278), можно заключить, что представители всех фракций РСДРП и национальных социал-демократических организаций в Российской Империи активно участвовали как в актах политического террора, так и в экспроприациях, не принимая во внимание теоретические принципы своих партийных руководителей. Внутри российского социал-демократического движения трудно возложить ответственность за террористическую деятельность одинаково на все фракции, группы и подгруппы. Российские меньшевики и бундовцы, как и польские и

литовские социал-демократы, прибегали к боевым действиям с гораздо меньшим энтузиазмом, чем большевики и их соратники в Латвии и на Кавказе, В этих окраинных регионах национальные чувства смешивались с социалистическими принципами и понуждали боевиков к немедленному действию. В более широкой перспективе российского революционного движения в целом террор играл менее значительную роль в стратегии социал-демократов, чем в стратегии эсеров: в то время как он являлся главным средством борьбы для эсеров и анархистов и был внесен в их программы, политические убийства и революционные грабежи были второстепенным орудием экстремистов социал-демократии. Эсеры рассматривали терроризм как средство достижения общих целей революции, а социал-демократы использовали индивидуальный террор для решения неотложных задач текущего момента и в этом имели много схожего с анархистами.

Глава 4 ТЕРРОРИСТЫ НОВОГО ТИПА. АНАРХИСТЫ И МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ГРУППЫ

Только враги народа могут быть врагами террора!

«Хлеб и воля», 1905(1)

Полностью уничтожить существующий порядок вещей, все законы и суды, религию и церковь, частную собственность и владельцев этой собственности, все традиции и обычаи и их сторонников — таковы были цели российских анархистов. Свою главную задачу они видели в полном освобождении человека от всех искусственных ограничений, до полной независимости и от Бога, и от дьявола. Средством достижения этого должна была быть социальная революция, понимаемая анархистами как любое революционное выступление — будь то террор, экспроприация или уничтожение государственных

учреждений, — направленное на расшатывание самих основ современного общественного устройства. Эти выступления должны были предприниматься без компромиссов с буржуазией и без предъявления каких-либо требований и вести к окончательному разрушению и государства, и капиталистического строя как такового, на смену которым должно прийти эгалитарное общество, свободное от угнетения и даже от минимального контроля, неминуемо осуществляемого любым правительством(2).

Согласно американскому историку Полу Авричу, известному специалисту по русскому анархизму, «сама основа убеждений анархистов, с их непримиримой враждебностью к иерархическим институтам любого рода, исключала образование и рост организованного движения»(3). И действительно, русский анархизм по сути не являлся истинным политическим движением, поскольку не существовало объединяющей анархистской организации и не было никакой общеобязательной, строго определенной каким-либо центром политики, программы или даже тактики, не исключая и тактического вопроса о самом терроризме. Тем не менее можно выявить некоторые закономерности поведения различных независимых анархистских групп, разбросанных по всей империи.

До начала XX века в России анархистов было очень мало. Первые группы, вставшие под черное знамя анархизма, появились в Белостоке, Одессе, Нежине и других местах только к концу 1903 года. Они не возникли на пустом месте, и членами их становились поначалу в основном перебежчики из других политических организаций, главным образом из Партии социалистов-революционеров и разных социал-демократических фракций. С началом революционных беспорядков в 1905 году и в течение двух следующих бурных лет анархистские группы, по словам руководителя Белостокского комитета анархистов Иуды Гроссмана, вырастали «как грибы после дождя» в больших и маленьких городах, в селах и деревнях . Согласно Авричу, все происходило по одной схеме во всех областях империи. На Украине, на Кавказе и особенно в западных областях, где центрами

анархизма стали Рига, Вильно и Варшава, горсточки разочарованных эсеров или эсдеков объединялись в анархистские ячейки, позднее образующие федерации, и начинали радикальную деятельность любого сорта, особенно склоняясь к терроризму(5).

Эти эсеры и эсдеки покидали свои партии по различным причинам. Многие выходцы из низших слоев населения, особенно рабочие, были недовольны лидерами своих партий, в которых они видели интеллектуалов-теоретиков, предпочитающих радикальным действиям идеологические споры, только разъединяющие революционеров. Даже члены партии, немного более теоретически подкованные, разочаровывались из-за, с их точки зрения, излишней озабоченности эсеров аграрными вопросами и не соглашались с марксистской установкой на создание парламентской демократии, что, согласно социалистическим догматам, являлось бы предварительной стадией отмирания государства. Как утверждали анархисты в одной из своих прокламаций, поскольку демократия поддерживала капиталистический гнет, она являлась таким же врагом, как и самодержавие, и, следовательно, с этими обеими политическими системами возможен только один язык — язык насилия. Рабочий класс не должен делать различия между формами правления, и поэтому «в демократический парламент, как и в Зимний дворец и во всякое полицейско-государственное учреждение, революционер-рабочий может явиться только… с бомбой!»(6). Выходцы из лагеря эсеров, одобрявшие партийную тактику политического террора, желали применять те же методы и в экономической сфере в борьбе с капиталистами и другими эксплуататорами(4). Диссиденты из лагеря социал-демократов покидали ряды партии из-за ее официальной антитеррористической позиции(8). Но, как совершенно верно замечает Аврич, «российские социалистические партии, в отличие от западных… были достаточно воинственны, чтобы устраивать всех, кроме наиболее страстных и идеалистически настроенных молодых студентов, ремесленников и представителей отбросов общества»(9). Именно такие беспокойные

молодые люди, не способные усмирить свой бунтарский дух и подчиняться правилам и дисциплине любой структурированной политической организации, покидали ряды своих политических партий и становились анархистами, часто попросту махнув рукой на все вопросы идеологии и тактики(10).

Несмотря на то что даже после 1905 года анархистов численно было гораздо меньше, чем эсеров и эсдеков(11), на их счету было уже больше политических убийств, чем в активе крупных политических организаций. Невозможно с точностью подсчитать число всех террористических актов, выполненных анархистами, так как в своих донесениях местные власти редко отмечали политические убеждения отдельных террористов. Сами анархистские группы, изолированные друг от друга и не имевшие централизованной организационной структуры, не заботились о статистических подсчетах. Тем не менее не вызывает сомнения факт, что большинство из примерно семнадцати тысяч жертв террористической

кампании в 1901–1916 годах были мишенями анархистов. Некоторые из этих лиц были выбраны, но большинство являлись случайными жертвами, убитыми или ранеными на месте взрыва бомб, во время революционных грабежей или перестрелок между анархистами и полицией. Таким образом, воздействие анархизма на жизнь в России в первом десятилетии XX века совершенно не соответствовало числу его приверженцев(12). Многие из этих анархистов представляли собой новый тип террориста, по крайней мере в вопросах теоретического обоснования своих действий.

ТЕОРИЯ АНАРХИЗМА

Уолтер Лакер абсолютно прав, говоря, что анархистское движение не внесло ничего нового в теоретическое обоснование вооруженной борьбы в России. В отличие от Партии

социалистов-революционеров, которая предоставила своим последователям новое идеологическое объяснение террористической деятельности, русские анархисты не пытались подводить теоретическую базу под свою политику индивидуального террора и ограничивались воззваниями в стиле манифеста, опубликованного в 1909 году и содержавшего сентенции и призывы вроде: «Отравляющее дыхание цивилизации», «Берите кирки и молоты! Подрывайте основы древних городов! Все наше, вне нас — только смерть… Все на улицу! Вперед! Разрушайте! Убивайте!»(13). В рамках этой нехитрой философии различные анархистские группировки в России и за рубежом приводили разнообразные объяснения своей тактики.

Среди особенно заметных объединений анархистов наименее радикальной была группа последователей Петра Кропоткина, ведущего теоретика русского анархизма, жившего в то время в Лондоне. Центр этой группы находился в Женеве, а ее лидерами были грузинский анархист Г. Гогелия (К. Оргеиани) и его жена Лидия. Они выпускали еженедельную газету «Хлеб и воля», и их приверженцы стали известны под именем хлебовольцев. Они считали себя анархистами-коммунистами, то есть последователями теории Кропоткина о союзе вольных коммун, объединенных свободным договором, где личность, освобожденная от опеки государства и каких-либо запретов, получит неограниченные возможности для развития и где каждый будет давать по способностям, а получать по потребностям. Как эсеры и особенно социал-демократы, анархисты-коммунисты приписывали массам главную роль в революционном движении. И хотя Кропоткин утверждал, что он поощряет самостоятельность и независимость в действиях анархистов, он в то же время предостерегал своих последователей от совершения актов насилия, не связанных с движением масс(14).

По мнению Кропоткина, индивидуальные теракты не могли привести к изменению существующего социально-политического строя. Что же касается революционных

экспроприации, то он утверждал, что хотя передача средств буржуазии тем, кто представляет интересы угнетенных, оправдана, такая практика все же не ведет к полному уничтожению частной собственности — конечной цели всех анархистов(15). Более того, хлебовольцы не могли отрицать того факта, что очень часто лица, называвшие себя анархистами, под возвышенной риторикой «борьбы за свободу» скрывали уголовный характер своих действий. Анархистские лидеры, например, признавали, что многие местные организации «разрешали подонкам общества, ворам и хулиганам… действовать под знаменем анархистов-коммунистов», что часто «бомбисты-экспроприаторы… были не лучше южноитальянских бандитов» и что их поведение деморализовывало истинных приверженцев анархизма и дискредитировало движение в глазах общества(16). И все же последователи Кропоткина были не готовы отказаться от тактики террора, хотя они и настаивали на сохранении чистоты радикальных традиций и морального облика самих революционеров(17).

Изучив существующие теории по вопросу о политических убийствах, хлебовольцы пришли к заключению, что различие между политическим и экономическим террором, которое проводят все революционные партии, является искусственным, поскольку долг каждого анархиста — бороться не только против государства, но и против угнетения со стороны капиталистов. Они также считали, что централизированный террор, наподобие эсеровского, не оправдан по самой своей сути,

поскольку окончательное решение осуществить какой-то определенный теракт должно приниматься только самим террористом, без влияния и давления других лиц и организаций(18). И хотя эти принципы способствовали распространению терроризма, проводимого анархистами, освобожденными от каких-либо ограничений в применении насилия к капиталистам-угнетателям, лидеры хлебовольцев все же подчеркивали, что нападения на государственных служащих и представителей буржуазии, находившихся на

низших ступенях официальной иерархической лестницы, несовместимы с революционной совестью(19).

Хлебовольцы открыто санкционировали террор только в целях самозащиты, что включало в себя и месть особо одиозным фигурам в полиции и в черносотенном лагере. Они также разрешали «акты насилия, диктуемые возмущенной совестью или состраданием к угнетенным»(20). Они заявляли, что формальные суды, приговоры, казни и подобные «буржуазные пережитки», практикуемые различными революционными партиями, противоречат принципам анархизма. В атмосфере государственного гнета анархисты не могли судить и казнить, они могли только защищаться и мстить(21). В то же самое время, как и эсеры, они надеялись и ожидали, что их террористические операции будут способствовать революционной «пропаганде делом», пробуждая массы и направляя их дальнейшую борьбу.

К публичной критике Кропоткиным и его последователями «террора без разбора» присоединились и другие анархисты, наиболее известными из которых были анархисты-синдикалисты во главе с Д. Новомирским (Яковом Кирилловским), лидером Южнорусской группы в Одессе. Согласно Новомирскому, при существующих исторических обстоятельствах борьба за освобождение бедняков должна была быть экономической и, следовательно, первейшей целью анархистов была пропаганда на фабриках и заводах и организация рабочих союзов как проводников классовой борьбы против буржуазии. По его мнению, отдельные экспроприации и другие изолированные теракты, направленные против представителей ненавистного политического строя, не вели к развитию сознательности пролетариата и только питали «грубые и кровожадные инстинкты». С другой стороны, эффективное использование политического насилия, с его же точки зрения, включало в себя не только стачки и бойкоты, но и такие методы экономического террора, как нападения на заводских начальников, саботаж и экспроприация

государственных средств и имущества(22).

В своих взглядах на террористическую деятельность некоторые анархистские группы казались иногда более умеренными, чем эсеры и максималисты, а позиция анархистов-синдикалистов Новомирского приближалась к принципам социал-демократов. Таких анархистских групп, чьи лидеры брали на себя труд обдумать и четко сформулировать свою позицию по отношению к политическим убийствам, было, однако, очень немного: они составляли меньшинство в анархическом лагере. Большая часть анархистов приветствовала неразборчивое, безответственное и систематическое насилие, считая существующие государственный гнет и экономическое порабощение достаточными причинами для массового и индивидуального террора против угнетателей и эксплуататоров(23).

БЕЗМОТИВНИКИ

Самой большой и активной организацией анархистов в России была федерация групп, разбросанных главным образом по окраинным областям запада и юга, известная как «Черное знамя». Как и хлебовольцы, чернознаменцы считали себя анархистами-коммунистами. Однако в своих действиях они выходили за пределы теории Кропоткина об индивидуальных действиях как составной части борьбы масс против политического и экономического угнетения и следовали принципам конспирации и систематического насилия в духе отца русского анархизма Михаила Бакунина. Они относились с подозрением к крупным организациям и не поддерживали идею анархистов-синдикалистов о ведущей роли профессиональных союзов в освобождении пролетариата, предпочитая терпеливой пропаганде немедленные кровавые действия против капиталистов. Вскоре после возникновения групп «Черного знамени» в 1903 году

их лидеры, находившиеся в Белостоке, выработали свою собственную теорию террористической деятельности.

Для чернознаменцев каждый акт насилия против политического гнета в России, каким бы беспричинным и бессмысленным он ни казался обществу, был оправдан в исторической ситуации 1905 года, которая напоминала гражданскую войну. В атмосфере глубокого конфликта и взаимной ненависти восставших рабов и их бывших хозяев освободители народа, каковыми видели себя анархисты, не нуждались в конкретных причинах для мести каждому конкретному представителю самодержавия. Политические убийства должны были быть не заслуженным наказанием, примененным к избранным государственным чиновникам за особенно суровые репрессивные или реакционные действия, а возмездием за саму принадлежность к клану «паразитов-эксплуататоров». Анархисты даже присвоили своему произвольному террору наименование «безмотивного». В соответствии с этой новой идеей, возникшей и распространившейся в 1905 году, политические убийства не требовали прямых причин; любой человек, носивший форму, считался представителем правительства и становился мишенью террористов как враг народа. По мнению приверженцев безмотивного террора, все защитники царского режима, не исключая и тех, кто служил ему по принудительному призыву или просто для заработка, заслуживали смертной казни(24). Таким образом, принципы безмотивников открывали широкое поле деятельности всем экстремистам, решившим бросить бомбу в военный отряд, казачий разъезд или полицейский патруль.

Более того, по правилам безмотивного террора долгом каждого анархиста являлась борьба с представителями экономического истэблишмента, которые, по мнению чернознаменцев и подобных им групп (таких, как анархисты-индивидуалисты), были не менее виноваты в порабощении народа, чем слуги самодержавия. В борьбе против частной собственности кредо анархистов оправдывало убийства всех промышленников,

владельцев заводов и фабрик, их управляющих, помещиков и т. д. — представителей мира капитала, которые являлись эксплуататорами просто в силу занимаемого ими положения(25). Эти радикалы считали виноватыми в экономическом угнетении «не какой-то строй общества, а каждого, кто поддерживает этот строй и пользуется им в свою пользу»(26). Ввиду всего этого лидеры анархистов призывали своих последователей без угрызений совести бросать бомбы в театры и рестораны, поскольку такие места были созданы специально для увеселения буржуазии и туда не ходили те, кто не принадлежал к классу эксплуататоров(27). Такие действия казались особенно целесообразными еще и потому, что, как утверждали анархисты-коммунисты в одной прокламации, «экономический (антибуржуазный) террор в сравнении с политическим является лучшим средством для пропаганды наших идей среди пролетариата»(28). Анархисты-индивидуалисты шли еще дальше и заявляли, что они вправе нападать и убивать любого, даже если за этим стоят «побуждения только своей воли, единственно для своего собственного самоуслаждения, причем требуется одно лишь сознание у совершающих террористический акт… что, совершая подобный акт, они так или иначе способствуют разрушению буржуазного мира»(29).

Анархисты стремились как к разрушению того, что они считали деспотическим политическим и экономическим строем, так и к уничтожению культурных и духовных основ государства и общества. Представители анархистов-коммунистов санкционировали безмотивный террор против реакционных мыслителей и интеллектуалов и, еще чаще, против духовенства(3О). В глазах анархистов даже символы государственного и духовного порабощения — триумфальные арки, памятники гражданским и военным деятелям, церковные здания — были подходящими объектами для взрывов(31).

Чернознаменные организации набирали большую часть своих кадров из низших слоев общества окраинных областей империи и из мест еврейской черты оседлости(32). Хотя у

анархистов было довольно мало последователей в Центральной России и в столицах, в этих местах тоже действовали небольшие группы, в своем радикализме и фанатизме ни в чем не уступавшие чернознаменцам. Вероятно, наиболее заметной из них была военизированная секта «Безначалие», центр которой находился в 1905 году в Петербурге, а маленькие подразделения — в Киеве, Минске и Варшаве. Как и чернознаменцы, безначальцы называли себя анархистами-коммунистами и тоже были страстными поклонниками безмотивного террора.

Лидером безначальцев был молодой человек, лет двадцати, тезка царя — Николай Романов, принявший псевдоним Бидбей (Бидбеев). Бидбей призывал своих сторонников наносить безжалостные удары по всем и каждому государственному чиновнику и полицейскому, утверждая, что любое такое нападение будет шагом к освобождению народа. Более того, по мнению Бидбея, необходимо было направить террористические акты против всех владельцев частной собственности, причем каждое такое нападение считалось «прогрессивным», так как оно обостряло классовые противоречия и толкало угнетенные массы на борьбу с хозяевами. В соответствии с истинным духом безмотивного террора безначальцы приняли боевой клич «Смерть буржуазии!» за основу своих действий, считая достаточным, по словам одного анархиста, «увидеть на человеке белые перчатки… чтобы признать в нем врага, достойного смерти»(33).

После 1907 года, когда организованная антиправительственная деятельность и массовое политическое насилие были в основном подавлены, большинство последователей Бидбея посвятили себя исключительно экономическому террору. В то время как многие бывшие радикалы, особенно среди рабочих, разочаровались в революционных идеалах и вернулись на свои рабочие места, безначальцы настаивали на том, что истинный анархист не может участвовать в производстве. Он «не должен своим трудом на фабрике и в мастерской создавать силу и укреплять позиции той самой

буржуазии, которая подлежит беспощадному истреблению. Удовлетворение своих материальных потребностей настоящий анархист должен обеспечить посредством ограблений и похищений имущества богачей в свою личную пользу»(34).

Короче говоря, Бидбей и его последователи объявили тотальную войну современному им обществу в целом, которое они считали коррумпированным до основания и которое они стремились разрушить при помощи любых видов террора. Некоторые более мелкие анархистские группы, такие, как анархисты-индивидуалисты, откликнулись на призыв к неограниченному политическому насилию, оправданному именно тем, что оно и не требовало оправдания(33).

АНАРХИЧЕСКИЙ ТЕРРОР НА ПРАКТИКЕ

Вне зависимости от теоретических разногласий между анархистами по вопросу, насколько широко могут применяться террористические методы борьбы, все члены анархических организаций в той или иной степени были сторонниками политических убийств. Ни одна из групп не сомневалась в необходимости террористической деятельности, и их расхождения касались только лишь незначительных пунктов теории и деталей выбора жертв.

Отдавая дань общим рассуждениям о необходимости агитации и пропаганды среди пролетариата, на деле многие анархические группы занимались исключительно террором и не тратили сил на прочие приемы антиправительственной и антикапиталистической борьбы, которые не давали моментальных результатов. По словам одного бывшего экстремиста, «почти не было анархиста, который по вступлении в ряды движения не делался на все сто процентов боевиком, готовым в любую минуту идти на тот или иной акт. Революционная обстановка… создала атмосферу всеобщего боевизма», особенно в

1905–1906 годах(36). Одним словом, анархисты являли собой ярких представителей террориста нового типа, не только в своем выборе жертв, но и в том, как они проводили террористические акции.

Что касается выбора жертв, то все анархисты (кроме хлебовольцев, которые жили главным образом за границей и потому большей частью ограничивались теоретическими заявлениями), стремились показать на практике свою готовность к беспорядочным и массовым убийствам. Даже наиболее умеренные анархисты-синдикалисты, не верившие в то, что политические убийства могут освободить народ от гнета капитала, поддерживали любой теракт, вписывавшийся в их политику всеобщего экономического террора. После начала первой русской революции анархисты предпринимали такие террористические акции, которых и представить себе не могли революционеры XIX века и которые отталкивали даже многих радикалов других революционных направлений, занимавшихся антиправительственной деятельностью бок о бок с ними.

Как и члены других революционных организаций, анархисты использовали любую возможность свести счеты с полицейскими агентами в своих рядах(37), отомстить лицам, помогавшим властям в аресте революционеров или дававшим показания против них на суде(38). Вместе с представителями радикальных социалистических групп анархисты стреляли и бросали бомбы в полицейских, проводящих обыски или производивших аресты. В этих случаях анархисты часто предпочитали выпустить последнюю пулю в себя, чем отдаться в руки полиции(39). Они также убивали при попытках освобождения арестованных товарищей, иногда придумывая весьма рискованные планы. В одном таком случае группа анархистов ворвалась в церковь, где арестованные присутствовали на пасхальной службе, освободили их всех и убили охранников(40). Анархисты также совершали нападения на типографии и заставляли рабочих, под угрозой немедленной казни, печатать их листовки и прокламации(41). И наконец, в то время как отдельные

анархисты и изолированные группы строили сложные планы убийства генерал-губернаторов и других видных государственных деятелей, включая и членов императорской семьи(42) (эти планы всегда проваливались по той или иной причине), большинство анархистов, как и многие эсеры и некоторые социал-демократы, всегда искали удобного случая, чтобы отомстить местным военным властям, начальникам Охранных отделений и жандармских управлений, гражданским и тюремным чиновникам, а также священникам и раввинам, критиковавшим радикалов в своих проповедях(43). И все же в одном аспекте их террористическая практика кардинально отличалась от действий других революционных организаций, включая и максималистов: анархисты направляли свои удары, индивидуальные и групповые, против государственных чиновников всех категорий и рангов по единственной причине — они считали всех слуг самодержавия. достойными пули уже потому, что последние носили мундиры. Конфликт между властями и радикалами был так глубок и взаимная ненависть так сильна, что, как вспоминал один революционер, некоторые анархисты не могли вынести одного вида офицера полиции, проходившего мимо по улице(44). Не удивительно поэтому, что наиболее частыми жертвами нападений были городовые, достаточно заметные, чтобы привлечь внимание всякого, ищущего способ выразить свой гнев. Вслед за взрывом революционной активности в 1905 году очень многие городовые становились жертвами анархистских выстрелов средь бела дня(45).

Во многих ситуациях анархисты пытались добиться своими терактами наибольшего пропагандистского эффекта среди пролетариата и в некоторых случаях прибегали к намеренному провоцированию так называемого «контрреволюционного насилия». 24 апреля 1905 года, например, несколько одесских анархистов собрались перед городской думой, чтобы начать беспорядки и оказать сопротивление полиции, которая должна была бы обязательно появиться для их подавления, и в тот момент бросить бомбу в

полицейский отряд (46).

Многие полицейские, спасшиеся от пуль террористов, насильно ими разоружались(47). Власти понимали, какой опасности подвергались полицейские в центрах активности радикалов, таких, как Одесса и Екатеринослав, а также на окраинах империи, и прибегли к оригинальному решению — использовать армию для защиты полиции. Иногда одного городового, стоявшего на посту перед банком, почтой, земством или казначейством, охраняли три солдата. Воинские части также охраняли полицейские участки(48).

Анархисты часто проявляли незаурядную личную храбрость и готовность умереть за революционное дело. Особенно жертвенно вели они себя ради успеха сенсационных массовых убийств государственных служащих, поскольку, как было написано в ведущей анархо-коммунистической газете «Бунтарь», «индивидуальный террор не в состоянии разрешить стоящие перед анархистами задачи»(49). Вот типичный случай. 27 мая 1906 года два анархиста воспользовались предоставившейся возможностью свести счеты с местными властями в Белостоке, напав на целый полицейский отряд и убив старшего городового(50). Анархисты так часто нападали на казачьи разъезды, имевшие приказ поддерживать порядок в городах, что казаки перестали появляться на улицах из страха попасть в засаду. В некоторых случаях террористы, желая отомстить какому-нибудь конкретному полицейскому чину, изобретали хитрые способы, чтобы выманить намеченную жертву из относительно безопасного здания полицейского участка(51). Но и в участках полицейские не чувствовали себя в безопасности, так как террористы умудрялись подбираться даже к хорошо охраняемым зданиям охранных отделений и жандармерии и бросать внутрь бомбы и другие взрывные устройства. С упорством истинных фанатиков анархисты врывались в полицейские участки и взрывали динамит вместе с собой и всеми присутствовавшими. Нисан (Нисель) Фарбер, один из наиболее активных членов Белостокской группы анархистов, участвовал именно в таком нападении

в октябре 1904 года(52).

Иногда анархисты совершали взрывы в церквах(53), а также бросали бомбы в синагоги, где собирались представители местных еврейских общин(54), но наиболее часты были террористические нападения на военных, особенно простых солдат, расквартированных в местах особой активности террористов. Одним таким центром анархического движения был Екатеринослав, откуда в бурные дни октября 1905 года власти сообщали о частых инцидентах, когда революционеры стреляли из револьверов в ряды солдат и бросали бомбы в армейские отряды. Солдаты и офицеры подвергались опасности буквально на каждом шагу, в городе не было безопасных улиц — бомбы падали с балконов(55), взрывные устройства подкладывались в казачьи казармы(56).

В отличие от революционеров из социалистического лагеря, чьей целью была политическая революция, анархисты считали капиталистический строй таким же грозным врагом, как и государство, и потому совершали нападения на всякого, представлявшего экономический истэблишмент, то есть на владельцев и директоров фабрик, управляющих, торговцев, землевладельцев, хозяев магазинов и других «эксплуататоров». Симптоматично, что наряду с нападениями на представителей крупного капитала продолжался непрерывный массовый террор против буржуазии вообще. В соответствии с лозунгом нескольких анархо-коммунистических групп в Москве и Одессе — «Смерть буржуазии есть жизнь рабочих» — каждый не являющийся неимущим пролетарием заслуживал смерти(57).

Невозможно подсчитать все террористические акты, совершенные анархистами против представителей имущих классов, но известно, что жертвами становились и банкиры, и фабриканты, и владельцы маленьких усадеб и хозяйств, и хозяева обувных лавок, и многие другие, в частности те, кто отказывался идти на уступки бастующим служащим,

звал на помощь полицию во время рабочих беспорядков, считал оправданными штрафы и увольнения забастовщиков или просто пользовался репутацией человека, не заботящегося о нуждах трудящихся. Анархисты часто направляли свои действия не только против владельцев и администрации промышленных или иных предприятий, но и против их управляющих, инженеров, техников и других специалистов, которые в глазах невежественных, но распропагандированных рабочих принадлежали к классу угнетателей просто в силу своего образования, положения или даже внешнего вида(58). В одном случае безмотивники убили трех сыновей владельца фабрики(59). Иногда они бросали бомбы в мелкие лавки просто в знак протеста против частной собственности(60).

Наряду с индивидуальными нападениями анархисты планировали и совершали массовые террористические акты против буржуазии. В январе 1906 года на конференции сторонников безмотивного террора экстремисты решили устроить сенсационный взрыв во время Всероссийского конгресса горнопромышленников. Анархисты на местах принимали подобные же резолюции. В Белостоке, например, они разработали план размещения взрывных устройств («адских машин») вдоль самой большой улицы города, чтобы «все главные буржуи взлетели на воздух»(61).

Планы анархистов часто приводились в действие. И в отличие от террористов из других революционных организаций, эти экстремисты включали в число своих жертв лиц, которые просто казались более обеспеченными материально, чем пролетарии, даже когда их никак нельзя было обвинить в эксплуатации неимущих классов. Нередки были случаи нападения на представителей буржуазии только потому, что те были сравнительно хорошо одеты. Например, один анархист из Екатеринослава под влиянием азарта классовой мести швырнул бомбу в купе вагона первого класса, полное преуспевающих на вид пассажиров(62). Один из наиболее известных подобных случаев произошел 17 декабря 1905 года в Одессе, когда анархистами было разбомблено кафе

Либмана. Если экстремисты и хотели выдать этот теракт за активный протест против представителей ненавистного социально-экономического режима, то это им удалось лишь отчасти: от взрыва погибло около десятка людей, был причинен огромный ущерб зданию и сама эта история описывалась на передовых страницах газет; однако оказалось, что кафе Либмана не было местом сбора богачей, а наоборот — второстепенным ресторанчиком, где собирались не слишком обеспеченные интеллигенты(63).

Вместе с характерным выбором мишеней терроризм нового типа, проводимый анархистами, отличался и особой мотивацией действий. Анархисты презирали организованные политические объединения и на первое место ставили свободное «развитие личности», и поэтому, в частности, они чаще, чем приверженцы других революционных направлений, совершали теракты по личной инициативе, спонтанно, иногда просто по прихоти, используя подходящий случай, не советуясь и не отчитываясь перед какими-либо местными анархистскими лидерами. Это подтверждается многими примерами. В одном случае, в конце 1906 года, анархист-коммунист Веньямин Фридман сидел в засаде, ожидая проезда начальника гродненской тюрьмы, чтобы его убить, и вдруг заметил приближающегося местного тюремного надзирателя. Фридман был наслышан о дурной репутации последнего, немедленно «решил, что и эта собака вполне заслуживает пули», и несколько раз в него выстрелил(64). Другой эпизод свидетельствует о том, что анархисты часто выбирали свои жертвы, руководствуясь слухами и охотно веря самым неправдоподобным рассказам о зверствах защитников правительства. Александр Колосов, член анархистской группы в Тамбове, услышал, что молодая революционерка была якобы изнасилована в тюрьме надзирателем. Он немедленно схватил револьвер и помчался убивать начальника тюрьмы, но по дороге встретил жениха этой самой революционерки, который сказал ему, что слух об изнасиловании

абсолютно неверен(65).

В отличие от радикалов XIX столетия с их склонностью к абстрактному мышлению и теоретизированию, анархисты в своем большинстве были равнодушны к интеллектуальной деятельности. Более того, образовательный уровень этих террористов нового типа был очень низок. Многие из них были выходцами из бедных еврейских семей в черте оседлости, плохо говорили по-русски, а некоторые (как, например, Нисан Фарбер) не знали по-русски ни слова(66). Большинство русских по происхождению анархистов вышли из рабочей среды и получили лишь минимальное образование. Анархисты, однако, не видели в этом препятствия для революционной деятельности, и один из боевиков с гордостью повторял: «Я не прочитал ни одной книги, но в душе я анархист»(67).

Того, что радикалы называли «революционным сознанием», тоже явно не хватало многим террористам нового типа, которые не обращали внимания на теоретические рассуждения, будь то споры о социалистической идеологии или об анархизме. Не было ничего странного в том, что член анархо-коммунистической группы в Одессе в разговоре с другим революционером не мог объяснить ни своих собственных взглядов, ни различий между программами существующих политических партий; он даже считал ненужным для себя знакомство с различными идеологиями, потому что, по его мнению, во время революции самое важное — просто действовать . Прекрасно понимая, что большинство их товарищей идеологически и политически не развиты, анархисты утверждали, что для них главной чертой хорошего революционера является «боевая жилка» (69).

Некоторые теракты, совершенные различными анархистскими группами и отдельными анархистами после 1905 года, могут рассматриваться как часть продолжавшейся экономической борьбы пролетариата против капиталистов. Фарбер, например, напал с

ножом на Авраама Когана, директора крупной текстильной фабрики, серьезно его ранив, за то, что тот нанял штрейкбрехеров во время забастовки. Это произошло в еврейский День искупления, Йом Киппур, на ступенях синагоги(70). Этот акт не был единственным в своем роде.

Анархисты, особенно анархисты-синдикалисты, часто прибегали к кровавым индивидуальным терактам, чтобы помочь массовому рабочему движению, и активно участвовали в экономическом терроре, захватывая булочные и казенные — винные лавки, бросая бомбы в трамваи и поезда, которые продолжали работать во время забастовок. Они убили директора типографии, отказавшегося выполнить требования бастующих рабочих(71). Одесский порт стал ареной непрекращавшегося террора в 1906–1907 годах, когда анархисты-синдикалисты взорвали несколько торговых пароходов и убили двух капитанов, которые не нравились матросам(72). Однако в большинстве случаев анархисты, как и эсеры и эсдеки, даже не пытались связать свои индивидуальные теракты с антиправительственным движением трудящихся масс(73).

Для многих экстремистов, которые, в отличие от своих предшественников, не были озабочены сохранением чистоты революционного движения, равно как и своего собственного морального облика, решение о применении насилия не было основано на убеждении, что террор является разумным средством освободительной борьбы. Хотя они обычно и оправдывали свои действия громкими фразами об освобождении угнетенных, настоящие мотивы их были не столь возвышенны, поскольку, как отмечает Аврич, легкомысленные и ничего в жизни не добившиеся юноши, среди которых встречались «самозваные ницшеанские сверхчеловеки», часто «удовлетворяли жажду деятельности и самоутверждения метанием бомб в здания, заводские конторы, театры и рестораны»(74). Многие анархисты, и первым среди них известный уже Бид-бей, восхищались Сергеем Нечаевым, persona non grata русского революционного движения XIX века, за его

приверженность идее использования насилия в личных целях и за его настоятельные рекомендации радикалам сотрудничать с разбойниками — «единственными подлинными революционерами в России»(75).

И действительно, обычный бандитизм был очень распространен в рядах анархистов. Бывшие бродяги, профессиональные воры и другие представители преступного мира охотно вступали в анархистские группы. В частности, это объясняется тем, что анархизм давал удобное оправдание их поведению не только утверждениями, что современное общество несет ответственность за уголовные деяния своих обедневших, заброшенных и отчаявшихся членов, но и предоставлением возвышенных объяснений их преступлениям, как прогрессивным шагам, способствующим дестабилизации социально-политического строя(76). Таким образом, любая уголовщина могла стать частью общей революционной борьбы, и, как отмечает Лакер, «разделительная черта между политикой и преступлением далеко не всегда была определенной и всем видной»(77).

Следуя примеру Бакунина, анархисты с распростертыми объятиями принимали в свои ряды любой сброд, подонков общества, преступников, подчеркивая огромный революционный потенциал воров, бродяг, люмпен-пролетариев и других подобных личностей(78). Уже в 1903 году, например, с целью превратить бандитов в борцов за дело революции, члены первой анархической организации в Белостоке, называвшей себя интернациональной группой «Борьба», начали проводить революционную агитацию среди воров, некоторые из которых действительно стали впоследствии активными революционерами. Многие анархисты, отбывавшие тюремное заключение, тоже занимались агитацией среди уголовников, считая, что антиправительственной борьбе очень поможет то, что убийцы и воры, пошедшие на преступления по эгоистическим мотивам, объявят себя революционерами и будут совершать те же поступки во имя освобождения пролетариата(79). Члены других политических партий упрекали анархистов

в том, что они подпадают под влияние преступников до такой степени, что сами становятся уголовниками(80).

В местах ссылки, где политические преступники образовывали крошечные колонии среди часто враждебно настроенных местных жителей, анархисты объединялись в небольшие банды, которые называли «хулиганствующей частью ссыльных». Эти радикалы настаивали на своей приверженности анархизму и на своих прогрессивных убеждениях, что не мешало им творить всяческое безобразие. Например, в Вологодской губернии после поражения революции 1905 года состоялось празднование годовщины взрыва бомбы во французском парламенте; во время торжеств анархисты напились и начали драться, разбив окна своей квартиры. Когда один социал-демократ позднее упрекнул за это лидера анархистов, тот избил его палкой. Для этих революционеров оргии, буйство, разборки и случайные жертвы были в порядке вещей(81).

Взаимные симпатии анархистов и обычных бандитов оказались плодотворными для революционеров, хотя бы в смысле привлечения новых членов в ряды борцов с правительством(82). Того же, однако, не скажешь о моральной стороне этих отношений, поскольку присутствие уголовников в рядах анархистов создавало трения, коррупцию и деморализацию(83). Под влиянием этих темных элементов многие анархистские группы превращались в преступные шайки, занимавшиеся главным образом разбоями и грабежами в собственных интересах(84). В 1906–1907 годах, по словам начальника Петербургского Охранного отделения Герасимова, эти организации, действовавшие под анархистским флагом, по своей идеологии не были революционерами, они просто пользовались анархистской риторикой для оправдания обычного бандитизма(85).

То же можно сказать и об анархистах, действовавших в Москве и ее окрестностях в эти годы. Сравнительно крупная анархистская группа, во главе которой стоял убежденный

сторонник безмотивного террора Савельев, состояла главным образом из закоренелых убийц и грабителей, бежавших от преследований Владивостокской полиции в центральную Россию, где они примкнули к анархистам и продолжали свою преступную деятельность. Один из них, дезертир флота по фамилии Филиппов, сам признавал, что не интересовался программой анархистов, так и не поняв ее до самого своего ареста, и только стремился к действию и наживе. Этот человек совершил одиннадцать убийств, и его товарищи не сильно от него отставали: его подружка была зарегистрированной проституткой, его приятель, тоже матрос-дезертир, был осужден на каторжные работы за участие в убийстве священника и ограблении церкви, причем любовница его была известной полиции воровкой(86).

Такая же ситуация наблюдалась и в провинции, где к началу 1906 года разложение анархистских организаций достигло своего апогея, «когда по всей Руси… стали пошаливать группы «Черных воронов»… компании зеленых по возрасту разбойничков, похождения которых иной раз не лишены были цвета красной романтики». Кроме «Черных воронов», были и другие подобные им анархистские группы; они действовали под названием «Черный террор»(88) или вовсе без названий, как сравнительно крупное объединение анархистов в Киеве и Вильно (во главе него стоял некий Устинов), которое быстро выродилось в преступную банду, занимавшуюся грабежами и другими делами в целях личного обогащения. Их действия заставили местных революционеров полностью от них отмежеваться и пустить слух, что члены этого объединения были не «настоящими анархистами по убеждениям», а просто хулиганами, специально поощряемыми правительством(89).

Преступники ли, борцы ли за свободу, анархисты активно способствовали эскалации кровопролития в России и полному обесцениванию человеческой жизни в атмосфере бушующего насилия. Екатеринославский анархист Федосей Зубарь напал на рабочего,

оказавшегося членом местной социал-демократической организации, и чуть не убил его за то, что тот пытался содрать со стены анархистскую прокламацию(90). Другой террорист, обвиненный на суде в случайном убийстве гимназистки во время нападения анархистов на московских полицейских в 1907 году, ответил: «Я очень жалею об этом, но война не может обойтись без невинных жертв»(91). В нескольких случаях анархисты использовали свои навыки политических убийц для совершения убийств по личным мотивам, включая убийства из ревности(92). Многие из этих экстремистов сами признавали наличие феномена, который Иуда Гроссман назвал «механическим боевизмом», утверждая, что под его влиянием человек автоматически «делает покушения», увлекаясь как бы террористическим «искусством для искусства»(93).

Насилие, к которому прибегают по привычке, так, что оно теряет всякую осмысленность, просвечивает сквозь короткую биографию анархиста из Белостока, как она была освещена в некрологе, написанном его товарищами. Они написали, что деятельность Мовши Шпиндлера (Мойше Гроднера) «отмечалась удивительным разнообразием». Он не только распространял листовки и нелегальную литературу среди фабричных рабочих и помогал в подпольной типографии, но и доставал оружие и участвовал по крайней мере в одной экспроприации и в нескольких террористических актах. Вместе с двумя друзьями он строил планы убийства начальника тюрьмы города Гродно и освободил товарища, ранив при этом нескольких солдат в тюремном конвое. Он бросил бомбу в карету белостокского генерал-губернатора Богаевского. Даже после того, как он был вынужден бежать из Белостока, во время каждого своего возвращения он убивал по шпиону. Он умер, выпустив в себя последнюю пулю в ходе столкновения с полицией во время обыска его квартиры. Ранние годы жизни Шпиндлера также небезынтересны. Перед тем как он стал анархистом, он «был профессиональным вором, за свою ловкость очень уважаем в своей среде и назван Золотой Ручкой. Ничего больше делать он не умел. Анархисты

признавали, что Шпиндлер «не разбирался в тонкостях» их программы, но, несмотря на это, они называли его «одним из самых преданных, идеально честных товарищей… во всем нашем русском движении»(94). Слова его товарищей дают портрет Шпиндлера как настоящего террориста нового типа(95).

Конечно, были и анархисты из совсем других слоев общества, с другим прошлым и интеллектуальными интересами, и их этические понятия отличались от понятий Филиппова, Шпиндлера и им подобных. Источники, в том числе мемуары некоторых революционеров, указывают на то, что среди анархистов были и многие принципиальные люди, с твердыми идеологическими убеждениями, но они стояли как бы несколько в стороне от организации анархистов-коммунистов и предпочитали объединяться с синдикалистами, менее склонными к безмотивному террору(96). Даже полицейские чиновники, часто видевшие во всех экстремистах закоренелых преступников, отмечали глубокую веру отдельных анархистов в революционную утопию, их беззаветную преданность делу, которая вела к проявлению большой личной отваги и бескорыстного стремления жить в соответствии с анархическим идеалом. Офицер Охранного отделения ротмистр Петр Заварзин, человек, которого никак нельзя заподозрить в симпатии к радикалам, признавал, что за время его службы он видел много таких «анархистов — фанатиков и аскетов», которые одевались в лохмотья, ели ровно столько, чтобы не умереть, и не разрешали себе никаких удовольствий и развлечений, имевших хоть какой-то намек на роскошь(97). Он же утверждал, однако, что наравне с бандитами, идеалистами и фанатиками в ряды анархистов вступали самые разные люди, включая слабовольных, втянутых в грабительскую деятельность, ущербных полуобразованных лиц и так и не повзрослевших юнцов, развращенных до основания. Конечно, среди членов групп было много и отбросов различных революционных партий, которые в своем возбуждении следовали всегда популярной и доходчивой идеологии: отчуждение

богатств, отрицание частной собственности, «грабь награбленное» и т. д.(98).

Слова Плеханова, написанные за пятнадцать лет до взрыва массового насилия 1905 года, оказались пророческими: «Невозможно угадать, где кончается товарищ анархист и где начинается бандит»(99).

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ ЭКСТРЕМИСТСКИЕ ГРУППЫ

Так можно назвать многочисленные группы, действовавшие в стороне от основного антиправительственного движения в России после 1903 года и особенно после начала революции 1905 года. Революционные экстремисты, по тем или иным причинам не присоединившиеся к основным революционным партиям или порвавшие с ними, слишком воинственные или непокорные, чтобы входить в систему любой политической организации, даже анархистской, объединялись в небольшие группы, которые распадались, как только менялись планы или интересы их членов. Большинство этих радикалов были несогласны либо с политическими теориями, либо с тактикой всех существующих партий; они были радикальнее всех. Террор и экспроприация были главными пунктами в расхождениях их с другими организациями, и отношение к этому вопросу выдавало их принадлежность к новому типу террористов. Эти независимые экстремисты не разработали никаких твердых идеологических принципов, отличающихся от тех, которых придерживались приверженцы основных революционных партий, и занимались систематическим террором, даже не пытаясь как-то его оправдывать и обосновывать, часто принимая участие в чисто уголовной деятельности, не имевшей ничего общего с революционными целями.

Такие группы включали в себя бывших членов всех революционных организаций, но большинство их составляли перебежчики из социал-революционных ячеек,

действовавших по всей периферии после 1905 года. Многие бывшие эсеры отошли от своей партии в первую очередь из-за недовольства контролем террористической деятельности со стороны лидеров партии, пытавшихся ввести террор в общую систему партийной тактики. Кроме того, эти нонконформисты тяготились ограничениями, налагавшимися на применение экономического террора, особенно запретами на экспроприацию частной собственности. Хотя на практике эсеры «эксами» все равно занимались, некоторые не желали даже на словах соглашаться с официальной позицией партии и подчиняться партийной дисциплине, требовавшей отказа от соблазнительных мероприятий только потому, что участие в них могло бы запятнать репутацию организации.

Таким образом, немалое число эсеров покинуло ряды ПСР, чтобы избавиться от контроля над своими террористическими похождениями. В Архангельске в 1905 году один эсер, возмущенный бессмысленным, с его точки зрения, решением местного комитета партии, покинул организацию и создал независимый террористический отряд, некоторое время еще продолжая называть себя эсером(100). В Гомеле несколько перебежчиков из ПСР объединились в 1905 году в группу, члены которой называли себя независимыми социал-революционерами и создавали небольшие террористические дружины, никак не связанные с основными местными боевыми силами эсеров. Наряду с нападениями на представителей полицейских и гражданских властей, что вполне соответствовало эсеровским традициям, эти экстремисты увлекались никем и ничем не контролируемым экономическим террором, часто срывая свой гнев на управляющих поместьями, что сближало их с максималистами и анархистами. Они совершенно не интересовались вопросами социалистической идеологии, и это в сочетании с их постоянной практикой по добыванию денег на террористическую деятельность путем вымогательства у частных лиц привело к тому, что местные социал-революционеры полностью отказались от каких

бы то ни было связей с ними(101).

В своем отношении к террору бывшие эсеры, входившие в состав групп независимых экстремистов, ближе всего стояли к анархистам. Группа, известная как «Непримиримые», основанная в Одессе в ноябре 1903 года, отколовшаяся от ПСР из-за расхождений по вопросам тактики, отказалась от социал-революционной идеологии, но сохранила интерес к политическим убийствам. В придачу к этому они преследовали такие анархистские цели, как систематическое уничтожение фабрик и заводов в качестве необходимой части антибуржуазной борьбы(102). Некоторые недовольные и разочарованные эсеры действовали независимыми экстремистскими группами без определенных идеологических принципов перед тем, как присоединиться к организованной оппозиции максималистов. Так случилось с террористической группой в Белостоке, принявшей название «Молодые» и позднее влившейся в максималистское движение. В промежутке они были близки к анархизму, всем сердцем принимая анархистский подход к террору и насилию и расходясь с анархистами только по организационным вопросам. Последнее, однако, не очень их беспокоило, поскольку, как говорил один бывший член этой группы, они «не слишком интересовались идеологией»(103).

Многие бывшие эсеры по вышеприведенной причине, а также стремясь избежать какого-либо контроля, не только порывали все связи с ПСР, но и не присоединялись к максималистской оппозиции. Вместо этого, считая себя по духу максималистами, они предпочитали оставаться независимыми и образовывали собственные крошечные отряды, занимавшиеся исключительно боевой деятельностью (как, например, известный герой маленького города Клинцы товарищ Савицкий, прирожденный бандитский главарь, прозванный местной прессой за свои похождения «новый Нат Пинкертон и Ринальдо Ринальдини»)(104).

По той же схеме после начала революционных беспорядков в 1905 году многие члены Российской социал-демократической рабочей партии предпочли не дожидаться полного развития капиталистических отношений, которое, согласно фундаментальному принципу марксизма, создаст настоящую революционную ситуацию, поскольку тогда пролетариат будет готов взять в свои руки средства производства. Они хотели немедленного действия и решили не обращать внимания на несоответствие своих желаний теоретическим принципам социал-демократии. Но в большинстве своем члены социал-демократических групп на местах обладали лишь ограниченным знанием даже самых основных марксистских идей и мало интересовались ими, и поэтому таким людям, как Василий Подвысоцкий, молодой рабочий-эсдек из Одессы, нетрудно было заключить под влиянием правительственных репрессий 1907 года: «Там когда еще дождешься концентрации капитала, глаза вылезут ожидаючи. Нет, братцы, давайте лучше возьмемся за террор!» Товарищи Подвысоцкого с ним согласились: «Что нам теорию пустую размазывать? Наших братьев дергают на веревку, а мы терпеливо жди… Докуда ждать-то? Пока всех не перевешают, что ли?!»(105) И Подвысоцкий с товарищами создали независимую боевую группу, анархическую по духу и по роду деятельности, занимавшуюся главным образом грабежом богачей.

В качестве наиболее известного примера объединения бывших социал-демократов в независимые экстремистские группы мы можем рассмотреть сравнительно крупную группировку боевиков, действовавшую на Урале под руководством легендарного Александра Лбова. Лбов был рабочим в Перми, в 1905 и в начале 1906 года он сблизился с социал-демократами, принимал участие в организованном рабочем движении местных пушечных заводов и командовал боевым отрядом. Когда полиция в 1906 году начала производить аресты, Лбов ушел в подполье и жил в лесу, куда к нему стекались единомышленники, организовавшие партизанский отряд. К концу года отряд был усилен

группой петербургских максималистов, бежавших из столицы после экспроприации в Фонарном переулке, после чего боевики начали осуществлять на практике лбовскую версию наиболее эффективного пути освобождения пролетариата(106), считая «известной социал-демократической чепухой» то, что профессиональные или партийные организации направляют борьбу рабочих против капиталистических эксплуататоров и их покровителей в правительстве. Их собственная программа была простой и четкой: «Раз есть недовольство рабочих — нужна расправа с индивидуальными объектами этого недовольства»(107). Следуя этому ясному принципу, боевики совершали покушения на директоров фабрик, управляющих магазинами и других видных представителей местной промышленной общины, считавшихся твердолобыми приверженцами установленного экономического и политического строя. Они также занимались экспроприациями, нападая на фабричные конторы и винные лавки, и сеяли панику среди местных жителей, которые прозвали их лидера «грозой Урала»(108).

Члены различных национальных фракций РСДРП тоже часто выходили из-под контроля своих организаций и образовывали немногочисленные и недолговечные социал-демократические боевые группы. К примеру, радикальное меньшинство Латышской социал-демократической рабочей партии было недовольно отсутствием успеха в объединении рижских рабочих в могучую пролетарскую силу. Когда лидеры этой крошечной фракции потребовали от партии немедленных решительных действий, произошел раскол, и радикалы откололись от партии и образовали 'отдельную организацию «Вперед», вскоре поменявшую свое название на Латышский социал-демократический союз. Они стали создавать боевые дружины, активно участвовавшие в многочисленных политических убийствах в Латвии(109).

Та же тенденция наблюдалась и на Кавказе. Группа экстремистов, известная как «Террор г. Тифлиса и его уездов», была поначалу частью местной социал-

демократической организации, но покинула ее ряды для осуществления ничем не ограниченного политического насилия. Однако в результате постоянных столкновений с националистическими силами в Тифлисе они решили вернуться под контроль и защиту социал-демократов(ПО). В том же городе несколько грузинских социал-демократов объединились в оппозицию к социал-демократическому комитету партии, потому что тот отказался разрешить экспроприации. Это радикальное меньшинство было исключено из кавказской организации и образовало свою собственную независимую группу «Союз революционных социал-демократов», совершавшую революционные грабежи в Тифлисе и Кутаисе зимой 1906–1907 годов(111).

Кроме боевых отрядов, созданных бывшими эсерами и эсдеками, на территории Российской Империи орудовали другие многочисленные террористические группы, далекие и от социалистического, и от анархического лагеря. Так, петербургская группа самим своим названием «Смерть за смерть» стремилась вселить ужас в сердца врагов. Их план действий предусматривал убийства нескольких крупных государственных деятелей в столице, в том числе Столыпина, Трепова и Дурново(111). Другая такая группа представляла собой отряд из двадцати революционеров, тоже действовавший в Петербурге и называвший себя «Группа террористов-экспроприаторов». В октябре 1907 года членов этой банды судили за попытку «силой разрушить существующий политический порядок в России и заменить его демократической республикой», путем нападения на монастырь около Гродно. Одного из них осудили на десять лет каторжных работ за участие в нападении на еще один монастырь, где террористы подложили взрывчатку для уничтожения чтимой иконы Богоматери Курской(113).

Подобные мелкие и малоизвестные группы были особенно активны на периферии. Подпольный кружок в Воронеже, состоявший приблизительно из дюжины независимых экстремистов, объединился в 1907–1908 году в «Лигу красного шнура» с амбициозной

целью окончательно покончить с существующим социально-политическим строем в России. Тот факт, что они даже не притворялись, что имеют хоть какое-то представление о том, какой строй должен заменить существующий, не помешал Лиге выработать план немедленных действий, предусматривавший серию политических убийств общественных деятелей и частных лиц. Арест всех членов «Лиги красного шнура» предотвратил проведение в жизнь этих намерений, они успели только совершить в Воронеже несколько вооруженных грабежей(114). В других городах России многочисленные кровавые акты насилия совершались подобными же группами, например, революционной ячейкой «Черная туча» в Черниговской губернии и боевой дружиной «Гроза» в городе Рогачеве, члены которой называли себя террористами-индивидуалистами(115). И, наконец, различные небольшие террористические отряды возникали и на окраинах империи, среди них — Социалистический союз, образованный в 1899 году в Прибалтике. К 1905 году Союз осуществлял политические убийства и нападения на поместья, доказывая на практике, что его тактика была гораздо левее тактики Латышской социал-демократии(116).

Многие террористические группы первого десятилетия XX века имели такие расплывчатые идеологические основания, что часто очень трудно понять, что их объединяло, для чего они существовали и какова была их политическая ориентация. Никакого объяснения или оправдания, вероятно, не требовалось группе из четырех молодых людей и одной девушки, которые собирались убить в Лондоне Кропоткина, считая, что ведущий российский анархист сдерживал порывы своих последователей, ослабляя силы революции(117). Другая группа, партия «Независимые», выработала устав, в котором говорилось, что это тайное общество было организовано «для борьбы со всякого рода насилием, независимо от того источника, из которого оно вытекает, будет ли инициатива его исходить из общественных органов, политических партий или

государственных учреждений… В какой бы форме ни проявлялось насилие… в форме ли террора крайних партий или в форме насилия бюрократических органов государственного механизма… всегда и неизменно всякий пострадавший найдет самую энергичную защиту партии против гнета личности. В партию принимаются лица всякого возраста без различия пола, вероисповедания, национальности и профессии. Одинаковым правом голоса пользуются в партии как священник, так и социалист, так и чиновник»(118). Судя по этому тексту, «Независимые» могут показаться чем-то вроде альтернативного полицейского органа, намеревавшегося защищать всех без исключения жертв организованного насилия, левого или правого. Но заявление о тактике, которое следует за описанием общих целей организации, демонстрирует, что возвышенные слова о защите невинных и угнетенных были направлены только против властей, поскольку партия собиралась прибегать к террору «во всех случаях агрессивной деятельности правительства, полиции, вдохновителей бюрократии и ее духовных идеологов». «Независимые» также объявляли о своем праве вершить правосудие и приводить в исполнение смертные приговоры через четыре дня после вынесения. Действия этой группы включали «конфискацию материальных средств противника», «карательные меры против лиц и учреждений, угнетающих свободную человеческую личность». Таким образом, «Независимые», провозгласившие целью бороться со всеми видами насилия, собирались прибегать к тому же насилию для достижения своих целей(119).

Кроме экстремистских групп, пытавшихся выставить себя истинными революционерами хоть с какими-то принципами, существовали террористические отряды, не пытавшиеся делать и этого. Члены таких отрядов, вероятно, считали себя лицами, стоявшими вне закона. В тюрьмах, например, они не требовали особого обращения, обычно оказываемого политическим преступникам, и проводили срок своего заключения среди воров и убийц(120). Одна такая группа примерно из двенадцати беглых каторжников

стала послушным орудием в руках их главаря, Григория Котовского, легендарной фигуры в Бессарабии начала века. Котовский происходил из дворянской семьи и с самого детства беспрерывно конфликтовал со старшими в школе и с начальством на службе (откуда его выгнали за растрату). С ранних же лет он был «зачарован преступным миром» и, будучи авантюристом и неутомимым искателем приключений, втянулся в уголовщину и с 1903 года начал мстить среде, в которой вырос(121). Хотя говорили, что иногда он делал пожертвования в местный комитет социалистов-революционеров, вероятно, на их работу среди крестьян, Котовский официально не состоял ни в одной партии. Он не оказывал предпочтения ни одной идеологии, направляя свои действия против богачей вообще и экспроприируя все, до чего доходили руки, от денег в городских банках до персидских ковров в частных домах. Котовскому нравилось представлять себя этаким русским Робин Гудом или «идеологическим вором», и хотя он никогда не отказывал себе ни в вине, ни в женщинах и развлечениях, он уверял, что распределял часть добычи среди бедняков(111).

И власти, и его товарищи из преступного мира видели в нем отчаянного атамана, а в его соратниках — шайку грабителей и бродяг. Зимой 1906 года, после того как один из его людей предал его полиции за десять тысяч рублей, Котовского судили не как политического преступника, а как обычного уголовника(123). Его стиль жизни, манеры и даже речь (его лексикон изобиловал уличным и тюремным жаргоном) заставляют думать, что таковым он и являлся. Такое заключение подкрепляется и тем фактом, что даже после революции 1917 года, когда все политические преступники, попавшие в тюрьмы при царском режиме, вышли на свободу, независимо от характера их преступлений, Котовский продолжал отбывать тюремное заключение как обычный бандит и главарь шайки грабителей(124).

С нарастанием революционной волны после 1905 года многие боевики, даже те,

которые раньше изо всех сил пытались показать себя борцами за свободу, а не налетчиками и грабителями, отказались от попыток объяснения своих действий теоретическими принципами. Единственным их оправданием участия в революционном бандитизме стало утверждение, что они якобы хотят помочь своим товарищам провести в жизнь идеалы революционной утопии. Они открыто признавались: «Мы в теориях слабо разбираемся и партийную работу вести не способны. Ничем другим кроме добытых эксами денег мы полезными быть не можем»(125).

ЭКСПРОПРИАЦИИ

И все же были некоторые анархические и малоизвестные революционные организации, искренне пытавшиеся выработать убедительное теоретическое обоснование своей политики экспроприации. Главной причиной выдвигалось то, что вместо того, чтобы унижаться перед либералами до просьб о денежном вспомоществовании или зависеть от пожертвований и без того обделенных пролетариев, революционеры должны жить за счет капиталистов — богатых купцов, землевладельцев, хозяев магазинов и других буржуе в-эксплуататоров. Экспроприируя их деньги и имущество, радикалы должны были содержать себя — профессиональных революционеров — и закупать оружие и взрывчатку, необходимые для борьбы с государством и с буржуазией(126).

В анархическом лагере радикалы никак не могли прийти к общему пониманию того, насколько настойчивы должны они быть в проведении программы экономического террора. В то время как чернознаменцы утверждали, что рабочие должны продолжать работать на фабриках и в мастерских, несмотря на эксплуатацию и несправедливость, приверженцы группы «Безначалие» заявляли, что настоящий анархист не должен принимать участие в капиталистическом производстве, потому что этим он усиливает ту

же самую буржуазию, которая подлежала безжалостному уничтожению. Более того, безначальцы настаивали на том, что последовательный революционер не должен поддерживать существующую экономическую систему покупкой необходимых ему товаров; вместо этого он должен добывать средства к существованию экспроприацией частной собственности эксплуататоров и угнетателей(127). Подобные настроения существовали и в других группах анархистов-коммунистов, и в малоизвестных экстремистских группировках, таких, как «Непримиримые» в Одессе. Говоря о необходимости налетов на торговые склады и магазины, они заявляли, что «воровство… только продукт существующего политического порядка [и потому] не преступление»(128).

Невозможно точно сказать, сколько денег было экспроприировано анархистами по всей России в первом десятилетии XX века, потому что очень немногие из тех групп, которые занимались экспроприациями, считали нужным вести учет приходов и расходов. И все же мы можем судить о размерах ущерба, причиненного анархистскими экспроприациями, по многочисленным газетным сообщениям о крупных грабежах, таких, как налет анархистов-синдикалистов на почтовый вагон в бессарабском городе Хотине 17 октября 1908 года, когда они скрылись почти с 80 000 рублей. В похожем случае группа анархистов-коммунистов захватила 60 000 рублей из государственных средств на Верхнеднепровской железнодорожной станции(129). Надо еще принять во внимание и серьезные потери государственных денег в результате нападений на казенные винные лавки, а также в результате хищений оружия и взрывчатки из оружейных складов и военных арсеналов(110).

Ущерб, причиненный налетами анархистов на общественную собственность, был особенно значителен на окраинах, где среди разливающейся после 1905 года анархии радикалы систематически совершали экспроприации средств любых имевших таковые учреждений. Для многих экстремистов любое образовательное, культурное или даже

благотворительное заведение было частью ненавистного социально-политического строя. В письме к товарищам анархист из Грузии с гордостью писал, что «грабежи идут по-старому. 20 сентября в Тифлисе ограбили массу учреждений, в том числе и… гимназию»(131).

Большинство анархистских экспроприации, однако, были нападениями на частных лиц и частную собственность, во многом из-за того, что эти мишени охранялись не так строго, как финансовые учреждения, и риск попасться был невелик. В то же самое время и прибыли от таких экспроприации имущества буржуазии было значительно меньше, чем от налетов на государственные банки и почтовые таможни. Конечно, террористы иногда получали значительные суммы легко добытых денег после нападений на крупные частные предприятия, такие, как сахарный завод в Киевской губернии, откуда они унесли десять тысяч рублей наличными(132). Так же часты были и попытки экспроприации средств у различных кооперативов рабочих и ремесленников. Эти артели, организованные для облегчения сезонного труда, часто собирали несколько тысяч рублей к моменту окончания работ(133). Большей же частью, однако, анархисты и члены малоизвестных экстремистских групп выбирали для своих действий более скромные объекты, предпочитая лавки, мастерские и частные дома, откуда у них было больше шансов скрыться невредимыми с хоть какими-то деньгами. Поскольку ресурсы у них быстро кончались, эти радикалы постоянно искали новые источники немедленного дохода и частотой своих налетов компенсировали небольшие размеры добычи.

Анархисты направляли свои основные усилия против представителей буржуазного общества, которых они считали виновными в явной эксплуатации. 21 марта 1908 года в Варшаве, например, анархо-коммунистическая группа, называвшая себя Интернационалом, совершила взрыв перед дверью квартиры, принадлежавшей купцу Люцеру Царкесу, и забрала у него 2 800 рублей(134). В этом же городе анархисты

осуществили подобный налет на контору банкира по фамилии Бернштейн, которого под дулом пистолета (два браунинга были приставлены к его вискам) заставили выдать 1 200 рублей(135). В Центральной России анархисты действовали тем же способом. Среди многочисленных достижений беглого матроса Филиппова был взлом дома пожилой богатой вдовы около Калуги. После того как он задушил хозяйку дома и ее садовника, Филиппов и его шайка скрылись с крупной суммой денег и многими ценностями(136).

Можно до бесконечности продолжать список экспроприации денег и имущества у лиц, которых анархисты считали угнетателями народа, причем в их число входили собственники любого рода, вплоть до владельцев мелких лавок(137). Это не означает, однако, что экстремисты удовлетворялись просто тем, что грабили награбленное, поскольку наряду с конфискацией собственности богачей и представителей среднего класса анархисты проделывали то же самое с чиновниками низших рангов, священниками и вообще со всеми, обладающими хоть каким-то имуществом. Хотя такие лица обычно не несли никакой ответственности за экономическую эксплуатацию пролетариата, они были смертельными врагами экстремистов просто в силу занимаемого ими положения в обществе(138).

Бедняки тоже нередко подвергались опасности нападений экстремистов: так, старая женщина, продававшая лимоны на улицах Одессы, была убита анархистами(139). Анархисты же украли фонд заработной платы у кассира петербургской фабрики — деньги, которые должны были быть выплачены рабочим на следующий день(140). В Туруханском крае группа ссыльных анархистов-коммунистов и других радикалов убила и ограбила полицейского, который, как знали экспроприаторы, вез государственные деньги для таких же ссыльных, как они сами(141). Эта последняя экстремистская группа заслуживает особого внимания, поскольку в августе 1908 года после первого грабежа в ссылке примерно двенадцать ее членов стали бродить по окрестным деревням и в

течение шести месяцев терроризировали местное население. Описание их действий поражает обилием убийств и грабежей. В декабре они сначала освободили двух своих арестованных товарищей в деревне Сумарокове, убив и ранив двух охранников и трех прохожих, а затем предприняли целую серию нападений: ограбили нескольких жителей деревни, убили полицейского, освободили нескольких других политических заключенных и ранили казака. Потом они совершили налет на почтовую контору в деревне Чулково, взяв 193 рубля наличными, захватили оружие и теплую одежду в соседних поселениях и ограбили еще человек двенадцать. В конце месяца группа прибыла в пункт своего следования — в город Туруханск, и там ее члены освободили из тюрьмы политического преступника, убили полицейского, двух казаков, купца, подозреваемого предателя среди местных ссыльных и ограбили еще одну почтовую контору. Перед тем как покинуть Туруханск, они украли шесть фунтов пороха и разоружили всех жителей Туруханска. По пути группа ограбила еще семерых и подожгла дом человека, отказавшегося дать им оленей. За несколько дней до того, как они были арестованы военным отрядом, посланным властями для наведения порядка в крае, эти экстремисты, называвшие себя борцами за свободу, совершили свой последний акт: они похитили одного купца, у которого они уже забрали 1500 рублей, и потребовали дать им еще денег. Когда тот отказался, радикалы стали пытать его, отрезав ухо, обдирая кожу и обливая его кипятком. Поскольку он все равно не давал требуемых денег, революционеры его убили(142). Хотя подобные зверства и были исключением(143), вымогательство было обычным средством анархистов и других внепартийных экстремистов для добывания денег. Именно они наиболее часто прибегали к шантажу, рассылая письменные мандаты и уведомляя адресатов о том, что они должны пожертвовать определенную сумму денег на дело революции до такого-то числа, в случае же отказа они будут убиты. Требования колебались от 25 до 25000 рублей(144). Экстремисты использовали и другие способы вымогательства. Группа, называвшая себя «Анархисты-шантажисты-Черный сокол»,

возникла в Одессе в 1906 году, и главной ее тактикой было собирание (или выдумывание) информации, компрометирующей определенных лиц, которым потом предлагалось заплатить деньги в обмен на обещание сохранить эти сведения в тайне(145). В других случаях радикалы даже не утруждали себя формальными письмами, они просто появлялись на пороге домов своих жертв, размахивая револьвером и крича: «Деньги или жизнь!»(146) Неудивительно, что граждане, считавшие себя потенциальными жертвами вымогателей, быстро сообразили, что безопаснее хранить большие деньги в банке, а дома держать суммы, необходимые только на ежедневные расходы. Поэтому анархистам редко удавалось получить много денег при первом визите, но они стали, предъявив свои требования, договариваться о повторном посещении(147). В основном жертвы предпочитали соглашаться на требования экстремистов, поскольку большинство отказов влекло немедленное возмездие, часто в виде бомбы, брошенной в дом или в контору упрямого купца или хозяина магазина, в наказание ему и в предостережение другим(148).

Анархисты прибегали к вымогательству не только по отношению к эксплуататорам бедняков, но и по отношению к интеллектуалам и специалистам, включая врачей, фельдшеров и дантистов(149), несмотря на то, что многие из этих людей придерживались либеральных взглядов и были и так готовы при всяком удобном случае помочь революционерам. Один зубной врач в Екатеринославе предоставил свою квартиру для собраний местных бундовцев, но его жилище оказалось не таким уж безопасным: во время заседания комитета Бунда члены малоизвестной экстремистской группы бросили в окно бомбу в ответ на отказ дантиста удовлетворить их денежные требования(150). Среди общего кровопролития и жестокости иногда встречались смешные эпизоды, связанные с нападениями анархистов и их грабежами, дававшими минимальные результаты. В Киеве 14 июня 1908 года мужчина и женщина вошли в обувной магазин, наставили на хозяина револьвер и протянули ему письмо с

ультиматумом местных анархистов. Хозяин магазина был несказанно счастлив, прочитав, что анархисты требовали только три пары сапог, которые он тут же и выдал(151).

Однако большинство экстремистов, занимавшихся экспроприациями в целях личного обогащения, не ограничивали себя такими скромными запросами. Анархисты сами признавали, что многие их товарищи «в экспроприации видели выгодное, хотя и сопряженное с большим риском ремесло и стали заниматься ею именно как ремеслом»(152). Эти квазиреволюционеры даже стали заключать взаимовыгодные сделки с представителями буржуазии, искавшими путей отомстить врагам и предоставляя экспроприаторам адреса и подробную информацию о финансовом положении потенциальных жертв вымогателей(153).

Для многих анархистских групп революционные грабежи были главным занятием, если и не главной целью; другие формы радикальной деятельности, такие, как пропаганда и агитация среди пролетарских масс, были заброшены, и ими занимались, если оставалось время после экспроприации. Из всех осужденных царскими судами анархистов 60 % были судимы за. вооруженный разбой(154). У экстремистов зачастую было в распоряжении так много экспроприированных денег, что их лидеры были обеспокоены эпидемией мелких грабежей и пытались как-то контролировать своих заигравшихся товарищей. Некоторые анархистские организации в специальных прокламациях предупреждали своих членов, что революционеры подвергаются опасности деморализации и разложения со стороны пробравшихся в их ряды уголовных элементов и что общественность перестала видеть различие между обычным воровством и экспроприацией(155). Некоторые видные анархисты, среди них лидер анархистов-синдикалистов Новомирский, пытались изгнать профессиональных бандитов из своих организаций и очистить революционный лагерь такими методами, как запрет мелких экспроприации и вымогательств денег с помощью письменных мандатов. Эти усилия были почти повсеместно проигнорированы, хотя в

некоторых районах революционный бандитизм стал столь распространенным явлением, что местные лидеры грозили смертью его зачинщикам(156).

Это, впрочем, не привело ни к каким результатам, и к 1907 году преступные группы внутри анархистских и малоизвестных экстремистских организаций, многие из которых «не имели ни малейшего представления об анархизме», называли попросту: «подонки революции»(157). Экспроприаторы эти часто ссорились из-за раздела добычи и покидали революционные ячейки, забирая свою долю. Некоторые из этих врагов капиталистической эксплуатации использовали награбленные средства для покупки небольшого собственного дела. Другие, привыкшие к тому, что всегда можно захватить крупную сумму денег, приобретали привычку жить на широкую ногу, ни в чем себе не отказывая, и тратили иногда десятки тысяч рублей на предметы роскоши, выпивку и проституток(158). К 1908 году многие анархисты признали, что все высокие идеалы их движения потонули в море бандитизма и что после всех преступлений, совершенных экстремистами, ничего не осталось от анархистского лозунга, который объявлял экспроприацию «великим даром анархии народу»(159).

Хотя российские анархисты и радикалы с неясной политической ориентацией представляли собой «разнообразное собрание независимых групп, без партийной программы или системы эффективной координации действий»(160), их роль в росте политического насилия революционного десятилетия была значительнее, чем роль любой организованной антиправительственной группировки в стране. Более того, отсутствие у них идеологических принципов, их легкомысленное отношение к кровопролитию и их склонность к откровенно преступному поведению позволяют занести этих экстремистов в ряды террористов нового типа. Их влияние на русскую революцию было огромным: террористы нового типа освобождали ее от идеализма и обнажали ее темные стороны.

Глава 5 «ИЗНАНКА» РЕВОЛЮЦИИ. УГОЛОВНИКИ, ПСИХИЧЕСКИ НЕУРАВНОВЕШЕННЫЕ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

Кричат… против экспроприаторов, грабителей, против уголовных… А придет время восстания, и они будут с нами. На баррикадах взломщик-рецидивист будет полезнее Плеханова.

А. Богданов(1)

ПРЕСТУПНОСТЬ И ЭТИКА В СРЕДЕ ТЕРРОРИСТОВ

Наряду с террористами нового типа, связанными с различными антиправительственными организациями или небольшими малоизвестными группировками расплывчатой идеологической ориентации, в радикальной деятельности участвовали многие лица, чьи мотивы имели мало общего с революционными целями. В период между началом революции 1905 года и падением империи в 1917-м все большее число революционеров совершало убийства и экспроприации с целью личного обогащения, в преступных целях или просто по причинам, известным лишь им. Исследователи дореволюционной России мало занимались явлением, которое современники называли «изнанкой» или «накипью» революции , однако рассмотрение этого феномена дает возможность по-новому взглянуть на русское антиправительственное движение.

Необычайно низкий идейный уровень нового поколения русских экстремистов, занимавшихся массовым террором, был в той или иной мере свойственен последователям всех радикальных течений(3). Лишь некоторые террористы хоть как-то

понимали, что представляют собой различные экстремистские группы, большинство же демонстрировало почти полное отсутствие политического сознания. Так, шайка экспроприаторов, набранная из случайных людей, в деревне Хутора ворвалась в дом местного священника и забрала двадцать пять рублей. Хотя они действовали по приказу организации анархистов, они наивно заявили, что представляют «партию революционеров» (4).

Большинство радикалов, особенно действовавших в провинции, были неграмотны (включая и таких известных революционеров, как бундовец Гирш Лекерт) и не могли продемонстрировать глубокое понимание революционной доктрины или впечатлить своих партийных лидеров политической образованностью(5). Среди тех, которые умели читать и писать, многие выражали свои мысли с большим трудом; когда от них требовалось объяснить причины своей террористической деятельности, они часто были способны лишь на полуграмотные лозунги типа «Смерть негодяям!», «Да здравствует революция!», «К черту все остальное!»(6). Партийные лидеры видели эту ситуацию, и известный социал-демократ Григорий Алексинский даже настаивал на том, что «полуграмотные мальчишки и девчонки», занимавшиеся терроризмом и экспроприациями, должны быть изгнаны из организации. При этом он испытывал «большую печаль», отмечая, что среди этой молодежи встречались лица, искренне убежденные в том, что, убивая городовых и земских чиновников, совершая вооруженные грабежи и рискуя собственными жизнями, они борются за социализм(7).

Широкий спектр причин приводил молодых людей к терроризму — многие из них были чисто личного характера и возникали от эмоциональных проблем и конфликтов, а не от революционного пыла или от приверженности революционной идеологии. Создается впечатление, что одной из наиболее распространенных причин участия в насилии с политической окраской была неспособность признать собственные неудачи или

контролировать свой гнев и примитивное стремление к немедленному отмщению. Террористические акты, совершенные по подобным мотивам, представлялись либеральной и левой прессой как форма революционной борьбы, оправданная политическими и экономическими обстоятельствами. Приведем несколько примеров. В мае 1905 года почтовый работник, активист рабочего движения, которого собирались уволить, совершил покушение на жизнь своего начальника. В августе того же года рабочий фарфоровой фабрики, уволенный за плохую работу, пытался убить начальника своего цеха(8). Террористы также прибегали к насилию для защиты собственных интересов или для наказания лиц, которые, как им казалось, их преследовали. Член ПСР Василий Троицкий был призван в армию и решил отомстить генералу, который пытался прибегнуть к дисциплинарным взысканиям за участие Троицкого в революционной деятельности(9). Случалось, что некоторые радикалы, ранее не замешанные в серьезных политических преступлениях, но подвергшиеся полицейской слежке или другим преследованиям со стороны правительства, иногда отчаивались, начинали испытывать жгучую обиду на власти и решали отомстить за себя и за других, оказавшихся в подобной ситуации(10). Как сказал один из них: «Я жажду мести. Я готов на террор из личной мести. Я хочу убивать этих клопов, чтобы показать им их ничтожество и трусость. Если бы ты только знал, как они издевались надо мной и как мое самолюбие страдало. Я против террора, но одного мерзавца я решил убить, и убью»(11). Иногда лица, чьи родственники были арестованы или казнены за экстремистские действия, хотели отомстить за них(12). Таким образом, определенное число терактов, описанных в либеральной российской и заграничной прессе как акты революционного экстремизма, были просто случаями мести и, вероятно, не имели ничего общего с политическими целями и убеждениями совершавших их людей. Это были обычные уголовные преступления(13).

Причиной участия в террористической деятельности бывало и стремление к

известности, которую террористы надеялись снискать путем совершения громких политических убийств, способных «потрясти весь мир»(14). К таким людям можно причислить и Владимира Бурцева, чьими действиями явно руководило желание славы, что понимали и его соратники. Другие революционеры, такие, как Лидия Езерская, эсерка, убившая могилевского губернатора Клингенберга, шли в террор исключительно из желания самоутвердиться. Езерская осознала, что в тридцать восемь лет, не обладая талантами организатора, агитатора или теоретика, она не могла посвятить себя мирной революционной работе и, поскольку «мысли о бесполезности для революции губили ее жизнь», решила убить Клингенберга для оправдания собственного существования(15). Согласно исследовательнице Эми Найт, причины, приведшие известную эсерку, члена боевой организации Фруму Фрумкину к террористической деятельности, проистекали из комплекса неполноценности и стремления самоутвердиться как личность(16).

После того как в 1905 году насилие стало неотъемлемой частью жизни всей страны, все большее число террористов рассматривало свою деятельность, по словам одного революционера, «как очень интересную игру», а некоторые просто страдали манией величия(17). Обесценивание человеческой жизни в это время привело к тому, что многие террористы стали безразлично относиться и к своей собственной. В результате они с легкостью убивали «угнетателей» и при этом охотно рисковали своей жизнью. Один террорист, пытаясь объяснить причины своего вступления в группу, заявил: «Мне жизнь страшно надоела. Жизнь такая, как я жил раньше, хуже всего опротивела»(18). Другие террористы и экспроприаторы принимали участие в терактах просто потому, что испытывали непреодолимую потребность в сильных ощущениях; один из них признавался: «Не могу мирно жить. Люблю опасность»(19).

Многие экстремисты, вставшие в первом десятилетии XX века на путь террора по разным личным причинам, стали революционерами потому, что революционная ситуация

в Российской Империи предоставляла массу возможностей личного обогащения преступным путем. Некоторые лица объявляли себя членами известных радикальных организаций, не будучи таковыми, и ПСР, например, в своих официальных публикациях изо всех сил старалась убедить общественность, что эти «головорезы» не имеют никакого отношения к партии. Это не мешало лжеэсерам грабить частных граждан от имени партии; они даже предъявляли своим жертвам удостоверения, иногда напечатанные на официальных бланках ПСР или просто подделанные(20).

Поведение настоящих членов различных местных радикальных организаций нередко демонстрировало и их более чем сомнительные мотивы. К примеру, хищение партийных денег было настолько распространенным среди рядовых экстремистов, что партийные лидеры были вынуждены признать эту проблему публично и применять специальные меры для борьбы с этим явлением(21). Несмотря на то, что подозревавшиеся в хищениях радикалы часто представали перед революционными судами чести или трибуналами, которые приговаривали их к исключению из организации, а иногда даже к смерти, партийные руководители не смогли положить конец этим махинациям, и к 1907 году практика хищений партийных средств достигла критических размеров.

Все партии российского революционного движения в той или иной мере сталкивались с подобными проблемами, но реагировали на них по-разному. Центральное руководство ПСР пыталось скрывать такие случаи, чтобы не бросать тень на репутацию партии. Например, когда Борис Савинков не смог объяснить, как он потратил тридцать тысяч из двухсот тысяч рублей, переданных ему в 1910 году для финансирования террористического акта, лидеры ПСР не стали проводить расследования, ограничившись официальным выражением недовольства его поведением(22). Этот случай не был единственным. И на других видных членов ПСР, включая Николая Русанова, одного из основателей партии, не раз падало подозрение в присвоении партийных средств. Во всех

подобных случаях руководители ПСР старались как бы не замечать этого(23).

Поскольку действия членов ПСР в провинции также часто не соответствовали поведению бескорыстных борцов за свободу, руководству становилось все труднее скрывать подобные факты от партийных товарищей и от общества. Издатели «Знамени труда», ведущего органа социалистов-революционеров, часто получали известия о том, что после некоторых революционных грабежей принимавшие в них участие эсеры не передавали награбленное в свои местные комитеты, а просто делили добычу между собой. Чаще всего такие сообщения не публиковались на страницах эсеровской прессы и оставались в пыльных бумагах партийного архива(24).

В то же время, однако, некоторые эсеры пытались принимать меры к тому, чтобы вернуть украденные деньги. В одном случае некий эсер после участия в акте экспроприации в Москве в 1908 году скрылся с двадцатью тысячами рублей. Его товарищи выследили его в Париже, где он и его жена открыли магазин, куда эсеры и наведались. Под угрозой смерти они потребовали вернуть деньги в казну ПСР, и бывший радикал, поняв, что его действительно могут убить, отдал им половину этой суммы(25).

На периферии социалисты-революционеры принимали собственные меры по борьбе с хищениями, мало чем отличавшиеся от действий максималистов в подобных ситуациях, нередко приговаривая обвиняемых к смерти. Среди самих же максималистов хищения также были в порядке вещей. Частично из-за их склонности к спонтанным грабежам, частично из-за того, что они не считали нужным отчитываться в своих действиях центральному руководству, крупные суммы экспроприированных максималистами денег оказывались в руках частных лиц. Они часто обвиняли друг друга в присвоении десятков тысяч рублей и в тратах их на личные нужды(26).

Эти обвинения нередко были вполне справедливыми. Согласно Герасимову,

центральная организация максималистов в Петербурге «жила так широко и хищения денег со стороны отдельных примыкающих к ней элементов были настолько значительны», что через шесть месяцев после ограбления Московского общества взаимного кредита (максималисты захватили тогда 800 000 рублей) деньги уже подходили к концу(27). Да и через несколько месяцев после экспроприации в Фонарном переулке максималисты могли отчитаться только за шестьдесят тысяч рублей из захваченных четырехсот тысяч. По словам одного из лидеров максималистов, Г.А. Нестроева, рядовые члены максималистской Боевой организации, ответственные за переправку денег из одного безопасного места в другое, «бесконтрольно пользовались ими для каких угодно дел». Двое из этих революционеров подозревались в том, что присвоили по двадцать пять тысяч рублей каждый(28). Столь же подозрительным был и тот факт, что известный максималист Соломон Рысс (Мортимер) предложил полицейскому, арестовавшему его в апреле 1907 года, взятку в размере пятидесяти тысяч рублей, якобы данных организацией для его освобождения(29). Как и эсеры, максималисты редко проводили подробные расследования случаев хищения. Но в отличие от лидеров ПСР они открыто презирали все, что напоминало традиционную буржуазную судебную практику, и иногда, по словам одного максималиста, лишь подозрения в том, что деньги «прилипли к рукам» экспроприатора, было достаточно для вынесения смертного приговора. Особенно часто это случалось в провинции(3О).

Присвоение партийных денег практиковалось и в рядах социал-демократов, особенно среди большевиков, часто принимавших участие в актах экспроприации. Эти «эксы» не только пополняли местные партийные кассы, но и предоставляли в личное распоряжение боевиков крупные суммы легко нажитых денег(31). Большевик Александр Калганов, который был так неуправляем и буен, что его же товарищи считали его анархо-большевиком, организовал специальный отряд молодых экстремистов единственно с

целью совершения революционных грабежей. Хотя теоретически экспроприированные ими средства должны были идти только на партийные расходы, есть основания подозревать, что по крайней мере часть этих денег осталась в руках боевиков и, в частности, самого Калганова. Последний, бывший до того нищим пролетарием, — сумел купить себе и своей семье дом(32). В других случаях члены социал-демократических организаций, особенно кавказских, принимавшие участие в экспроприациях, вели впоследствии роскошный образ жизни, «ни в чем себе не отказывая»(33).

Специальные резолюции, принимавшиеся социал-демократами на их партийных съездах с целью прекратить систематическое хищение партийных денег, отражают беспокойство партийных лидеров распространением этого явления(34). Иногда они исключали подозреваемых в воровстве из своих организаций(33), но о том, что социал-демократы прибегали к экстремальным физическим мерам по примеру эсеров, максималистов и особенно анархистов, сведений нет.

Анархисты с еще большей легкостью, чем максималисты, занимались экспроприацией средств государственных учреждений и частных лиц; при этом некоторые радикалы открыто признавали, что к 1907 году многие члены анархических организаций из идеологических экстремистов превратились просто в грабителей(36). Именно эти революционеры нового типа чаще всех занимались присвоением партийных денег, и их было трудно «отличить от… обыкновенных воров», как утверждали их же товарищи(34). Членов организаций анархистов в России и за границей обвиняли не только в хищениях денег из касс своих групп, но и в кражах у собственных соратников(38). Они нередко занимались мелким воровством, унося из домов своих товарищей драгоценности и небольшие суммы денег, что возмущало лидеров экстремистов и идеалистов революционного движения. Некоторые настаивали на том, что единственным достойным наказанием за такие антиреволюционные поступки может быть только смертная казнь, но

иногда иррациональное и буйное поведение пойманного вора, так же как и незначительность его добычи, приводили к предположению, что «он страдал какой-то манией»(39).

Национальные революционные организации на окраинах также не избежали подобной напасти. Члены этих организаций любили произносить красивые слова о национальном освобождении, но действия многих из них мало чем отличались от обычного бандитизма. Один из представителей партии Дашнакцутюн был напрямую связан с местной преступной группировкой, которой он без ведома партии продавал оружие, принадлежавшее армянским националистам(40). После удачной экспроприации 315 000 рублей из Душетского казначейства в апреле 1906 года — одной из наиболее громких революционных акций, совершенных на Кавказе Революционной партией грузинских социалистов-федералистов, — большая часть этих денег осталась в руках некоего Кереселидзе, одного из организаторов этого акта. Он уехал с Кавказа и стал жить на широкую ногу в Женеве, сняв роскошную квартиру и купив собственный автомобиль, при этом он рассказывал женевским эмигрантам, что удачные дела в Грузии помогли ему получить большие деньги(41). Наконец, в Польше даже члены Центрального комитета ППС подозревались в манипуляциях партийными фондами(42).

Благодаря агентурным данным и перехвату писем революционеров политическая полиция была довольно хорошо осведомлена о хищениях в радикальной среде.

Подобная практика была столь распространена потому, что «в глазах преступного элемента воровство перестало быть противозаконным деянием, и они оставляли себе деньги, предназначавшиеся для партийных нужд»(43). Многие из этих самозваных освободителей человечества открыто выражали свое презрение к основным этическим нормам. Один революционер спрашивал другого: «Почему нельзя врать?.. Что значит

«нечестно»? Почему врать нечестно? Что такое мораль? Что такое [моральная] грязь? Ведь это условности» . Некоторые из новых террористов заявляли, что, по их мнению, глупо жертвовать своей жизнью для жизни будущих поколений(45); подобное утверждение показалось бы еретическим прошлым поколениям русских революционеров. Полиция пыталась использовать такое отношение к общепринятым моральным ценностям и новую революционную этику в своих целях, предлагая растратчикам и другим морально разложившимся революционерам становиться платными осведомителями(46).

Эти попытки часто оказывались успешными. Согласно источникам, многие революционеры, присваивавшие партийные средства, получали деньги от полиции в качестве секретных агентов. Особенно часто такие люди встречались среди максималистов и анархистов. И если даже во многих случаях трудно точно сказать, был ли конкретный растратчик также и полицейским осведомителем, основания для подозрений в этом всегда есть(47). Например, после того как Фетисов (Павлов), один из эсеров-экспроприаторов, узнал, что его товарищи готовят физическую расправу с ним за присвоение денег после грабежа, то все эти товарищи были арестованы, и только Фетисову удалось бежать. Когда он и еще несколько человек попытались перейти российскую границу, ему опять «повезло» — он перешел границу, а все остальные были задержаны(48).

Власти понимали, что в лице осведомителей из радикальных кругов они имеют дело с ненадежными людьми, требующими постоянного контроля. Полиция не без основания подозревала, что из-за своего презрения ко всем этическим нормам, особенно когда предоставлялась возможность личного обогащения, ее агенты при определенных обстоятельствах могли предать власть так же легко, как раньше они предали дело революции(49). И действительно, не раз власти получали сведения о связях радикалов с

представителями враждебных иностранных государств, включая Турцию и Японию. Поступали сообщения и о том, что революционеры принимали деньги от врагов России, готовых поддерживать любые подрывные радикальные действия, особенно терроризм, способный дестабилизировать существующий государственный порядок(50).

Есть свидетельства, что подобная практика существовала уже во время русско-японской войны 1904—1905 годов и особенно оживилась накануне Первой мировой, когда ПСР, ППС и другие радикальные организации получали крупные суммы денег и оружие из Японии и Австрии(51). После начала войны в Европе в 1914 году иностранные враги России стали рассматриваться революционерами как временные союзники. В это время, например, военные власти Турции наняли двух кавказских экспроприаторов в качестве проводников по Грузии; им также платили за то, чтобы они подстрекали население к выступлениям против местных органов российского правительства(52). Два других радикала, эсдек Иван Клочко (Жук) и дашнак Марко Тарасов, бежавшие с Кавказа в Турцию в «эпоху реакции» после 1907 года, в 1914–1915 годах организовывали контрабандную переправку динамита в Россию. Они получали ' деньги и взрывчатку от властей в Константинополе и, согласно полицейской информации, «не пытались скрыть тот факт, что они действовали в качестве агентов турецкого правительства» (53).

Царское правительство прекрасно видело, что после того, как революционный накал стал слабеть к концу 1906 года, все еще многочисленные боевые организации набирали новых членов преимущественно из низших слоев населения(54); сами революционеры не могли временами скрыть свое презрение к новым террористам, называя их «обыкновенными бандитами»(55). Но вместо того чтобы пытаться просвещать кандидатов в свои ряды в духе истинной революционной борьбы, вдохновляя их обещаниями вечной славы революционных героев, партии просто принимали всех желающих.

Будущий террорист часто даже не знал, представляет ли лицо, предлагающее ему принять участие в покушении, какую-либо определенную антиправительственную организацию или просто использует его в качестве инструмента личной мести. Некоторые новички соглашались стать террористами после получения даже таких незначительных сумм, как пятнадцать рублей, да горстки патронов в придачу и обещаний крупных выплат в случае успешного выполнения задания. В других случаях и такие мелкие авансы были не нужны, хватало нескольких стаканов водки(56). Хотя и в конце XIX века бывали случаи, когда экстремисты соглашались на участие в терактах только после выплаты авансов (иногда не больше восьми рублей) в счет будущих платежей(57), феномен террористов-наемников стал распространенным явлением только в начале XX века.

Партийные деятели также выдавали рядовым террористам небольшие суммы наличных денег, обещая более существенное вознаграждение в будущем. В одном случае польский боевик, заявивший, что он своими руками убил семь полицейских и участвовал в трех грабежах, получил «для начала» восемнадцать рублей от представителя ППС. Боевик восхищался дорогими золотыми часами последнего и позднее рассказывал, как тот использовал его корыстолюбие для подстрекания к дальнейшей террористической деятельности: «Он похлопал меня по плечу со словами: «Продолжайте работу, товарищ, и у вас будут часы и деньги, а Польша будет вечно вам благодарна»(58). Есть основания полагать, что некоторые лица, не принадлежавшие ни к каким революционным организациям, также нанимались для участия в экспроприациях(59). Необходимо заметить, однако, что в некоторых случаях человек, которому предлагали принять участие в теракте, бывал вынужден соглашаться, рискуя своей жизнью в случае отказа(бО). Революционеру из Варшавы, ранее не принимавшему участия в насильственных действиях, было приказано свести счеты с его собственным братом, обвинявшимся в предательстве. В случае отказа ему настоятельно советовали «избегать

встреч со своими товарищами»(61).

К 1907 году лишь немногие могли отрицать, что все увеличивающееся число «борцов за свободу» в союзе & уголовниками занимались «бандитизмом и грабежами большей частью не по политическим мотивам, а исключительно для удовлетворения своих низменных инстинктов». Власти были уверены, что «преступная деятельность этой категории правонарушителей в последнее время была направлена не столько против существующего государственного устройства в России, сколько против тех принципов, на которых основывается любой общественный строй, независимо от образа правления». Некоторые либеральные периодические издания разделяли эту точку зрения и писали о том, что «революционный террор… смешивался с разнузданностью обычной преступности. Эсеры побеждены эсериками, а эсерики — хулиганами»(62). Руководитель эсеров-террористов Гершуни был еще более откровенен, жалуясь, что девять десятых всех экспроприации были случаями обычного бандитизма(63).

Экстремисты часто были связаны дружбой с профессиональными грабителями(64) и сами участвовали в преступлениях, которые они даже не пытались называть революционными . Яков Гольдштейн, в кругу своих товарищей-эмигрантов в Лондоне имевший репутацию серьезного анархиста, был арестован английскими властями и приговорен к двадцати пяти дням тюремного заключения за мелкую кражу(66). В другом случае два бывших лесных брата из Прибалтики совершили в 1908 году массовое убийство по чисто личным мотивам. Оставшись без работы и нуждаясь в деньгах, они вошли в винный магазин, забрали пятнадцать долларов и, убегая, так удачно использовали свой прошлый боевой опыт, что убили и ранили дюжину полицейских(67). Анархист Янкель Литвак, живший в 1909 году во Франции под псевдонимом «Янш», занимался там подделкой валюты(68). Андрей Колегаев, известный член ПСР, будущий комиссар сельского хозяйства в 1918 году, живший в 1910 году в Европе, взял деньги у

бывшей жены эсера Николая Тютчева для того, чтобы похитить детей последнего. Он выполнил это, не задумываясь о возможных последствиях, так как был уверен, что любой убежденный революционер посчитает ниже своего революционного достоинства обращаться за помощью в буржуазную полицию. В этом случае, однако, он просчитался(69).

В то же время многие уголовники, скрывшиеся за границей от судебных преследований, представлялись политическими эмигрантами, особенно в тех случаях, когда им грозила высылка в Россию(70). Поскольку им было легче всего выучить несложные теоретические идеи анархизма, большинство из них называло себя анархистами. В ряде случаев настоящие уголовники выдавали себя за убежденных радикалов. Грузинский бандит Махарашвили был членом воровской шайки, ограбившей осенью 1913 года богатого армянина в Кутаисе. Он сбежал в Париж, но был арестован французскими властями и решил выдать себя за политического эмигранта из страха быть высланным в Россию(71). Во многих случаях преступники продолжали свою привычную деятельность и после того, как превращались в «революционеров»: они участвовали в грабежах, подделывали печати различных организаций и союзов, вымогали деньги и т. д. и т. п(72). Особенно часто это происходило в Литве, где многие самозваные анархисты «уже давно превратились в хулиганов», а экстремисты предлагали крестьянам за небольшую плату разделаться с землевладельцами: «За двадцать рублей можно убить одного помещика»(73). Рассмотрение того, как эти псевдореволюционеры тратили легко добытые деньги, позволяет многое узнать о новом поколении российских экстремистов. Значительное их число проявляло склонность к разнузданному и развратному образу жизни, к алкоголизму и пьяному дебоширству. Некоторые радикалы в своих письмах жаловались на пьянство товарищей, и партийная организация пыталась как-то бороться с этой проблемой, осуждая злоупотребление спиртными напитками в резолюциях съездов

и конференций(74). Как часто случалось с официальными решениями центральных органов, эти резолюции не принимались во внимание рядовыми революционерами, которым или не было дела до мнений своих лидеров или они просто не знали о них. Некоторые партийные деятели, понимая, что алкоголизм мешает эффективной деятельности революционеров, особенно боевой, закрывали, однако, глаза на эту проблему (может быть, потому, что и отдельные крупные фигуры в центральной партийной организации не были безупречны в этом отношении). Некоторые члены Центрального комитета ППС использовали партийные средства для удовлетворения своей страсти к алкоголю, а член Боевой организации ПСР Алексей Покотилов был известен своими пьяными дебошами; постоянная дрожь в руках была, видимо, причиной случайного взрыва в петербургской гостинице «Северной», при котором он сам погиб. Другой боевик, Борис Бартольд, одно время близкий соратник Савинкова, тоже был алкоголиком, периодически уходившим в тяжелые запои. После того как ему разбили лицо в пьяной драке и вообще его громкое и скандальное поведение стало бросать тень на репутацию ПСР, многие эсеры пришли к выводу, что ему ввиду его ненадежности, просто опасно давать боевые поручения. Наконец, сам Савинков, измученный постоянным напряжением подпольной работы, проявлял сильный интерес к азартным играм и пытался расслабиться и отвлечься при помощи алкоголя и наркотиков. Начав с опиума, он впоследствии стал колоть себе морфий(75).

Там, где не было прямого центрального партийного контроля, например, на периферии или в маленьких боевых группах в столицах, злоупотребление алкоголем было еще более распространено. Некоторые боевики, ранее считавшиеся образцовыми борцами, предавались этому пороку, не опасаясь партийных санкций(76). Пьянство, дебоширство и разврат многих радикалов требовали денег, которые и добывались в экспроприациях(77). Один революционер так описал ситуацию в письме к другу: «Всеобщее отупение,

опошление растет и растет. Кретинизм какой-то… Навозная куча»(78).

В похожих выражениях экстремисты, жившие за границей, жаловались на «безобразное поведение» в эмиграции радикалов, которые «устраивали скандалы и драки на улицах почти каждый вечер»(79). Некоторые российские радикалы за границей совершали уголовные преступления, чтобы достать денег на спиртное и на развлечения. Например, два экспроприатора, жившие в Брюсселе, 4 февраля 1909 года пришли к богатому купцу и, угрожая ему револьвером, забрали три тысячи франков, которые потом пропили(80).

Проблема алкоголизма среди российских экстремистов обострялась в условиях тюрем, каторги и ссылки, где, согласно одному революционеру, вся жизнь состояла из сплошного пьянства. Он описывает в своих воспоминаниях сцену в Якутске, когда пятнадцать радикалов пили весь день, в результате чего один из них умер от алкогольного отравления. Когда приехал врач, он увидел, что один из ссыльных лежит без сознания рядом с трупом, а другой пытается заставить своего мертвого товарища выпить еще один стакан, все же остальные продолжают попойку(81).

Подобная ситуация в местах заключения может только частично объясняться физическими и психологическими страданиями арестантов. Многие бывшие революционеры отмечают в своих воспоминаниях, что, отбывая наказание в разных тюрьмах Российской Империи после 1905 года, они были шокированы тем, как деградировало политическое сознание каторжан и ссыльных в сравнении с предыдущими поколениями заключенных. Этот шок они испытали после встреч с типичными представителями «изнанки» революции, некоторые из которых до того, как стать политическими заключенными, уже отбывали сроки за уголовные преступления, а другие, хотя и были осуждены в первый раз за политический террор и экспроприации, на самом деле мало чем отличались от обыкновенных бандитов(82). Но это не было чем-то новым,

так как многие мемуаристы признают, что среди членов боевых дружин можно было встретить бродяг, пьяниц, хулиганов и бандитов, которые действовали вместе бок о бок с убежденными революционерами(83).

Попав в тюрьму, экстремисты нового типа вели себя так же, как обычные уголовники: пьянство, карты, полная бездеятельность «из принципа», грубые шутки и издевательства, площадная ругань были в порядке вещей(84). В отличие от предыдущих поколений революционеров, которые презирали своих тюремщиков и отказывались иметь с ними дело, многие осужденные боевики были в приятельских отношениях с надзирателями, просили у них сигареты. Эта трогательная идиллия все же иногда нарушалась: по той или иной причине боевик начинал драться с охранником, с которым только что обнимался(85).

Боевики настаивали на том, что они были преданными защитниками угнетенных и страдали от преследований царских властей за свои революционные убеждения, однако они же с презрением относились к своим товарищам — политическим заключенным, которые тратили время на чтение, учебу или теоретические дебаты. Они предпочитали общаться с уголовниками, принимая участие в пьяных дебошах и азартных играх. В то же самое время в частых конфликтах между уголовниками и политическими заключенными некоторые анархисты и другие радикалы становились на сторону первых, даже если это означало применение физической силы против своих же товарищей-революционеров(86).

Судя по описаниям тюремной жизни в России того времени, заключенные часто боялись своих товарищей больше, чем тюремщиков; они даже опасались входить в камеру, не имея в кармане ножа для защиты своей жизни и имущества от других арестантов, независимо от того, были ли они уголовниками, независимыми революционерами и экспроприаторами или членами социал-революционных, социал-демократических, анархических и других организаций(87). Даже в тюремных стенах

анархисты умудрялись организовывать акты экспроприации по всем правилам искусства против своих товарищей по несчастью(88). Уголовники, анархисты и те, кто называл себя просто экспроприаторами, были главными зачинщиками всяких столкновений, часто переходивших в поножовщину со смертельными исходами, однако поведение их жертв мало чем отличалось от действий нападавших. По воспоминаниям одного бывшего арестанта, «каждый день вспыхивали ссоры между нами и шпаной. Обе стороны не раз хватались за ножи, готовые ринуться друг на друга в кровавой схватке»(89). Другой бывший заключенный писал о своем тюремном знакомом, эсере-террористе, что он в потасовках «проявлял особый азарт, переходящий в бешенство. Убить человека в этот момент ему ровно ничего не стоило»(90).

Многие экстремисты вели себя так же и на воле. Эсеровский боевик и экспроприатор избил на улице своего партийного товарища до потери сознания после размолвки, а литовский террорист-эсдек высек врага плеткой(91). В Уфе несколько революционеров заподозрили своего товарища в сотрудничестве с полицией и решили его убить; 31 марта 1904 года они заманили его на окраину города и, не дав ему возможности оправдаться, накинулись на него с ножами, нанося удары по очереди — когда один уставал, он передавал жертву следующему. Как сообщается, они перерезали ему горло, а потом пытались отрезать голову(92).

Еще более ярким проявлением жестокости была хладнокровная программа чистки большевистской партии от действительных и потенциальных полицейских осведомителей, предложенная известным боевиком Камо. Камо, в то время живший за границей, предложил, что он и несколько его боевиков переоденутся в жандармскую форму и произведут ложные аресты ведущих партийных активистов в России: «Придем к тебе, арестуем, пытать будем, на кол посадим. Начнешь болтать: ясно будет, чего ты стоишь. Выловим так всех провокаторов, всех трусов»(93). Не имея привычки

ограничиваться пустыми словами, Камо, совершенно серьезно относясь к выдвинутой им программе действий, отправился в Россию для ее применения на практике. Его намерения и уверенность в возможности их осуществления указывают на определенную степень психической ненормальности этого видного экстремиста.

ПСИХИЧЕСКИ НЕУРАВНОВЕШЕННЫЕ ТЕРРОРИСТЫ

Уже в XIX веке отмечалось, что психически неуравновешенные люди склонны к насилию. И надо признать, что многие боевики пришли к решению об участии в терроре вследствие своей психической неустойчивости. Лакер абсолютно прав, когда предостерегает от обобщений типа: «все террористы — преступники, моральные выродки, психически больные люди или садисты (или садомазохисты)»(94), но, как сказала Вера Фигнер о молодых идеалистах, «чем слабее была их нервная система и чем тяжелее жизнь вокруг них, тем больше был их восторг при мысли о революционном терроре»(95). Внутренняя дисгармония и неспособность ее преодолеть, что во многих случаях приводило к настоящему сумасшествию, часто заставляли отчаявшихся и эмоционально ущербных людей искать способы радикального решения своих проблем. Они оправдывали такие решения изящно сформулированными идеологическими построениями и разглагольствованиями о непоколебимой верности революции, партии или своим товарищам(96). По словам Джерролда Поста, террористов «заставляют совершать акты насилия психологические силы, и… их особая психологика пытается рационально объяснять те акты, которые они психологически вынуждены совершать»(97). Некоторые лидеры экстремистов, несомненно знавшие о связи психических заболеваний с насилием, привлекали к террористической деятельности эмоционально неполноценных лиц, которых медицинские эксперты того времени признавали «безусловными

дегенератами». Партии часто старались снабдить таких новых боевиков подходящей идеологией, хотя и ограничивались азами революционной догмы(98).

Личность Камо представляет яркий пример человека, чье умопомрачение стало катализатором жажды насилия, в ситуации того времени принявшего революционную форму. В детстве его постоянно избивал властный отчим, что, в придачу к множеству других неприятностей, могло стать причиной того, что Камо страдал от обилия не находящих выхода страстей, тревог и импульсов и не мог действовать в нормальной обстановке. Даже в самые ранние годы своей революционной карьеры, до ареста в Берлине осенью 1907 года, он был неуравновешенным и буйным человеком(99). Находясь в германской тюрьме, он был подвергнут всестороннему психиатрическому обследованию и признан душевнобольным. Несмотря на заверения большевиков, что Камо притворялся сумасшедшим, чтобы избежать депортации, несомненно, что ему удалось уверить врачей в своей болезни именно потому, что он и был действительно серьезно болен(100). В то время даже его партийные товарищи (в том числе сам Ленин, которого Камо боготворил) понимали, что он был психически ненормален и нуждался в стационарном лечении(101).

В полном соответствии с психиатрической наукой, которая уже давно отметила, что «социальные беспорядки ведут к увеличению числа психических заболеваний и самоубийств»(102), после начала революции 1905 года в России количество самоубийств резко возросло. Люди, искавшие выход из невыносимых ситуаций, находили много способов покончить с собой. Для некоторых терроризм предоставлял возможность либо флиртовать «с мистикой смерти»(103), либо просто порвать с жизнью, полной эмоциональных стрессов, комплексов, слабостей и конфликтов. Как отмечает Найт, «склонность к самоубийству была частью менталитета террористов, поскольку террористический акт часто был и актом самоубийства»(104). В этом российские

экстремисты мало чем отличались от тогдашних и последующих поколений террористов в других частях света, которые, по словам Ариэля Мерари, не только были готовы умереть, но и желали этого(105). Так, 15 (28) октября 1907 года двадцатиоднолетняя Евстилия Рогозинникова, член Северного летучего боевого отряда ПСР, вошла в помещение Петербургского тюремного управления с намерением убить его начальника Максимовского. К ее телу было привязано тринадцать фунтов нитроглицерина вместе со взрывным устройством, и она была готова взорвать все здание. Она выстрелила в Максимовского и убила его, но не успела использовать взрывчатку. На суде Рогозинникова казалась совершенно безумной и прерывала свое молчание лишь периодическими взрывами хохота(106).

Значительное число активных российских террористов еще до 1905 года совершали попытки самоубийства(107). Несмотря на внутренние мучения, заставлявшие их желать смерти как избавления, многие из них отказывались от идеи бессмысленного самоуничтожения. Вместо этого они занимались революционным террором, который мог закончить их жизнь, придав самоубийству ореол героического деяния(108). Другие, тоже хотевшие умереть, но по тем или иным причинам не способные покончить с собой, обнаруживали, что им удается хоть на время освободиться от чувства неудовлетворенности, смятения, отчаяния и тревоги путем переноса ненависти на других, и они убивали государственных чиновников, офицеров полиции, осведомителей и всех, кого можно было считать угнетателем или эксплуататором. Оливер Радки справедливо отмечает, что в некоторых террористах «дух разрушения соседствовал с высоким моральным сознанием», которое заставляло этих революционеров искупать грех убийства — в их глазах оправданного с точки зрения социально-политической, но тем не менее ужасного — принесением в жертву собственной жизни(109).

В любом случае этот недостаток психологических сил, необходимых для жизни, к тому

же сопровождавшийся иногда стремлением к смерти как к избавлению, объясняет нам, почему значительное число экстремистов покончили с собой, оказавшись под угрозой ареста, даже в тех случаях, когда страх быть арестованным был совершенно иррациональным. Они убивали себя, чтобы не попасть в руки властям, не желая страдать все долгое время официального расследования, суда и тюремного заключения(НО). Некоторые даже явно радовались смертным приговорам. Эсерка-террористка Зинаида Коноплянникова, убившая генерала Мина в 1906 году, так сильно желала умереть, что, по словам свидетеля казни, шла на смерть, как на праздник(111).

После 1905 года по мере того, как в среде террористов нового типа распространялась чисто уголовная преступность и революционное насилие становилось массовым явлением, все чаще встречались в ней и случаи психической неуравновешенности. Тот факт, что смерть была постоянной и признанной частью каждодневного существования, оказывал сильное психологическое воздействие, особенно на тех, кто видел ее вблизи. Террористы, чья жизнь требовала привычки к кровопролитию и готовности к собственной смерти, находились под чудовищным давлением, которое могли вынести только очень сильные личности(112). Неудивительно, что у многих убийц и экспроприаторов происходили нервные срывы различной степени тяжести, нередко требующие лечения. Боевики часто демонстрировали повышенную нервозность и даже истеричность при подготовке терактов. Например, непосредственно перед покушением на жизнь Плеве эсерка Мария Селюк оказалась неспособной переносить тяготы подпольного существования, потеряла душевное равновесие и не могла более функционировать как террористка. Постоянная боязнь полицейской слежки переросла у нее в настоящую паранойю, и она видела шпионов и агентов во всех, даже в детях на улице. Селюк заперлась в своей квартире, но долго такого самозаключения не выдержала и, пытаясь избавиться от возрастающей паники, сама сдалась полиции(113).

В большинстве случаев после того, как психологический барьер был преодолен и человек становился террористом, обратного пути у него не было. По словам Найт, «террор становился их целью, их способом существования. Далекие политические и социальные цели отодвигались на задний план необходимостью» участвовать в террористических предприятиях(114). По требованиям конспирации террористы должны были жить почти в полной изоляции от всего, находившегося за пределами их подпольной группы. Как сказала одна террористка, молодая девушка Мария Школьник, «мир для меня не существовали 115). И для большинства террористов неизбежным следствием этой изоляции и постоянного напряжения становилась «постепенная потеря возможности реально оценивать политический эффект их собственных действий»(116); не имея возможности взглянуть на вещи в истинном свете, они полностью отдавались подготовке текущих террористических актов, и эти акты становились их навязчивой идеей.

Одержимые стремлением к совершению политических убийств, боевики часто вели себя сумасбродно, в некоторых случаях даже сами признавали, что их поступки противоречат здравому смыслу. Террористки, «казалось, принимали свои роли революционерок очень близко к сердцу», и среди них особенно заметна была тенденция отдаться полностью служению одной идее — в данном случае идее террора. Эсерка Фрумкина признавалась: «Меня всегда привлекала мысль о совершении террористического акта. Я думала и думаю до сих пор только об этом, желала и желаю только этого. Я не могу себя контролировать»(117). Эта всепоглощающая страсть заполняла все мысли, стремления и вообще все существование Фрумкиной, и она мысленно планировала все новые и новые теракты, стремясь на деле совершать их так же спонтанно и легко, как и в своем больном воображении. После того как лидеры ПСР не разрешили ей принять участие в политическом убийстве, Фрумкина решила действовать

самостоятельно и стала придумывать вооруженные нападения, некоторые из них она пыталась совершить уже в тюрьме, называя их «местью за каторжан»(118).

В большой степени из-за своей душевной неуравновешенности многие террористы при совершении покушений на убийство действовали импульсивно, и их неспособность проявлять терпение и осторожность часто приводила к ошибкам, ставила под удар самих террористов и их товарищей по боевой группе и вела к провалам. Татьяна Леонтьева, молодая женщина, участвовавшая в 1904 году в разработке Боевой организацией ПСР планов покушения на царя на одном из придворных балов, была арестована в 1905 году за участие в эсеровском заговоре на жизнь Трепова, но скоро выпущена под опеку родителей, поскольку проявляла «серьезные признаки душевной болезни». Родители отправили ее в психиатрическую лечебницу в Швейцарии, но ее болезнь только прогрессировала. Она писала своим товарищам: «Я очень мучаюсь… Так далеко от своей страны в момент, когда начинается самая интенсивная работа, я не могу оставаться спокойной. Это выше моих сил и понимания». Сжигаемая мыслью об участии в теракте, отчаявшаяся и подавленная, Леонтьева вступила в Швейцарии в группу максималистов. В августе 1906 года она убила выстрелом из браунинга семидесятилетнего рантье из Парижа, остановившегося в одном с ней отеле. В состоянии умопомрачения она приняла его за бывшего российского министра внутренних дел Дурново, которого революционеры в это время собирались убить(119).

Радикалы сами считали многих своих товарищей «буйными и неуравновешенными», «истеричными», «склонными к самоубийству», а некоторых признавали просто «совершенно ненормальными». Такие люди переносили тюремное заключение и каторгу (которые были трудны и для эмоционально стабильных личностей) особенно тяжело. Многие оказались неспособны перенести заключение и заканчивали свои дни в психиатрических лечебницах(120). Сокамерники боялись спать в присутствии своих

душевнобольных товарищей, опасаясь, что один из них впадет ночью в буйство и набросится с ножом на спящего соседа(121). Многие — к примеру, Софья Хренкова, мать троих детей и член Боевой организации ПСР — кончали жизнь самоубийством(122). Даже Гершуни, несмотря на самообладание и железную волю, как сообщают, пытался наложить на себя руки во время тюремного заключения(123). Интересно, что для многих боевиков эмиграция стала тяжелым испытанием, доведшим нескольких из них до психоза и самоубийства(124).

Многочисленные случаи революционного насилия, в которых экстремисты проявляли признаки поведения, классифицируемого как садизм, лучше всего иллюстрируют распространенность душевных расстройств среди террористов. Тенденция к эмоциональной патологии среди экстремистов получила новый импульс после 1905 года, когда бури общественной жизни, сопровождавшиеся нескончаемым насилием и кровопролитием, приводили всех российских граждан, а не только убийц к выводу о том, что жизнь отдельного человека не имеет ценности и не является незаменимой. Неудивительно, что многие из тех, кто сам участвовал в насильственных действиях, проявляли все большее равнодушие к чужим страданиям. Эта тенденция к жестокости была подкреплена идеей революционной необходимости — целенаправленно внедряемым принципом, что все средства хороши, пока они служат конечной цели антиправительственной борьбы. Те из душевно больных террористов, которые были уже склонны к садизму, теперь могли следовать своим внутренним импульсам. Желание причинить боль превратилось из иррациональной аномалии, свойственной только больным людям, в провозглашенную во всеуслышание обязанность всех убежденных революционеров. В одном случае один из членов Кавказской террористической группы особенно жестоко пытал другого революционера, чем вызвал упрек своего товарища. В ответ же он объяснил, что его действия оправдываются необходимостью определить,

присваивает ли жертва партийные средства(125).

Те же методы применялись и при наказании политических врагов. Революционеры вешали мелких государственных чиновников(126), а в Киеве радикально настроенные железнодорожные рабочие в жажде мести бросали предателей в баки с кипящей водой(127). В 1905 году прибалтийские революционеры уродовали тела своих жертв и вырезали ругательства на трупах убитых ими российских военных(128). Физические пытки не были редкостью, и некоторые радикалы были «жестоки до бесчеловечности»(129); они пытали до смерти полицейских агентов и вырезали их языки в качестве «символического жеста»(130). В марте 1909 года несколько членов Польской социалистической партии заманили своего бывшего товарища в комнату гостиницы в Риме и, действуя по заранее разработанному плану, отрезали ему нос и уши. В результате пыток несчастный умер, его труп был разрублен на куски и спрятан в большой сундук, который был позднее обнаружен местными властями(131).

В некоторых случаях террористы не скрывали, что действовали по мотивам, совершенно отличным от революционной необходимости. После участия в нескольких убийствах некоторые террористы начинали получать удовольствие от самого акта пролития крови. Один член ППС, известный под псевдонимом Цыган, признал после своего ареста, что убил девятнадцать офицеров полиции и жандармов без какой-либо помощи со стороны соратников. «Цыган всегда присутствовал на похоронах убитых им. Его неудержимо влекло к трупу умерщвленного им человека и интересовало, попала ли пуля в то место, куда он целил, и узнавал это из разговоров с провожавшими покойника родственниками. Он сознался, что вначале ему было тяжело убивать, но уже на третий, четвертый раз акт лишения жизни производил на него на редкость приятное впечатление. При виде крови своей жертвы он испытывал особое ощущение, и потому его тянуло все сильнее вновь испытать это сладостное чувство. Вот почему он и совершил столько

убийств, в чем совершенно не раскаивается»(132).

Мы признаем, что доступная нам информация о психическом состоянии такого рода террористов обычно неполна и не дает в большинстве случаев возможности обоснованных обобщений в отношении экстремистов-садистов. Тем не менее, хотя и невозможно точно определить и проанализировать истоки патологического поведения отдельных боевиков, есть доказательства, что в террористической деятельности и мужчины, и женщины проявляли необыкновенную жестокость и что такое поведение со стороны женщин очень ценилось их товарищами (133). Иногда физические болезни или уродства вызывали все возраставшую ненависть к себе, которую такие лица переносили на других, против которых они затем совершали насильственные действия, впоследствии названные политическими акциями. Сексуальные отклонения, несомненно, тоже играли свою роль. Таков был, вероятно, случай с молодым гермафродитом, чья половая двойственность была установлена только после его ареста за политическое убийство полицейского чиновника(134). Возрастной фактор также участвовал в формировании поведения террористов. Более молодые убийцы проявляли шаткость психики и системы ценностей гораздо чаще, чем старшие экстремисты. Эта тенденция, результат их молодости, часто сопровождалась юношеским ощущением собственного бессмертия. Такое сочетание приводило к безответственности в отношении к собственной и чужой жизни и, вместе с их безграничной энергией, делало их особенно подходящими кадрами для пополнения рядов террористов нового типа(135).

НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ

В террористической деятельности участвовали и несовершеннолетние, особенно после взрыва насилия в 1905 году. Образ школьника, размахивающего револьвером и

выкрикивающего революционные лозунги, производил глубокое впечатление на современников, независимо от их политических симпатий. Этот образ также стал предметом черного юмора. В одном анекдоте учитель попросил учеников назвать самого великого изобретателя века, и один школьник не задумываясь ответил: «Браунинг!»(136)

Точное количество терактов, совершенных лицами моложе 21 года, определить трудно, но, по словам одного члена социал-демократической террористической дружины, «лучше всего нам помогало одно бесценное качество, которым все мы [боевики] в те времена обладали в избытке: наша молодость. Самому старшему из нас было в ту пору 22 года»(137); младшим членам было 14 или 15 лет(138). Примерно 22 % всех террористов-эсеров было от 15 до 19 лет, а 45 % — от 20 до 24(139). В Белостоке в 1905 году был создан боевой отряд школьников — членов ПСР(140). Шестнадцатилетние подростки примыкали и к максималистам(141), а среди анархистов несовершеннолетние, некоторым из которых было не больше 14(142), встречались еще чаще. Один анархист отмечал, что анархическое движение начала века характеризовалось исключительной молодостью большинства его участников(143). Согласно Авричу, некоторым из наиболее активных членов «чернознаменных» организаций было не больше 15–16 лет и «эти молодые люди отличались отчаянным фанатизмом и приверженностью к непрерывному насилию»(144). На окраинах империи в радикальных политических акциях также участвовало много несовершеннолет-них(145), и в связи с этим Лев Троцкий заметил, что все увеличивающееся число терактов, в которых жертвы не были убиты, а только ранены, свидетельствует о том, что стреляли «необученные дилетанты, главным образом зеленые юнцы»(146).

Поскольку партийные лидеры создали культ динамита и револьвера и окружили террориста героическим ореолом, убийство и эшафот приобрели очарование и притягательную силу для молодых людей(147, 148). Этот феномен также объясняется

известной склонностью молодых людей, особенно подростков, подпадать под влияние коллективной психологии окружающей среды. Так как лишь немногие граждане империи остались в стороне от беспрецедентной эскалации насилия, желание подростков участвовать в событиях, в которые были так или иначе вовлечены окружавшие их взрослые, казалось вполне естественным(149). Предсказание одного современника в 1904 году оказалось пророческим: «Мне кажется, скоро дети будут играть в революцию… Гимназистки, которые не имели никакого понятия об этом, теперь так или иначе причастны к ней»(150). И действительно, дети начали играть в террористов. Был, например, такой случай: они подложили под дверь квартиры офицера полиции бомбу, сделанную из выкрашенного в черный цвет арбуза, начиненного мусором(151).

Массовая психология сильно влияла и на подростков, не принимавших активного участия в политической жизни страны. Иногда это приводило к трагическим результатам. В Екатеринославе весной 1906 года шестнадцатилетний Лейбиш Рапопорт, возмущенный грубым обращением своей матери с его подружкой, убежал из дома, прихватив часть родительских денег, и собирался покончить жизни самоубийством, но раздумал и написал письмо: «Мамаша! Вы мучаете своими идиотскими расспросами и допросами бедную, ни в чем не повинную девушку Любу… Знайте, что ваши провокаторские поступки… вам не помогут… Имейте в виду, что теперь я состою членом боевой организации революционеров-террористов и должен по поручению комитета отправиться… с целью террористических актов в другие города России. Но я не пожалею остаться здесь и с удовольствием пустить такой птице, как вы, пулю в лоб. Я донесу о вас на собрании комитета и вполне уверен, что мои товарищи не пожалеют пуль для вашего убийства».

В 1909 году его арестовали, и он, желая доказать вину матери в его смерти, взял на себя ответственность за убийство генерал-губернатора Желтоновского и ожидал, что через два-три дня его казнят. Вместо этого мальчик провел много месяцев под

следствием, прошел серьезное психиатрическое обследование, после чего военный трибунал приговорил его к 12 годам тюрьмы. Он был освобожден в 1912 году благодаря неустанным хлопотам его матери, доказавшей его невиновность, и общественной кампании в его защиту(152).

В Киеве произошел еще более трагический случай. Шестнадцатилетний школьник внимательно следил за газетной кампанией в защиту эсерки Марии Спиридоновой, арестованной за убийство тамбовского чиновника Гаврилы Луженовского, которого революционеры обвинили в жестоком обращении с крестьянами. Мальчик был глубоко тронут живыми, часто даже натуралистическими описаниями страданий девятнадцатилетней террористки и решил, что он «безумно, бесконечно любит» ее. Когда ее приговорили к тюремному заключению, он утопился, не представляя себе жизни без надежды ее увидеть. В предсмертной записке, адресованной его лучшему другу, он написал: «Я молился на ее портрет, дышал ею всегда и думал, что, когда они помилуют ее, я упаду к ее ногам и все ей скажу. Но помилования нет и, вероятно, никогда не будет для моей дорогой Марии, которая умирает в пугачевской башне и не доживет до конца срока. Поэтому я покидаю этот мир раньше ее и иду туда, где нет пугачевской башни, — и там я ее скоро увижу»(153).

При изучении причин участия несовершеннолетних в экстремистской деятельности нужно принимать во внимание и естественное для этого возраста стремление определить себя как личность, не похожую на других, со своими собственными ценностями и мировоззрением. Этот процесс обычно включает в себя принятие чужой системы ценностей. В 1905 году атмосфера хаоса и нестабильности как в политике, так и в других областях человеческой жизни благоприятствовала бунтарству подростков: традиционные ценности подвергались переоценке и их легко можно было заменить радикальными идеями, распространенными среди взрослых. Стремление подростков найти себе место в

быстро меняющемся мире путем участия в революции усиливалось прославлением в левой прессе наиболее крайних форм борьбы, таких, как террор и экспроприации. Романтизированный образ героического борца за свободу, представляемый в этих газетах, особенно нравился молодежи. Поскольку многие несовершеннолетние мечтали быть героями и при этом были склонны к безрассудности и авантюризму, их готовность к участию в наиболее рискованных экстремистских акциях вполне понятна. Как позднее признавал один бывший радикал, в своей юности состоявший в боевой дружине ПСР, «боевиком я стал просто, но еще проще я стал революционером»(154).

Значительное число несовершеннолетних террористов и экспроприаторов пришли к участию в насилии вследствие экономических тягот, даже нищеты. Особенно это относится к еврейской молодежи, составлявшей большую часть анархических организаций. Не видя иного выхода из бедности, они охотно примыкали к взрослым в борьбе против социально-политических условий самодержавного строя. В какой-то степени это объясняет бесстрашие этих подростков: им нечего было терять 55). Отчаяние также способствовало их участию в вымогательствах и актах экспроприации, предоставлявших соблазнительную возможность быстрого получения крупных сумм денег(156).

Однако не все и, вероятно, даже не большинство юных экстремистов были нищими. Многие юноши (а

иногда и девушки) происходили из достаточно зажиточных семей. В таком возрасте дети почти всегда бунтуют против авторитета взрослых, и в годы революционного брожения они легко поддаются соблазну радикализма. С одной стороны, они хотели освободиться от контроля родителей и учителей, с другой — оправдать естественное стремление быть независимыми принятием интеллектуально или морально

обоснованной идеологии бунтарства. Революционная ситуация в России предоставляла молодежи прекрасный способ немедленно осуществить свои желания.

Среди несовершеннолетних революционеров было много тех, кто напоминал взрослых экстремистов из «изнанки» революции. Некоторые из этих молодых людей были уголовными преступниками, но в большинстве случаев они были мелкими хулиганами и шпаной — заброшенными уличными мальчишками, с грубой речью и манерами, уже обладавшими полууголовными наклонностями и менталитетом. Будучи формально учениками различных школ, они пропускали занятия и проводили время в азартных играх, пьянстве и сексуальных экспериментах, причем ко всем этим занятиям часто подмешивалось увлечение политическим радикализмом. Есть явная связь между уровнями революционного энтузиазма и моральной испорченности несовершеннолетних экстремистов. Василий Князев, радикально настроенный семинарист, посвятивший себя делу революции, наивно писал в своих воспоминаниях: «Картеж — и в гомерических размерах — насадил в школе я. Не было меди… дулись на спички… Пьянствовала мужская семинария все пуще и пуще. Пьянство… просачивалось понемногу и в женский интернат. Любовь свирепствовала как какая-нибудь оспа…» Мелкое воровство также перестало быть зазорным(157).

Во многих случаях несовершеннолетние, отдалившиеся из-за своего поведения от своих сверстников и вообще от нормальной жизни, мстили всем, кого они подозревали в несправедливом к ним отношении. Часто они винили в своих проблемах не политический строй и систему образования в целом, а мстили личным врагам, например, директорам и учителям гимназий и семинарий, которые ставили им плохие оценки или выгоняли их из школы и таким образом лишали шанса на построение удачного и благополучного будущего в рамках традиционного общественного устройства(158). Следуя примеру взрослых экстремистов, жаждущие мести подростки совершали иногда жестокие

нападения на своих «врагов», используя самодельные бомбы, револьверы, кинжалы и даже серную кислоту(159). Учащиеся даже организовывали собственные террористические группы, такие, как «Боевая организация классической гимназии г. Тулы» (160). Некоторые из этих юношей были потрясены собственными преступлениями и лихорадочно искали им идеалистические оправдания. Под влиянием левой фразеологии тех дней они задним числом объявили свои действия террором против угнетателей и сторонников тирании. Многие из этих молодых людей впоследствии пополнили ряды профессиональных террористов в России и за грани-цей(161).

Немало несовершеннолетних использовали оружие как против своих товарищей, поддерживавших российские патриотические группы, сотрудничавших со школьной администрацией или просто придерживавшихся консервативных взглядов, так и против тех, кто не участвовал в студенческих акциях протеста(162). В городе Беле гимназист Ригель, покинувший школу после участия в студенческой забастовке в 1904 году, решил продолжить образование и был вновь принят в гимназию. Он начал получать письменные угрозы с требованием бросить учебу. Он отказывался, даже после того, как в его окна неоднократно бросали камни, и 9 сентября 1905 года два юных члена местной революционной организации плеснули ему в лицо серной кислотой(163).

Как и многие занимавшиеся боевой деятельностью взрослые, некоторые несовершеннолетние террористы в той или иной мере были психологически нестабильны, истеричны и неспособны соотносить свои желания и проблемы с реальностью. Значительное число их серьезно думали о самоубийстве до того, как они встали на путь революционного насилия. Шестнадцатилетний Венедикт Чайковский, ученик реального училища, которого собирались исключать за неуспеваемость, в отчаянии украл у своего отца револьвер, намереваясь застрелиться. В тот же день, однако, он встретил на улице учителя математики, поставившего ему плохую оценку, и

«мысль о самоубийстве мгновенно уступила место мстительному порыву». Но если Чайковский, по счастливой случайности только ранивший учителя, был просто «истеричной личностью… подверженной нервным припадкам» (164), другие юноши страдали более серьезной патологией, и некоторые даже проходили лечение в связи с психическими заболеваниями. Упомянутый уже семинарист Князев, например, был простоватым молодым человеком, обладавшим бешеной энергией и неспособностью контролировать свои действия. Он оставил письменное описание своих нервных приступов и срывов, которое не оставляет сомнений в его психической неуравновешенности, вследствие которой он был помещен под психиатрическое наблюдение(165). Либеральный психолог того времени заметил, что среди таких юношей было много «сумасшедших, выбравших политические убийства как способ самоубийства» (166).

Взрослые террористы охотно вовлекали несовершеннолетних в боевую деятельность. Они понимали, насколько легко можно использовать в своих целях их желание стать героями и их бесстрашие перед лицом смерти, свойственное многим молодым людям, которые говорили «с увлечением о смерти во время «дела», даже не для революционного «дела»(167). Психическая неуравновешенность в несовершеннолетнем потенциальном активисте делала его еще более подходящим кандидатом. Взрослые также учитывали и то, что во многих боевых действиях несовершеннолетние могли добиться большего успеха, чем старшие, даже более опытные боевики, хотя бы потому, что они не вызывали у полиции подозрений в участии в подпольной деятельности и не привлекали к себе внимания. Возможно, что некоторые революционеры, пользовавшиеся помощью детей, считали, что при аресте к ним будут относиться более снисходительно, чем к взрослым.

Радикалы использовали детей для выполнения самых разных боевых задач. Подростки

следили за передвижениями намеченных жертв из числа офицеров полиции или наблюдали за зданиями Охранного отделения, которые предполагалось взрывать. Когда боевики, направлявшиеся к местам намеченных терактов или экспроприации, не хотели рисковать и везти на себе оружие и взрывчатку, они поручали это детям. Дети же помогали изготовлять и прятать взрывные устройства, а также участвовали и в самих терактах(168). Некоторые боевые дружины, особенно у ПСР и у большевиков, вербовали и обучали будущих террористов, объединяя несовершеннолетних в специальные молодежные ячейки. Террористы, сами часто не достигшие совершеннолетия, передавали опыт своим четырнадцатилетним братьям и другим детям, особенно из среды рабочих в первом поколении, и давали им различные подпольные и опасные задания(169). Иногда им даже поручали выполнение терактов, несмотря на тот факт, что, как писал один боевик-эсер, это были юнцы интеллектуально «не развитые и без всякого революционного воспитания, только что введенные учениками в партийный кружок»(170). Небезынтересно, что взрослые боевики поощряли детские акты вандализма — к примеру, засорение печных труб перед масленицей, чтобы вызвать панику и помешать традиционному приготовлению блинов. С одной стороны, такое «озорство было… формой протеста против мещанства», с другой — использовалось «для воспитательных целей»(171), подготовляя учеников к более серьезным действиям(172).

Для многих несовершеннолетних террористов их новая жизнь в качестве подпольных борцов за свободу была увлекательной игрой, полной секретов, тайн, опасности и приключений, озвученной идеалистической риторикой. Некоторые из них уверяли, что видят истинную красоту жизни «в смерти ради смерти, в героическом деянии ради героического деяния»(173). Заговорщическая атмосфера подогревала их энтузиазм и поддерживалась более зрелыми боевиками, окруженными в глазах этих детей ореолом героев(174). Под их влиянием несовершеннолетние новички совершали теракты по

собственной инициативе и постоянно искали оригинальных способов самоутверждения в своей новой роли. Так, Левка Биленкин, семнадцатилетний анархист, решил 1 мая 1906 года взорвать полицейский участок, «чтобы отметить пролетарский праздник»(175).

В то время как некоторые юные террористы подражали взрослым и в выборе жертв — агентов Охранки, управляющих магазинами, офицеров Полицейского и Тюремного департаментов и даже высших чиновников царской администрации(176), другие признавались, что действуют по принципу «раз нет лучшего, будь ты им»(177). Иногда они убивали только потому, что видели людей в форме офицеров полиции, казаков или солдат; они также стреляли и бросали бомбы в магазинах, кафе и других общественных местах(178). Несмотря на то что радикальные идеи были очень широко распространены в обществе после 1905 года, несовершеннолетние экстремисты не могли толком применить революционную идеологию к своим действиям, и их логика напоминала скорее несложную аргументацию первых российских террористов. Например, 8 марта 1898 года несовершеннолетний экстремист Уфимцев, начитавшись в нелегальных брошюрах идеализированных описаний действий террористов 1880-х годов, подговорил своих друзей взорвать бомбу в Знаменском монастыре в Курске, «надеясь совершить нечто замечательное, связанное с опасностью… что может привлечь общее внимание»: уничтожить икону Богоматери и таким образом «поколебать веру в эту чтимую святыню»(179). В ряде случаев подростки пытались взрывать портреты Николая в своих школах(180). Они пробовали сами изготовлять бомбы и другие взрывные устройства, что нередко приводило к случайным взрывам в школах и семинариях(111). Некоторые подростки проявляли крайнюю жестокость. Так, еврейский мальчик в Гомеле в. июне 1904 года плеснул серной кислотой в лицо полицейскому стоявшему на своем посту(182).

Но иногда подростки становились террористами совсем не по революционным убеждениям. Тринадцатилетняя варшавская девочка, чья мать полюбила польского

террориста и буквально «стала его рабыней», была завербована экстремистами, несмотря на протесты и мольбы матери. Других детей просто заставляли перевозить динамит, прятать оружие и даже участвовать в терактах. Самой юной помощницей террористов была четырехлетняя Лиза, дочь «товарища Наташи» (Ф.И. Драбкиной), большевички, которая брала Лизу с собой для прикрытия, когда перевозила гремучую ртуть(183). В ряде случаев несовершеннолетние боевики, такие, как два пьяных подростка, неудачно пытавшихся ограбить магазин, и не думали об идеологическом обосновании своих действий(184). Другие, однако, прибегали для оправдания к радикальным лозунгам. Например, один учащийся седьмого класса доказывал, что настоящий революционный акт — это «экспроприировать экспроприаторов». Некоторые участники революционных грабежей были попросту «детьми, которые любят деньги, но не больше»(185). Есть сведения, что на периферии, особенно в Прибалтике, радикальные организации в отдельных случаях просто нанимали 15—16-летних для совершения террористических действий, платя им иногда по 50 копеек за убийство(186). И эти радикалы, и эти дети были представителями нового типа террористов, — «изнанкой» революции.

Глава 6 ЕДИНЫМ ФРОНТОМ. МЕЖПАРТИЙНЫЕ СВЯЗИ И СОТРУДНИЧЕСТВО

«Политический террор имеет такое решающее значение в жизни нашей родины, его влияние так глубоко [и] всеобъемлюще, что перед ним все другие разногласия террористов должны исчезнуть. Политический террор… должен быть доминирующим фактором в установлении отношений между группами, признающими одинаково его огромное значение. Все защитники политического террора… должны чувствовать себя членами одной семьи, так или иначе слиться в одну лигу политического террора».

Владимир Бурцев(1)

Большинство революционных партий в России на практике изменяли своим теоретическим установкам о терроре, в которых они либо осуждали все политические убийства и экспроприации (социал-демократы), либо устанавливали ограничения такой деятельности, (социалисты-революционеры и некоторые группы анархистов). Поэтому здесь не будет уделяться слишком много внимания идеологическим расхождениям между различными антиправительственными группировками. Историки часто подчеркивали различия между левыми организациями и указывали на защитные тенденции как причину разъединенности внутри российского революционного движения. Однако на деле существовали прочные основы для межпартийных связей и сотрудничества, несмотря на все идеологические конфликты и соперничество. Отвергая утверждения, что революционеры ненавидели буржуазию так же, как они ненавидели друг друга(2), некоторые ученые в последнее время выдвинули предположение, что на самом деле российский революционный лагерь не был так разделен, как это обычно считалось. В своей работе о 1880-х годах Нэймарк пишет, что «согласие среди радикалов, идеологическая гибкость и взаимопомощь и терпимость» были частью «наследия революционного движения»(3). Майкл Мелансон подчеркивает, что та же взаимопомощь и сотрудничество были присущи и левому движению XX века, когда различные партии и фракции на всех уровнях «неформально согласовывали свои действия и в критические моменты заключали официальные межпартийные соглашения»(4). Это подтверждается изучением практического подхода этих партий к террору — вероятно, наиболее радикальному средству борьбы любой подрывной организации и самому крайнему проявлению революционной психологии.

СОТРУДНИЧЕСТВО СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ С ДРУГИМИ РАДИКАЛАМИ

Руководство ПСР, отчасти из-за своего постоянного стремления доказать, что их теоретическая программа и реальная политика основываются на марксизме, с опаской относилось к сотрудничеству с группами, чья идеология или действия вызывали сомнения в их приверженности научной социалистической доктрине. В то же самое время некоторые лидеры эсеров (особенно Илья Рубанович — представитель ПСР в Коммунистическом Интернационале, давно мечтавший о единой партии социалистов) предпринимали шаги к установлению более тесных связей с другими марксистскими организациями(5), и несколько съездов и конференций ПСР приняли официальные резолюции, разрешавшие временные боевые и тактические союзы эсеров и социал-демократов. Эсерам также разрешалось поддерживать постоянные контакты с различными национальными революционными организациями, которые разделяли их основные идеологические принципы, включая ППС, латвийских социал-демократов, Революционную партию грузинских социалистов-федералистов, Социалистическую еврейскую партию (Серп) и армянский Дашнакцутюн(б). С другой стороны, руководство ПСР следовало политике отказа от совместных действий или даже переговоров с буржуазными оппозиционными партиями и с анархистами и подобными им экстремистскими группами, включая максималистов. Это, однако, было общим направлением, официально задаваемым руководством; на деле же реальность часто сильно отличалась от партийной линии.

После ареста Гершуни в мае 1903 года террористы Боевой организации, полностью уйдя в конспиративную деятельность, порвали свою духовную связь с организацией социалистов-революционеров. Они стали независимы, относились с презрением к партийным лидерам, жившим в безопасности эмиграции вдалеке от центра революционных действий и занимавшимся теоретическими вопросами программы и политики, и не считали себя обязанными придерживаться принципов, проповедовавшихся

этими гражданскими лицами. Боевики не интересовались теориями, не стремились строго следовать программе партии и были свободны от контроля со стороны центрального руководства, находившегося за границей, и поэтому ничто не мешало им сотрудничать с террористами других направлений.

Борис Савинков, ставший вместо Гершуни во главе Боевой организации, не разделял приверженности последнего основам идеологии социалистов-революционеров и был готов к совместным действиям с группами, чьи политические взгляды отличались от эсеровских, но чье отношение к террору было настолько же серьезным и перевешивало идеологические разногласия. В результате он не только принимал в Боевую организацию инакомыслящих, но и пытался наладить связи с максималистами — бывшими эсерами. В разговоре с лидером максималистов Михаилом Соколовым Савинков пытался убедить его в выгоде сотрудничества эсеров и максималистов и получить его согласие на совместные действия, независимо от линии партии: «Почему мы не можем работать вместе?.. Мне все равно — максималист вы, анархист или социалист-революционер. Мы оба террористы. В интересах террора — объединение Боевой организации с вашей». Савинков далее уверял, что расхождения в программах не должны мешать боевой работе и что террористам не следует ссориться между собой из-за таких второстепенных вопросов, как социализация фабрик. Со своей стороны Соколов согласился в принципе, что террористическая работа будет гораздо более эффективной, если эсеры и максималисты объединят свои усилия, и сожалел, что его товарищи на это не пойдут, видя в эсерах своих врагов: «Вы нам объявили войну». На это Савинков ответил: «Не мы, а Партия социалистов-революционеров», таким образом проводя резкую черту между интересами Боевой организации и официальной партийной линией ПСР(7).

И все же в Москве и других городах сотрудничество террористов-эсеров и максималистов никогда не прекращалось, и, несмотря r а постоянные попытки

руководства ПСР оградить членов партии от вредного влияния инакомыслящих, отдельные эсеры всегда были готовы поддержать различные акции своих бывших партийных товарищей. Максималисты отвечали тем же, и нередко такие крупные суммы, как пятьдесят тысяч рублей, передавались максималистами официальным организациям эсеров (что часто вызывало негодование у руководства максималистов)(8).

Эсеры-террористы также шли на сотрудничество с другими, чуждыми в идеологическом отношении организациями. Даже в центральном руководстве партии некоторые лидеры стремились к совместным действиям с другими боевыми группами. Николай Чайковский, один из старейших и известнейших лидеров эсеров, во время революции 1905 года был ярым сторонником партизанской войны и призывал организовывать партизанские отряды, в которые входили бы боевики из различных партий и даже экстремисты без определенных политических убеждений, объединенные лишь желанием бороться с существующим режимом с оружием в руках(9). Для осуществления своих планов Чайковский отправился на Урал для переговоров с Александром Лбовым, с которым эсеры поддерживали довольно тесные связи(Ю). Рубанович, не желая ограничиваться только агитацией за более тесное сотрудничество эсеров и социал-демократов, наладил личные тайные связи с несколькими анархистами за границей. Есть доказательства того, что он знал о подготовке анархистами покушения на жизнь великого князя Владимира Александровича, в котором, кстати, участвовали и несколько членов ПСР(П).

На местах революционеры не стояли в стороне от межпартийных ссор и соперничества, и это подтверждается постоянным переходом отдельных членов из одной радикальной группы в другую(12). Иногда такое соперничество выливалось в обоюдные словесные оскорбления, угрозы, драки и экспроприации партийных средств и оружия(13). Иногда встречались и более экстремальные формы межпартийных разборок, включая физическое насилие. К примеру, в городе Вайнли местные анархисты убили владельца

сахарной фабрики Браунсона (или Брамсона), убежденного эсера, отбывшего ссылку(14). Революционные активисты часто резко отрицательно относились к бывшим членам партии, покинувшим ее ряды для независимой деятельности, особенно когда эта деятельность принимала формы экспроприации, при которых деньги не поступали в казну партии. Верные партийцы считали таких дезертиров бандитами, и между ними иногда происходили кровавые стычки из-за экспроприированной добычи(15).

Подобные примеры вражды, однако, были редки на фоне сотрудничества местных эсеров с другими революционными группами на всей территории Российской Империи. Сотрудничество это не ограничивалось ненасильственными действиями, такими как совместное печатание подпольной литературы, организация митингов, демонстраций, конференций и иногда даже объединение в смешанную организацию членов разных партий. Например, в Париже в начале ноября 1910 года был создан Клуб левых, в который вошли представители эсеров, максималистов и анархистов(16). Не допуская, чтобы теоретические разногласия мешали боевой работе, эсеры также участвовали в терактах вместе с другими радикалами, не испрашивая на то официального разрешения центрального руководства ПСР, а иногда даже и не сообщая ему об этом(17).

Если помнить о неразборчивости максималистов в боевых средствах, не стоит удивляться тому, что многие из них объединялись со своими товарищами-анархистами не только для совершения покушений, например, для подготовки покушения на жизнь великого князя Николая Николаевича(18), но и для экспроприации. Одним из таких совместных вооруженных нападений была неудавшаяся попытка конфисковать двести тысяч рублей из конторы Московско-казанской железной дороги, при которой один анархист был убит, а несколько экстремистов арестованы; двое из последних предстали перед судом и были приговорены к смертной казни(19). Эсеры тоже часто объединялись с анархистами для совершения революционных грабежей. В одном таком случае члены

одесской ячейки эсеров напали на банк вместе с местной группой анархистов-синдикалистов и унесли тысячи рублей(20). Одесские эсеры также участвовали в совместных с анархистами-коммунистами террористических актах и экспроприациях(21).

На периферии эсеры и другие экстремисты особенно часто соединяли свои усилия в дни хаоса 1905 года, когда, например, «в мае эсеры из Белостока объединились с анархистами… Их насильственные действия достигли своего рода кульминации в «экспроприациях» — приличное название для наглого грабежа и вымогательства», — которые даже местные бундовцы считали не намного лучше хулиганства(22). В 1906 году в Екатеринбурге эсеры и анархисты организовали Союз активной борьбы с самодержавием. Его члены были обычными налетчиками, грабившими местные церкви(23).

Время от времени эсеры также участвовали в совместных действиях с экстремистскими группами без определенной идеологической базы, но с четкой ориентацией на политическое насилие и революционные грабежи. Одна из банд, члены которой называли себя террористами-экспроприаторами, главным образом занималась нападениями на частные квартиры, но со вершила и несколько крупных актов экспроприации, включая попытку грабежа в монастыре около Гродно в декабре 1906 года. В эту банду входило несколько эсеров, в том числе Евстилия Рогозинникова, известная террористка, героиня, прославленная в партийной печати за ее роль в убийстве Максимовского(24).

На окраинах, где традиционно эсеров было меньше, чем революционных националистов и социал-демократов, они охотно шли на объединение с экстремистами любого толка, которые были хорошо знакомы с местной политической ситуацией и пользовались поддержкой большего числа людей, что было немаловажно для пополнения казны. В разных районах Кавказа, например, группы эсеров обращались к

максималистам с предложениями о совместной террористической деятельности . В грузинских городах Тифлисе и Кутаисе действия эсеров ничем не отличались от действий крайних анархистов, и многие эсеры действовали заодно с анархистами(26).

Эсеры в Грузии следовали собственной инициативе, в Баку же сотрудничество эсеров с националистической революционной террористической организацией Дашнакцутюн было вполне официальным. Когда дашнаки обнародовали формальную декларацию о том, что любой представитель царской администрации, который попытается конфисковать оружие, делать обыски в домах или совершать аресты среди местного населения, будет безжалостно уничтожен, бакинский комитет ПСР немедленно выпустил специальную прокламацию о намерении содействовать армянским товарищам в наказании жандармов, полицейских и других царских чиновников ?). В дополнение к этому при своих постоянных попытках ввоза оружия и взрывчатки в Российскую Империю через Черное море и Кавказ эсеры часто временно объединялись с местными повстанцами-националистами, которые не интересовались социалистическими идеями и не имели ничего общего с эсерами, кроме ненависти к российской администрации(28).

В Польше эсеры также поддерживали тесные связи с местными экстремистами. Например, Ян Тычинский, член боевой бригады ППС, ответственной за несколько террористических нападений в городе Радоме, лично руководил налетом на тюрьму с целью освобождения известного эсера Мичурина(29). Во Львове представители ПСР, ППС и нескольких других радикальных организаций создали в 1909 году отряд для раскрытия и уничтожения полицейских агентов в революционной среде(30). После решения лидеров ППС в 1909 году о временном прекращении террористических операций партийные инакомыслящие, разгневанные этим решением, иногда предлагали свои боевые услуги ПСР(31).

В Прибалтике и в Финляндии эсеры участвовали вместе с национальными революционными организациями в общей борьбе с российским правительством. По приезде в Цюрих Моисей (Михаил) Кобылинский, рижский представитель эсеровской газеты «Сын отечества», стал участвовать в производстве взрывных устройств для латвийских национальных революционных сил(32). Согласно полицейской информации, в мае 1909 года в Таммерфорсе состоялись тайные переговоры между остатками Северного летучего боевого отряда ПСР и представителями финской революционной партии Война о совместной организации покушения на жизнь царя(33). В 1904–1907 годах эсеры поддерживали очень тесные связи с Финской партией активного сопротивления, чьей главной целью было освобождение Финляндии от русского владычества. Устремления этой партии были исключительно националистическими, и она мало интересовалась социальными проблемами. Единственной основой сотрудничества финнов с эсерами было то, что обе организации считали политические убийства одним из наиболее эффективных средств борьбы с царским правительством .

За пределами Российской Империи эсеры участвовали вместе с другими экстремистами в политических грабежах, в частности в известной экспроприации 1908 года в Лозанне (Швейцария), организованной эсерами и анархистами(35). Сотрудничество эсеров с другими радикалами продолжалось и после подавления революции 1905–1907 годов. Даже в 1913 году члены объединенной группы эсеров и анархистов в Бельгии обдумывали планы засылки в Россию боевого отряда для совершения экспроприаций(3б). Таким образом, различные экстремистские организации были уверены в поддержке со стороны эсеров их террористических акций, и в этом отношении один эпизод выглядит особенно значительным: при планировании покушения на жизнь Столыпина осенью 1907 года члены объединенной группы анархистов и максималистов в Женеве предполагали пронести в Государственную думу бомбу с

помощью одного из депутатов — члена Партии социалистов-революционеров(37).

СОТРУДНИЧЕСТВО ВНУТРИ РСДРП

Как и эсеры, революционеры из различных фракций РСДРП поняли, что в критические дни 1905–1907 годов они не могут позволить теоретическим дебатам, определявшим их действия в предреволюционный период, препятствовать общей борьбе против царского правительства. Большевики и меньшевики, бундовцы, латышские и другие национальные социал-демократические организации доказали на практике, что догма может быть подчинена более насущным проблемам дня и даже полностью отвергнута на взлете революционной деятельности. Различные группы внутри РСДРП активно сотрудничали в террористической деятельности.

На уровне центра это сотрудничество особенно часто проявлялось в приобретении оружия и взрывчатки, причем в 1905–1907 годах главную роль в этом играли большевики, близкие к Леониду Красину. Используя свои старые связи с поставщиками оружия за границей, особенно в Бельгии и Англии, они помогали другим социал-демократическим организациям, включая меньшевиков, бундовцев, латышей и поляков, покупать и перевозить в Россию оружие и взрывчатку(38), где все это использовалось для террористической деятельности . Сотрудничество социал-демократов в столицах вылилось, в частности, во взрыв трактира «Тверь» в январе 1906 года в Петербурге — акции, в которой главные роли играли латышские социал-демократы(40).

В Москве большевистские и меньшевистские боевики действовали сообща, забыв о разногласиях как о теоретических мелочах, не имеющих отношения к борьбе. И, конечно, такое сотрудничество было еще более тесным на периферии(41). В Двинске российские социал-демократические боевики (которые не стали определять свою фракционную

принадлежность и успешно работали вместе в объединенном большевистско-меньшевистском комитете) в беспокойные дни 1905 года действовали вместе с боевиками других революционных организаций, среди которых самым сильным был боевой отряд Бунда(42). Социал-демократический боевой отряд в Вильне, состоявший главным образом из «профессиональных боевиков», после октября 1905 года объединился под единым командованием с боевой дружиной местного комитета Бунда, и в течение следующих двух лет русские и еврейские боевики этого объединения совершили немало терактов и экспроприаций(43).

На окраинах, как, например, в Латвии, сотрудничество социал-демократических боевиков, независимо от их партийной принадлежности, было еще более тесным. Всемогущий и вездесущий Федеральный комитет Риги, состоявший из большевиков, меньшевиков, бундовцев и латышских социал-демократов, санкционировал многочисленные террористические акты, в том числе уничтожение городовых и мелких чиновников, объявленных местными радикалами членами монархической «черной сотни»(44). Одним из наиболее крупных достижений этого комитета был дерзкий налет на центральную городскую тюрьму 7 сентября 1905 года, во время которого был освобожден Мартин Лацис (Крюгер), известный активист латышской социал-демократической организации(45). Члены Федерального комитета, многие из которых ранее были замешаны в нападениях на казенные винные магазины, стали заниматься экспроприациями, наиболее распространенной формой которых была конфискация ружей из частных оружейных магазинов(46). После октября 1905 года в нескольких городах Прибалтики были созданы отделения Федерального комитета. Следуя примеру центральной рижской организации, местные социал-демократы занимались террористической деятельностью как члены межфракционных боевых бригад (47).

И наконец, за пределами Российской Империи среди всех социал-демократов с

террористическими наклонностями наблюдалась та же тенденция. Уже в 1905 году в Западной Европе несколько российских социал-демократов неопределенной партийной принадлежности обдумывали планы совместных террористических действий, которые, по сведениям полиции, включали в себя организацию небольшой боевой организации под руководством Марка Бройдо и его жены Евы (оба — близкие друзья Савинкова)(48). Представители различных социал-демократических организаций были готовы забыть о фракционных расколах ради сотрудничества в боевых действиях. Они также были готовы с этими же целями объединить усилия с революционерами других групп и партий, некоторые из которых стояли очень далеко от основных положений русской социал-демократии.

РУССКИЕ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И ДРУГИЕ РАДИКАЛЫ

В своих публичных заявлениях и партийных изданиях лидеры РСДРП редко упускали возможность определить границы, отделяющие их от всех других революционеров, и осудить неортодоксальные взгляды и неосуществимые программы своих оппонентов. ПСР бросала наиболее грозный вызов образу мыслей социал-демократов, и потому на нее обрушивался шквал критики, оскорблений и обвинений во всех смертных грехах — от контрреволюционности до анархизма. ПСР отвечала подобным же образом, публично упрекая социал-демократов в поведении, недостойном революционеров, например — в растрате экспроприированных денег на алкогольные напитки(49). Временами соперничество эсеров и социал-демократов переходило в запугивание и угрозы, и есть указания на то, что иногда за этим следовали и практические действия. Например, в Баку группа эсеров санкционировала убийство местного меньшевика якобы как полицейского шпиона(50). И все же, несмотря на непрекращавшиеся взаимные обвинения во всех

возможных грехах — от политической демагогии до измены революционным идеалам, — руководители обеих партий признавали, что споры могут быть отложены ради сотрудничества.

Согласно полицейским источникам, уже в феврале 1905 года быстро продвигались переговоры о возможном формальном объединении сил социал-демократов и эсеров для совместных террористических акций; такие видные эсеры, как Илья Рубанович, Марк Натансон и Михаил Гоц, обсуждали возможность террористической деятельности с ведущими представителями РСДРП за границей(51). В то же самое время организации эсеров и социал-демократов в России демонстрировали свою решимость вместе бороться с правительством террористическими методами, что они и делали в течение 1905–1907 годов(52).

Российские социалисты сотрудничали друг с другом и до начала революционных действий, но необходимость согласованных усилий стала особенно очевидна после 1905 года. Радикалы во всех частях страны не только время от времени оказывали друг другу помощь в выполнении ежедневных задач и поддерживали хорошие отношения, но и объединялись в полуформальные, группы и комитеты эсеров и социал-демократов для длительного сотрудничества во всех сферах революционной деятельности — от пропаганды до индивидуального террора и массовых восстаний(53). Под влиянием эсеров эти организации часто занимали очень радикальную позицию по вопросу о терроре. Боевики из Объединенной уральской группы с.-д. и с.-р., образовавшейся перед революцией, в 1905 году принимали участие во многих боевых операциях, в частности, они бросали бомбы в полицейских и казаков, пытавшихся разгонять противозаконные собрания рабочих(54).

Социал-демократы и эсеры также вместе занимались вымогательством и

экспроприацией частной собственности, особенно на Кавказе, несмотря на официальное осуждение таких действий лидерами обеих партий. В Кутаисе, например, социал-демократы обложили специальным революционным налогом зажиточных местных граждан, главным образом — купцов. Под угрозой конфискации всего имущества купцы должны были собирать определенные суммы и ежемесячно давать социал-демократическим организациям, как минимум, пятьсот рублей. Видя, какую выгоду извлекают их товарищи-социалисты, местные эсеры захотели участвовать в дележе будущих прибылей и получили разрешение социал-демократов (контролировавших рынок) собирать по триста рублей ежемесячно на их собственные нужды(55).

Последователи Ленина были наименее догматичны в своем подходе к политическому насилию, и фракция большевиков активно сотрудничала с другими организациями в террористической деятельности. Еще до того, как революционные события 1905 года достигли своего зенита, большинство лидеров большевиков благосклонно относилось к совместным с эсерами боевым действиям. Во время дебатов на съезде РСДРП весной 1905 года большевик М. Г. Цхакая, уверяя товарищей, что эсеры недостаточно сильны, чтобы быть серьезными соперниками, отдавал должное их боевым отрядам и призывал во время революции использовать их помощь и объединяться с ними(56). Точку зрения Цхакая разделяло большинство присутствовавших, и на

съезде была принята резолюция, поручавшая членам партии выступать против эсеров по идеологическим и программным вопросам и в то же время разрешавшая совместные боевые операции. Как говорил Ленин, большевики и социалисты-революционеры должны идти порознь, но бить вместе(57).

Большевики, действовавшие на территории России и сталкивавшиеся с реальными трудностями революционной работы, не очень серьезно относились к первой части этой

резолюции — об идеологических разногласиях, но зато всецело поддерживали вторую — о совместных действиях. Конечно, между революционерами по-прежнему бывали и трения, и открытые конфликты, но, по всей видимости, большая часть разногласий была результатом соперничества в практических вопросах, например, в вопросе о контроле над партийными финансами и кадрами. И соперничество уравновешивалось тем, что и в столицах, и на периферии в большинстве случаев обе стороны могли рассчитывать друг на друга при проведении самых разнообразных совместных акций.

В духе такого товарищества многие социал-демократы охотно снабжали эсеровских боевиков деньгами, предоставляли убежище и оказывали любую необходимую помощь. Жена известного левого меньшевика Николая Суханова, большевичка, помогала Петру Романову, эсеровскому боевику, разыскиваемому за убийство начальника жандармерии в Самаре в 1907 году, скрываться от полиции(58). Отдельные члены боевых отрядов большевиков, участвовавшие ранее в политических грабежах, совершали вместе с эсерами мелкие теракты, не запрашивая на то официального разрешения партийных органов(59). Большевики даже признавались, что в некоторых районах их отношения с эсерами были лучше, чем с членами братской фракции меньшевиков(бО).

В столицах большевики так же охотно помогали эсерам при проведении различных операций. Красин был готов в любую минуту протянуть руку помощи любому представителю радикального лагеря. Так, в 1907 году во время суда над эсерами, арестованными по делу Северного летучего боевого отряда, Красин и несколько его соратников по Военно-технической группе вынашивали планы освобождения подсудимых, среди которых были их личные друзья и знакомые. Эти планы, однако, не осуществились из-за своевременного вмешательства полиции(61). Красин организовал в Петербурге военно-техническое бюро — лабораторию, производившую бомбы, гранаты и «адские машины», и его знакомые эсеры были поражены качеством большевистских взрывных

устройств(62). Боевики Красина также время от времени принимали участие вместе с эсерами в различных боевых действиях в столице(63). Красин существенно помогал и максималистам. Огромные шестнадцатифунтовые бомбы, которые максималисты использовали при нападении на дом Столыпина на Аптекарском острове и при экспроприации в Фонарном переулке, были изготовлены в лаборатории Красина под его личным наблюдением(64). Несмотря на все попытки большевистских лидеров держать свои боевые операции в полной тайне, отдельные террористы продолжали поддерживать связи с максималистами. Многие большевистские боевики, вероятно, завидуя террористическим успехам максималистов, постоянно упрекали руководство своей партии за те ограничения, которые мешали им совершать такие же крупные теракты(65).

Красин и его товарищи установили взаимовыгодные связи и с анархистами. Для изучения богатого опыта последних в изготовлении бомб революционеры из окружения Красина, которые устроили лабораторию для производства взрывных устройств вблизи российско-финской границы, летом 1907 года работали там вместе с анархистами, не имевшими собственной лаборатории и вполне готовыми объединиться на этой почве с большевиками(66). Довольно интересен тот факт, что одной из инструкций по производству взрывчатки, которой пользовались большевики в этой и других подпольных лабораториях, была «Лабораторная техника» Е.А. Гоппиуса, анархо-индивидуалиста, который тесно сотрудничал с большевиками в московском отделении военно-технического бюро, а в 1917 году официально вступил в партию большевиков(67).

И в боевых действиях в отдаленных районах империи большевики часто действовали заодно с местными анархистами(68). К тому же и за границей большевики оказывали анархистам услуги. Например, пользовавшийся дурной славой Виктор Таратута, доверенное лицо Ленина, был замешан не только в попытках отмыть деньги, полученные большевиками в результате экспроприации в Тифлисе в июне 1907 года, но и в оказании

помощи анархистам в подобных операциях с их собственными экспроприированными средствами(69).

На окраинах большевики успешно сотрудничали не только с местными социал-демократами, но и с членами других радикальных организаций. Сторонники Ленина из Петербурга весной 1907 года вступили в переговоры с партией Дашнакцутюн на Кавказе и переправили этим революционерам из столицы большую партию ружей(70). Для Красина и его товарищей еще важнее было установить дружеские отношения с финскими активистами, хотя большевики прекрасно понимали, что этот союз может быть только временным. В 1906–1907 годах обе стороны обменялись опытом по перевозке оружия из-за границы и в изготовлении бомб. Красин и профессор Михаил Тихвинский, большевик, химик и специалист по взрывчатым веществам, летом 1906 года ездили в Хельсинки показывать финским революционерам новейшие бомбы и везли демонстрационный экземпляр в футляре от фотоаппарата(71). В Хельсинки Красин познакомился с д-ром А. Тернгреном, видным членом Финского национального движения пассивного сопротивления русификаторской политике царского правительства, который после 1917 года какое-то время занимал пост финского посла в Париже. Несмотря на свои умеренные взгляды, Тернгрен и другие сторонники пассивного сопротивления были готовы помогать большевикам в контрабанде оружия и производстве взрывчатки(72).

При осуществлении террористической деятельности большевики также пользовались помощью различных малоизвестных полуреволюционных, полууголовных отрядов — например, партизан под командованием Лбова на Урале. Пытаясь сохранить свои действия в тайне даже от членов собственной партии, некоторые сторонники Ленина налаживали взаимовыгодные связи с лбовцами, которые летом и осенью 1907 года были особенно активны, грабя банки, фабрики, почтовые конторы и богатых граждан. В связи с этим странным союзом было немало жалоб на большевиков со стороны членов банды

Лбова. Пермский партизанский революционный отряд Лбова заплатил большевистскому центру шесть тысяч рублей в качестве аванса за доставку оружия из-за границы, но, несмотря на оформленный по всем правилам договор, большевики не привезли обещанного оружия и отказались вернуть деньги(73). Есть также сведения о том, что при дележе добычи после нескольких совместных экспроприации большевики наживались за счет уральских бандитов(74).

Вероятно, еще более знаменательной была готовность товарищей Ленина сотрудничать с обычными уголовниками, которые интересовались социалистическим учением еще меньше, чем бандиты Лбова, но которые тем не менее оказывались очень полезными партнерами в операциях с контрабандой и продажей оружия. В своих воспоминаниях большевики утверждали, что некоторые их помощники из уголовного мира были так горды своим участием в антиправительственной борьбе, что отказывались от денежного вознаграждения за свои услуги(75), однако в большинстве случаев бандиты не были такими альтруистами. Обычно они требовали денег за свою помощь, и именно большевики, имевшие наиболее крупные суммы экспроприированных денег, наиболее охотно заключали деловые соглашения с контрабандистами, жуликами и торговцами оружием. Неудивительно, что в этих сомнительных временных союзах было немало поводов для конфликтов и обид. В одном случае большевики на Урале послали представителя в Киев выяснить, почему они не получили оружия, за которое уже заплатили контрабандистам. Оказалось, что контрабандист, взявший эти деньги, отнюдь не собирался доставлять им оружие, поскольку уже пообещал его другим клиентам, анархистам. Торговец оружием согласился выполнить требования большевиков, когда к его виску приставили револьвер(7б).

Большевики осуждали изолированные теракты как неэффективные, однако они (в том числе и Военно-техническая группа Красина) обычно охотно участвовали в подготовке

покушений, даже когда такие акты планировались отдельными лицами, не связанными с революционными партиями или организациями. Н.К. Четвериков (Михаил Львович), член Военно-технической группы в Петербурге, получил информацию о том, что матрос на «Штандарте», яхте Николая , решил произвести взрыв на борту во время одной из поездок императорской четы по Балтийскому морю, но не знал, где достать бомбу. Четвериков поддержал матроса в его планах и пообещал доставить ему необходимые взрывчатые вещества, как только все будет готово к взрыву(77).

СОТРУДНИЧЕСТВО НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТРЯДОВ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТОВ С ДРУГИМИ РАДИКАЛАМИ

Большевики были не единственными представителями социал-демократического движения, готовыми объединяться с другими экстремистами для совместной террористической деятельности. Бундовцы, примыкавшие то к одной, то к другой радикальной группировке(78), также не были против межпартийного сотрудничества. Отношения между бундовцами и революционными организациями, не принадлежавшими к социал-демократическому лагерю, были временами натянутыми, что видно хотя бы из листовок еврейских социал-демократов, направленных на дискредитацию соперников, особенно анархистов. Анархисты не оставались в долгу, прибегая к оскорблениям и угрозам(79). И все же противостояние общему противнику обычно влекло бундовцев к другим радикалам(80). Например, они пытались привлечь другие революционные партии к участию в организованных ими совместных комитетах самообороны, первоначально имевших целью защиту от антисемитских выступлений, но часто превращавшихся в полутеррористические боевые отряды(81). Несмотря на предостережения и прямые запреты со стороны центрального партийного руководства, бундовцы объединялись с

эсерами для осуществления терактов. Примеры такого сотрудничества многочисленны. После того как Вейн-рейх Богач, влиятельный гражданин Белостока, настоял, чтобы местные власти держали в городе казачьи отряды для предотвращения революционной деятельности, несколько эсеров и бундовцев тайно от своих организаций образовали маленький террористический отряд и совершили неудавшееся покушение на его жизнь, несколько раз выстрелив в него во время службы в синагоге, в присутствии всей общины(82). В Креславке, городке в черте оседлости, местный полицейский чиновник был серьезно ранен взрывом бомбы, подложенной действовавшими совместно эсерами и бундовцами(83). И наконец, в Житомире бундовцы предложили свою помощь эсеровским боевикам в нападении на местного губернатора и начальника полиции, предлагая эсерам убийцу-добровольца, который стал бы вторым Гиршем Лекертом(84).

В Прибалтике, особенно в Латвии, межпартийное сотрудничество также процветало. По словам рижского революционера, террористы перед лицом полиции или армии забывали о межпартийных разногласиях и объединялись для таких акций, как освобождение заключенных, рискуя своей жизнью и свободой независимо от идеологических взглядов арестованных(85). Отряд эсеров и социал-демократов, образовавшийся в 1908 году в Риге, решил не определять своих теоретических или политических устремлений, а только ставить непосредственные цели — узко террористические. Среди разных насильственных действий, которые они планировали, были покушения на жизнь Кошелева (председателя рижского военного суда), начальника центральной городской тюрьмы и начальника полиции, а также взрыв в полицейском управлении. Среди членов этого межпартийного отряда не было, казалось, никаких внутренних идеологических конфликтов и даже мелких разногласий. Этой группе, однако, не удалось осуществить свои далеко идущие планы, кроме ранения Кошелева 31 января 1909 года, — она была разгромлена полицией(86). Есть также свидетельства о том, что в Литве местные боевики участвовали вместе с

эсерами в насильственных действиях против лиц, подозреваемых в сотрудничестве с полицией(87).

Социал-демократы в Прибалтике также заключали с анархистами временные союзы, а иногда даже и постоянные. Так, Франц Глотт, член боевого отряда Латышской социал-демократической рабочей партии в Либау, в разгар своей революционной карьеры решил действовать заодно с местными анархистами(88). В Эстонии несколько анархистов вступили в местный боевой отряд социал-демократов, который после этого совершил ряд терактов и экспроприации, сопровождавшихся грубым насилием и жестокостью. Наиболее известным из них было убийство 17 февраля 1907 года члена Государственного совета барона Будберга, у которого экстремисты украли семнадцать тысяч рублей и другие ценности, в основном для личного пользования, не обращая внимания на все призывы к революционной совести со стороны центрального руководства РСДРЩ89).

СОТРУДНИЧЕСТВО АНАРХИСТОВ С ДРУГИМИ РАДИКАЛАМИ

Анархическое учение позволяло своим последователям заключать друг с другом договоры в практических целях, но с условием, что эти договоры могут быть расторгнуты в любой момент по желанию любой стороны. Временами отдельные группы не одобряли тактики других анархических отрядов (например, мелкие экспроприации частной собственности) или пытались действовать насильственными методами, когда им не удавалось договориться мирным путем о финансовых делах или о разделении территорий влияния(90). И все же большинство анархистов считало взаимовыручку и взаимопомощь обязательными во всех революционных действиях, включая терроризм. К тому же, поскольку анархическое учение не требовало политического или этического

обоснования насилия в условиях самодержавного гнета, анархисты редко отказывались от предложений любых других революционных групп о проведении совместных террористических акций. Это подтверждается как отношением руководства анархистов за рубежом к другим антиправительственным организациям, так и позицией, занимаемой по этому вопросу наиболее крупным теоретиком анархического движения Петром Кропоткиным. В письме другу в 1904 году Кропоткин писал, что ПСР является полуреволюционной формацией, члены которой по своим взглядам мало отличаются от социал-демократов, несмотря на их публичные призывы к индивидуальному террору. Тем не менее Кропоткин считал, что было бы преступным противодействовать единственной серьезной боевой группе в России и что ей даже необходимо помогать(91). По крайней мере, в одном случае Кропоткин выступил посредником между своими последователями в Лозанне и бундовцами, которые жаловались ему на местных анархистов, намеревавшихся экспроприировать кассу Бунда(92).

Следуя рекомендациям своего лидера, анархисты за границей часто сотрудничали с другими радикалами в разрешении таких насущных проблем эмигрантской жизни, как выявление тайных полицейских агентов в рядах революционеров(93). Жившие в Западной Европе анархисты также предлагали свою помощь другим революционным группам, считавшимся ими достаточно радикальными. Анархист С.И. Бухало, инженер, живший в Мюнхене, был известен своими изобретениями в области взрывчатых веществ и артиллерии. Он десять лет трудился над новым мощным летательным аппаратом и выражал готовность поделиться своим изобретением с любой террористической организацией, ставящей своей целью цареубийство. Ему не хватало средств для того, чтобы организовать собственную мастерскую, и в январе 1907 года он начал переговоры с Евно Азефом, который от имени ПСР предложил ему достать двадцать тысяч рублей из частных источников. Это позволило изобретателю нанять рабочих и начать сборку

аппарата с тем, что готовая машина будет предоставлена в распоряжение Боевой организации ПСР, намеревавшейся с ее помощью сбрасывать бомбы на императорские резиденции в Царском Селе и в Петергофе(94).

В России нередко происходили стычки между анархистами и социалистами. Анархисты разгоняли собрания других революционеров, иногда с применением силы, угрожали смертью своим оппонентам, особенно социал-демократам, налагали штрафы на радикалов и экспроприировали средства других партий. Социалисты часто открыто проявляли свою враждебность по отношению к анархистам, иногда также прибегая к угрозам и насилию(95). В то же время, однако, анархисты охотно принимали в свои ряды наиболее радикальных (и обычно наименее дисциплинированных) перебежчиков из других партий(96), и оказывали революционному сообществу всевозможную помощь, например, широко распространяя листовки с подробными описаниями процесса изготовления бомб(97).

Другие радикальные группы отплачивали им тем же, и межпартийные мероприятия анархистов и социалистов включали в себя даже совершение терактов из мести друг за друга. Один такой случай произошел в 1906 году. Члены ППС готовили покушение на жизнь генерал-майора Селецкого, главы варшавского военного суда, в ответ на вынесение им обвинительного приговора двум местным анархистам-коммунистам(98).

МНОГОПАРТИЙНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Представители двух независимых революционных групп часто совершали совместные террористические акты. Случалось, что и члены сразу нескольких организаций договаривались об участии в согласованных боевых действиях. Такое сотрудничество часто принимало форму многосторонних консультаций и конференций, на которых

обсуждались совместные боевые операции. Летом 1906 года в конспиративной встрече в Финляндии участвовали такие видные фигуры революционного движения, как эсеры Натансон и Азеф, лидер польских социал-демократов Дзержинский и Ленин(99). Особенно часто представители разных групп объединяли свои усилия для решения таких сиюминутных задач, как получение оружия и взрывчатки. В покупке оружия за рубежом и в перевозке его в Россию сотрудничали группы разных идеологических направлений(ШО), и по всей России федерации всех социалистических партий содержали значительные общие арсеналы(101).

Интерес к совместным террористическим действиям демонстрировали и революционеры, вступавшие в многочисленные и разнообразные союзы. Эти межпартийные организации, распространившиеся после 1905 года, координировали политические и экономические действия различных профессиональных групп и обществ. Одной из таких революционных организаций был Петербургский Железнодорожный союз, или ВИК-Жел (Всероссийский исполнительный комитет союза железнодорожников), в который входили активисты всех фракций антиправительственного движения — от либералов до анархистов. В декабре 1905 года лидеры Железнодорожного союза, стремясь поддержать московское восстание разжиганием крупных революционных беспорядков в столице, решили взорвать мост на Николаевской железной дороге. Этим они хотели, во-первых, помешать переброске войск в Москву и, во-вторых, начать крупную забастовку на железной дороге, которая должна была бы, по их замыслу, привести к всеобщей стачке в Петербурге(102).

Другой подобной организацией в столице был Совет безработных(ЮЗ), при котором действовал Боевой рабочий союз. Эта группа принимала в свои ряды всех сторонников радикальных действий независимо от их партийной принадлежности, за исключением представителей интеллигенции, к которой они, как и все радикальные пролетарии,

относились с предубеждением. Большей частью этот союз состоял из рабочих, уволенных с заводов и фабрик за политическую неблагонадежность. Организаторам Союза было выгодно набирать добровольцев для боевой деятельности из таких людей, которые, по словам одного из союзных лидеров, могли надеяться восстановить свое положение в жизни только после победы революции(104). И они действительно становились террористами, выбирая своими жертвами людей, подозреваемых в черносотенстве. 3 апреля 1906 года несколько напившихся членов Боевого рабочего союза окружили дом управляющего магазином Василия Снесарева, считавшегося реакционером, и подожгли его вместе со всеми обитателями(105).

Организация и структура Боевого рабочего союза были близки к анархическим объединениям. Его отряды в разных районах города были почти автономны и имели собственные кассы, которые надо было постоянно пополнять, что и заставляло их командиров помимо основных террористических действий заниматься экспроприациями. Какое-то время члены Центрального комитета Союза подробно обсуждали возможность экспроприации средств Валаамского монастыря на Ладожском озере, куда стекалось много паломников. Революционеры все-таки не совершили нападения на монастырь, частично из-за боязни негативной реакции общественности, частично из страха последующего морального разложения участников. Последнее соображение, однако, не мешало им принимать участие в различных более мелких экспроприациях оружия и частной собственности(106).

Железнодорожный союз и Боевой рабочий союз были не единственными межпартийными объединениями. Многие боевики различных революционных организаций объединяли усилия по совершению терактов. В одном случае Красин приказал своему помощнику Юрию Грожану изготовить две большие ручные гранаты и передать их Льву Троцкому, тогда поддерживавшему меньшевиков и являвшемуся одним

из лидеров петербургского Совета рабочих депутатов — многопартийного собрания революционеров, объединившихся для координации антиправительственных действий. В другом случае, в октябре 1905 года, Совет рабочих депутатов заказал специалистам большевистского военно-технического бюро два необычайно мощных взрывных устройства для разрушения телеграфной связи в городе(107). В декабре 1905 года, в надежде, что серия терактов поможет московскому восстанию, представители различных боевых групп в Москве созвали общее собрание для разработки таких актов, включая захват правительственного арсенала, арест генерал-губернатора Дубасова и взрыв того самого моста на Николаевской железной дороге, который собирались в это же самое время взорвать радикалы Железнодорожного союза в Петербурге(108).

Похожая ситуация наблюдалась и в провинции, где более чем в пятидесяти городах радикальные социалисты объединялись в советы рабочих депутатов(109), следуя примеру соратников в столицах. Эти многопартийные образования брали в свои руки организацию и руководство забастовками, стачками и другими формами рабочей оппозиции, часто используя при этом террористические методы. Иногда революционеры и не пытались скрывать свои намерения. В Дмитровском районе под Москвой представители Совета рабочих депутатов решили, что социалистам не пристало обращаться к буржуазии за финансовой помощью бастующим рабочим, а надлежит заставить местных землевладельцев оказать такую помощь под угрозой конфискации имущества и прямого насилия. Для выполнения этого единогласного решения были выбраны несколько радикалов, которым вменялось ездить по деревням и селам, запугивая помещиков, не смевших противиться вооруженным вымогателям(110).

В отдаленных районах Российской Империи, таких, как Урал и Поволжье, эсеры, большевики и анархисты объединялись в партизанские отряды. Тенденция к созданию общего фронта революционных сил была очень сильна в черте оседлости и на окраинах,

особенно в Грузии, Польше и Латвии, где воинственные националисты с легкостью забывали об идеологических разногласиях ради немедленных действий(111). Ярким примером этого может служить получившее широкую огласку политическое убийство генерала Грязнова в Тифлисе в январе 1906 года, которое было совершено местными меньшевиками и санкционировано единогласно принятой резолюцией нескольких антиправительственных организаций, включая ПСР, РСДРП, группу армянских дрошакистов и грузинских социалистов-федералистов, которые все объединились с целью совершения нескольких общих акций(112).

Многопартийные группы в удаленных от столиц районах занимались также и революционными грабежами. В 1908 году наспех сколоченная банда в Белостоке включала в себя пять максималистов, нескольких эсеров и анархистов, ряд лиц неизвестной партийной принадлежности, а также (как потом выяснилось) некоторое число полицейских агентов. Первым предприятием этого боевого отряда было нападение на поезд, в котором перевозилось два миллиона рублей, но из-за плохой организации, неопытности участников и присутствия полицейских агентов группа потерпела полное фиаско и большинство экстремистов были арестованы(113).

За границей различные революционные партии также активно сотрудничали друг с другом. Богатые эмигранты из России часто оказывали щедрую помощь революционерам, придерживавшимся отличных от их собственных политических убеждений. В Париже, например, князь Абашидзе, сторонник грузинских социалистов-федералистов, помогал деньгами разным политическим эмигрантам, в том числе анархистам, часто злоупотреблявшим его щедростью(114). Владимир Бурцев, верный своей давней идее использовать серию громких терактов для сотрясения российского самодержавия, в 1907 году решил создать собственный боевой отряд с помощью некоего Кракова. Они завербовали террористов не только из последователей народовольцев из

окружения Бурцева, но и из анархистов и максималистов, причем единственным критерием было при вербовке согласие на участие в политических убийствах(115).

Вероятно, наиболее серьезной попыткой объединения всех революционных групп и организаций, а также и экстремистов, не входивших ни в какие партии, было создание в конце 1908 года Союза народной мести в Петербурге. Эта организация базировалась на признании необходимости террористической борьбы против существующего режима, для чего требовалось наиболее широкое сотрудничество всех оппозиционных сил. Члены Союза должны были поддерживать эти два постулата, имея при этом полную свободу придерживаться любых идеологических принципов и следовать любой политической программе, от анархической до кадетской(Пб). Хотя главной целью Союза было цареубийство, сопровождавшееся массовым террором против высших чиновников и видных представителей буржуазии по всей стране, на первых порах руководители Союза поставили перед собой две насущные задачи: политические убийства премьер-министра Столыпина и председателя II Думы НА. Хомякова. Полицейские источники указывают на то, что среди лиц, подозревавшихся в связях с этим Союзом, были социал-демократ Григорий Алексинский (директор сельскохозяйственного института в Москве) и Василий Струве, брат знаменитого либерального публициста. Власти, однако, не видели в Союзе народной мести серьезной угрозы, разумно считая, что отсутствие материальной базы затруднит выполнение террористической программы, поскольку устав Союза запрещал экспроприацию частной собственности и допускал конфискацию государственных средств только в экстремальных обстоятельствах(117).

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Революционное движение было проникнуто духом солидарности со всеми угнетенными

трудящимися, независимо от их национальности и места проживания. Это чувство международной солидарности было присуще не только интернационалистам — марксистам и анархистам, но и эсерам и даже большинству национальных революционных групп. И русские террористы различных политических направлений охотно завязывали связи с иностранными революционерами, действовавшими за пределами России, и таким образом входили в общее радикальное движение стран Европы и всего мира.

Попытки установить взаимовыгодные рабочие отношения с зарубежными террористами вытекали из веры российских экстремистов в международную солидарность всех левых радикальных сил. Западные революционеры признавали своих российских товарищей законными членами мирового революционного братства. Начиная с 1880-х годов европейские и американские социалисты и анархисты считали себя обязанными оказывать всю возможную моральную поддержку и практическую помощь радикалам в России, особенно потому, что они боролись с ненавистным самодержавием, которое было, по словам французского социалиста Жана Жореса, наиболее мощным препятствием на пути построения социалистического общества(118).

Международное революционное сообщество неоднократно демонстрировало свою поддержку российских радикалов, причем в этом участвовали как сторонники террористических методов, так и более умеренные активисты, не признававшие экстремизма. К последним относились британские социал-демократы, которые, тем не менее, открыто заявляли, что в борьбе с «мясником Николаем и вешателем Столыпиным и со всей их зверской камарильей великих князей и других разбойников-черносотенцев» насилие было единственным путем(119). Немецкие социал-демократы придерживались такого же мнения, считая, что, хотя ПСР не была так близка к Германской социал-демократической партии, как российская социал-демократия, она тоже входила в

Социалистический Интернационал и применение террора не может быть причиной ее исключения. Терроризм, который в принципе отрицается социалистическими партиями в странах, где существует хоть какой-то правопорядок (например, в Германии), оправдан в качестве самообороны в таких странах, как Россия, где страной правит шайка бандитов(120).

Радикальный лидер немецких социал-демократов Карл Либкнехт настоятельно утверждал, что единственно возможными методами борьбы в России были методы «Народной воли», вторя известному утверждению Маркса, что террористические действия были специфически русскими и исторически неизбежными средствами борьбы(121). Даже сторонники известного марксистского писателя Эдуарда Бернштейна, члена умеренной фракции Германской социал-демократической партии, сожалели, что российский министр внутренних дел Плеве был убит на месте, а не страдал перед смертью(122).

Наряду с идеологической солидарностью российских и западных революционеров в борьбе против традиционного порядка во всех странах существовала и практическая взаимопомощь. Радикалы в России, и особенно анархисты, распространяли нелегальную западную литературу, переводя ее на русский язык(123). Российские революционеры успешно сотрудничали с экстремистами европейских стран и Америки в практических вопросах, в частности, получая помощь в производстве, покупке и контрабанде оружия.

Активисты многих российских революционных организаций занимались операциями с оружием в России и за границей, но единственной группой, подошедшей к этой проблеме систематически и профессионально, была военно-техническая группа Красина, которая со дня своего основания в начале 1905 года налаживала связи с заграницей с целью получения помощи в производстве оружия и взрывчатых веществ. Активисты этой группы

вошли в контакт с несколькими иностранными радикалами, причем особенно тесные связи возникли у них с болгарскими революционерами, которые уже давно изъявляли желание сотрудничать с российскими товарищами(124) и были хорошо известны своими успехами в производстве бомб. Химик Скосаревский (Омега), один из лучших техников военно-технической группы, был послан в 1905 году за границу, где он познакомился с болгарским анархистом Наумом Тюфекчиевым, талантливым рационализатором в области военной технологии, который научил Скосаревского секрету «македонской бомбы». Между большевиками и болгарскими террористами завязались прочные связи, и несколько помощников Красина, включая Николая Буренина, члена военно-технической группы, неоднократно консультировались у Тюфекчиева по различным техническим вопросам(125). В то же самое время представители ПСР, находившиеся в Болгарии, активно сотрудничали с местными македонскими и армянскими радикалами, некоторые из которых имели опыт террористических и боевых действий против турок и охотно помогали эсерам доставать взрывные устройства(126). Несколько раз македонские специалисты даже ездили в Россию для помощи в устройстве лабораторий и мастерских(127). Кавказ стал главным местом назначения иностранного оружия, хотя революционерам удавалось ввозить взрывные устройства из-за границы и в Прибалтику. Их успехи отражены в юмористической телеграмме, якобы отправленной из Риги: «Прибыла из-за границы первая партия апельсинов. Вследствие того, что при употреблении их произошло несколько смертельных случаев, губернатором издано приказание о воспрещении дальнейшего ввоза этих фруктов. Жители решили разводить апельсины у себя дома»(128).

Царские власти были хорошо осведомлены об активном участии европейских радикалов в снабжении российских террористов оружием и боеприпасами из-за границы(129). Особенно охотно помогали, в первую очередь собирая деньги на нужды

российских экстремистов, немецкие социал-демократы и радикалы Англии, Франции и Бельгии, хотя они и стремились сохранять свои действия в тайне от правительств своих стран(130). Чаще всего такую помощь получали большевики, хотя и меньшевикам время от времени что-нибудь перепадало, и латвийские социал-демократы отмечали в своих финансовых отчетах отдельные пожертвования немецких социал-демократов, включая крупные суммы от Центрального комитета Германской социал-демократической партии(131).

Немецкие социал-демократы оказывали услуги российским террористам и в других вопросах, например, в юридических, когда российские радикалы представали перед немецкими судами в связи со своей подрывной и уголовной деятельностью. Когда в Берлине Камо был арестован за нелегальные операции с оружием и хранение взрывчатки и ему грозила высылка в Россию, большевик Мартин Лядов, имевший широкие связи среди немецких социал-демократов, по поручению Ленина обратился за помощью к Карлу Либкнехту. Последний попросил своего друга и товарища по партии Оскара Кона, представителя социал-демократов в парламенте Германии, защищать Камо в суде в качестве адвоката. В это же время Лядову удалось организовать широкую кампанию в прессе в защиту Камо(132).

Американские социалисты также оказывали многочисленные услуги российским экстремистам, особенно когда последние пытались найти убежище в США. Общество друзей русской свободы и другие левые организации устраивали демонстрации против американских законов об иммиграции, которые, по их мнению, ущемляли права революционеров. Эти протесты усилились, когда в марте 1914 года конгресс США проголосовал за отказ в выдаче виз социалистам, синдикалистам и террористам из других стран. В совместной агитационной кампании жившие в Америке российские радикалы и их американские друзья делали все возможное, чтобы доказать американской

общественности, что новый закон являлся прямым результатом вмешательства во внутренние дела Америки царского правительства, якобы обратившегося к конгрессу с просьбой о высылке из страны российских экстремистов(133). Более того, российские полицейские власти знали о том, что в нескольких случаях крупные денежные суммы передавались еврейскому Бунду из американских источников специально для закупки оружия(134).

Как и следовало ожидать, анархисты во всех странах поддерживали российских революционеров с большим энтузиазмом, чем все другие европейские радикалы. Европейские и американские анархисты не делали различий между российскими левыми организациями, и нередко, например, итальянские анархисты помогали бывшему террористу из Риги получить работу за границей или предлагали русским эсерам новые бомбы огромной разрушительной силы, разработанные специально для использования против правительственных войск(135). Следуя решениям, принятым на нескольких съездах, анархисты многих стран объединились для совместной борьбы с существующим порядком и на тайной встрече в Амстердаме в сентябре 1907 года решили организовать всемирный Анархический Интернационал с центром в Лондоне. На этом съезде было выдвинуто предложение о поддержке анархистов из разных стран в вопросах, которые не могут быть разрешены на местном уровне. Российские революционеры, например, нуждались в оружии, а несколько богемских анархистов попросили, чтобы российские специалисты по экспроприациям приехали к ним в качестве инструкторов(136).

В последующие годы также предпринимались усилия по налаживанию сотрудничества анархистов европейских стран. В 1910 году польский анархист Шютц наладил связи с испанскими анархистами в Париже и получил от них финансовую помощь и задание совершить теракт в Каталонии(137). В 1911 году российские, румынские, австрийские и другие анархисты, жившие в Вене, решили выпускать новое периодическое издание

международного анархического и террористического направления. Этот журнал должен был выходить одновременно на русском, французском и немецком языках под названием «Расстройство! — Bouleversement! — Der Umsturz!» и посвящаться агитации за прямые террористические действия и распространению практических знаний о производстве взрывных устройств. В журнале собирались участвовать такие известные представители европейского анархического движения, как Петр Кропоткин(138).

Во время революции 1905–1907 годов российские анархисты за границей поддерживали особенно тесные связи с анархистами Франции и Италии(139); в последующие годы, когда ситуация в нескольких европейских государствах стала менее благоприятной для российских эмигрантов, значительное число последних были вынуждены искать прибежище в США и объединяться с американскими анархистами, многие из которых также были эмигрантами из различных европейских стран. Поэтому основной интерес они проявляли к делам европейским, и когда два экстремиста, итальянец Джованни Кунео и русский еврей Беки Эдельсон, приехали в Нью-Йорк в апреле 1916 года, чтобы организовать новую интернациональную анархическую группу, их план состоял в засылке членов группы в Германию, Италию и Россию для совершения покушений на жизнь монархов этих стран. Это предприятие должно было финансироваться группой анархистов в Чикаго и товарищами в Европе(НО).

Российские экстремисты нередко принимали участие и в чисто уголовной деятельности иностранных анархистов. Русский революционер Николай Софронский бежал от преследований во Францию, где, как и многие эмигранты, оказался в стесненном финансовом положении. Он связался с группой французских анархистов, занимавшихся подделкой и сбытом десятифранковых золотых монет. Софронский привлек с десяток помощников и занялся продажей их продукции(141).

Представители различных национальных революционных групп Российской Империи также охотно шли на сотрудничество с зарубежными анархистами (члены ПСР начали налаживать с ними связи уже в 1901 году)(142). Но с середины 1890-х годов радикальные националисты предпочитали иметь дело с экстремистски настроенными европейскими националистами. Это относится и к армянским националистам, среди которых был человек, фигурировавший в полицейских донесениях как Хан. Он называл себя умеренным агитатором за освобождение Армении, что помогало ему получать существенные денежные субсидии от сограждан, не любивших насилие. Однако, по словам его товарищей-революционеров, Хан был убежденным интернационалистом-террористом, он даже жертвовал часть собранных им денег русским экстремистам и активно сотрудничал с различными радикальными националистическими группами на Балканах(143). Взаимопомощь между армянскими революционерами и радикальными националистами за границей продолжалась и в первые годы двадцатого столетия, и в 1905 году российские полицейские власти знали о том, что армянские дрошакисты не только действовали совместно с русскими экстремистами, но и сотрудничали с македонскими революционерами (в частности, при ввозе оружия и взрывчатки на Кавказ по Черному морю)(144).

В подавляющем большинстве случаев российские террористы охотно принимали любую боевую помощь, предлагавшуюся иностранными товарищами, причем анархисты часто брали на себя координацию действий интернационалистов. В 1907 году Боевая интернациональная группа под руководством российских анархистов, живших за границей, создала из своих членов специальный Боевой интернациональный отряд для совершения ряда актов политического и экономического террора в России(145). Не ясно, действительно ли в эту группу входили иностранные экстремисты, но вскоре после взрыва насилия в России в 1905 году европейские, и особенно итальянские, анархисты

выразили желание быть в авангарде русского антиправительственного движения, создавать отряды добровольцев для участия в российской революции и ехать в Россию. Они писали страстные обращения к известным российским анархистам за границей, испрашивая совета, как им лучше действовать, и предлагая взрывные устройства; они даже изучали русский язык(146). В 1906 году российские полицейские власти получили сведения о том, что итальянские анархисты планировали покушения на жизнь Николая и султана Османской империи(147).

Несколько иностранных экстремистов сумели приехать в Россию. Французский анархист, называвший себя Робертом и утверждавший, что он участвовал в неудавшейся попытке взорвать в Париже карету, в которой ехали президент Франции и король Испании, поехал в Одессу с намерением продолжать там свою террористическую деятельность(148). Однако чаще иностранные радикалы выбирали для своей террористической деятельности окраины империи. Прусский гражданин Франц Глотт был террористом в Латвии и поддерживал тесные связи с революционерами в Берлине(149). Революционеры на Кавказе довольно часто пользовались помощью товарищей из различных районов турецкой Армении и Закавказья, именно они и сыграли главную роль в покушении на князя Голицына в Тифлисе в 1903 году(150).

К 1907 году, когда ситуация в России перестала благоприятствовать революционерам, они еще более охотно стали принимать в свои ряды иностранных союзников. Несколько европейских анархистов, посвятивших себя (независимо от своей национальной принадлежности) борьбе с силами традиционного порядка, даже занимали ведущие посты в российских революционных организациях. Август Ватерлос (Иоганнес Гольцман), бельгийский подданный, несколько лет действовавший вместе с немецкими анархистами под кличкой Сен-Гой, в начале 1907 года приехал в Россию, чтобы уговорить российских товарищей участвовать в международном конгрессе анархистов в Амстердаме в том же

году. Ватерлос посвятил себя делу освобождения Западной Европы, и ему удалось наладить связи с анархистами в Варшаве, участвовавшими в заговоре, целью которого было убийство германского императора Вильгельма. Радикалы считали, что Вильгельм оказывает давление на российское правительство с тем, чтобы оно усиливало угнетение поляков. И, что было для них важнее помощи полякам, Ватерлос и его соратники надеялись, что столь громкий теракт поднимет дух анархистов во всем мире. По приезде в Варшаву в марте 1907 года Ватерлос увидел, что варшавским анархистам остро не хватает денег, и решил исправить ситуацию. Он договорился с членами ППС в Ковно и в Лодзи и в июне того же года руководил неудавшейся попыткой экспроприации денег у богатого еврея в городе Озоркове, при которой был арестован польской полицией(151).

Таким образом, иностранные революционеры оказались верными товарищами и помощниками в борьбе против царской власти, и российские эмигранты в Европе пытались отплатить им тем же при каждом удобном случае, помогая западным экстремистам проводить подрывные операции в их странах. Особенно активны они были перед революцией 1905 года, после начала которой многие радикалы вернулись обратно в Россию. Лев Алешкер (А. Даль), известный анархист-коммунист, был одним из тех, кто вернулся на родину. До 1905 года он сотрудничал с французскими экстремистами и работал исключительно на дело анархизма за пределами России(152). Члены антиправительственного националистического Финского освободительного союза жертвовали крупные суммы денег европейскому революционному сообществу, особенно на террористические операции. В октябре 1909 года, например, финны перевели сто тысяч франков со своего счета в Офре Норландс Банк в Стокгольме радикальному Трибуналу Международного освободительного союза в Париже специально для совершения громких политических убийств(153).

Перед первой мировой войной иностранные радикалы часто обращались к российским

революционерам за помощью в решении политических и дипломатических задач террористическими методами. В начале 1914 года, например, несколько болгарских анархистов просили у русских содействия в подготовке покушения на жизнь российского министра иностранных дел Сергея Сазонова, которого, как они утверждали, болгарский народ считал главным виновником всех дипломатических трудностей Болгарии в 1913 году(154). Связь российских революционеров с сербской организацией «Черная рука» является хорошо известным фактом, хотя не ясно, насколько хорошо они были осведомлены о подготовке убийства эрцгерцога Фердинанда в Сараево в июле 1914 года(155).

В Российской Империи радикалы также демонстрировали свою приверженность интернациональному революционному делу, поддерживая борьбу с традиционным строем в таких беспокойных регионах, как Персия, а иногда иностранные экстремисты выбирали Россию своим полем боя. Радикальная персидская организация «Муджахиды» совершала в 1907 году на Кавказе теракты против персидских официальных лиц(156). В 1908 году российские власти узнали, что на Кавказе революционеры были замешаны в доставке оружия в Персию и что при неудавшемся покушении на жизнь шаха Муха-меда Али в Тегеране в том же году использовалось оружие российского производства, вероятно, из Баку или из Ленкорани. Некоторые армянские и грузинские экстремисты лично перевозили оружие через границу в Персию и участвовали там в революционной борьбе(157).

Российский терроризм послужил катализатором роста революционного движения в таких неевропейских странах, как Индия, где в 1906 году экстремисты заявили: «Дни молитвы прошли… Смотрите на пример Ирландии, Японии и России и следуйте их методам»(158). Согласно Лакеру, британская комиссия, расследовавшая терроризм в Индии, отмечала, что националистическая пропаганда многое заимствовала из «русских

правил» революционного насилия и что были случаи прямого сотрудничества — например, когда индийские террористы получали от ПСР инструкции по террористической практике. В 1908 году русский инженер-химик передал индусам в Англии руководство по производству бомб, переведенное русским студентом на английский язык, для революционного Общества Свободной Индии в Лондоне. Руководство было размножено и послано в Индию(159).

Таким образом, мы видим, что сторонники террора поддерживали экстремизм независимо от идеологии и даже национальной ориентации лишь бы он был направлен против существующих порядков. Разногласия по теоретическим вопросам среди разных политических группировок были менее важны, чем практические действия. Более того, склонность большинства российских экстремистских организаций к объединению для успеха террористической деятельности приводила к определенной размытости границ между отдельными группами; это позволяет предположить, что российские политические партии еще не достигли высокого уровня самоопределения; они были скорее движениями, а не партиями в точном смысле этого слова. Рядовые радикалы российского левого блока и их лидеры редко видели в догматических, организационных или даже национальных границах препятствие к деловому сотрудничеству(160). Считая всех революционеров в России и во всем мире братьями по духу, они не боялись действовать единым фронтом.

Глава 7 КАДЕТЫ И ТЕРРОР

Не случайно ведь также и то обстоятельство, что многие русские либералы… всей душой сочувствуют террору и стараются поддержать подъем террористических настроений…

В.И. Ленин(1)

Беспрецедентный размах террористической деятельности, ставший неотделимой частью русской жизни в период революции 1905–1907 годов, заставил все политические партии и группировки определить свое отношение к политическим убийствам. Не составила исключения и Конституционно-демократическая партия (кадеты), также известная под названием «Партия народной свободы», официально образовавшаяся в октябре 1905 года. Однако если вполне определенное отношение к террору всех других политических партий и организаций не оставляет места сомнениям и недоговоренностям, взгляд кадетов на политический терроризм требует особых разъяснений. Движимые всепоглощающим желанием увидеть смерть царизма, даже наиболее мирно настроенные представители левого лагеря с сочувствием относились к террористической тактике и не отставали от радикалов всех социалистических направлений и анархистов в прославлении политических убийств. Умеренные народные социалисты и члены группы трудовиков, во многом разделявшие идеологию и программу эсеров, хотя и выступавшие за более открытую политику и критиковавшие ПСР за бойкот Думы, не были готовы выступить против тактики индивидуального террора(2). Хотя эти группы сами никогда не были причастны к террористической деятельности, такие члены думской фракции трудовиков, как Л.В. Карташев и Тесля, называли террористов «славными, знаменитыми мучениками… возвышенными людьми… честнейшими и самоотверженнейшими представителями… страны». Эти умеренные социалисты открыто оправдывали террористические покушения на «народных врагов», с которыми «борьба может быть только на живот или на смерть»(3). Не только анархисты, максималисты, эсеры и социал-демократы, но и весь левый фланг оппозиционного движения более всего был заинтересован в максимальной эффективности своей борьбы с правительством, и, следовательно, ни одна из организаций этого лагеря не была готова отвергнуть

террористические методы по моральным соображениям.

Хотя определение отношения к терроризму не было «предметом абстрактной морали… [и] все партии подходили к проблеме политического убийства не с точки зрения библейских заповедей»(4), а с позиций необходимости исторического момента, в своей риторике все левые говорили о морали, и нравственная сторона была важнейшим аргументом центральных и правых партий (Союза 17 октября, или октябристов, и консерваторов), используемым против любых политических убийств. Сознавая дестабилизирующую силу ежедневных покушений, подрывающих сам принцип законности и порядка, октябристы и консерваторы, несмотря на несхожесть их политических позиций, считали «всякое убийство, откуда бы оно ни исходило, столь возмутительным», что «долг и честь… требуют скорейшего осуждения террора»(5). Точно так же профессор В.Д. Кузьмин-Караваев, думский представитель небольшой Партии демократических реформ, стоящей чуть левее октябристов, не преминул заявить: «Я скажу, что решительным образом осуждаю убийства с левой стороны: я осуждаю всякую кровь!»(6)

Единственной крупной политической организацией, не разъяснившей публично свою официальную позицию по отношению к терроризму, были кадеты. Заявляя, что «партия народной свободы не сочувствует принципу политических убийств», они, однако, отказывались «провозгласить… моральное осуждение политическим убийцам»(7). Эта двусмысленность взглядов кадетов на терроризм до сих пор не привлекала внимания исследователей несмотря на то, что это является чрезвычайно важным вопросом: его можно считать ключевым моментом для определения того, как далеко кадеты, которых принято считать либералами, готовы были идти по революционному пути для достижения своих политических целей. Попытка определить позицию конституционных демократов в отношении террористической деятельности в период работы двух первых Государственных дум, а также причины и последствия кадетской политики в вопросе

радикальной тактики также много говорят о российском либерализме вообще.

КАДЕТСКАЯ ТАКТИКА И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ

Конституционно-демократическая партия, гордящаяся наличием среди своих членов цвета русской интеллигенции, действительно имела в своих рядах необычно большое число одаренных людей, игравших видную роль в науке, культуре и политической жизни страны . Этих журналистов, публицистов, профессоров, адвокатов и других представителей интеллектуальных профессий вряд ли было бы справедливо считать кровожадными злодеями, приветствовавшими убийства ради убийств. Не менее важно и то, что среди конституционных демократов были такие, кто явно не разделял двойственную позицию партии по отношению к террору. Однако можно лишь гадать, сколько именно насчитывалось этих внутрипартийных диссидентов, поскольку чаще всего они не решались нарушать партийную дисциплину и в лучшем случае готовы были высказывать в довольно общих выражениях свой личный протест против кровопролития(9). Но, что самое важное, определяя официальную политику партии в целом в вопросе о политических убийствах, вряд ли имеет смысл полагаться исключительно на высказывания ее отдельных членов: сами по себе возгласы возмущения различных представителей партии кадетов против крови, насилий и анархии вообще мало о чем говорили, тем более что даже крайне левые партии и группировки (кроме, может быть, некоторых анархистов и нескольких психически неуравновешенных лиц, названных одним революционером «людоедами») ни-

когда не заявляли о поддержке террора ради террора(10). Социалисты-революционеры, например, прилагали большие усилия, чтобы убедить думскую аудиторию в том, что они являются противниками «вообще всякого кровопролития» и что для них «нет ничего

ценнее человеческой жизни»(11). Таким образом, общественная политика кадетской организации по отношению к политическим убийствам была тактическим вопросом, который партийное руководство должно было решать для партии в целом, независимо от личных убеждений отдельных ее членов.

Историки ведут истоки раскола между русской интеллигенцией и консервативным царским режимом по крайней мере от восстания декабристов в 1825 году, когда прозападно настроенная интеллектуальная элита начала смотреть на самодержавное правительство как на своего смертельного врага. В течение всего XIX века эта пропасть расширялась, а шансов на примирение оставалось все меньше, особенно после эпохи реакции в конце века. К 1905 году этот разрыв стал непременным свойством либерального мировоззрения в России. В то же самое время неспособность интеллигенции преодолеть свою социальную и культурную отчужденность от неорганизованных масс крестьян и рабочих, а также от в большинстве своем аполитичной буржуазии имела следствием постоянную проблему для либеральной оппозиции — отсутствие широкой социальной поддержки(12). В результате узкое и изолированное либеральное движение было просто вынуждено сблизиться с революционным лагерем. Осуществление хотя бы некоторых из своих политических целей либералы связывали с революцией, разделяя с радикалами первостепенную цель — сбросить правительство или хотя бы заставить его резко измениться. Для поддержания такой политики, при которой не было бы врагов слева, российские либералы, и особенно кадеты, были готовы проявлять сочувственное отношение к радикалам и их экстремистским методам, таким образом косвенно компрометируя свою умеренную позицию. Эта тенденция особенно видна на примере отношения либералов к политическому насилию. Принимая во внимание их отвращение к кровопролитию, с одной стороны, и то, что террор являлся главной революционной тактикой их экстремистских

союзников, с другой стороны, определение отношения к терроризму было для кадетов постоянной дилеммой.

Кадетская политика по отношению к террору не являлась новой проблемой к моменту официального создания партии. До октября 1905 года предшественники кадетов, члены полуформальной организации российских конституционалистов, известной под названием «Союза освобождения», хоть и называли себя умеренными и отказывались участвовать в актах насилия, вполне разделяли основную задачу радикалов: «приложить немедленно все усилия, чтобы уничтожить разбойничью шайку, которая узурпировала государственную власть»(13). Преследуя эту цель, в сентябре — октябре 1904 года на конференции в Париже представители левого крыла «Союза освобождения» заключили соглашение с эсерами и некоторыми другими социалистическими организациями «для совместных действий» против правительства, причем условия соглашения предусматривали, что каждая организация может выбирать свою собственную тактику, не исключая и тактики террора(11). На данном этапе большинство лидеров Союза безусловно поддерживали эту тактику, так как, по мнению будущего руководителя" Партии конституционных демократов П.Н. Милюкова, политическая ситуация была слишком серьезной, чтобы допускать чрезмерную щепетильность в выборе средств(15). Петр Струве, бывший видным членом Союза и главным редактором его газеты «Освобождение», соглашался, утверждая, что, пока не разрушено здание самодержавия, каждый борец с ним представляет собой не опасность, а благословение(16). Согласно статье в этой газете, не надо бояться распространения радикализма в России, потому что революционное движение не может привести к хаосу или анархии, и либерализм должен обрести союзника в лице революционеров(17).

Следуя этому совету, рядовые члены «Союза освобождения» объединились с радикалами(18). Они превратили свои дома в убежища для террористов(19) и снабжали

деньгами эсеров, считая террор эффективным орудием в политической борьбе(20). Ведь, по словам князя Петра Долгорукого, будущего члена кадетского Центрального комитета, «политическая весна»

Святополк-Мирского была обязана своим существованием бомбе, которая в июле 1904 года убила министра внутренних дел Плеве(21). Другой активный член Союза в Петербурге С.П. Миклашевский (Неведомский) открыто оправдывал и превозносил Егора Сазонова, называя его примером для подражания(22). Милюков делал заявления в том же духе, говоря, например, что Иван Каляев, эсер, убивший великого князя Сергея Александровича, был принесен в жертву на благо на-рода(23). И в то время, как шансы на победу революции постоянно возрастали, руководители «Союза освобождения» все больше склонялись к тактике, предложенной Милюковым в июне 1905 года: «Все средства теперь хороши против той ужасной опасности, которая вытекает из самого факта существования правительства. И все средства должны быть испробованы»(24).

Манифест 17 октября не заставил кадетов принять более умеренную линию, так как правительство все же отказывалось идти навстречу таким их требованиям, как отмена исключительных законов и увольнение всех административных чинов, которые, по заявлениям кадетов, своими предшествующими действиями вызвали «народное негодование». Не соглашался царь и на издание избирательного закона для созыва Учредительного собрания и — что было особенно важно для кадетов — на формирование либерального кабинета министров, состоящего исключительно из представителей образованного общества(25). Поэтому в ответ на публикацию манифеста Милюков, воодушевленный заметной растерянностью правительства и теми успехами, которых освободительное движение сумело достигнуть до сих пор в большой степени благодаря радикальной тактике, заявил от лица только что сформировавшейся партии, что «ничего не изменилось и война [с правительством] продолжается»(26).

Уже на своем первом съезде, проходившем в октябре 1905 года, в «дни свобод», кадеты сочли нужным подтвердить солидарность с «союзниками слева», спеша занять свое место среди революционных партий «на том же левом крыле русского политического движения» ?). А вскоре, когда в апреле 1906 года, перед созывом Государственной думы, на партийном съезде кто-то с трибуны объявил, что было совершено покушение на жизнь московского генерал-губернатора Дубасова, ряд депутатов встретил это сообщение аплодисментами(28).

В это время кадеты активно помогали радикалам добывать средства для боевых операций. В кадетском клубе в Петербурге представители различных экстремистских организаций использовали традиционный русский метод сбора денег: они пустили по кругу шапку, в которой лежали бумажки с описанием того, как будут использоваться пожертвованные деньги. Князь Д.И. Бебутов, один из основателей клуба и видный член кадетской партии, признавал, что он вовсе не был шокирован надписью «для боевой организации», найденной в шляпе; наоборот, это ему особенно понравилось. Однако, опасаясь за безопасность революционеров, присутствовавших в клубе, Бебутов предложил, чтобы они, во избежание лишнего риска и для большей выгоды, поручили ему лично собирать для них деньги раз в неделю. Радикалы с благодарностью приняли его предложение . Спустя две недели после открытия думских заседаний, в начале мая 1906 года, конституционные демократы приняли участие в парижской акции по сбору средств для эсеров. На этой встрече видный московский адвокат и член Центрального комитета кадетской партии М.Л. Мандельштам предсказал наступление новой фазы борьбы с самодержавием и прославил таких героев, как Гершуни, Сазонов и Каляев(ЗО). В следующем месяце на тайной встрече в Петербурге кадеты решили жертвовать деньги на революционную деятельность ПСР вплоть до падения самодержавия(31).

Кадетов, следовательно, никак нельзя исключать из революционного лагеря и считать

хранителями идеалов либерализма только лишь на том основании, что они не были социалистами (в традиционном смысле этого сло-ва(32)) и лично не участвовали в кровопролитии. К тому же некоторые члены кадетского ЦК открыто заявляли, что считают себя революционерами, что отречься от революции — значит отречься от самих себя и что тот, кто желает бороться с революцией, должен выйти из партии(33).

Радикализация политической жизни России была, несомненно, выгодна кадетам: как объяснял впоследствии бывший видный партийный деятель В.А. Маклаков, угроза усиления революции «могла заставить власть идти на уступки»(34). Многие сторонние наблюдатели также отмечали, что годами либералы внимательно следили за террором, «используя его жизнь и даже его смерть в своих интересах»(35). Прежде всего кадеты надеялись добиться того, что, по-видимому, было их ближайшей целью — установления парламентской системы путем создания так называемого «ответственного министерства», подотчетного Думе и состоящего из представителей этой законодательной палаты(3б). Если бы удалось вырвать эту уступку у ослабевших властей, конституционные демократы выиграли бы от этого более, нежели любая другая политическая группировка. С одной стороны, почти не было шансов на то, чтобы царь согласился включить в свой новый кабинет членов левых революционных партий. В то же время важнейшие портфели, вероятно, не могли бы быть распределены и между октябристами, так как такой шаг вряд ли бы удовлетворил и успокоил думское большинство (кадетов и трудовиков). Но именно желание получить согласие царя на создание кабинета министров, где важнейшие посты занимали бы кадеты, заставляло последних сохранить за собой имидж умеренных реформаторов, осуждающих всякое насилие(37). Карикатура в газете 1905 года, очень верно схватив образ, который создавали себе руководители недавно сформировавшейся партии, изображает либерала, низко кланяющегося Николаю и умоляющего: «Ваше Величество, даруйте конституцию,

или эсеры стрелять будут»(38). Партийные руководители, ведя эту, на первый взгляд, чрезвычайно выгодную политическую игру, естественно, должны были быть крайне осторожными в своем маневрировании между властями и экстремистами, надеясь убедить первых в том, что партия народной свободы является единственной группировкой, способной положить конец анархии в стране, и одновременно желая контролировать и использовать революционеров, с коими кадеты, видимо, предполагали порвать сразу же по установлении парламентского режима в России(39).

Кадетские лидеры не решились признать открыто свою временную солидарность с террористами, к чьим методам они лично относились с брезгливостью, но которых терпели как исполнителей всей грязной работы, необходимой для подрыва правительства. Одновременно они боялись скомпрометировать себя в глазах общества, оказавшись хоть в чем-то лояльными союзниками существующего строя. По словам бывшего многолетнего члена кадетского ЦК А. В. Тырковой-Вильямс, «очень уж были обострены отношения между властью и общественным мнением. Одно появление Столыпина на [думской] трибуне сразу вызывало кипение враждебных чувств, отметало всякую возможность соглашения»(40).

Таким образом, становится ясно, что, несмотря на все уверения, будто «кадеты действуют в соответствии с законом», эта партия «не могла заставить себя публично отречься от политических убийств отчасти потому, что ей нужна была угроза этих убийств, нависающая над правительством, а отчасти и потому, что она боялась обидеть своих радикальных избирателей»(41). Проявления солидарности с экстремистами наиболее ясно видны в кадетской политике по вопросам о политической амнистии и смертной казни, в риторике, используемой кадетами для характеристики террористических актов и их исполнителей, а также в настойчивом и систематическом отказе осудить революционный терроризм.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АМНИСТИЯ И СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

«Полную амнистию по так называемым политическим… преступлениям» кадеты считали «безусловно необходимой и особенно настоятельной мерой», и поэтому в день открытия думской сессии, 27 апреля 1906 года, именно этот вопрос был поднят партийными представителями первым(42). А на следующем заседании кадеты уже открыто заявили, что им не избежать конфликта с правительством, «если амнистия не будет дана»(43). Трудно допустить, что кадетские призывы освободить «тех людей, которые во имя своих убеждений идут жертвовать своей жизнью» (44), были вызваны лишь гуманными мотивами. Кадеты добивались политической амнистии именно для террористов отчасти для того, чтобы ублажить радикальную часть своих избирателей. Это видно из кадетских высказываний в первые думские дни, прежде всего потому, что частичную политическую амнистию царь уже даровал 21 октября предыдущего года(45). Все же представители Думы вместе с уполномоченными Государственного совета подали прошение о помиловании большего числа политических преступников. Но существенно то, что две эти палаты не могли договориться между собой, какие именно категории преступников должны подпасть под новую царскую амнистию. В то время как подавляющим большинством голосов Государственный совет принял резолюцию, испрашивающую помилование практически для всех категорий политических преступников, кроме террористов(46), Дума, контролируемая кадетами, отказалась поддержать это прошение. В думских речах и на страницах кадетской прессы девизом была «всеобщая амнистия»(47). Иными словами, в отличие от прошения Государственного совета, требование кадетами амнистии на практике означало амнистию именно для террористов. Милюков признал это только много лет спустя, когда заявил, что во время первой русской революции кадеты «не могли бы отказать в амнистии

террористам» .

Для конституционных демократов требования политической амнистии были тесно связаны с настойчивыми попытками добиться отмены смертной казни. Клеймя правительство, представители которого, по их словам, «утопили Россию в крови» и «покрыли страну позором бессудных казней, погромов, расстрелов и заточений», такие неутомимые думские ораторы, как вице-председатель кадетского ЦК В.Д. Набоков, заявляли, что «страна жаждет полной политической амнистии», и настаивали на том, что «смертная казнь никогда и ни при каких условиях не может быть назначаема»(49). Как и в вопросе о политической амнистии, кажется маловероятным, чтобы эти зажигательные речи против репрессивных мер властей мотивировались одним лишь искренним протестом против смертной казни. Будь политика кадетов основана исключительно на принципах гуманизма, они, вероятно, не отказались бы поддержать думскую платформу октябристской фракции, которая была вполне солидарна с кадетами как в вопросе об амнистии, так и в вопросе о смертной казни, но одновременно призывала: «Если мы обращаемся с ходатайством об амнистии вверх к монарху, то мы с такой же просьбой об амнистии обратимся вниз [к террористам] и попросим их не применять смертной казни, которая точно такой же позор для страны, как и смертная казнь сверху»(50).

Кроме того, кадеты в принципе не были против смертной казни и репрессий. Когда в личной беседе с Милюковым П.А. Столыпин заметил, что предполагаемое кадетское правительство не имеет опыта управления и ввергнет страну в пучину анархии, Милюков, по показанию авторитетного источника, ответил: «Этого мы не боимся… А если бы революционное движение разрослось, то думское правительство не остановится перед принятием самых серьезных и решительных мер. Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства»(51).

Неоднократно утверждая, что растущая террористическая деятельность прекратилась бы сразу после приостановки правительственных репрессий и казней(52), кадеты в действительности имели мало оснований предполагать, что такая взаимосвязь между акциями властей и террором существовала. Печальный опыт после обнародования Манифеста 17 октября, который не только не приостановил, но косвенно даже усилил кровопролитие в стране, должен был убедить кадетов (как убедил он многих в правительственных кругах), что бессмысленно ожидать от экстремистов отказа от террора в благодарность за новую уступку — отмену смертной казни.

Очевидно, что для конституционно-демократической партии отношение к смертной казни стало сугубо тактическим вопросом: кадетское руководство находило политически выгодным постоянно ставить власть в положение обвиняемого и настаивать на отмене смертной казни, зная, что правительство считало это преждевременным шагом, который во время разгула кровавой анархии в империи только ослабил бы существующий режим, лишив его главного средства в борьбе с терроризмом(33). Неудивительно поэтому, что современник заключил: «Террористам… при первой возможности кадеты требуют полной амнистии; ради террористов они добиваются отмены смертной казни, ибо без террористов кадеты бессильны б борьбе с самодержавием и властями»(54).

КАДЕТСКАЯ РИТОРИКА И ТЕРРОРИСТЫ

Наряду с попытками отменить смертную казнь и добиться амнистии для террористов, такие видные кадеты, как член ЦК Н.Н. Щепкин, не останавливались перед признанием «нравственной солидарности» со всеми «борцами за свободу», заявляя, что каждый участник освободительного движения, включая самих кадетов, «по мере сил своих старался поколебать» авторитарный режим, который на самом деле закончил свое

существование с изданием Манифеста 17 октября(55). Член думской фракции кадетов И.Л. Шраг также с благодарностью признавал общий долг всех врагов царского режима перед террористами, которые «не жалели своей жизни, которые не жалели себя для того, чтобы добиться той дорогой всем… свободы, в даровании которой им принадлежит громадная выдающаяся роль»(56). Кадеты, таким образом, превозносили экстремистов, заявляя устами того же Щепкина, что они «не считают больше так называемых политических преступников преступниками», поскольку те «боролись против строя, уже ниспроверженного фактически», последние следы которого должны быть вскоре уничтожены Думой(57). Кадеты, правда, не готовы были осудить террористическую деятельность, продолжавшуюся и после установления конституционных начал в России. Напротив, они неоднократно заявляли, что понимают политические убийства и даже считают, что в основе их может лежать «известная социальная целесообразность», так как эти террористические акты были направлены против тех, кого революционеры и общество считали реакционерами и «врагами народа»(58).

Имея в лице властей общего с радикалами врага, кадеты явно пытались отвлечь внимание от террористов и представить правительство в роли обвиняемого. Так, В.Д. Набоков, выступая в Думе 26 мая 1906 года, клеймил правительство как убийц(59), а Милюков многократно высказывался в том смысле, что террористическая деятельность была «логична» при сложившихся обстоятельствах, когда террористы являлись лишь невинными жертвами тирании и беззакония, идущего сверху(60). Утверждая, что правительство первым начало прибегать к репрессивным мерам, провоцируя тем самым террористов на ответные шаги, Шраг засыпал обвинениями государственных служащих, «которые ни перед чем не останавливались… чтобы удержать свою власть», и защищал террористов, восклицая: «Как же вы хотите, чтобы они спокойно относились к этому и не отвечали тем же?»(61) Таким образом, кадеты пытались внушить публике, что все

убийства с политической целью совершались в ответ на зверства правительственных функционеров, и оправдывали террористов тем, что (по словам члена кадетской фракции в Думе Огнева) «безнаказанность разных административных насильников их возмущает, перспектива дальнейших ужасов от какого-нибудь Луженовского и других устрашает их, и, не имея других средств мирного воздействия на этих извергов, они решаются на преступления»(62).

Такие утверждения, однако, вряд ли можно назвать добросовестным описанием сложившейся ситуации, и кадеты не могли это не сознавать. Было общеизвестно, что террорист нового типа считал любого правительственного чиновника вполне подходящей мишенью. Все газеты в то время были переполнены информацией, аналогичной той, которую сообщил бывший эсер-террорист Григорий Фролов много лет спустя, рассказывая о своем удачном покушении на самарского губернатора Блока в июле 1906 года: «Что за человек был самарский губернатор и каково было его служебное поприще, я не знал; да это в то время было не важно: он был бы, вероятно, убит, если бы был даже самым лучшим губернатором»(63). После того как Татьяна Леонтьева убила старика, в своем помрачении ошибочно приняв его за министра внутренних дел Дурново, кадеты сообщили в своей ежедневной газете «Речь», что она выразила сожаление по этому поводу, но добавила, что в эти трудные времена не так уж важно, больше или меньше на свете одним человеком(64). Кроме того, в Думе кадеты часто получали сообщения о нападениях и кровавых расправах над ни в чем не повинными гражданами, например о том, как в Риге террористы бросали бомбы в трамваи(65). Известен также инцидент в Варшаве 14 ноября 1905 года, когда анархисты-коммунисты, сторонники «безмотивного террора», бросили две бомбы, начиненные иголками и пулями, в семейное кафе отеля «Бристоль», в котором находилось больше двухсот человек. Они сделали это не для того, чтобы отомстить за реальные или мифические ужасы какого-то Луженовского, а только

лишь для того, чтобы видеть, «как подлые буржуа будут корчиться в предсмертных страданиях»(66).

Кадеты были осведомлены и о том, что известное число террористических покушений производилось людьми, нанятыми за деньги и совершенно не интересовавшимися политическими мотивами различных революционных комитетов, готовых платить за услуги. Часто то, что принято было считать «идеализмом политической борьбы», со временем деградировало в чистую уголовщину «изнанки революции»(67).

Становится, таким образом, понятно, что лишь желание кадетов отмежеваться от правительства и одновременно поддержать революционное движение заставляло их объявлять всех террористов вынужденными героями, возмущенными преступлениями властей, не умеющими и не желающими «слова и чувства отделять от действий»(68).

В своей пропагандистской кампании кадетские ораторы и публицисты, казалось, готовы были использовать любые сомнительные журналистские и пропагандистские приемы, такие, например, как сравнение Набоковым революционных анархистов с ярым противником всяческого кровопролития, «с величайшим анархистом — гр. Львом Николаевичем Толстым»(69). В своих речах кадеты не только оправдывали террористов самим существованием ненавистного правительства, но и называли их самыми честными и принципиальными российскими гражданами, не желающими идти на компромиссы там, где другие — послушные рабы — готовы были терпеть. Так, Огнев (вполне серьезно и очень красноречиво) доказывал, что если его слушатели попытаются проанализировать личные качества террористов, «как рисуют их нам биографы или товарищи по заключению; то окажется, что… [они] вовсе не злодеи по природе. По натуре своей это люди особенной нравственной чуткости, чуткости большей, чем у обыкновенных ординарных людей», которые проходят мимо или просто болтают о социальной

несправедливости(70).

Кадеты предлагали своим слушателям относиться к террористам как к невинным жертвам существующего режима и часто заходили настолько далеко, что изображали их мучениками и чуть ли не святыми. Несомненно, не было случайностью то, что партийные ораторы напоминали аудитории в Думе об известном стихотворении в прозе Тургенева «Порог», в котором юная революционерка представлена, е одной стороны, «дурой», а с другой — «святой» (в споре, где сам автор явно склоняется ко второму образу)(71). Напоминая, как невероятно тяжело было тургеневской героине решиться на преступление, кадет Огнев (который, заметим, был священником) заявил с думской трибуны: «Мне, господа, в этой девушке представляются знакомые черты некоторых политических русских женщин. В лице этой девушки я узнаю черты и Засулич, и Волкенштейн, и Измаилович, и Спиридоновой, и других», — явно давая понять, что все эти террористки должны восприниматься как мученицы, а не как преступницы(72). Столь же многозначительна была и статья в кадетской «Речи», в которой специальный корреспондент В. Азов, предлагая читателям сочувственное описание «Маруси» Спиридоновой, только что совершившей убийство Луженовского, резюмирует: «Жизнь… [ее] кончилась. И началось житие»(73), — нарочно используя слово «житие», употребляющееся лишь по отношению к святым. А кадет И. Пустошкин в своих высказываниях пошел еще дальше, сравнивая экстремистов с Христом: «Вспомните, что Христос тоже признан был преступником и предан позорной смертной казни на кресте. Прошли года, и этот преступник — Христос — завоевал весь мир и стал образцом добродетели. Отношение к политическим преступникам является подобным же актом насилия власти по отношению к людям, не выносящим строя»(74).

Конституционные демократы также находили удобным для своих целей заострять внимание на таких вопросах, как правительственные акции против несовершеннолетних

террористов. Кадеты предпочитали не называть эту категорию экстремистов «террористами» и публично нападали на правительство за гонения на «детей»(75). Такие думские ораторы, как М. Бобин и Н. Каценельсон, с пафосом восклицали, что «несчастная девочка», только год как окончившая гимназию, была приговорена к смерти (не упоминая о том, был ли приговор приведен в исполнение) или что пятнадцатилетнего мальчика, пытавшегося убить полицейского офицера, по слухам, истязали местные власти(76). Без сомнения, кадетам было хорошо известно, каким несчастьем для страны были многочисленные несовершеннолетние террористы(77), но затрагивали этот очень щекотливый вопрос представители партии лишь настолько, насколько это было необходимо, чтобы вызвать сочувственное отношение аудитории. Описывая мученичество террористов в натуралистических, часто неподтвержденных и чрезвычайно преувеличенных деталях, кадеты явно желали еще раз скомпрометировать правительство(78).

ОТКАЗ ОСУДИТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР

Отказ кадетов осудить революционный террор полностью соответствовал всей предыдущей партийной тактике и лишь доказывал то, что Тыркова-Вильямс и другие партийные деятели впоследствии определяли как «жуткое, нездоровое» единодушие, «с которым вся оппозиция, и социалисты, и либералы, отказывались осудить террор»(79). Еще до созыва Государственной думы и во время ее первых заседаний, когда правительство казалось чрезвычайно ослабленным, а кадеты были на вершине своего политического престижа, партийные деятели даже не находили нужным скрывать свою подлинную точку зрения, прямо отказываясь осудить политические убийства(80). Впоследствии при каждом проявлении террористической деятельности, аккуратно

фиксирующейся в их периодике(81), кадеты делали все от них зависящее, чтобы обойти вопрос о своем отношении к политическим убийствам слева. Освещая в печати какое-нибудь покушение, кадетские публицисты предпочитали давать лишь «голые факты» и — самое большее (обычно когда среди пострадавших было особенно много случайных людей) — высказывали порицание кровопролитию вообще(82). Однако и в этих случаях они никогда не забывали тут же напомнить, что ответственным за анархию в России является правительство(83). Ни в «Речи», которая, как принято считать, стояла на позициях «чистого либерализма»(84), ни в официальном кадетском еженедельнике «Вестник Партии народной свободы» не было напечатано ни одной статьи, прямо и недвусмысленно осуждающей революционный терроризм.

Отношение кадетов к кровопролитию не было постоянным, менялось от случая к случаю и, казалось, в огромной степени определялось политическими взглядами как убийцы, так и его жертвы. Это становится достаточно очевидным, если сравнить реакцию кадетов на революционный террор и на политические убийства справа. Конституционные демократы часто подчеркивали особую опасность, исходящую справа, и постоянно выступали против «Союза русского народа» и других монархических организаций и обществ. В своей кампании против монархистов кадеты неоднократно бросали обвинения в «черносотенстве» и в намерении бороться против революции такими кровавыми средствами, как убийство своих политических противников, особенно энергично выступающих против правительства. Такие попытки, в отличие от попыток, исходивших из революционного лагеря, кадетская партия резко осуждала.

В сравнении с широко распространенными революционными покушениями, нападениями и экспроприациями террористические действия справа были относительно редки(85). Это, однако, не мешало кадетам настаивать в своей прессе на том, что «черносотенцы» пролили в России такую массу человеческой крови и совершили столько

злодеяний, что революционерам-террористам и анархистам за ними никогда не угнаться»(86). Лишь в нескольких нейтральных по тону строках извещая читателей о покушениях на губернаторов и министров, кадетская «Речь» заполняла свои номера детальными сообщениями об убийстве бывшего думского депутата кадета Михаила Герценштейна, страстно протестуя против «таких безумно-постыдных средств борьбы», «дикого и варварского насилия», «предательски-гнусного… злодейского убийства»(87). Понятно, что не стоило ожидать от кадетов объективности и выражения равного негодования по поводу убийства какого-нибудь «реакционного бюрократа», с одной стороны, и выдающегося члена собственной партии — с другой. Но когда в течение трех дней были убиты три инженера, «Речь» резко осудила «бессмысленное, слепое, никому не нужное» убийство первых двух, считавшихся либералами, и лишь кратко и довольно безразлично отметила смерть третьего, чья непопулярность среди рабочих была хорошо известна(88). После получения письма с угрозами от малоизвестной террористической организации — одной из нескольких групп, называвших себя «Бескопромиссными», — издатели кадетской газеты немедленно заявили, что авторы этого письма безусловно являются правыми экстремистами. Их не смутил тот факт, что эти последние выражали в своем письме недвусмысленно революционные идеи(89).

Какое-то время кадеты умело лавировали и вполне удачно удерживались на этой двойственной позиции в вопросе о терроре. Однако прямые дебаты на эту тему во Думе весной 1907 года в конечном итоге не могли не показать со всей ясностью, что кадеты откровенно не желали осудить революционный терроризм. Вскоре после открытия заседания Думы, выборы в которую бойкотировало большинство социалистов, кадеты, не имея больше прежней силы и влияния, которыми они обладали в Думе, стали подвергаться нападкам. И консерваторы и октябристы, желая подорвать позиции своих ближайших политических противников слева, публично обвинили конституционных

демократов в том, что они «потакают и учат» политическим убийствам с целью еще больше усилить революционную стихию. «Революция вас питает, она — ваши корни. Без нее вы ничего не значите», — бросали октябристы кадетам в Думе(90). Позиция противников кадетов справа безусловно была сильной: даже такие умеренные кадеты, как А.И. Шингарев или один из наиболее консервативных членов кадетского ЦК В.А. Маклаков, все-таки критиковали правительство за его действия против «несчастных террористов и экспроприаторов» и клеймили позором режим, позволявший вести людей «на виселицу, как скотину на бойню»(91). Правые партии заявляли, что если кадеты выступают против насилия, можно было бы ожидать от них также и осуждения политических убийств слева. Вместо этого, как отмечал 12 марта 1907 года представитель правых в Думе В.В. Шульгин, «в газетах этой партии мы никогда не найдем ни одной строчки, сказанной в осуждение этим убийствам. Нет! Нам всегда говорят, что это всё герои, всё борцы за свободу»(92). Да и сами кадеты признавали, что их партия «никогда не позволяла себе ругаться над террористами» .

Положение кадетов еще более усложнялось и ослаблялось тем, что умеренные и консерваторы в Думе были готовы признать военно-полевые суды, учрежденные для борьбы с экстремистами, далеко не идеальной системой юриспруденции и протестовали против политических убийств, откуда бы они ни исходи-ли(94). Кадетов они настойчиво уговаривали занять ту же позицию: «Будьте последовательны, будьте искренни, вынесите отсюда, с этой трибуны, осуждение… террористическим актам… пожалейте наш русский народ, который также от этих актов весьма стонет и тяжко страдает… Неужели из одного вашего упрямства вы не желаете прибавить [слова осуждения]?»(95)

Но со стороны кадетов это было не упрямство, а следствие продуманной тактики; и вопрос о поддержке или осуждении террора для кадетов был столь важным, что виднейший член партии И.И. Петрункевич считал, что «лучше для партии быть

уничтоженной», чем пережить «моральное уничтожение» вследствие осуждения ею революционного терроризма, что может быть расценено как поддержка правительства(96). Таким образом, категорически отрицая в партийной прессе «невероятные» обвинения своих недоброжелателей в том, что кадеты симпатизируют «убийствам», конституционные демократы в то же время упрямо продолжали свою политику отказа осудить террористические акты(97). Однако, поскольку открытое заявление о солидарности с экстремистами в глазах правительства сразу же сделало бы из кадетов революционеров, партийные руководители пытались всеми силами избежать любых прямых высказываний о терроризме. В Думе кадеты отчаянно искали предлога, чтобы прекратить или по крайней мере отложить все обсуждения вопроса о политических убийствах, так как дискуссия на эту тему неизбежно выявила бы их партийную позицию. Именно по этой причине кадетская фракция речами Шингарева и Кизеветтера пыталась убедить своих слушателей в том, что Дума — не место для осуждения кого-либо или чего-либо: «Мы не призваны сюда писать резолюцию, не призваны сюда говорить ничего не стоящие жалобы и слова, сколько бы нас ни упрашивали, мы не станем на этот совершенно не подходящий для Думы путь»(98). Стоит, однако, заметить, что ранее, когда в Думе обсуждался террор справа, кадеты отнюдь не протестовали, а во время дебатов по вопросу о смертной казни в мае 1906 года устами своего депутата Сипягина доказывали обратное: «Господа! Неужели перед человеческой жизнью можно говорить о парламентской форме? Люди умирают, а мы будем парламентские формы вырабатывать»(99). В старании обойти этот щекотливый вопрос кадеты получили существенную поддержку от председателя Думы кадета Ф.А. Головина, который, вопреки своей должности, не был нейтрален во время дебатов(100).

Кадетская «избегательная» тактика, однако, не могла длиться вечно, и в начале апреля 1907 года 32 члена Думы официально потребовали, чтобы вопрос об осуждении

террористической деятельности был поставлен на повестку дня(101). Хотя особенно настаивали на поднятии этого вопроса думские консерваторы и умеренные, представители социалистического сектора в Думе заявили, что они «ничего не имеют против» обсуждения этого вопроса, предвкушая возможность лишний раз обрушиться на правительство с трибуны и выразить свою поддержку террористам(102). Фракция же кадетов, оказавшаяся между двух огней, решила все же не отступать от своей политики неосуждения революционного терроризма и в течение шести недель снова и снова голосовала за то, чтобы отложить все думские дебаты по этому вопросу(103).

Старания кадетов увенчались успехом: вскоре все те, кто еще осмеливался поднимать вопрос о терроре на думских заседаниях, публично осмеивались и с издевкой уведомлялись, что они ни за что не смогут заставить Думу осудить политические убийства(104). Так продолжалось до 15 мая 1907 года, когда кадеты официально и окончательно объявили о своем отказе рассмотреть возможность принятия декларации «о порицании убийств, террора и насилий»(105). Им, таким образом, удалось снять этот вопрос с повестки дня Думы, но, добившись этой победы, кадеты не сумели достойно ответить на вызов октябристов: «Теперь у партии народной свободы является случай доказать, что она партия конституционная, а не революционная»(106).

ИТОГИ

Политика полускрываемой и осторожной поддержки революции, особенно ярко выраженная по отношению к терроризму, в конечном итоге все же принесла конституционно-демократической партии больше поражений, чем побед. Прежде всего нужно сказать, что партийная тактика по вопросу о терроре отнюдь не осталась непонятой; наоборот, она почти ни для кого не осталась секретом, вновь и вновь давая

повод для критики кадетов. Экстремисты, осознав двойственность кадетской позиции, поносили кадетов как организацию, которая зовет «других к действиям, от которых сама… отказывается и за которые она не берет на себя ответственности», как партию, «имеющую как будто свою программу, но рассчитывающую для проведения ее в жизнь на чужие силы, а свои собственные действия сводящую к более или менее нерешительным переговорам с правящими сферами, к своего рода уговариванию их сдаться на капитуляцию»(107). Консерваторы также утверждали, что разгадали партийную сущность кадетов, считая, что эта партия — «голова и хвост революции»(108). И, наконец, правительство неоднократно выставляло на вид истинные цели кадетов. Так, премьер-министр П.А. Столыпин, несмотря на многократные попытки сотрудничества с умеренными кругами, был до того возмущен поведением кадетов, что отзывался о них, как о «шайке… участники которой прикидываются мирными, безобидными в общежитии, но не останавливаются в своей преступной деятельности ни перед широко организованным обманом, ни перед безжалостным душегубством, когда того требуют обстоятельства»(109).

Не менее серьезный ущерб кадетам принесло и то, что поддержка ими террористической деятельности явилась причиной раскола в самой партии, потерявшей довольно большое число людей, которые могли бы стать лояльными сторонниками кадетской программы при условии, что средства для проведения ее в жизнь были бы менее радикальными. Многие потенциальные члены кадетской партии не смогли подчинить партийной тактике и дисциплине свое искреннее отвращение к кровопролитию, предпочтя остаться вне кадетской организации, иметь возможность открыто выражать свой протест против политических убийств и даже критиковать конституционно-демократическую партию за «недостаток решительности в осуждении террористических актов»(110). Такой выдающийся политический деятель, как Дмитрий Шипов,

первоначально сильно симпатизировавший кадетам, не вступил в их партию именно из-за того, что та встала «на путь несомненно революционный»(111). А известный конституционалист князь Евгений Трубецкой официально порвал с кадетской партией, разочаровавшись в ней именно из-за поддержки последней тактики революционного террора(112).

Левое крыло кадетской партии несомненно превалировало над более умеренными членами и привлекало в организацию более радикальные элементы, возможно, даже отнимая их у социалистов. Однако даже среди тех, кто несмотря ни на что решил остаться в партии, многие, вплоть до членов ЦК Струве и Маклакова и депутата Думы С.Н. Булгакова, неохотно подчинялись кадетской политике в отношении терроризма, а в редких случаях даже нарушали партийную дисциплину ради своих собственных убеждений(113).

И еще одна серьезная проблема возникла для партии в результате кадетской тактики в этом вопросе. Из-за отказа Милюкова публично осудить политические убийства или по крайней мере выпустить анонимное заявление об этом в «Речи» кадеты остались «нелегальной» (незарегистрированной) организацией, поскольку Столыпин сделал осуждение террора на страницах «Речи» единственным условием для легализации кадетской партии(114). Это позволяло властям закрывать партийные собрания и под разными предлогами подвергать кадетов судебным преследованиям(115).

Но и такие постоянные проблемы с легальным статусом партии кажутся незначительными в сравнении с тем, что потеряла кадетская партия из-за своего нежелания отмежеваться от экстремистов. Весной и летом 1906 года правительство, чрезвычайно напуганное непрекращающимися революционными эксцессами и разгулом анархии, было уже настолько ослаблено, что согласилось начать полуофициальные

переговоры с кадетскими лидерами, которые теперь приглашались составить кабинет министров вместе с октябристами и другими умеренными политическими деятелями. В этом новом коалиционном министерстве, которое по замыслу должно было пользоваться «народным доверием» и, таким образом, могло бы вести страну по пути мирного обновления и реформ, кадетам предлагались важнейшие портфели, в том числе портфели министров внутренних и иностранных дел и, возможно, пост председателя Совета министров. Надеясь, что «революционный пафос», который, по словам Маклакова, многие кадетские лидеры на данном историческом этапе не хотели тушить, вырвет у правительства еще более серьезные уступки(116), Милюков, который преимущественно и вел переговоры от имени кадетов, настаивал на том, что новое министерство должно быть набрано исключительно из членов думского большинства, т. е. только из кадетов. Считая, что власти все более загоняются в тупик широкой волной революционных выступлений и «уже чувствуя себя премьером», Милюков не был готов идти на какой бы то ни было компромисс(117). Он заявлял, что кадеты займут либо все министерские посты, либо ни одного, отказываясь в то же время, пусть даже только на словах, смягчить партийную программу, сделав ее менее раздражительной для правительства, и прекратить поддержку экстремистов в думских речах и прессе(118). Такое поведение оказалось явным политическим просчетом: хотя в тот момент и можно было предположить, что царь готов на любые уступки(119), кадетская тактика «умеренного радикализма» вопреки всеми ожидаемой неминуемой политической победе завершилась поражением. Агрессивное поведение кадетов в Думе в связи с аграрным вопросом и — что было не менее важно — поддержка ими террористов в конце концов заставили правительство отказаться от формирования кадетского кабинета. Более того, по словам Тырковой-Вильямс, «страшный вопрос о терроре был одним из подводных камней, о которые разбилась Первая Дума», что сильно подорвало позиции конституционных демократов(120).

Не все было еще потеряно, и хотя влияние кадетов во Думе было менее значительным, чем в , партия все же оставалась серьезной политической силой. Измени она свое отношение к правительству как к врагу, а к революционерам всех направлений как пусть к временным, но все же союзникам, может, и смогла бы она тогда продуктивно работать в существовавшей конституционной системе. Понятно, что при новой политической ситуации кадеты не могли более надеяться вытянуть уступки путем «осады» у несколько уже оправившихся от первого испуга и более уверенных в своих силах властей. Не могли они также и продолжать прежнюю политику, которую член кадетского ЦК князь Д.И. Шаховской определил четко: «сковырнуть правительство» !). Напротив, под влиянием все возрастающей угрозы разгона Думы кадеты теперь уже сами шли на некоторые уступки(122). Однако слова, сказанные в Думе октябристом М. Стаховичем, оказались пророческими: «Помните, господа, что если Государственная дума не осудит политических убийств, она совершит его — над собою!»(123).

Не желая отколоться от революции и, возможно, все еще надеясь заставить правительство отступить под давлением массового террора, кадеты не сделали этого шага, чем фактически «обрекли Думу, поскольку вырвали из рук Столыпина то единственное оружие, при помощи которого он мог сдерживать растущее давление двора, направленное на роспуск Думы»(124). А после того как Дума была распущена в начале июня 1907 года, партия кадетов оказалась сильно ослабленной, не сумевшей сохранить своего былого господства на русской политической арене. Если когда-то кадеты имели шанс стать ведущей политической силой в России и успешно работать в новой конституционной системе, они потеряли его в 1905–1907 годах, в значительной степени из-за нежелания покинуть революционный лагерь и четко заявить о своем несогласии с тактикой экстремистов — террором.

Глава 8 КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

А там, где аргумент — бомба, там, конечно, естественный ответ — беспощадность кары!

П.А. Столыпин(1)

ПЕРЕХОД ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТ НЕРЕШИТЕЛЬНОСТИ К РЕПРЕССИЯМ

Столкнувшись после 1905 года с небывалой эскалацией революционного насилия, правительство Николая II осознало необходимость принятия срочных мер для выхода из кризиса. Власти пытались подавлять различные формы массового протеста в городах и деревнях и искали новые способы борьбы с террористами. Вначале, однако, российская имперская администрация оказалась неспособна достойно ответить на брошенный ей революционерами вызов. Царские власти испытали шок перед быстро распространявшейся анархией и ежедневным кровопролитием и не смогли сразу принять радикальные меры против экстремистов. К тому же Николай был мягким и нерешительным человеком, а его двор и высшие правительственные чиновники опасались, что жесткие репрессии приведут к тому, что западноевропейские союзники России будут считать ее руководителей полуазиатскими варварами, а саму Россию — дикарской страной(2). Не последнюю роль сыграло и то, что верховные власти опасались, как бы расхождения между правительством и либеральным обществом не приняли необратимый характер.

Либеральная общественность упорствовала в своем традиционно примирительном отношении к экстремистам и оказывала на официальные круги сильное давление, что действительно может объяснить первоначальное нерешительное поведение правительства перед лицом революции. Даже во время эскалации насилия многие государственные чиновники, находясь под влиянием либералов, продолжали видеть в

радикалах хоть и сбившихся с пути праведного, но бескорыстных мучеников, беспощадно преследуемых всемогущим государством, хотя и по своим мотивам, и по своим действиям террористы нового типа сильно отличались от своих предшественников XIX века. В результате многие гражданские и военные чины, включая находящихся на самом верху официальной иерархической лестницы, не только противились применению жестких мер против террористов, но и не могли скрыть своего восхищения ими(3). Более того, некоторые представители царской администрации, рискуя собственным положением, иногда оказывали услуги экстремистам, боровшимся с тем государственным строем, который представляли эти государственные чиновники(4).

В период, охватывающий взрыв и рост революционной войны с правительством в 1905–1907 годах, радикалы полагали, что польза экстремизма для революционной борьбы перевешивает возможные негативные его последствия. Революционеры шли на теракты в уверенности, что в случае ареста и суда они, скорее всего, будут спасены от слишком сурового наказания либеральными адвокатами и давлением симпатизировавшего им общественного мнения.

На первый взгляд, статистика судебных обвинительных приговоров не указывает на снисхождение к экстремистам в эти годы. Согласно одному антиправительственному источнику, за шестимесячный период с октября 1905 года власти арестовали и выслали почти 3 300 человек по обвинению в разных политических преступлениях — от хранения нелегальной литературы до вооруженного нападения(5). Однако важно отметить, на какой именно срок осуждались тогда политические преступники. Хотя длительные сроки заключения и являлись потенциальной карой по серьезным обвинениям, к ним прибегали очень редко. Чиновник Департамента полиции Ратаев описывал впечатление первых защитников царского режима — полицейских работников — от снисходительного отношения судебной системы к радикалам. Он писал: «Последние судебные приговоры

по политическим процессам прямо наводят ужас, ибо через несколько месяцев все осужденные, отбыв определенное им тюремное заключение, вступят вновь на путь революционной деятельности с удвоенной энергией. При чтении подобных приговоров прямо-таки руки опускаются и всякая энергия падает… Какая же польза тратить деньги на розыск и задержание людей, которых в лучшем случае посадят на несколько месяцев в тюрьму, а затем выпустят на свободу и предоставят возможность приняться за прежнюю работу?»(6)

Многие радикалы, особенно молодые идеалисты, не боялись тюремного заключения и каторги и даже приветствовали их, поскольку, по их мнению, каторжные работы являлись истинным испытанием убеждений и выдержки революционера. В то же время их желание дышать тюремным воздухом, подогревавшееся неукротимым духом лучших борцов и революционных героев прошлого(У), сопровождалось знанием того, что (по крайней мере до 1907 года, когда условия в большинстве мест заключения ухудшились) дисциплина и надзор часто были чрезвычайно слабы(8). В это время политические заключенные редко жаловались на жестокое обращение. Наоборот, по словам Марии Спиридоновой, проведшей на каторге около десяти лет за убийство Луженовского, в 1906 году жизнь в тюрьме была свободной, режим на каторге — очень вольным. О жизни политических заключенных в акатуйской тюрьме она пишет, что там была полная свобода, заключенным разрешали целыми днями гулять в лесу, а в ближайшей деревне жили их семьи; отцам и мужьям разрешалось оставаться на ночь со своими близкими, и они просто там жили, только иногда появляясь в тюрьме, чтобы отметиться. Спиридонова утверждала, что тюрьмы напоминали клубы, где протекала интенсивная социальная жизнь(9). Согласно одному историку, поскольку «обычно не было недостатка в чтении и разговорах», тюрьма превращалась в «неформальную, но эффективную высшую школу для революционеров»(10). Часто радикалам удавалось даже продолжать свою

антиправительственную деятельность во время тюремного заключения, как, например, случилось в Киеве, где революционный комитет после ареста всех его членов руководил забастовкой прямо из тюрьмы и продолжал во все время заключения выпускать прокламации(11).

Такое положение дел заставило официальную правительственную газету заявить, что пришла пора навести порядок в местах заключения и превратить их из увеселительных заведений и санаториев в настоящие тюрьмы, как, например, в Англии(12). Многие бывшие заключенные подтверждают правильность такого описания тюремной жизни до 1907 года, отмечая в своих мемуарах, что они уносили с собой на свободу довольно приятные воспоминания о своем заключении в царских тюрьмах, где жизнь была «веселей всякой свадьбы»(13). То же самое и даже еще в большей степени можно сказать и о жизни политических ссыльных.

Отсутствию у революционеров страха перед наказанием способствовал и тот факт, что в тюрьмах не хватало надзирателей. Некомпетентность тюремного персонала и плохое состояние устаревших тюремных помещений благоприятствовали успешным побегам(11). Большинство тех, кто не бежал и оставался в тюрьме, делали это почти по собственному выбору — они «соглашались» оставаться в заключении, добровольно и временно, чтобы потом выйти на свободу законно, а не вести жизнь беглых преступников(15). Что же касается ссылки, то, согласно Ратаеву, она существовала только на бумаге. Не бежали из ссылки только те, кто не хотел этого делать по тем или иным соображениям(16).

Это подтверждается сведениями о том, что большая часть террористов, заключенных в тюрьмы или отправленных в ссылку до 1907 года, смогли бежать и уехать за границу или уйти в подполье; некоторые из них проделывали это несколько раз за свою революционную карьеру(17). Радикалы, выбравшие эмиграцию, обычно не утруждали

себя получением иностранных паспортов; многие получали разрешение на выезд (вместо отбывания срока в Сибири) от сочувствовавших им местных чиновников 8). Когда экстремисты были вынуждены покидать Россию как беглецы, они просто переходили плохо охраняемую российскую границу, заплатив за помощь профессиональным контрабандистам.

Неспособность царской администрации быстро сориентироваться в новой для нее ситуации революционного кризиса также способствовала относительной свободе действий, которой пользовались экстремисты в начальной стадии революции. Особенно это ощущалось на окраинах, где правительственные чиновники жаловались на бездеятельность полиции (в которой не хватало людей и зарплаты были очень невелики), перед лицом быстро растущего числа врагов из антиправительственного лагеря. Полицейские должны были использовать в борьбе с радикалами устаревшее вооружение — громоздкие ружья и шашки, в то время как их противники были вооружены современным огнестрельным оружием, привезенным из-за границы(19). Не менее важно и то, что правительство не смогло дать психологический или идеологический стимул своим малообразованным, иногда полуграмотным рядовым защитникам, вынужденным рисковать жизнью в борьбе со своими согражданами, которые возвышенным стилем объявляли себя искренними защитниками дела революции.

Неспособность властей бороться с отчаянными и ловкими революционерами была настолько очевидна, что стала предметом сатиры. В одном анекдоте чинам полиции давали «новые энергичные распоряжения» после ограбления банка:

«1. Тщательно охранять те места, которые ограбили злоумышленники.

2. Сообщать о всех случаях грабежа никак не позже, как за час до самого происшествия.

3. Снять фотографии с бесследно скрывшихся злоумышленников.

4. Ограбленные суммы без задержки представить полностью в полицию как вещественные доказательства.

5. Обойти весь город и опросить жителей, каждого в отдельности, не он ли похитил деньги банка.

6. В случае отпора произвести обыск, сообщить, какая сумма находилась у каждого на дому, и представить ее полностью при рапорте.

7. Сообщить фамилии всех подозрительных лиц города и их особые приметы, даже не указанные в паспортах»(20).

Конечно, нельзя сказать, что правительство совсем ничего не предпринимало. Начиная с 1905 года многие районы империи были переведены на военное положение, и к августу 1906 года восемьдесят две из восьмидесяти семи губерний находились под усиленной охраной(21). В том же году правительство, поддавшись панике, отказалось от либеральной судебной политики, которой оно придерживалось после октября 1905 года, и разрешило военным судам судить граждан только на основании полицейского расследования, без официального предварительного следствия(22). Эти меры, однако, оказались недостаточными в борьбе с анархией, особенно вследствие того, что первоначальная нерешительность властей способствовала росту экстремизма. Такое положение сохранялось до июля 1906 года, когда Петр Столыпин стал председателем Совета министров, сохранив за собой пост министра внутренних дел. При нем правительство начало наконец применять жесткие и в основном эффективные меры для прекращения беспрерывного насилия.

Побудительной причиной, заставившей Столыпина немедленно приступить к борьбе с террористами, было покушение на его жизнь на даче на Аптекарском острове в августе 1906 года, «наиболее громкое проявление терроризма, который держал страну кровавой

хваткой» . В этих обстоятельствах, как верно замечает Ричард Пайпс, «никакое правительство в мире не могло бы оставаться бездеятельным» (24); в конце концов, ведь именно революционеры постоянно называли свои действия войной с существующим строем, а объявив войну, они должны были бы ожидать ответных ударов. Поскольку Дума еще не была выбрана, Столыпин, от которого придворные круги требовали немедленного восстановления порядка, применил статью 87 Основных законов, которая разрешала правительству выпускать срочные указы в отсутствие законодательных органов. 19 августа 1906 года в чрезвычайном порядке был принят закон о военно-полевых судах для гражданских лиц(25).

В районах, находившихся либо на военном положении, либо под чрезвычайной охраной, губернаторы и коменданты военных округов получили приказ передавать в военно-полевые суды дела тех лиц, чье. участие в таких преступлениях, как террористические нападения и убийства, политические грабежи и бандитизм, вооруженные нападения на представителей правительства и сопротивление им, производство, хранение или использование взрывных устройств, было настолько очевидным, что не требовало подробного расследования. Каждый такой суд должен был состоять из пяти офицеров-судей, назначенных местным военным командованием. Хотя подсудимые могли вызывать свидетелей, они не имели права на юридическую помощь во время судебных заседаний, которые проходили при закрытых дверях. Но, вероятно, самым серьезным аспектом такого военно-полевого правосудия была быстрота его действия: дела в таких судах заслушивались в течение 24 часов со времени ареста, приговор выносился в течение 48 часов, обжалованию не подлежал и приводился в исполнение не позже чем через 24 часа после вынесения(26).

Введение системы военно-полевых судов немедленно вызвало протесты левых и либеральных кругов. Даже большинство консервативных сторонников самодержавия,

включая главного военного прокурора В.П. Павлова, «человека, не прославившегося своим милосердием», утверждали, что такая система лишь отдаленно напоминает законность(27). Всем было ясно, что в ней нет никаких гарантий от ошибок и злоупотреблений . По большинству дел эти суды приговаривали подсудимых либо к смерти, либо к длительным срокам каторжных работ(29). Приговоры приводились в действие незамедлительно, и к моменту окончания действия этого закона в апреле 1907 года, через восемь месяцев после его введения, более тысячи революционеров, преимущественно террористов и экспроприаторов, были расстреляны или повешены(30).

Военно-полевое правосудие было не единственной задачей, возложенной центральной администрацией на военных. Поскольку полиция и жандармерия оказались неспособны поддерживать внутренний порядок и безопасность, армии, которая и без того с самого начала революции участвовала в подавлении рабочих волнений и крестьянских бунтов, были переданы многие Функции по борьбе с экстремизмом. Солдаты охраняли банки, почтовые и телеграфные конторы, винные лавки, больницы, поезда и железнодорожные станции и другие потенциальные мишени террористов. Военные патрули наблюдали за тюрьмами и полицейскими участками, особенно в таких центрах революционного насилия, как Варшава, где солдатам поручалось помогать городовым и даже заменять их. На других окраинах, особенно на Кавказе и в Прибалтике, армия совершала карательные рейды против врагов режима(31). Несмотря на протесты высшего военного командования, считавшего, что участие в таких действиях разлагает войска и мешает поддержанию боеспособности на случай нападения извне, Совет министров Столыпина настаивал на том, что армия должна проводить чрезвычайные меры в борьбе с наиболее грозными на данный момент противниками России — внутренними врагами(32).

Наряду с военно-полевыми судами продолжали работать и обычные военные и гражданские суды. Хотя их приговоры и были мягче, особенно по делам женщин и

несовершеннолетних(33), они тоже стали, по плану Столыпина, проводить более жесткую судебную политику. В то время как в 1905 году, согласно подсчетам Департамента полиции, только десять смертных приговоров, вынесенных гражданским лицам военными судами, были приведены в исполнение, к концу 1906 года это число увеличилось до 144, а в следующем году — до 1139, ас падением революционной активности к 1 января 1909 года уменьшилось до 825 и до 717 к концу года(34). Тем не менее «революция так никогда и не закончилась для военного судопроизводства», поскольку, хотя число подсудимых резко упало после 1908 года, оно «никогда не соответствовало норме (менее пятидесяти подсудимых), характеризовавшей положение до 1905 года». Николай неоднократно выражал недовольство промедлением в рассмотрении дел военными окружными судами, настаивая на упрощении и ускорении судебной процедуры. Некоторые судьи, выносившие более мягкие приговоры, чем предусматривало законодательство, получали выговоры. И хотя правительство больше не могло законным путем вернуться к системе военно-полевого правосудия, желание предотвратить новые вспышки революционного насилия заставляло его принимать дальнейшие жесткие меры. К примеру, 27 июня 1907 года была принята поправка к военному судебному кодексу, которая «сокращала срок предварительного расследования с трех дней до одного»(35).

Судебные преследования набирали силу, а революция отступала. Источник того времени сообщает, что в 1908 и 1909 годах 16440 гражданских и военных лиц было осуждено за политические преступления, включая вооруженные нападения; из них 3682 были приговорены к смерти, а 4517 — к каторге(36). Эта статистика указывает на интенсивность борьбы правительства с революцией, однако надо помнить, что многие смертные приговоры не приводились в исполнение и заменялись на каторжные работы или тюремное заключение. Так, с 1 января 1905 года по 20 апреля 1907 года меньше трети лиц, приговоренных военными окружными судами к смерти, были действительно

казнены. Как и в случае с военно-полевыми судами, большей частью преступлений, каравшихся смертью, были террористические акты и экспроприации(37).

Герасимов и другие официальные лица жаловались, что в 1905 году охранное отделение было «карикатурой на политическую тайную полицию»(38). Некомпетентность полиции и ее безуспешные попытки бороться с анархией были источниками многих анекдотов, включая такой: журналист сообщает из Тамбова: «В городе вчера свирепствовала сильная снежная метель, но была приостановлена энергичными действиями полицейских чинов, причем было арестовано «по недоразумению» три социал-демократа»(39). И потому наряду с чрезвычайными судебными мерами по отношению к экстремистам правительство начало менять и систему охраны внутренней политической безопасности. Первой задачей было усилить полицию, совершенствуя методы расследования в делах о государственных преступлениях, набирая новых людей и давая им в руки более совершенное оружие, отвечающее задачам борьбы с террористами. Власти предприняли эти шаги одновременно с опубликованием административных указов, касавшихся жизни обычных граждан, таких, как указы о комендантском часе и об ограничениях передвижения и собраний. Официальные лица на местах производили частые обыски и облагали штрафом владельцев квартир и домов, в которых революционеры хранили бомбы и взрывчатку или укрывались сами и из которых стреляли в полицейских. Некоторые чиновники даже пытались, хотя и без особого успеха, ввести полузаконную практику арестов граждан, которые отказывались помогать полиции при арестах революционеров(40).

Власти и в столицах, и на периферии ужесточали условия содержания под стражей, назначая на тюремные должности более компетентных и верных людей и увеличивая их жалованье. Жизнь революционеров в тюрьмах изменилась к худшему, хотя надзиратели и охранники все еще неохотно применяли к ним репрессивные меры из-за

преувеличенного страха перед всемогуществом террористов за стенами тюрьмы(41). По мере того как суды приговаривали все большее число радикалов ко все более длительным срокам заключения, тюрьмы становились настолько переполненными, что, по словам министра юстиции в Думе 1 марта 1908 года, «скоро будет некуда помещать людей, отбывающих наказание» . В то же время постоянные обыски и ограничения передвижения заключенных в тюрьмах и строгая дисциплина привели к резкому сокращению числа побегов. Более того, после 1907 года с многими экстремистами, и особенно с анархистами, больше не обращались как с политическими заключенными, в большинстве тюрем они находились на том же положении, что и обычные уголовники. Это не только помешало им получать материальную помощь от таких организаций, как Красный Крест, но и лишило их прежнего статуса «политиков» и их освобождения как таковых от различных дисциплинарных мер со стороны тюремной администрации. С ними стали обращаться так же грубо, как с остальными, заковывать в кандалы, помещать в карцер, применять к ним телесные наказания(43).

Тюрьмы были не единственными местами, где правительственное рвение к наведению порядка приводило к эксцессам. После столь долгого периода насилия и жестокости, к этому времени уже ставших почти нормой российской политической жизни, сторонники жестких мер в среде местной администрации, временами злоупотребляли своей властью и были виновны в произволе и прямых нарушениях закона. В своем стремлении бороться с революцией генерал Думбадзе, комендант Ялты, беспощадно преследовал мирных евреев, которых он выселял из города в нарушение всех законов.

Думбадзе стал также известен всей Европе своей реакцией на покушение на его жизнь 26 февраля 1907 года. Из какого-то дома в него выстрелил террорист, потом покончивший с собой. Комендант вызвал войска, оцепил дом, арестовал всех обитателей и сжег этот дом вместе с соседним домом и с кипарисовым садом(44). Подобные случаи

часто происходили на окраинах и в отдаленных районах империи. В Прибалтике карательные меры, применявшиеся военными против террористов, включали, как сообщают, убийство заложников и запугивание местного населения(45). Эта ситуация дала пищу одному юмористу для выдуманной телеграммы от министра внутренних дел Дурново к генералу Ренненкампфу, командовавшему экспедиционной армией в Сибири: «Убедительно прошу выше генерал-губернатора никого не арестовывать»(46). Барон А.В. Каульбарс, командующий Одесским военным округом, в котором царили анархия и террор, стал печально известен своими репрессивными мерами, ставшими темой популярного юмористического стихотворения под названием «Два зверя»:

Жил в лесу свирепый барс, А в Одессе — Каульбарс. Дикий барс зверей съедал, Каульбарс в людей стрелял. Барс лишь сытым быть хотел, Каульбарс людей не ел. Барсу пуля суждена, Каульбарсу — ордена! Почему же участь барса Хуже доли Каульбарса? Или орден дайте барсу, Или пулю Каульбарсу! Но поймите, зверь же барс, Человек ведь Каульбарс! Ну, в теперешний наш век Генерал — не человек! Коль по правде, так теперь Генерал — все тот же зверь. Эх, отправить Каульбарса Погостить в лесу у барса! Пусть при этой новой мере Будут жить в лесу два зверя!(47)

Эксцессы при подавлении террористической деятельности и революции вообще вызывали общественное негодование и подрывали репутацию правительства и армии не только в глазах критиков в России и за границей, но и в глазах верных сторонников режима. В то же самое время наблюдалось падение духа среди военных, которых антиправительственная пресса обвиняла в том, что они используют гражданских лиц в качестве движущихся мишеней для экспериментов с оружием(48). Многие армейские офицеры, как и рядовые солдаты, с большой неохотой выполняли репрессивные задачи(49); особенно это касалось тех военных, которые должны были приводить в исполнение приговоры военно-полевых судов. Нежелание выполнять свой долг особенно

сильно проявлялось у них, когда дело касалось несовершеннолетних преступников, приговоренных к каторге, тюремному заключению или к смерти. 23 октября 1906 года во время казни трех несовершеннолетних анархистов-коммунистов — экспроприаторов из Риги (событие, вызвавшее волну протеста в либеральной прессе) — солдаты, снаряженные для расстрела, специально стреляли мимо, а с одним произошел нервный припадок(50).

Хотя антагонизм либерального общества и властей был вполне искренним, нельзя принимать на веру утверждение либералов о том, что чрезвычайные меры против экстремистов не привели к восстановлению по-рядка(51). И в то время как Лев Толстой, возмущенный военным правосудием, осуждал хладнокровное антиреволюционное насилие государства в своей знаменитой статье «Не могу молчать!», лидер октябристов Александр Гучков защищал это насилие как жестокую необходимость , которая может положить конец той безнаказанности, с которой террористы действовали до лета 1906 года.

Уже в 1906 году радикалы стали объяснять свои неудачи правительственными репрессиями, называя правительственных чиновников не иначе как мясника-ми(53), и в 1907 году возложили вину за подавление революции на Столыпина с его жесткими мерами, особенно на его военно-полевые суды(54). Представители правительства по всей империи сообщали о значительном снижении революционной активности, особенно после середины октября 1906 года. В Прибалтике спад экстремизма продолжался и в первые четыре месяца 1907 года; согласно официальным подсчетам, к январю количество убийств и поджогов уже сократилось в три раза. И вряд ли является совпадением, что в течение месяца после прекращения действия военно-полевых судов в апреле 1907 года в Прибалтике опять участились случаи революционного насилия, количество которых увеличилось почти вдвое(55).

Хотя виселицы военно-полевых судов, веревки которых кадет Федор Родичев назвал «столыпинскими галстуками»(56), остановили некоторых экстремистов, они не смогли положить окончательный конец революционной активности, и особенно экспроприациям. Статистика политических убийств и грабежей демонстрировала это Столыпину вполне недвусмысленно(57). Индивидуальное насилие равномерно спадало вместе с общим ослаблением революционной бури к концу 1907 года(58). Это происходило не только вследствие репрессивных мер правительства, предпринятых одновременно с введением ряда социально-экономических и аграрных реформ, но и вследствие усталости и разочарования интеллигенции и простого народа. Постепенно люди начинали понимать, что правительство, твердо решившее защищать свои позиции, больше нельзя заставить идти на уступки посредством применения насилия, которое только приводит к дальнейшим несчастьям, бесплодному кровопролитию и разрушению(59). Один ярославский революционер так описывал эти новые веяния в письме к товарищу за границу: «Жизнь здесь тянется вяло. И это общее явление. В работающих кругах настроение подавленное. Работники бегут как мыши, и каждый занят залечиванием тех ран, которые нанесены в бурное время их материальному положению, семье, своим нервам, а то и своей шее. Спасайся кто может. Между прочим, наши техники и транспортеры [литературы и оружия]… оказываются хорошими коммерсантами… Рабочие тоже хотят жить широко, без страха, умно и интересно. В [антиправительственные] кружки калачом не заманишь, но на публичные лекции валят гуртом… [Революционные] книги не идут;… в библиотеках наши авторы в пыли… Каждый обыватель знает, что дел нет, и все двери и кошельки захлопнулись перед нами»(60).

ДЕЛО АЗЕФА

Общая подавленность и уныние, царившие в либеральных и революционных кругах с начала 1907 года, были усугублены невероятным разоблачением, которое дискредитировало террористическую тактику в глазах многих ее бывших сторонников, потерявших вследствие этого всякую веру в себя, в людей и в свое дело(61). Это событие было потом названо «делом Азефа» по имени главного героя — Евно Филипповича Азефа (1869–1918), известного также как Николай Иванович, Валентин Кузьмич, Толстый и под некоторыми другими кличками. Дело Азефа, «беспримерное в анналах российского революционного движения» , неотделимо не только от истории эсеровского терроризма, но и от истории радикализма вообще; ни одна личность не вызывала таких жарких споров и накала страстей в антиправительственном лагере.

Азеф был сыном бедного еврейского портного. Он впервые предложил свои услуги Департаменту полиции в 1892 году, будучи студентом политехнического института в Германии, где он вел бедную и тяжелую жизнь. Его первоначальная месячная зарплата в полиции составляла 50 рублей и затем постоянно увеличивалась по мере расширения его связей в революционных кругах за границей и по мере того, как сообщаемая им информация оказывалась все более полезной для его начальников. После получения в 1899 году диплома инженера-электрика в Дармштадте он вернулся в Россию и поступил в распоряжение своего нового начальника С.В. Зубатова, знаменитого руководителя Московского охранного отделения (63).

В России Азеф быстро завоевал себе положение в революционных кругах. Ему удалось завязать тесные связи с неонародническими и террористическими группами, такими, как, например, Северный союз социалистов-революционеров в Москве. Он сблизился с лидером Союза А.А. Аргуновым, выведал все, что касалось деятельности этой организации, и сообщил всю информацию Зубатову. Когда осенью 1901 года полиция успешно провела аресты революционеров, действуя по наводке своего агента, Аргунов

передал все дела Северного союза Азефу, поручив ему представлять Союз за границей. Следуя плану полиции внедрить своего агента в самый центр организации эсеров, Азеф в конце ноября 1901 года снова покинул Россию и выехал за границу для участия в переговорах, целью которых было объединение отдельных социал-революционных групп, разбросанных по всей империи, в одну организацию(64).

Эти переговоры привели к созданию Партии социалистов-революционеров, в которой с первых дней Азеф играл очень заметную роль, сблизившись с Черновым, Михаилом Гоцом и позднее с наиболее известным лидером эсеров-террористов Гершуни. К июлю 1902 года положение Азефа в партии было уже настолько прочным, что его полицейские начальники были вынуждены рассказать о нем министру внутренних дел Плеве. В противоречии с общими правилами Департамента полиции о тайных агентах, которые ограничивали участие последних в партийной деятельности, Плеве приказал, чтобы Азеф попытался проникнуть в центр партии и в Боевую организацию(65).

И Азеф выполнил эту задачу с большим умением. К концу 1904 года он стал членом Заграничного комитета ПСР, а в 1906 году — полноправным членом Центрального комитета партии. Он также служил главным связным между Центральным комитетом и Боевой организацией и осенью 1907 года даже временно стоял во главе ЦК. С 1903 года Азеф возглавлял Боевую организацию. И одновременно он, до своего ухода из полиции весной 1908 года, продолжал работать с несколькими высшими чинами Охранного отделения, сообщая им важнейшую информацию о деятельности Центрального комитета и других органов ПСР, а также о планах и операциях Боевой организации(66). В некоторые периоды его связь с полицией ослаблялась, и с конца 1905 года до середины апреля 1906 года он вообще не сносился с Охранным отделением(67). Тем не менее можно утверждать, что его почти пятнадцатилетняя работа в полиции в качестве тайного агента в то время была беспрецедентной по длительности и значению. Власти были им

очень довольны, что отражалось и на его зарплате — необычайно высокой для тайного агента: в конце своей службы Азеф получал тысячу рублей в месяц(68).

Не раз революционеры начинали подозревать Азефа в связях с полицией(69), но тем или иным способом он всегда умел эти подозрения рассеять: В 1893 году в Германии радикальные студенты просто не собрались серьезно расследовать местные слухи об осведомительстве Азефа, и к 1906 году, когда лидеры ПСР стали получать предупреждения из разных источников о том, что Азеф является полицейским агентом, его репутация как революционера была настолько непоколебима, а авторитет в партии настолько высок, что большинство эсеровских руководителей сочли эти предупреждения ложными и не предприняли никаких мер по их проверке, считая их попытками дискредитировать в его лице всю партию(40).

Это значительно усложнило положение главного обвинителя Азефа — Владимира Бурцева. Бурцев был издателем исторического журнала «Былое» и давним сторонником террористической тактики борьбы. Он всегда оставался независимым революционером и не являлся членом ПСР, хотя и был с ней очень тесно связан и хорошо знаком с партийными руководителями(71). В мае 1908 года Бурцев официально известил Центральный комитет ПСР о том, что у него есть веские основания для обвинения Азефа в сотрудничестве с полицией. Поначалу эсеровские лидеры не хотели об этом и слышать, но Бурцев настаивал, предоставляя одно доказательство за другим, и в конце концов предоставил ПСР свидетельство бывшего начальника Департамента полиции А.А. Лопухина, который прямо называл Азефа полицейским шпионом, внедренным в ряды эсеров. Потрясенные революционеры начали официальное расследование, результаты которого непоправимо подорвали престиж партии. 26 декабря 1908 года Центральный комитет ПСР был вынужден публично признать, нто Азеф работал в полиции. 7 (20) января 1909 года лидеры ПСР выпустили еще одно заявление, в котором перечисляли

террористические акты, в организации которых Азеф якобы играл главную роль, и таким образом Азеф был объявлен провокатором(72).

Это заявление стало сенсацией, Бурцева стали называть Шерлоком Холмсом русской революции, а Азеф мгновенно прославился на весь мир(73). Члены Боевой организации, отказываясь верить в истинность обвинений, выдвинутых против Азефа, отнеслись к газетной кампании как к еще одной попытке вмешательства гражданских эсеров в дела боевиков, а известный террорист Петр Карпович грозил расстрелять весь Центральный комитет, если он и дальше будет преследовать их руководителя(74). Разоблачение было столь скандальным, что даже представители высшего командования ПСР, уже получившие доказательства работы Азефа на тайную полицию, не могли до конца в это поверить и предоставили ему возможность оправдаться, и Азеф ухватился за последний шанс к спасению, переменил имя и бежал, прожив оставшуюся жизнь за границей под чужим именем(75).

Случай Евно Азефа уникален не только потому, что присутствие полицейского агента в самом сердце одной из крупнейших политических партий позволило властям предотвратить ряд террористических актов, некоторые из которых, особенно направленные против царя и премьер-министра Столыпина, могли бы радикально изменить российскую историю; не менее важно и то, что шок этого разоблачения был столь велик, что ПСР так и не смогла залечить нанесенную скандалом рану, по крайней мере пока потрясения первой мировой войны не отвлекли внимание общественности . «Дело Азефа нанесло партии непоправимый ущерб» прежде всего тем, что репутация этой главной террористической организации в России была безнадежно испорчена. Революционеры были вынуждены признать этот факт на страницах своих официальных органов, они даже признавали, что ПСР больше не существует как организация, что она потерпела поражение и распалась. Руководители ПСР пытались отвлечь общественное

внимание от своего провала, обвиняя правительство в применении незаконных и преступных методов расследования, однако это ничего не изменило, и даже прежние верные последователи относились теперь к ним без всякого уважения. Некоторые из тех, кто испытал этот ужасный моральный шок, вступил в так называемую новую оппозицию, состоявшую из членов парижской группы социалистов-революционеров и бывших активистов, покинувших ПСР после разоблачения Азефа. Расследование специально назначенной эсерами Судебно-следственной комиссии по делу Азефа, начавшей свою работу в ноябре 1909 года, не пошло на пользу Центральному комитету ГТСР, чей моральный авторитет был окончательно подорван, его члены были обвинены в преступной халатности, некомпетентности, иерархическом «генеральстве», бюрократизме, непотизме, разрыве между руководством и рядовыми членами, между центром и периферией и т. д. В определенной степени эти обвинения были оправданны. Эсеры начали подозревать друг друга в связях с полицией, коррупции и измене(77).

Более того, в ситуации, в которой, как сказал один революционер после разоблачения Азефа, все идолы были опрокинуты, все ценности требовали переоценки(78), многие члены партии начали сомневаться в необходимости террористической тактики вообще. Первой реакцией Центрального комитета было прекратить всю организованную боевую работу на неопределенный период, в частности и из-за отсутствия денег, а отдельные лидеры (например, Рубанович и Натансон) стали, по крайней мере на тот момент, ярыми противниками террора(79).

В противоречие с собственными утверждениями о провокаторстве Азефа(80), руководство ПСР делало все возможное, чтобы доказать, что терроризм продолжал оставаться таким же чистым, как и раньше, поскольку боевая деятельность партии была начата не лично Азефом, а Центральным комитетом, в то время как Боевая организация, приводя в исполнение смертные приговоры, слышала только голос людей, которых

представляла ПСР. Такие аргументы не могли разубедить рядовых членов, и они считали, что их прошлые успехи были делом рук правительственного агента, а не партийного руководства; это убеждение в корне подрывало сам принцип централизованного терроризма и непоправимо дискредитировало его(81). Как раз в это время все большее число наиболее левых эсеров стали напоминать максималистов, призывая к децентрализации партийных сил и к большей автономии отдельных групп (включая террористические отряды)(82). И если ветераны ПСР, скрывая свою панику, свое отчаяние и даже слезы, пытались вдохнуть оптимизм в своих последователей, уверяя их в скором возрождении партии, более молодые активисты были настроены чрезвычайно скептически в отношении возможного выхода из кризиса. Эти чувства усиливались неспособностью Центрального комитета мобилизовать кадры и найти необходимые материальные, средства или хотя бы сформулировать реальный план действий на будущее. Общее настроение упадка, депрессии и глубокого пессимизма особенно отразилось на эсерах-террористах(83).

Скандал с Азефом оказал также сильное влияние и на революционные круги, не связанные с ПСР. Многочисленные критики партии в левом лагере втайне радовались унижению ПСР и стремились извлечь из ситуации выгоду для себя, пропагандируя свои программы и привлекая бывших и потенциальных сторонников эсеров к максималистским, анархическим или социал-демократическим организациям; многие бывшие защитники боевых методов утверждались в своем нынешнем отрицании терроризма и централизованной конспиративной тактики вообще(84); организованные политические убийства потеряли в глазах либеральной общественности романтический ореол. После разоблачения Азефа число политических убийств резко сократилось.

Престижу ПСР был нанесен еще один удар, когда в центральных кругах партии разоблачили еще нескольких правительственных агентов(85). Особенно неприятным для

партии было дело Александра Петрова (Воскресенского), который, как и печально известный максималист Соломон Рысс, нарушил основной революционный этический принцип, предложив в начале 1909 года свои услуги тайной полиции. В это время он находился под арестом, и ему грозила каторга за участие в работе динамитной лаборатории в Саратове. Позже он говорил, что стал осведомителем для того, чтобы изучить методы полицейского расследования и бороться с охранкой ее же оружием. В конце концов, поняв, что все попытки перехитрить полицию тщетны, он устроил 8 декабря 1909 года взрыв, при котором был убит начальник Петербургского охранного отделения полковник Карпов(86).

И все же среди общего разочарования и хаоса оставались упорные сторонники экстремизма, которые заявляли, что пришло время не осуждения и компрометации, а борьбы и террора(87). Эти радикалы говорили, что для возрождения терроризма как революционного орудия необходимо совершить хотя бы несколько успешных политических убийств. В высших кругах ПСР, особенно за границей, на фоне жарких дискуссий о необходимости ограничить политическую и экономическую террористическую деятельность на местах и решения V съезда партии в мае 1909 года о прекращении аграрного и фабричного террора строились планы возрождения централизованного терроризма, первой и главной целью которого стало бы царе-убийство(88). В 1909 году Центральный комитет поручил Борису Савинкову возродить Боевую организацию и очистить ее честь новой террористической кампанией . Его усилия, однако, в течение всего следующего года были безрезультатны, главным образом из-за того, что он не мог подобрать подходящих людей: из десяти или двенадцати членов группы трое оказались полицейскими агентами(90).

В то же самое время начали образовываться независимые террористические группы эсеров за границей и в России, главным образом в провинции, которые иногда

действовали вместе с максималистами. Ряд ведущих руководителей ПСР поддерживали идею новой фазы местного террора против правительственных чиновников и частных лиц из буржуазии и решили помочь эсерам-боевикам в России, доставая деньги на террористическую деятельность, которая включала бы акты возмездия представителям властей в царских тюрьмах(91). Два таких теракта были совершены в 1911 году — покушение на жизнь инспектора вологодской тюрьмы Ефимова 15 апреля и нападение на начальника сибирской каторжной тюрьмы в Зерентуе Высоцкого 18 августа(92).

Революционеры из других партий также стремились доказать жизненность террористической тактики. Анархисты в первую очередь брали на себя ответственность за отдельные акты насилия. В 1911 году польские боевики также продемонстрировали, что и они не отказались от практики уничтожения полицейских осведомителей и от экспроприации: нападения на городовых в Польше в том году стали достаточно частыми, чтобы заслужить специальные обсуждения в Думе(93).

ПОСЛЕДНИЙ КРУПНЫЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ АКТ

Конечно, эти отдельные акты не могли сравниться с террористическими операциями революционной эры ни по своему количеству, ни по своему значению. После 1908 года относительно редкие боевые действия, совершавшиеся в основном в провинции экстремистами, деморализованными делом Азефа, без связи с массовым движением, в контексте мирной ситуации внутри империи, мало влияли на политическую жизнь страны. Однако было одно исключение: убийство революционером Дмитрием Богровым премьер-министра Столыпина в Киеве 1 сентября 1911 года.

В 1905–1907 годах радикалы совершили несколько неудачных покушений на жизнь Столыпина, и в послереволюционные годы многие из них продолжали считать

уничтожение этого ненавистного им государственного деятеля своей главной задачей. Попытки Столыпина укрепить традиционный порядок проведением социально-экономических реформ сделали его врагом революционеров, а его знаменитый вызов экстремистам и их сторонникам с думской трибуны в 1906 году «Не запугаете!», сопровождавшийся введением чрезвычайных репрессивных мер по борьбе с революцией, сделал его врагом номер один(94). И все же значение этого последнего громкого теракта не только в выборе жертвы — вероятно, самого талантливого российского министра после реформатора XIX века Александра Сперанского — но и в том, что совершил его террорист нового типа.

Богров, двадцатичетырехлетний помощник присяжного поверенного, происходил из зажиточной и вполне ассимилировавшейся еврейской семьи. Его отец, хотя и не будучи формальным членом кадетской партии, по своим политическим убеждениям был очень близок к ее левому крылу. В пятнадцатилетнем возрасте Богров уже имел знакомства среди радикальных гимназистов, а в 1906 году, после недолгого увлечения социалистическими идеями, стал членом анархо-коммунистичес-кой группы в Киеве, хотя иногда и называл себя анархистом-индивидуалистом. Анархизм был наиболее подходящим идеологическим выбором для человека, который всегда противился контролю любой формальной организации, не допуская никаких ограничений извне на свои мнения и поступки. «Я сам себе партия», — сказал однажды несовершеннолетний Богров, и до последних своих дней он придерживался убеждения, что революционер может успешно действовать и один, без контроля и указки партийного руководства(95).

Такая позиция вполне соответствовала и его этическим представлениям, так описанным его знакомой: «Он всегда смеялся над «хорошим» и «дурным». Презирая общепринятую мораль, он создавал свою, причудливую и не всегда понятную»(96). Вероятно, более объективный наблюдатель назвал бы его взгляды цинизмом, что

подтверждает тот факт, что, невзирая на свои политические убеждения, в 1907 году Богров предложил свои услуги киевской охранке и поставлял туда информацию, благодаря которой вплоть до конца 1910 года производились аресты его друзей — эсеров и максималистов. Хотя Богров объяснял свои действия разочарованием в товарищах, которые, как он утверждал, «преследуют главным образом чисто разбойничьи цели», к работе агентом его привели еще и чисто финансовые соображения. Дмитрий, по словам брата, вырос в родительском доме, не зная отказа ни в одном сколько-нибудь разумном своем желании, а теперь он часто нуждался в деньгах, будучи страстным картежником. Полицейская зарплата в 100–150 рублей в месяц была очень кстати(97). Видимо, это не казалось Богрову предательством революционных идеалов, ведь он сам говорил, что у него собственная логика, и к тому же он оправдывал свои действия желанием узнать врага поближе: «Врага надо знать. Познакомиться с этим львом, пощекотать ему усы? Снова острая игра, этап игры. Того стоит»(98).

К лету 1911 года товарищи Богрова, сначала подозревавшие его в присвоении партийных средств, поверили в его связь с полицией. 16 августа революционеры нанесли Богрову визит и сообщили ему, что радикалы намерены сделать публичное заявление о его измене и после этого его убить. Тогда же гости сделали ему предложение, не редкое среди террористов в те времена: Богров мог бы спасти свою жизнь и репутацию, если бы совершил террористический акт против одного из своих полицейских начальников. Ему дали на размышление и планирование время до 5 сентября и предложили выбрать жертвой полковника Н.Н. Кулябко, начальника киевской охранки. Богров отказался, считая Кулябко слишком незначительной фигурой. Он подумывал о покушении на жизнь Николая II, который собирался приехать в Киев в ближайшем будущем, но опасался вызвать этим актом антиеврейские выступления. В конце концов Богров решил убить Столыпина, которого он всегда страстно ненавидел, не скрывая этого и говоря, что

Столыпин «самый умный и талантливый из них, самый опасный враг, и все зло в России от него»(99).

Для совершения этого убийства Богров использовал свои связи с полицией. Он сообщил Кулябко о якобы готовившемся покушении на Столыпина и министра образования Л.А. Кассо, которые должны были приехать в Киев вместе с царем. Кулябко, озабоченный в первую очередь безопасностью монарха и не имевший оснований подозревать своего агента в сообщении ему ложных сведений и в преступных намерениях, ничем не воспрепятствовал Богрову, когда тот стал буквально ходить по пятам за Столыпиным. Два раза ему удавалось приблизиться к премьер-министру, но недостаточно для того, чтобы в него выстрелить. В конце концов, используя последний шанс подойти к Столыпину на расстояние выстрела, Бог-ров оставил всякую осторожность и 1 сентября попросил у Кулябко билет на тот же вечер в Городской театр на оперное представление, где должны были быть царь и Столыпин. Из-за принятых мер по охране государя и министров в театре должны были быть только специально приглашенные лица, и билет невозможно было достать иным путем. Кулябко согласился выполнить его просьбу, и Богров, измученный нервным ожиданием, приехал в театр за час до начала «Сказки о царе Салтане» Римского-Корсакова.

Во время второго антракта за двумя выстрелами, еле слышными в переполненном театре, последовали громкие крики зрителей, а потом наступила жуткая тишина. Все глаза были устремлены на смертельно раненного премьер-министра, который «медленными и уверенными движениями положил на барьер фуражку и перчатки, расстегнул сюртук и, увидя жилет, густо пропитанный кровью, махнул рукой, как будто желая сказать: «Все кончено!». Затем он грузно опустился в кресло и ясно и отчетливо, голосом, слышным всем, кто находился недалеко от него, произнес: «Счастлив умереть за царя». Увидя государя, вышедшего в ложу и ставшего впереди, он поднял руки и стал

делать знаки, чтобы государь отошел. Но государь не двигался и продолжал на том же месте стоять, и Петр Аркадьевич на виду у всех благословил его широким крестом».

Богров стрелял в Столыпина с очень близкого расстояния из-за небольшой мощности своего пистолета и из-за своего слабого зрения. В полном театре, окруженный свидетелями и возбужденной толпой, в которой было много военных, пятнадцать государственных деятелей и девяносто два агента охраны, у него не было даже надежды скрыться, и его немедленно схватили. 5 сентября Столыпин умер в больнице. Через четыре дня после этого военный суд приговорил Богрова к смертной казни, и в ночь с 10 на 11 сентября он был повешен(100).

Каких бы политических взглядов ни придерживался Богров, убийство Столыпина этот террорист нового типа совершил в одиночку и по чисто личным мотивам. После ультиматума своих бывших товарищей у него был выбор между позорной смертью от рук радикалов и смертным приговором царского правительства за деяние, которое должно было не только обелить его подмоченную революционную репутацию, но и внести его имя в анналы истории как мученика и героя, посмевшего поднять оружие на воплощение государственного порядка в России. Богрову было нетрудно сделать выбор. Тем не менее это решение не объясняет его нежелание выбрать третий путь — остаться в живых, последовав примеру Азефа и скрывшись за границей.

Для планирования побега и последующей жизни беглеца требуется сильная воля к жизни и достаточно энергии, а также материальные средства. Деньги Бог-ров, вероятно, всегда мог получить у своей семьи. Но есть основания полагать, что воли к жизни у него не было. Он, молодой человек, производил на окружающих впечатление горько разочарованного и циничного старика, чья жизнь была бессмысленна и пуста; казалось, его ждут лишь долгие годы пустого существования, ведущие к такой же пустой смерти.

Его друзья поражались тому, что «свою жизнь он сознательно прожигал» и говаривал, что «своя жизнь… не стоит, чтобы ее тянуть», и тому, что он был неудовлетворен «своим буржуазным укладом жизни, своей юридической работой, своим времяпрепровождением». Знакомые радикалы вспоминали, что он был «внутренне безрадостный, осенний». Он сам писал в письме: «Нет никакого интереса к жизни. Ничего, кроме бесконечного ряда котлет, которые мне предстоит скушать в жизни… Тоскливо, скучно, а главное одиноко…»(101). Такой человек вряд ли стал бы прилагать много усилий к сохранению подобного существования. Один его знакомый почувствовал его склонность к самоубийству, а хорошо известный журналист А.А. Изгоев потом писал, что вполне естественно, когда скомпрометированному «революционеру-агенту охранки» приходит в голову мысль покончить с жизнью через какой-нибудь выдающийся террористический акт, и что такова была и психология Богрова(102).

Можно пойти дальше и предположить, что для Богрова, как и для ряда других экстремистов, совершение громкого теракта, наверняка влекущего за собой арест и казнь, являлось высшей формой самоубийства. По его собственным словам, Богров был разочарован своей бессмысленной жизнью(ЮЗ), может быть, он хотел, чтобы хотя бы его смерть не была столь же бессмысленной. Он обдумал и выполнил свой теракт, прекрасно зная, что в результате его он умрет(104). «Рожденный со страстной натурой игрока, он не мог жить браднично и покойно, он во всем и всегда искал сильных ощущений, тревожных и ярких впечатлений…Он превратил свою жизнь в азартную игру, и в этой игре последней ставкой была его собственная жизнь»(105).

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Убийство Столыпина было последним сильным ударом террориста нового типа в самое

сердце современного политического строя. В левых кругах в России и за границей царило ликование в связи со смертью «официального убийцы», «вешателя» и «деспота»(106). О связях Богрова с полицией и его сомнительных делах

быстро стало известно общественности, что повлекло бесконечные дебаты о том, были ли замешаны в организации убийства Столыпина высшие чины Охранного отделения (что не подтверждается имеющимися в нашем распоряжении источниками). Хотя этот акт еще более дискредитировал террористическую тактику(107), отдельные случаи терроризма происходили вплоть до начала первой мировой войны. Согласно статистике Департамента полиции, в 1912 было зарегистрировано 82 случая революционного насилия, из них 22 — на Кавказе, 13 — в Польше, 9 — в Сибири(108). Все эти акты не были связаны с массовыми социально-политическими беспорядками в стране, которые проявлялись д, о 1914 года только в форме рабочих волнений.

Большинство сторонников революционного экстремизма, хотя и не имея возможности возродить массовый террор, не только никогда не осудили политические убийства, но даже разрабатывали планы будущих боевых операций. В первую очередь это относится к ПСР; члены этой партии в России, согласно несколько преувеличенным полицейским донесениям, были все ярыми террористами в душе(109). За границей руководству ПСР удалось собрать значительные суммы денег для будущих политических убийств, и буквально через несколько дней после убийства Столыпина в петербургскую полицию поступили сведения о том, что группа рядовых эсеров в Париже требовала от Центрального комитета немедленной организации террористической кампании в России и даже составила список подходящих жертв среди высших чинов гражданской и военной администраций ПО).

К лету 1912 года многие эсеры, особенно правые из группы так называемых

ликвидаторов, отказались от старых теоретических объяснений терроризма как устаревших и утопических. Они пришли к такому заключению, вполне еретическому для идеологии социалистов-революционеров, после дела Азефа и из-за неудач Савинкова в организации централизованного террора в 1909–1910 годах. Несмотря на оппозицию ликвидаторов, некоторые лидеры ПСР продолжали вынашивать планы новой волны террористической деятельности с целью срыва выборов в V Думу. В то же самое время Центральный комитет начал систематическую протеррористическую кампанию на страницах «Знамени труда», направленную на вербовку новых боевиков из среды молодых партийных активистов. В 1913 году, согласно решению выборгской конференции в мае, подтверждающему старые тактические методы партии, эсеры пытались организовать небольшой боевой отряд с целью осуществления их давнишнего замысла цареубийства. В это же время они обдумывали политические убийства нескольких высших российских чиновников(111).

Как и раньше, эсеры не ограничивались планами экстремистской деятельности на территории Российской Империи. В Париже группа эсеров выступала за террористическую деятельность за границей, призывая, в частности, к беспощадному истреблению полицейских осведомителей. Подозреваемые должны были допрашиваться с пистолетом у виска, и их следовало убивать, как только их связи с полицией подтверждались(112). Чернов также призывал своих последователей использовать успехи научного прогресса в области военной технологии, и, согласно полицейской информации, некоторые лидеры эсеров тайно обсуждали возможность использования аэропланов в террористических действиях. Их наиболее сенсационным предложением был план воздушной атаки во время празднеств по случаю трехсотлетия династии Романовых(ИЗ).

Несмотря на все эти приготовления, партия оставалась деморализованной и

разделенной и не могла похвастаться боевыми успехами. Центральному руководству было трудно найти верных боевиков и надежных боевых командиров, и дело оказалось в руках таких сомнительных личностей, как друг Савинкова Борис Бартольд, ненадежный и много пьющий. Попытки Бартольда вдохнуть жизнь в Боевую организацию ни к чему не привели(114). Группы эсеров на местах и отдельные лица за границей отказывались признавать, что террористическая тактика зашла в тупик, и хватались за любую возможность продемонстрировать жизненность террора. Боевик Петр Рухловский предлагал своим партийным начальникам увеличить доходы партии, позволив ему использовать давние связи на Урале и заняться прежним промыслом — экспроприацией государственных средств(115). Группа эсеров в Пензе, решившая сблизиться с анархистами, пыталась организовывать в своем городе крупные экспроприации, а в 1914 году послала с той же целью дюжину активистов в Петербург(Пб).

Представители других российских политических организаций также обсуждали и иногда осуществляли планы боевых операций. После побега из тюрьмы большевик Камо вернулся в 1912 году в Россию для того, чтобы достать денег для партийной казны. После совещания в Москве с Красиным Камо и оставшиеся члены его старого Кавказского террористического отряда 24 сентября попытались повторить тифлисскую экспроприацию 1907 года, организовав грабительское нападение на Коджорской дороге около Тифлиса. Эта акция провалилась из-за сопротивления полиции(117). После 1911 года другие, менее известные социал-демократы и члены малоизвестных экстремистских групп также совершали отдельные теракты. Во Франции одна такая группа, члены которой называли себя вольными социалистами, обратилась к лидерам ПСР за границей за финансовой поддержкой террористических актов против нескольких российских министров(118). В Российской Империи рядовые граждане время от времени продолжали получать письма с угрозами от лиц, якобы представлявших революционные группы за

границей.

Анархисты в России и за рубежом так никогда и не отказались от практики уничтожения всех, кого обвиняли в связях с полицией. Более того, некоторые анархисты и независимые экстремисты иногда предлагали ПСР свои услуги в качестве убийц, хотя партия обычно отказывалась от таких предложений из боязни скомпрометировать себя(119). В 1912 году, однако, несколько анархистов объединились с эсерами в Петербурге для совместных террористических операций против представителей центральной администрации, в том числе министра образования Кассо и самого царя(120). В следующем году члены по крайней мере одной группы анархистов в Париже выехали в Россию для совершения терактов в Петербурге(111). В отдаленных районах страны, таких как центральная и восточная Сибирь, Забайкалье и Дальний Восток, анархисты и другие политические ссыльные продолжали сотрудничать с беглыми уголовниками. Они объединялись в банды и грабили деревни и села, называя себя очень откровенно — например, «Партия грабителей». Деятельность таких банд в этих районах была особенно заметной в 1912–1913 годах(122).

Радикальные националистические организации также пытались возродить терроризм. Польские социалисты уверяли, что они стараются ради престижа и для демонстрации пролетариату силы и мощи партии. Эти заявления подкреплялись отдельными актами мести и экспроприациями государственного имущества, в том числе нападениями на почтовые поезда (иногда успешными). К тому же ППС сохранила боевую школу во Львове, где готовились кадры для борьбы с российским владычеством. В мае 1912 года школу окончили 12 новых боевиков(123). В том же месяце во Львове состоялась объединенная конференция РСДРП, левой и правой фракций ППС и двух менее известных польских организаций — Группы революционеров-мстителей и Союза активной борьбы (в которую входили и эсеры, и анархисты). На конференции была принята

секретная резолюция о проведении серии крупных экспроприации, доходы от которых должны были быть поделены между участвовавшими организациями. Группа революционеров-мстителей отнеслась к этой резолюции особенно серьезно, решив экспроприировать как государственную, так и частную собственность(124).

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, латышские революционеры также вынашивали планы террористических операций против участников прежних карательных военных действий царского правительства в Прибалтике. Они планировали покушение на жизнь императрицы во время ее поездки в Англию в 1913 году. В Финляндии представители Партии активного сопротивления в 1912 году решили любым способом убрать высших чиновников, лояльных к России. И наконец, в 1914 году армянский Дашнакцутюн, в это время бросивший главные силы на борьбу с турками, продолжал видеть в терроре на территории России прекрасный способ добывания денег(125).

Хотя начало первой мировой войны вызвало рост патриотических настроений даже в среде российских революционеров, некоторые из которых зашли так далеко, что временно стали на сторону правительства, многие радикалы приветствовали войну, считая, что она приведет к ослаблению царской власти, и поэтому они не отказались от террористической тактики. Отдельные экстремисты-эсеры продолжали свои эксперименты с новыми бомбами и взрывчатыми веществами и строили планы использования авиации в террористических действиях(12б). Эсеры думали о будущем и готовили боевиков для индивидуальных и массовых террористических акций после окончания войны(127).

Анархисты также продолжали приготовления к насильственным действиям, быстро приспособившись к новым политическим и международным обстоятельствам, предоставлявшим новые возможности для радикальных действий(128). Согласно

полицейским источникам, в конце 1915 года русские анархисты-коммунисты в Америке тайно получили десять тысяч долларов от немецких официальных лиц с заданием взорвать центр российских военных представителей в США. Хотя некоторые из них были против этого акта, другие смогли завербовать американских и итальянских товарищей в международный террористический отряд. Этот замысел, однако, не был осуществлен, и дело ограничилось обсуждениями различных действий против российского военного ведомства и его представителей за границей(129).

В то же время в российской провинции вновь появились полууголовные экстремистские группы, одной из которых руководил бессарабский атаман Григорий Котовский. Эти отряды терроризировали помещиков и других богатых граждан(130). На Кавказе, где традиционно в насилии участвовало много несовершеннолетних, в 1912 году действовал Революционный союз учащихся города Кутаиса; один из его членов Иона Лоркипанидзе ранил из пистолета директора классической гимназии(111). В Армении терроризм также не прекратился. 8 июля 1916 года лица, объявившие себя членами несуществующего Ереванского террористического органа, расклеили в разных частях города написанные от руки объявления с угрозами владельцам магазинов, которые повышали цены на основные продукты питания(132). Даже в Финляндии в сентября 1916 года арестовали несколько местных террористов по обвинению в том, что они собирались совершить покушение на жизнь губернатора Улеабор-га(133). В том же году начальник штаба российской армии генерал М.В. Алексеев получил анонимное письмо, в котором Николаю II угрожали судьбой его дяди, великого князя Сергея Александровича, и обещали убить его сына, двенадцатилетнего царевича Алексея(134).

Таким образом, терроризм в России в это время отнюдь не умер. Подготовка к насильственным действиям продолжалась вплоть до революции февраля 1917 года; происходили отдельные, хотя и не частые, теракты, например, убийства тюремных

служащих(135). В Златоусте весной 1916 года был казнен провокатор, причем в этом были замешаны большевики(136). Последнее совсем не удивительно, так как в это время фракция большевиков была особенно озабочена вопросом террора. В письме от 25 октября 1916 года Ленин писал, что большевики совсем не против политических убийств, только индивидуальный террор должен обязательно стоять в прямой связи с движением масс(137).

Ленин был готов в очередной раз изменить свои теоретические принципы, если этого требовали интересы дела, что он и сделал в декабре 1916 года, за два месяца до событий, положивших конец русской имперской истории. В ответ на запрос большевиков из Петрограда об официальной позиции партии в вопросе о терроре Ленин высказал свое: в данный исторический момент террористические действия допускаются. Единственным его условием было то, что в глазах общественности инициатива терактов должна исходить не от партии, а от отдельных ее членов или малых большевистских групп в России. Ленин прибавил, что он надеется убедить весь Центральный комитет в целесообразности своей позиции(138). Однако само время сняло вопрос о терроризме с повестки дня. События февраля 1917 года ставили перед всеми российскими революционерами новые цели.

Эпилог

Анализ террористической деятельности за два последних десятилетия существования российского самодержавия позволяет сделать некоторые важные выводы о характере антиправительственного движения, о кризисе 1905–1907 годов, о способности царской власти защищаться от внутренних врагов, стремящихся к ее немедленному уничтожению, и о политической культуре дореволюционной России. Изучение террористов нового типа

приводит к переоценке традиционных взглядов на это поколение российских экстремистов, согласно которым его представители принципиально не отличались от своих предшественников XIX века. Одной из главных задач нашей книги было показать, что в начале XX века на российской политической арене появилось совершенно новое поколение радикалов и что эти террористы нового типа, несмотря на свои национальные и местные черты, являлись предтечами современного политического экстремизма в Европе и во всем мире, экстремизма, который в последние десятилетия достиг размеров мировой эпидемии(1). Для понимания данного явления необходимо рассмотрение российского терроризма начала века в мировом и историческом контексте, с учетом, конечно, нестабильной политической ситуации в России того времени.

Существующая статистика российского терроризма показывает, что, в противоречии с утверждениями марксистских и неомарксистских ученых, массовое насилие в среде рабочих, крестьян, солдат, матросов и студентов не являлось ни единственной, ни даже главной отличительной чертой русского революционного движения. Необходимо изучать и понимать явления массового насилия, но нельзя не обратить внимания на неожиданную эскалацию индивидуальной террористической активности, поскольку оба эти явления расшатывали политические и социопсихологические основы царского режима, особенно в период после 1905 года.

Террористы ускорили падение царизма убийствами не только крупных государственных деятелей, но и тысяч низших военных и гражданских чинов. Чиновники, сами не ставшие жертвами террористов, жили в постоянном страхе за свою жизнь и жизнь своих близких, и этот страх неблагоприятно влиял на их душевное состояние и на выполнение ими служебных обязанностей. Можно сказать, что российские революционеры сумели сломать хребет российскому государственному аппарату, ранив его и духовно, и физически, что и привело к параличу власти в дни последнего кризиса царизма в марте

1917 года. Способность очень небольшого радикального меньшинства влиять на политику страны (часто недооцененная, но проявившаяся во всей силе в последующих событиях XX века) уже заметна в России в начале столетия.

После 1905 года в России террор не был прерогативой какого-то отдельного тайного общества или даже целого идеологического движения. Какие бы теоретические заявления ни делали разные партии российского революционного лагеря, на практике все они в той или иной мере видели в терроре удобное оружие борьбы с властями. К тому же террористы нового типа стремились к возможно большей независимости от центрального руководства своих организаций и предпочитали неконтролируемую деятельность спаянных боевых групп, действующих в глубокой конспирации и изоляции не только от буржуазного общества, но и от гражданских членов партии. Многие из них к тому же совершенно не интересовались даже основами революционных учений и жертвовали идеологией ради практических успехов. Никакие теоретические разногласия не могли воспрепятствовать террористам нового типа действовать в боевых операциях единым фронтом с членами левых организаций. Подобные межпартийные связи и сотрудничество наблюдаются на всем протяжении XX века среди террористов различных идеологических направлений во всем мире, объединенных лишь готовностью к насилию для достижения своих целей.

Во многих случаях члены террористических групп, включая даже наиболее однородную из всех — Боевую организацию ПСР, не были объединены общими для всех идейными принципами. Их взгляды варьировались от христианской этики до анархического увлечения разрушением, причем все было приправлено сильной дозой цинизма. Многие новые радикалы сомневались даже в конечных целях борьбы — освобождении трудящихся от политического и экономического угнетения, демонстрируя иногда полное равнодушие к судьбе рабочих масс. В результате жизни в условиях глубокой

конспирации, увлеченной подготовки террористических актов, изоляции от общества и товарищей по партии и вообще от мирного существования боевики теряли всякую перспективу и сознание высшей цели, утрачивая представления о всяком смысле своих усилий. Короче говоря, для боевика нового типа успешный теракт сам по себе становился целью, а не средством, и его жертвы были просто обезличенными символами ненавистной реальности, а не живыми людьми. Именно эти черты новых российских революционеров отличали их от прежних поколений террористов и выдвигали их в авангард экстремизма XX века. Беспорядочное использование насилия, столь характерное для России в предреволюционный период, распространилось в последующие десятилетия далеко за пределы Российской империи и создало ситуацию, в которой «жертвы не могут ничего сделать для того, чтобы избежать уготовленной им участи, так как у террориста своя система ценностей, согласно которой он и решает, кого убить. Правила войны — права нейтральных государств, мирных граждан, заложников, военнопленных — не являются обязательными для террориста. Все позволено»(2).

Вышеизложенное прямо связано с основной целью книги — заполнить пробел в истории российского радикального движения. Большинство научных трудов не подвергают сомнению заявления радикалов о чистоте своих рядов и не замечают, что «изнанка революции» в начале XX века играла в России не меньшую роль, чем впоследствии в других странах. Не умаляя бескорыстного идеализма и искренних революционных убеждений многих экстремистов, наша книга пытается проиллюстрировать на русском примере изыскания других ученых, писавших о неполитических мотивах боевиков, вступавших в террористические отряды, «чтобы примкнуть к группе, получить социальный статус и репутацию, найти чувство товарищества или всепоглощающего интереса или получить материальные блага»(3). Знание таких аспектов террора нового типа, как участие в освободительной борьбе

уголовников, психически неуравновешенных лиц и несовершеннолетних, позволяет создать более адекватную картину антиправительственного движения как в России, так и в других странах.

Революционное насилие, столь распространенное в Российской Империи в начале века, не было исключительно русским явлением. Случаи политически мотивированного кровопролития происходили в те годы и в других частях света, чему способствовало, в частности, международное сотрудничество террористов. Однако несомненно, что, в то время как в Западной и Центральной Европе, Индии и США отдельные политические убийства совершались лишь время от времени, именно в царской России террор стал систематическим и частым явлением.

Если рассмотреть этот феномен в более широкой временной перспективе российской истории, его можно частично объяснить социальной отсталостью страны, в которой до начала XX века «не было основных условий для организованного коллективного социального протеста на каком-либо уровне». Ни крестьяне, несмотря на их спонтанные беспорядки (спровоцированные спорами о земле), ни численно незначительный и психологически неукоренившийся городской пролетариат, ни слабый и в большинстве своем безразличный к политике средний класс не могли быть социальной средой для зарождения такого протеста(4). Интеллигенция, отдалившаяся от самодержавного строя и не пользующаяся поддержкой широких слоев общества, обратилась к радикализму и была не в силах способствовать цивилизованному развитию политической культуры страны и исправить главный недостаток российской государственности — отсутствие глубокой либеральной традиции.

Этот недостаток особенно ясно проступает при изучении благожелательного отношения к революционному терроризму и косвенного его поощрения со стороны кадетов, бывших

духовно, если не на практике, частью объединенного антиправительственного фронта. До 1917 года российский либерализм не видел своих врагов в радикальном лагере и потому находился гораздо левее политического центра, как этот центр обозначился, например, в Западной Европе(5). Кадеты, способствуя радикализации политического процесса, должны рассматриваться скорее как революционеры, а не как либералы в общепринятом смысле этого слова. Трагедия русской политической жизни в том и заключалась, что в России не было настоящего либерального движения, которое могло бы занять место кадетов в центре политической арены, а также умерить революционные страсти и уверенно отстаивать законный порядок, основанный на современных юридических и законодательных нормах.

Имперское правительство, неспособное привлечь на свою сторону умеренных либералов или предоставить мирный выход политическим страстям для тех, кто вставал на путь терроризма, оказывалось вынужденным использовать грубую силу для разрешения ситуации. В 1905 году эта-то ситуация и вышла из-под контроля. Тем не менее даже прямые репрессии против революционеров привели лишь к частичным успехам, и традиционное мнение, что к концу 1907 года правительству удалось полностью восстановить спокойствие и порядок, не подтверждается фактами. Хотя и ослабленная, волна терроризма продолжала разливаться по Российской Империи до 1910 года. Да и в последующие годы, включая военные, когда самодельные бомбы больше не взрывались на улицах российских городов и правительственные чиновники не ожидали пули экстремистов из-за каждого угла, правительство все же не могло похвастаться окончательной победой над террористами, поскольку представители различных лево-радикальных организаций не отказались от террористической тактики и продолжали вынашивать планы возрождения террора до самой Февральской революции 1917 года.

Изучение терроризма в России позволяет оценить позицию царского правительства в ситуации постоянных попыток экстремистов поколебать основы государственного устройства. Пример России подтверждает, что террористические действия особенно распространены в таких обществах, где одним из выходов из сложившейся ситуации являются реформы и мирные перемены. «При режимах, могущих прибегать к неограниченному давлению и контролирующих использование средств массовой информации, случаи терроризма редки», и это помогает понять пассивность опытных российских террористов после октября 1917 года, не решавшихся бороться с большевистской диктатурой. В демократиях же, слабо авторитарных или относительно открытых обществах терроризм процветает(6).

Годами ученые спорили о том, привело ли противников самодержавного строя к террору само правительство, вставшее на путь политической реакции, или это террористы изменили курс правительства, готового к либерализации, на политически застойный и репрессивный. Оба подхода только частично правильны сами по себе, но они дополняют друг друга, и если уж искать виноватого, то придется обвинить обе стороны. Нет сомнений в том, что убийства и экспроприации спровоцировали правительственные репрессии; нет также сомнения и в том, что первые выстрелы террористов в начале XX века были показателем общего нездоровья российской политической жизни. И несмотря на то, что в течение всего первого десятилетия правительство видело в революционном терроризме свою главную проблему, самодержавие так и не смогло разглядеть, что вызвало и на что указывало это явление. Эта роковая ошибка привела к революции, которая смела традиционный порядок, боровшийся с симптомами опаснейшей болезни, а не с самой болезнью.

Радикализм последнего десятилетия российского самодержавия, временно ушедший в подполье, не был побежден, он выжил в большой степени из-за того, что «самодержавие

своей политикой нерешительной беспощадности — либо слишком жесткими, либо недостаточными мерами — только вызывало недовольство общества, не избавляясь от оппозиции(4). Несмотря на короткий период временного примирения в начальной фазе первой мировой войны, глубокая пропасть между правительством и обществом — разрыв, который уже стал традиционным для России, — так и не исчезла. Российская революционная оппозиция, постоянно недовольная правительственными социально-экономическими, образовательными и военными реформами и нежеланием власти идти на политические уступки, ожидала лишь случая для открытого выступления. Как и в других странах, это создавало благоприятную почву для возрождения экстремизма и насилия.

При оценке последствий террора первых лет нашего века необходимо помнить, что этот феномен породил целое поколение новых революционеров — радикалов нового типа, — проливавших кровь с гораздо большей легкостью, чем их предшественники. В роковом 1917 году эта готовность к насилию оказалась очень полезной при уничтожении реальной и потенциальной оппозиции революции. Перед самым началом беспорядков в Петрограде Александр Керенский с трибуны V Государственной думы призывал к устранению царя террористическими методами (это же он предлагал и раньше — в 1905 году) (8). После большевистского переворота в октябре 1917 года многие практики террора использовали свой предыдущий опыт политических убийств и принуждения, демонстрируя своими действиями непрерывность традиции российского экстремизма.

После 1917 года многие бывшие террористы посвятили себя обывательским, далеким от политики занятиям. Ярким примером может служить Петр Рутенберг, организовавший в 1906 году убийство Гапона. Он уехал в Палестину и стал там преуспевающим промышленником, основав электрическую компанию(9). Другие, как, например, Вячеслав Малышев, остались в душе террористами. Малышев, бывший член Северного летучего

боевого отряда ПСР, уехал в Иерусалим и стал монахом. В 1949 году, будучи уже архимандритом и настоятелем Никольской русской православной церкви в Тегеране, он написал своему бывшему партийному руководителю Чернову (жившему в Нью-Йорке) письмо, в котором сравнивал себя со старой боевой лошадью, услышавшей звук военной трубы, и предлагал вновь заняться «с Божьей помощью» прямыми политическими действиями против большевиков, может быть, через ирано-советскую границу(10). И тем не менее, за исключением нескольких изолированных покушений на жизнь советских лидеров, в том числе ранения Ленина в августе 1918 года, террористы, использовавшие политические убийства в борьбе с царизмом, не прибегали к этой тактике для борьбы со своими бывшими товарищами из экстремистской фракции РСДРП (частично потому, что не могли избавиться от чувства революционной солидарности). Наиболее заметным исключением был Борис Савинков, который так же рисковал своей жизнью в годы гражданской войны против большевиков, как раньше в борьбе с самодержавием.

С другой стороны, на удивление большое число террористов осталось в России после прихода к власти большевиков и участвовало в ленинской политике «красного террора». Многим профессиональным экстремистам, чьим главным занятием до 1917 года было «кровопускание», революция предоставила возможность вернуться из мест заключения или из-за границы и заняться привычным делом. Они шли на работу в органы государственного терроризма, такие, как губернские и областные отделения ЧК, руководимой в то время «железным Феликсом» — Дзержинским, которого, согласно имеющимся сведениям, за десять лет до этого лечили от психического заболевания, называемого «циркулярным психозом». Два его заместителя, Мартин Лацис и Михаил Кедров, в прошлом были замешаны в экстремистских действиях(11). Бывшие террористы также входили в революционные трибуналы, а после 1922 года работали в органах ГПУ (Государственное политическое управление). Большевики были не единственными

бывшими террористами, проводившими политику советского красного террора. Другие социал-демократы, максималисты, левые эсеры и анархисты, по-прежнему считая всех революционеров частью общего фронта, охотно предлагали свои услуги советским репрессивным органам(12).

Советский режим был действительно наследником террористической патологии. Именно на Урале, где в 1905 году террористическая деятельность большевиков была особенно интенсивной, после 1917 года последователи Ленина смогли наиболее успешно сорганизовать свои старые боевые кадры(13). Нескольким боевикам, доказавшим свою верность и усердие во время большевистских экспроприации в регионе во время первой русской революции, теперь давались наиважнейшие для молодого советского руководства задания. А. Мясников, который заболел психической болезнью во время заключения в каторжной тюрьме (куда попал за свои боевые действия в 1905–1907 годах), в 1918 году стал членом ЧК и в июне того же года лично руководил убийством великого князя Михаила Александровича Романова(11). Бывший боевик Константин Мячин (В.В. Яковлев) сопровождал семью Николая II из Тобольска в Екатеринбург, где Романовы и были убиты по приказу Москвы(15). Петр Ермаков, тоже боевик времен первой русской революции, был одним из трех палачей, расстрелявших 16 июля 1918 года Николая II, его жену Александру, их пятерых детей, камердинера, повара, горничную и Евгения Боткина — семейного врача. Ермаков, фанатик-революционер, потом рассказывал, что он убил царицу, доктора Боткина и повара из собственного маузера(16). Сейчас точно установлено, что секретный приказ об убийстве императорской семьи в Екатеринбурге был отдан Лениным, главой Совнаркома, и Свердловым, председателем Центрального исполнительного комитета. Как мы знаем, при царском режиме Ленин был сторонником боевой деятельности большевиков, а Свердлов сам принимал в ней активное участие.

В различных регионах Советской России коммунисты, проводившие политику красного террора, показывали себя истинными представителями изнанки революции. Неограниченное насилие использовалось для запугивания настоящих и мнимых контрреволюционеров, а также и просто мирного населения. Массовые убийства, грабежи, изнасилования, избиения и пытки были в порядке вещей; в ЧК, в трибуналах, в народной милиции, в Красной Армии и среди советских правительственных чиновников процветали пьянство, наркомания и садизм, что приводило к тому, что сами большевистские партийные лидеры называли своих подчиненных бандитами. В первые годы советской власти целые области были охвачены «красным бандитизмом», в котором участвовали отдельные большевики, местные партийные ячейки и целые партийные организации, не контролировавшиеся центральным руководством(17).

Бывали моменты, когда само существование советского государства зависело от успеха террористических мер. 17 ноября 1917 года Государственный банк в Петрограде отказался признать Совнарком в качестве законной власти и допустить его к правительственным средствам. Новое правительство оказалось в отчаянной финансовой ситуации, и В.Р. Менжинский, комиссар финансов, лично приехал в банк и с помощью своих вооруженных помощников заставил служащих открыть сейфы, откуда и забрал пять миллионов рублей. Менжинский засунул деньги в бархатный мешок, который с триумфом положил на стол Ленину. Вся операция напоминала ограбление банка в стиле большевистских экспроприации до революции(18).

Ряд основателей и крупных деятелей советского государства, ранее участвовавших в экстремистских акциях, продолжали свою деятельность в измененной форме и после 1917 года. Котовский, терроризировавший Бессарабию в начале века, стал во время гражданской войны легендарным кавалерийским командиром Красной Армии, а Михаил Фрунзе, отбывший срок заключения в царской тюрьме за теракт 1907 года, превратился в

военного комиссара Советской республики. Камо, этот «артист революции», как его назвал Горький, вернулся осенью 1918 года на Кавказ и поступил на работу в бакинскую ЧК, а летом 1919 года Центральный комитет большевиков поручил ему организовать специальную террористическую группу для засылки на территорию, оккупированную силами генерала Деникина. При подготовке этой операции Камо наконец-то смог использовать свою давнюю и любимую идею (план 1911 года): испытание кадров на верность страхом и пытками. Во время учебных занятий на потенциальных террористов нападала группа людей, представлявшихся солдатами Белой армии (на самом деле они были помощниками Камо, переодетыми в форму белых), их брали в плен и допрашивали. Пленных пытали, секли, грозили повесить, и несколько большевиков под пыткой сломались, что, безусловно, подтвердило целесообразность метода Камо по отделению «настоящих коммунистов» от трусов(19).

Другие известные большевики перешли от своего дореволюционного терроризма к деятельности в верховном руководстве при советской власти. Леонид Красин, так активно участвовавший в боевой деятельности партии до 1917 года, стал официальным советским дипломатическим представителем в Лондоне. Николай Буренин — правая рука Красина в военно-технической группе — участвовал в различных финансовых махинациях большевистских лидеров после революции, например, план спрятать большие суммы тайно отпечатанных денежных купюр для использования Лениным и его помощниками в том случае, если новый переворот вынудит их опять уйти в подполье(20). Максим Литвинов — бывший эксперт по добыванию оружия для большевистских боевиков — поднялся по иерархической лестнице до поста министра иностранных дел в правительстве Сталина.

Вероятно, никто так не символизирует террористические основы советского режима, как сам Сталин. Его ранняя карьера профессионального революционера, включая

многолетнее участие в сомнительных мероприятиях на Кавказе, наложила сильный отпечаток на стиль его руководства. Несмотря на все попытки скрыть свое прошлое, оно проявлялось в патологичное его личности и действий. Президент США Франклин Рузвельт заметил, что, хотя он ожидал увидеть в главе советского государства джентльмена, в Кремле он нашел бывшего кавказского бандита(21). В проведении своих фантастических планов по формированию жизни и умов людей путем революции сверху Сталин полагался на помощь своих подчиненных, чьи опыт, идеология и психология были продуктом красного бандитизма. Эти представители изнанки революции смогли полностью воплотить все свои устремления при сталинизме, который нуждался в их помощи снизу(22). А сам Сталин, типичный революционер нового типа, оказавшийся обладателем почти абсолютной власти, сумел «успешно» закончить беспрецедентный эксперимент построения сложнейшей репрессивной системы, основанной на государственном терроризме.

ПРИМЕЧАНИЯ. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивы

АЧ — Архив В. Чернова, Международный институт общественной истории, Амстердам.

АК — Архив Л.Б. Красина, Международный институт общественной истории, Амстердам.

АМ — Архив Л.П. Меньшикова, Международный институт общественной истории, Амстердам.

АР — Фонд Александра Рождественского, Международный институт общественной истории, Амстердам. АС — Архив самиздата, Радио «Свобода», Мюнхен. ГАРФ —

Государственный архив Российской Федерации, Москва. Ник. — Фонд Бориса Николаевского, Архив Гуверовского института, Стенфорд, Калифорния.

Охр. — Архив заграничной агентуры Департамента полиции (фонд Охраны), Архив Гуверовского института, Стенфорд, Калифорния. ПСР — Архив Партии социалистов-революционеров, Международный институт общественной истории, Амстердам.

Мы старались упростить систему ссылок на архивные материалы, но так, чтобы существенная информация при этом не терялась. В ссылках на западные архивные источники номера коробки и папки указаны в сокращенной форме, позволяющей читателю найти при желании эти документы. Таким образом «Охрана XX Vh—4C» означает «Фонд Охраны, коробка XX Vh, папка 4C». Соответственно, «Ник. 435—27» означает «Фонд Бориса Николаевского, коробка 435, папка 27». Отсылки к ГАРФ более сложны и могут включать в себя номера собраний документов (фонд или ф.), описи (оп.), номер дела (д.) и части (ч.); об. (оборотный) после номера страницы отсылает читателя к оборотной стороне листа.

Журналы

КА — «Красный архив»

КЛ — «Красная летопись»

КС — «Каторга и ссылка»

ПР — «Пролетарская революция»

ВЕ — «Вестник Европы»

Статьи из этих журналов и других российских и советских периодических изданий, почти исключительно печатавших исторические документы и мемуары, имеют полные

выходные данные при первом появлении в примечаниях и незначительно сокращенные в дальнейшем. Информация о том, как заинтересованный читатель может найти эти статьи, сопровождает каждое примечание.

Ссылки на мемуары, документы и газетные статьи, являющиеся частью архивных собраний, приводятся подобным же образом: первый раз — полностью, потом — с сокращениями; читателю не составит труда найти эти материалы.

Все другие источники в примечаниях — опубликованные документы и исследования — цитируются в сокращенном виде и указаны в библиографии со всеми выходными данными.

Другие важные сокращения

ГД 1906 — Государственная дума. Стенографические отчеты.

Сессия первая, 1906, заседания 1—38.

ГД 1907 — Государственная дума. Стенографические отчеты. Сессия

вторая, 1907, заседания 1—53.

ПСС — Полное собрание сочинений

Доклад ДДП — Доклад директору Департамента полиции

Отсылки к стенографическим отчетам заседаний Государственной думы включают год, заседание, том и номер страницы, напр.: ГД 1906, 15—1, 643.

Литература

ВСТУПЛЕНИЕ

1. Несмотря на свою идеологическую тенденциозность, интересь следующие труды советских историков по истории партии «Народной воли»: С.С. Волк, Народная Воля, 1879–1882, Москва-Ленинград, 1966; НА. Троицкий, «Народная воля» перед царским судом, Саратов, 1971.

2. См., например, Adam B. Ulam, in the Name of the People, Prophets and Consp rators in PreRevolutionary Russia (Нью-Йорк, 1977); соответствующие места в ставшей классической работе Франко Вентури (Franco Vcntur , Roots of Revolution: A H story of the Popul st and Socialist Movement in N neteenth-Century Russia (Нью-Йорк, 1970); и недавнюю статью Астрид фон Борке «Насилие и террор в русском революционном народничестве: Народная воля, 1879—83» (Astr d von Borcke,Violence and Terror in Russian Revolutionary Popul sm: The Narodnaya Volya, 1879—83», в: Wolfgang J. Mommsen and Gerhard H rschfeld, eds., Social Protest, Violence and Terror in N neteenth- and Twent eth-Century 1-urope (Нью-Йорк, 1982), 48–62).

3. Norman M. Naimark, Terrorists and Social Democrats. The Russian Revolutionary Movement under Alexander (Кембридж, Массачусетс, 1983).

4. Согласно данным Нэймарка, в 1860-х было два неудавшихся покушения на убийство, а в 1877–1881 — приблизительно тридцать пять удачных терактов (Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», опубликованная публичная лекция в Бостонском университете, 14 апреля 1986, 4).

5. Книга А.И. Спиридовича (А. . Sp r dov tch, H sto re du Terrorisme Russe (Париж, 1930); написана бывшим чином царской полиции и не отличается аналитичностью, однако она ценна как единственное обобщающее изложение событий, богатое фактами.

6. Существующие работы об этих партиях написаны, главным образом, видными большевистскими деятелями и носят дидактический и полемический характер. Среди типичных примеров таких работ мы можем назвать: А.В. Луначарский, Бывшие люди. Очерки партии эсеров (Москва, 1922); Ю. Стеклов, Партия социалистов-революционеров (Москва, 1922); А. Платонов, Страничка из истории эсеровской контрреволюции (Москва, 1923); Я. Яковлев, Русский анархизм в великой русской революции (Москва, 1921); В. Залежский, Анархисты в России (Москва, 1930).

7. Наиболее важные исследования о Партии эсеров названы в соответствующей главе. О революции 1905 года см. среди прочих: S dney Harcave, F rst Blood: The Russian Revolution of 1905 (Нью-Йорк, 1964); John Bushnell, Mut neers and Revolutionar es: M l tary Revolution in Russia, 1905–1907 (Блумингтон, Индиана, 1985); Walter Sabl f sky, The Road to Bloody Sunday (Принстон, Нью-Джерси, 1976); Shmuel Gala , The L berat on Movement in Russia 1900–1905 (Кембридж, Англия, 1973); и особенно новое исследование Abraham Ascher, The Revolution of 1905: Russia in D sarray (Стен-Форд, 1988).

8. Автор настоящей книги согласен с мнением Уолтера Лакера, ведущего специалиста по революционному террору, что «любое определение политического терроризма, выходящее за пределы описания систематического использования убийств, увечий и разрушений или угроз совершения подобных актов с целью достижения политических целей, всегда ведет к бесконечным противоречиям» и что «можно Убедительно предсказать, что споры о всеобъемлющем, подробном определении терроризма будут вестись еще очень долго, что они не увенчаются консенсусом и не внесут заметного вклада в понимание терроризма». Тем не менее нам кажется полезным предложить одно, опубликованное в 1930-х в Энциклопедии общественных наук, определение терроризма как «метода (или теории, обосновывающей его), каким организованная группа или партия пытается достичь своих целей, главным образом сводящегося к систематическому

использованию насилия». Это определение показывает, что терроризм отличается по существу не только от государственного террора, но и от бесчинств толпы и массовых мятежей (Walter Laqueur, Terrorism [Бостон — Торонто, 1977], 81п, 135). Полезно также помнить, что терроризм является тактикой устрашения и цель экстремистов — «использование террора для ослабления воли общества или правительства и для подрыва морали. Это форма тайного психологического оружия» (M lton Meltzer, The Terrorists [Нью-Йорк, 1983], 6–7).

9. А. Серебренников, ред. Убийство Столыпина. Свидетельства и документы (Нью-Йорк, 1986), 319. Некоторые бывшие радикалы полностью с этим соглашались и выдвигали похожие определения новой породы боевиков и экспроприаторов (А. Локерман, «По царским тюрьмам. В Екатеринославе», КС 25 [1926], 186).

10. Секира 12 (1906), 7, Ник. 436-2.

11. Настоящая книга соглашается со многими исследованиями, утверждающими, что, хотя не существует «особого психологического типа, особого склада личности, одинакового для всех террористического склада ума… люди с определенными личностными чертами и наклонностями неудержимо влекутся к террористическим занятиям… Некоторые авторы описывали террористов как агрессивных людей действия, ищущих возбуждения и стимулирования». Они «часто влекомы жаждой действия и не обдумывают серьезно последствия». Среди российских террористов очень часто «встречались лица с нарцистически-ми и пограничными отклонениями личности». Такие лица часто страдают от ущемленного самомнения, идеализируя свое гипертрофированное «я» и видя в других «все ненавистные и низкие свои слабости… Не умея справляться со своими недостатками, человек с таким складом личности нуждается в объекте для ненависти и обвинения его в собственных слабостях», что ведет к тому, что

он «находит группу единомышленников, чье кредо — «Это не мы, это — они; они — источник всех наших проблем» (Jerrold M. Post, «Terrorist Psycho-Log c: Terrorist Behav or As a Product of Psycholog cal Forces», Or g ns of Terrorism, Walter Re ch, ed. [Кембридж, 1990], 27–28, 31; Laqueur. Terrorism, 119). Наблюдатели современной террористической деятельности по всему миру также отмечают явление, называемое в нашей книге новым типом террора, подчеркивая, что «если ранние террористические группы воздерживались от актов намеренной жестокости… с изменением характера терроризма, как левого, так и правого, гуманное поведение больше не является нормой… Политический террорист наших дней… освободился от угрызений совести» (Laqueur, Terrorism,

222). Более того, специалисты приводят случаи, когда «[террористические] группы завязывали отношения с уголовными бандами или просто сами превращались в таковых» (Leonard We nberg and W ll am Eubank, «Politic al Part es and the Format on of Terrorist Groups,» Terrorism and Politic al Violence, 2 [2] [лето, 1990], 129).

ГЛАВА

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ТЕРРОР В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1. В.М. Чернов, Перед бурей (Нью-Йорк, 1953), 169.

2. Von Borcke, «Violence and Terror in Russian Revolutionary Populism», 59–60.

3. Maureen Perrie, «Political and Economic Terror in the Tactics of the Russian Socialist Revolutionary Party before 1914», в Mommsen and Hirschfeld, Social Protest, Violence and Terror, 68, таблица 6.2.

4. Как правило, женщины из рабочей среды и крестьянки не были затронуты

феминистскими идеями, обычно сопутствующими политическому радикализму; в сравнении с мужчинами они были более ограничены в своих передвижениях и уровень грамотности среди них был намного ниже (Amy Knight, «Female Terrorists in the Russian Socialist Revolutionary Party», The Russian Review 38[2] [апрель 1979]: 144).

5. Найт рассматривает социальное положение женщин-террористок там же, 144–145.

6. Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 5; Laqueur, Terrorism, 121.

7. Некоторые террористки казались своим товарищам похожими на монахинь (Борис Савинков, Воспоминания террориста [Харьков, 1926], 117).

8. Knight, «Female Terrorists», 145–146.

9. См., например, донесение полицейского агента от 1901 года, Охрана V1J- 1.

10. Richard G. Robbins, Jr., Famine i Russia 1891–1892 (Нью-Йорк, 1975), 1–8.

11. Администрация умело и эффективно организовала одну из самых крупных спасательных акций в русской истории. Согласно Ро66инсу, «размах правительственной деятельности был необычайным, во много раз превосходя действия при голоде в предыдущие годы» (там же, 168).

12. Некоторые радикалы утверждали, что щедрая помощь крестьянам помогла правительству справиться с кризисом и таким образом только укрепила «хилый режим» в России (О.В. Аптекман, «Партия Народного Права», Былое 7 [19] [1907], 189; см. также Г. Ульянов, «Воспоминания о М.А. Натансоне», КС 4 [89] [1932], 71). С этого времени подобные настроения стали типичными для противников правительства, один из которых был особенно откровенен в личном письме: «Если, по воле Божьей, в этом году у нас будет неурожай, ты увидишь, что за игра начнется» («Из отчета о перлюстрации

Департамента полиции за 1908 год», КА 2 [27] [1928], 156).

13. Ульянов, «Воспоминания о М.А. Натансоне», КС 4 (89) (1932), 73; Чернов, Записки, 95.

14. См., например, Спиридович, Партия социалистов-революционеров, 25; и С. Нечетный (С.Н. Слетов), «Очерки по истории П.С.-Р.», Социалист-Революционер 4 (1912), 19.

15. В.М. Чернов, Записки социалиста-революционера (Берлин, 1922), 95; В.В. Широкова, Партия «Народного Права» (Саратов, 1972), 26; Г.С., «Мужицкий доброхот», КС 5 (78) (1931), 131.

16. Этот процесс сильно напоминал постепенное превращение народнических пропагандистов.1870-х годов в практиков террора. Согласно Софье Перовской,'одной из руководителей Партии «Народной воли», она и ее товарищи были вынуждены прибегнуть к терроризму как единственному способу пробудить массы после безуспешных попыток сделать это путем агитации (Вячеслав Веножинский, Смертная казнь и террор [С.-Петербург, 1908], 25; см. также Ventur , Roots of Revolution, 505, 577). Наблюдатели отмечают, что «неспособность тех, кто принимает близко к сердцу участь бедняков или жертв дискриминации, заручиться поддержкой именно тех слоев общества, которые в первую очередь страдают от подобных обстоятельств, заставила многих радикалов в разных частях мира стать террористами» (We nberg and Eubank, «Politic al Part es and the Format on of Terrorist Groups», 126).

17. Цит. по James Frank McDan el, «Politic al Assass nat on and Mass Execut on: Terrorism in Revolutionary Russia, 1878–1938», докторская диссертация (Мичиганский университет, 1976), 97–98; Laqueur, Terrorism, 111.

18. Manfred H Idermeier, «The Terrorist Strategies of the Socialist-Revolutionary Party in Russia», в Mommsen and Hirschfeld, Social Protest, Violence and Terror, 84.

19. См., например, «Из общественной хроники», ВЕ 10 (1906), 873.

20. С.Е. Крыжановский, Воспоминания (Петрополис, б/д), 208.

21. Новая организация официально называлась Социал-революционная партия народного права, но она унаследовала свое сокращенное наименование от «Народной воли», заменив слово «воля» словом «право» (Чернов, Перед бурей, 77–78). В то же самое время ее члены пытались дистанцироваться от тактических принципов «Народной воли», утверждая, что ни несколько бомб, ни кружок конспираторов не смогут уничтожить самодержавие; только «политическая партия в полном смысле слова может сделать эту работу» (Naimark, Terrorists and Social Democrats, 237; см. также Чернов, Записки, 143).

22. М. Вишняк, «Трагедия террора», Новое русское слово, 24 марта 1957, Ник. 267-6.

23. О сборе средств партией см.: письмо б/д от Эммы Гольдман Е. Брешковской, ПСР 1–1; полицейское донесение от июня 1905, Охрана XV b(6)—2; копия письма, подписанного «С.Р. Шакмейстер», из Нью-Йорка Рубановичу в Париж, 1 февраля 1907, Охрана XVI n—5A (этот же документ есть и в ПСР 3—286); письмо без адреса от Гершуни к Л.С., 15 января 1907, с. 1, и письмо Гершуни его брату Павлу,

16 февраля 1907, с. 1, оба в Ник. 12—1; донесение агента из Нью-Йорка, 12 июня 1907, Охрана XXVa-2B; донесение агента из Парижа, 2 декабря 1906, Охрана V J—15C.

24. См. «Из обзора важнейших дознаний о государственных преступлениях за 1901 год», 252, Ник. 197—7; и полицейское донесение от 26 апреля (9 мая) 1905, Охрана XXIV -IA.

25. «Сведения о ввозе оружия в Россию, сношения с комитетами в России и сведения о деятельности революционных организаций», б/д, Охрана XX Vh-5N. Русские революционеры завязали тесные связи с производителями и торговцами оружием в Европе, и в результате российских событий 1905–1906 годов в Германии одна фабрика, производящая оружие, почти удвоила выпуск браунингов (С.М. Познер, ред., Боевая группа при ЦК РСДРЩб] [1905–1907 гг.). Статьи и воспоминания [Москва — Ленинград, 1925], 64).

26. А.И. Спиридович, История большевизма в России (Париж, 1922, переиздано в Нью-Йорке, 1986), 120.

27. «Донесения Евно Азефа», Былое 1 (23) (1917), 221.

28. Стрелы 9 (7 января 1906): 7, Ник. 436—7; Искры 8, ПСР 2— 132.

29. «Афоризмы», Забияка 3 (26 1906), 7, Ник. 436—13.

30. Нагаечка 4–9, Ник. 435—27.

31. Две полицейские телеграммы б/д, Охрана XX V —1A; см. также доклад Имперского Российского Посольства в Лондоне от 26 марта (7 апреля) 1894, Охрана XIX—13. Слова Веры Фигнер демонстрируют важность факта цареубийства для «Народной воли».. Революционеры чувствовали, что «все было искуплено кровью царя, пролитой нашими руками»; в результате его смерти «реакция должна остановиться и дать дорогу новой России» (цитируется в McDan eI, «Political Assasination and Mass Execution», 89).

32. См., например, «Приложение к № 21–22 «Знамени труда», ПСР 3-236.

33. Особенно разгневала как революционеров, так и либералов речь

17 января 1895, в которой царь заявил делегации земств и дворянских собраний, что

мечты об участии в управлении внутренними делами бессмысленны, потому что он намеревается «защищать основы самодержавия так же твердо и неуклонно, как его незабвенный отец» (В. Бурцев, ред., За сто лет, 1800–1896 [Лондон, 1897], 264; см. также Richard P pes, Struve: L beral on the R ght, 1905–1944 [Кембридж, Массачусетс, 1980], 154).

34. Полицейское донесение от 22 ноября (4 декабря) 1896, Охрана XXVb—1; Степан Н. Слетов, К истории возникновения партии социалистов-революционеров (Петроград, 1917), 61–62.

35. В.Л. Бурцев, Долой царя! (Лондон, б/д), 16–17, ПСР 1 — 19; полицейское донесение от 22 апреля (4 мая) 1894, Охрана XXIV —1А. Об аресте Бурцева, суде над ним и восемнадцатимесячном тюремном заключении в Лондоне в 1898 г. за пропаганду цареубийства см. Бурцев, Долой царя! 44–56, ПСР 1 — 19, и полицейское донесение от 4 декабря 1903, Охрана ХП1с(2)—2С.

36. Доклад ДДП 22 декабря 1901, Охрана ХП1Ь(1)—1, исходящие документы (1901), док. 11.

37. См., например, полицейское донесение от июня 1895, Охрана XX V -IA.

38. См., например, Обзор важнейших дознаний, производившихся в Жандармских Управлениях за 1897 год (С.-Петербург, 1902), 111–114; Бурцев, Долой царя! 1, 20., ПСР 1 — 19.

39. См., например, «Взрыв в Знаменском монастыре в Курске», вырезка из неизвестной газеты, б/д, ПСР 3—293; «Апрель 27 1899 г.», Ник. 71-7.

40. Кропоткин, Русская революция и анархизм, 51.

41. Бурцев, Долой царя! 17, ПСР 1 — 19.

42. Доклад ДДП от 22 декабря 1901, Охрана Х1ИЬ(1)—1, исходящие документы (1901), док. 1.

43. Там же.

44. Полицейское донесение от 16 октября 1901, Охрана XIX— 12А.

45. Полицейское донесение от 4 июня 1902, Охрана XV а—2; доклад ДДП от 20 июля (2 августа) 1901, Охрана XV а—2; см. также «Из обзора важнейших дознаний», 250, Ник. 197—7.

46. Доклад ДДП от 22 декабря 1901, Охрана ХШЬ(1)— 1, исходящие документы (1901), док. 11.

47. Реакция российских политических эмигрантов на Кровавое воскресенье очень показательна. Один социал-демократ вспоминает: «Всем на удивление, никто из русских не был печален… Наоборот, они пребывали в оживленном и повышенном настроении. Было ясно, что 22 (9) января будет сигналом к победоносной борьбе» (О. Пятницкий, Записки большевика [Москва, 1956], 65).

48. We nberg & Eubank. «Politic al Part es and the Format on of Terrorist Groups», 141.

49. Laqueur, Terrorism, 145.

50. W ll am Bruce L ncoln, in War's Dark Shadow: The Russians before the Great War (Нью-Йорк, 1983), 351.

51. Веножинский, Смертная казнь и террор, 28.

52. Александр Блок, «Народ и интеллигенция»

53. Это мнение было особенно распространено среди русских либералов (см.,

например, П. Струве, «Наши непримиримые террористы и их главный штаб», Освобождение 55 [2 сентября 1904], 83).

54. Jacob Walk n, The R se of Democracy in Pre-Revolutionary Russia (Нью-Йорк, 1962), 207; П. Кропоткин, Террор в России. Воззвание к британской нации (Лондон, 1909), 36; А. Тыркова-Вильямс, На путях к свободе (Нью-Йорк, 1952), 57–58; С. Аркомед, «Красный террор на Кавказе и охранное отделение», КС 13 (1924), 73.

55. Спиридович, История большевизма, 120–121.

56. «25 лет назад. Из дневника Л. Тихомирова», КА 4–5 (41–42) (1930), 114. Слова графа Сергея Витте цит. Нэймарком в «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 19.

57. Alfred Lev n, The Second Duma. A Study of the Social-Democrat c Party and the Russian Const tut onal Exper ment (Нью-Хейвен, Коннектикут, 1940), 21n. Некоторые цифры за период с октября 1905 по март 1906 г. приводятся Виктором Обнинским в «Полгода русской революции» (Москва, 1906), 152.

58. Н.С. Таганцев, Смертная казнь (С.-Петербург, 1913), 92.

59. Там же. Страховский приводит несколько иные цифры: «738 чиновников и 645 частных лиц были убиты в 1906, а 948 чиновников и 777 частных лиц ранены. В 1907 не менее 1231 чиновника и 1768 частных лиц было убито и 1284 и 1734 — ранены» (Leon d . Strakhovsky, «The Statesmansh p of Stolyp n: A Reappra sal», Slavon c and Eastern European Review 37 [1958–1959], 357]. Эта итоговая на 1906–1907 гг. цифра в 9125 жертв очень близка к округленной цифре Левина и Таганцева — 9200. Поскольку расчеты Таганцева, вероятно, включали и случаи убийств, совершенных не по политическим мотивам, и поскольку, с другой стороны, цифры Страховского были бы больше, если бы он считал жертвы 1905-го, особенно последних месяцев, можно признать аккуратным расчет, что в

1905–1907 гг. террористами было убито и ранено 9000 человек.

60. «Смертная казнь в России остается?», Новое время, 22 января 1910? [s c], ПСР 4-346.

61. Полицейское донесение от 16 мая 1910, Охрана XX V —2m.

62. «Из общественной хроники», ВЕ 8 (1907), 842.

63. Laqueur, Terrorism, 105; Bor s Souvar ne, Stal in (A Cr t cal Study of Bolshev sm) (Нью-Йорк, 1939), 93; Воля 89 (10 [23] декабря 1906), 26, ПСР 7-592.

64. Вырезка из неизвестной газеты, 17 октября 1906, ПСР 4— 346. Многие боевики скрывали свои лица при совершении актов экспроприации, что вызвало следующий анекдот: «Вследствие учащения случаев ограбления банков изготовители масок и костюмов значительно увеличили свой доход. Домино можно взять напрокат за шестьдесят рублей, костюм арлекина — больше чем за восемьдесят. Администрация собирается ввести контроль за ценами, чтобы ограничить жадность торговцев» (Зарницы 6 [1906], 2, Ник 436— 17).

65. Эта цифра может включать доходы как от экспроприации, так и от обычных грабежей (вырезка из газеты «Русское слово» 8 [март 1908], ПСР 4-346).

66. См., например, полицейское донесение от 17 марта 1909 г., Охрана XXVc—1. После налета на почтовый поезд на маленькой станции Безданы на линии С.-Петербург — Варшава 14 (27) сентября 1908 польские террористы скрылись с более чем двумя миллионами рублей (Souvar ne, Stal n, 105; Laqueur, Terrorism, 105).

67. Водоворот 6 (1906), 12, Ник. 436—11.

68. Некоторые либеральные публицисты выступали против такого равнодушия к

ежедневному кровопролитию (см., например, «Из общественной хроники», BE 12 [1906J, 886).

69. Локерман, «По царским тюрьмам», КС 25 (1926), 179. Г. Не-строев, Из дневника максималиста (Париж, 1910), 74.

70. «Борьба с революционным движением на Кавказе в эпоху столыпинщины», КА 3 (34) (1929), 188, 191.

71. Там же, 187, 191, 201, 204, 218–219. Другие источники сообщают, что на Кавказе в 1904–1908 гг. было совершено более тысячи терактов (Souvar ne, Stal n, 90; Leon Trotsky, Stal in [Нью-Йорк, 1967), 96).

72. «Обзор Кавказских революционных партий» (1 сентября 1909), 3, 5, 7, Охрана XXa—1B. Имперская политика в Армении превратила многих патриотов в жаждущих крови врагов России. Членами некоторых тайных армянских националистических организаций были даже представители духовенства, и эти организации охотно прибегали к террору в борьбе с постановлением о конфискации (см., например, полицейское донесение от 4 декабря 1903 г., Охрана ХП1с[2]—2С). Либеральный юрист Александр Рождественский обсуждает террористические акты против русского духовенства в «Десять лет службы в Прокурорском надзоре на Кавказе» (Сантьяго, Чили, 1961), с. 21Ь, АР).

73. «Борьба с революционным движением на Кавказе», КА 3 (34) (1929), 205, 209–210, 219. «Обзор Кавказских революционных партий», 10, Охрана XXa—1B.

74. Заверения Воронцова-Дашкова о том, что правительственные чиновники не вступали в сношения с дашнаками, не выдерживают внимательного изучения («Борьба с революционными движениями на Кавказе», КА 3 [34] [1929], 205, 208–210, 219, 189, 192–193, 200; «Дашнакцутюн. Обвинительный акт», 6–7, 10–11, 239, 243, 247–249, Ник. 256—

5). В беспрецедентном случае во время кровавых армяно-татарских столкновений в 1905 г. наместник решил обратиться к помощи революционеров, чтобы остановить этнические беспорядки, и выдал две тысячи берданок местным социал-демократам (Рождественский, «Десять лет службы», с. 49, АР).

75. «Дашнакцутюн. Обвинительный акт», 11–12, Ник. 256—5, и «Кавказский террор», Московские ведомости 75 (5 апреля 1909), ПСР 4-346.

76. Список других групп см. в Аркомед, «Красный террор на Кавказе», КС 13 (1924), 77.

77. «Борьба с революционным движением на Кавказе», КАЗ (34) (1929), 189; «Обзор кавказских революционных партий», 35, Охрана XXa-1B.

78. Рождественский, «Десять лет службы», 55, АР; «Борьба с революционным движением на Кавказе», КА 3 (34) (1929), 193–194.

79. «Кровавые итоги», вырезка из неизвестной газеты, ПСР 2—137. Согласно данным полиции, в Варшавском округе, включая саму Варшаву, в период с 1 сентября по 17 ноября 1906 г. было совершено 170 покушений на государственных чиновников и частных лиц и 161 нападение на частные владения (ГАРФ, ф. 102, ДПОО, оп. 1906 [ ], д. 9, ч. 20: 31–32).

80. ГАРФ ф. 102, ДПОО, 1909, д. 201: 7, 9, 10 об., 17 об., 19 об., 21 об.

81. «Польские революционные и националистические организации», сентябрь 1909, с. 14–15, Охрана XIX—12A.

82. См., например, доклад ДДП от 26 августа (8 сентября) 1906 г., Охрана XIX—13; П.П. Заварзин, Работа тайной полиции (Париж, 1924), 108–109, 137–139.

83. «Польские революционные и националистические организации», 16–17, Охрана XIX

—12А; копия донесения начальника варшавского Охранного отделения Департаменту полиции, 31 октября 1906 г., Охрана XIX-13.

84. См., например, Заварзин, Работа тайной полиции, 27–28, 115–119, 128–130.

85. Полицейское донесение от 11 марта 1904 с 5 Охрана ХШс(2)— 4А.

86. И.Н. Мошинский (Юз. Конарский), «Ф.Э. Дзержинский и варшавское подполье 1906 г.», КС 50 (1928), 17; см. также Souvar ne, Stal n, 93.

87. Боевики были настолько неразборчивы в своих действиях, что относились к любому, носившему русскую форму, как к врагу, и настолько несведущи в нетеррористической деятельности ППС, что радикально настроенные солдаты, бывшие активными членами партийной военной организации, иногда становились жертвами террора (С. Пестковский, «Борьба партии в рабочем движении в Польше в 1905–1907 гг.», ПР 11 [1922], 43).

88. «Польские революционные и националистические организации», 19–20, 24–28, Охрана XIX—12А; «Доклад о Польской социалистической партии /ППС/ (бывшей революционной фракции «правица», (2) (15) марта 1911 (Париж), Охрана XIX-12А. В 1909 г. Революционная фракция взяла себе первоначальное имя всей партии и начала называть себя ППС («Обзор деятельности и настоящего положения Польской социалистической партии /ППС/ и Социал-демократии Польши и Литвы/П.С.-Д./», 17 [30] января 1911, [Париж], Охрана XIX-12А).

89. Заварзин, Работа тайной полиции, 137.

90. «Польские революционные и националистические организации», с. 31–33, 35, Охрана XIX-12А.

91. Там же, 41–42; Заварзин, Работа тайной полиции, 141–142.

92. Полицейское донесение от 15 сентября 1905, с. 6, Охрана ХШс(2)—6С; см. также Заварзин, Работа тайной полиции, 14–15.

93. Таганцев, Смертная казнь, 160–161. П. Грауздин обсуждает некоторые из этих убийств в «К истории революционного движения в Латвии в 1905 году», КС 7 (92) (1932), 108; см. также «Прибалтийский край в 1905 г.», КА4-5 (11–12) (1925), 269.

94. «Прибалтийский край», 279.

95. Richard P pes, The Russian Revolution (Нью-Йорк, 1990), 165.

96. Я.К. Пальвадре, «Революция 1905–1907 гг. в Эстонии» (Ленинград, 1932), 69.

97. Я. Янсон (Браун), «Латвия в первой половине 1905 года», ПР 12 (1922), 49.

98. Сатирическое обозрение 1 (1906), 2, Ник. 436—1.

99. См., например, «Доклады С.Ю. Витте Николаю », КА 4–5 (11–12) (1925), 151; Воля, вып. 89 (10 [23] декабря 1906), 26, и 90–91 (24 декабря 1906 [6 января 1907]), 42–43, в ПСР 7—592; полицейские донесения от 11 августа 1905, с. 12, 1 сентября 1905, с. 4, 7, от 8 сентября 1905, с. 11, 14–15, и от 15 сентября 1905, с. 8, Охрана ХШс(2)-6С.

100. «Прибалтийский край», КА 4–5 (11–12) (1925), 271-272п.

101. Там же, 269, 273—74; Обнинский, Полгода русской революции, 50, 156, 163; полицейские донесения от 10 ноября 1905, с. 29, и от 29 сентября 1905, с. 1, 8, 11, Охрана ХШс(2)-6С; Пальвадре, Революция 1905–1907 гг. в Эстонии, 72–73.

102. «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», 1910, 30–31, Охрана XV b(6)-IC.

103. Буржуазию, то есть относительно зажиточных фермеров, лесные братья тоже иногда обкладывали налогами в размере от 50 до 100 рублей (рецензия на «Год лесных

братьев» Д. Бейка [на латышском языке, б/д], 11–12, Ник. 121—5.

104. «Прибалтийский край», КА 4–5 (11–12) (1925), 269. Бывший революционер описывал, как один из таких партизан «буквально терроризировал полицейских осведомителей и предателей», иногда «ради шутки» стреляя в их подушки ночью из окна (Янис Лютер Бобис. Страницы жизни революционера-подпольщика. Сборник статей и воспоминаний [Рига, 1962], 132).

105. См. «Рецензия на «Год лесных братьев» Д. Бейка», 5–6, Ник. 121—5; Янсон (Браун), «Латвия в первой половине 1905 года», ПР 12 (1922), 35; полицейское донесение от 8 сентября 1905, с. 6, Охрана X c(2)—6C; Обнинский, Полгода русской революции, 159.

106. Янис Лютер Бобис, 131.

107. В общей сложности в крае было разрушено 230 поместий, нанесенный ущерб достиг 4239000 рублей. 343 поместьям и замкам

был нанесен урон на 7818614 рублей на других балтийских территориях (ГАРФ, ф. 102, ДРОО, 1905, д. 2605: 144-44 об.; «Прибалтийский край» КА4-5 [11–12] [1925]: 279п).

108. «Рецензия на «Год лесных братьев» Д. Бейка», 4, Ник. 121—5.

109. И. Юренев, «Работа Р.С.-Д.Р.П. в Северо-Западном крае (1903–1913 гг.)», ПР 8–9 (31–32) (1924), 188.

ПО. Пальвадре, Революция 1905–1907 гг. в Эстонии, 69–70, 72–73, 84–85, 118–125, 155, 159, 161–165. В «С первой волной. Воспоминания о пятом годе» (КС 20 [1925], 48–49) Н. Ростов описывает кампанию террора в эстонском городе Ревеле.

111. Отрывок из неподписанного письма Териоки от 24 декабря 1906 г. Рогинскому в

Париж, Охрана ХШс(1)—1А, входящие документы (1907), док. 9; см. также «Записка о политическом положении Финляндии», 21 августа 1909, с. 23, Охрана XX —2; Лядов, Из жизни партии в 1903–1907 годах (Москва, 1956), 174–175.

112. Лядов, Из жизни партии, 190; Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 52, 81, 169, 192–193; «Первая конференция военных и боевых организаций Р.С.—Д.Р.П.», ПР 4 (27) (1924), 80–81; Савинков, Воспоминания террориста, 193; А.В. Герасимов, На лезвии с террористами (Париж, 1985), 98.

113. Н.Е. Буренин, Памятные годы. Воспоминания (Ленинград, 1967), 89, 99—100, 260; Леонид Борисович Красин («Никитич»). Годы подполья (Москва — Ленинград, 1928), 238, 260; «Доклады С.Ю. Витте Николаю », КА 4–5 (11–12) (1925), 146; Смирнов, «Финляндия», КЛ 5–6 (44–45) (1931), 23.

114. Смирнов, «Финляндия», 10; полицейские рапорты от 29 сентября 1905, с. 9, от 25 августа 1905, с. 10, 17, и от 11 августа 1905, с. 20, Охрана X c(2)—6C; Савинков, Воспоминания террориста, 193; «Из писем генерала Н.Н. Левашова А.Н. Куропатки — ну», КА 2 (15) (1926), 221.

115. Доклад ДДП от 28 сентября (11 октября) 1906, Охрана XV r(2) — E; «Об экспроприациях», Наступление 12 (25 сентября [8 октября] 1907), —2; см. также ГАРФ, ф. 102, ДПОО, 1910, д. 1910, 60 и оп. 1905, д. 2605.

116. Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 4; Leonard Schapiro, Russian Stud es (Нью-Йорк, 1988), 266.

117. Schapiro, Russian Stud es, 273; В. Шульгин, Дни (1925), 53–54.

118. Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 16.

119. Николай Бердяев, Смысл истории (Париж, 1969), 108–109, 113–119.

120. Там же, 109.

121. Конечно, утверждение Бердяева, что евреи охотно идут в революцию и социализм, не имело ничего общего с вульгарным антисемитизмом в кругу его консервативных современников. Он интересовался в первую очередь общей тенденцией и утверждал, что мессианское сознание и стремление к созданию рая на земле, будучи важней-

шей частью еврейской традиции, совсем необязательно определяют сознание каждого биологического еврея и вообще могут быть присущи и людям других национальностей (там же, 119, 128).

122. В то время как многие бюрократы считали евреев «низшей расой, склонной к подрыву и разрушению христианского общества», более культурные чиновники полиции признавали, что многочисленные ограничения толкали многих евреев на борьбу с режимом (Pipes, Russian Revolution, 178).

123. Schapiro, Russian Stud es, 274–285, 283; Knight, «Female Terrorists», 146; Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 4.

124. Schapiro, Russian Stud es, 284; Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 4–5. Приведем только один пример. Из одиннадцати анархистов-коммунистов, казненных в Варшаве в январе 1906 г., десять были евреями и один был поляком (Обнинский, Полгода русской революции, 48).

125. Вампир 2 (1906), 2, Ник. 436-10.

126. См., например, полицейское донесение от 17 марта 1905, с. 9, Охрана ХШс(2)—6А; полицейское донесение от 28 апреля 1905, с. 8–9, от 12 мая 1905, с. 3, от 21 июля 1905, с.

27, и от 4 августа 105, с. 19, 25, все в Охрана ХП1с(2)-6В; ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1902, д. 500, 87–88; А.Д. Киржниц, Еврейское рабочее движение (Москва, 1928), 128.

127. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 369, 258.

128. Robert Weinberg, «Workers, Pogroms, and the 1905 Revolution in Odessa», Russian Review 46 (1987), 63.

129. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 184, 371.

130. См., например, Обнинский, Полгода русской революции, 108, 118.

131. Полицейское донесение от 28 апреля 1905, Охрана ХП1с(2)— 6В.

132. Шульгин, Дни, 53–54.

133. См., например, Кропоткин, Русская революция и анархизм, 51.

134. См., например, копию донесения агента Краузо, 1907, Охрана XXIVh-4K; доклад ДДП от 4 (17) 1908, Охрана XX V -IB; копия письма от заместителя министра внутренних дел П. Курлова министру иностранных дел А.П. Извольскому, 30 января 1909, Охрана Va —3; доклад ДДП от 8 (21) июня 1906, Охрана Vf— 2; Савинков, Воспоминания террориста, 73, 119.

135. См., например, полицейское донесение (б/д) из Парижа от 7 (19) мая 1890, Охрана XV b(4)—1; Список лиц, 506—8, Охрана X Hd(I)-4.

136. См., например, Avrich, Russian Anarchists, 65; полицейские донесения от 25 ноября (8 ноября) и 30 ноября (13 декабря) 1905, Охрана XXIV -IA.

137. См., например, донесение агента из Парижа от 16 октября

1909, Охрана XV b(3)-IA; доклад ДДП от 22 ноября (5 декабря) 1913, Охрана XVH -3D(w).

138. См., например, «Un Attentat» и «L'Attentat de Berne», вырезки из неизвестных французских газет, Охрана 73 (1904), с. 193; Воля 45 (4 августа 1906), 2, ПСР 7—569; полицейский рапорт от 11 июня

1906, Охрана XX V -1 A.

139. См., например, доклад ДДП от 20 мая (2 июня) 1908, Охрана XXVI d—1; Заварзин, Работа тайной полиции, 135–136.

140. Полицейское донесение от 11 июня 1906, Охрана XX V — 1A; И.И. Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927); полицейская телеграмма 1844 от Орлова в С.-Петербурге от 28 августа (10 сентября) 1907, Охрана ХШс(3)-25.

141. Полицейское донесение от 2 сентября 1910, Охрана XV b(5)— 5A.

142. Souvarine, Stal n, 99.

143. Доклад ДДП от 3 (16) января 1907, Охрана XH b( )—1, исходящие документы (1907), док. 2.

144. «Russische Band ten in Wien», Ze t, 2 ноября 1908, Охрана XV   t-1.

145. Von Borcke, «Violence and Terror in Russian Revolutionary Popul sm», 56.

146. Письмо Владимира Лапидуса (1907), 1, 7; см. также Avrich, Russian Anarchists, 65.

147. «Compte rendu du proces du nomme Sokoloff, Alexandre (Chambre des Appeals Correct onnels — 4 Decembre 1906)», с. 5, Охрана V j— 15C.

148. Копия письма Ерамасову с неразборчивой подписью, Охрана XV o—1; письмо министру внутренних дел Извольскому, подписанное «Нелидов», от 2 (15) апреля 1909, Охрана Va—4.

149. Доклад ДДП от 22 апреля (5 мая) 1906, Охрана X1ПЬ(1)-1В, исходящие документы (1906), док. 127.

150. «Отражение событий 1905 г. за границей», КА 2 (9) (1925) 40.

151. Доклад ДДП от 30 апреля (13 мая) 1909, Охрана XX V — B; вырезка из газеты «Русское слово», 10 февраля 1909, ПСР 2—132; см. также «Сражение в Лондоне», вырезка из газеты «Русские ведомости», ПСР 2—150.

152. «События дня», вырезка из неизвестной газеты, 21 апреля 1907? [s c], ПСР 2—150; см. также вырезку из газеты «Парус» 20 мая

1907, ПСР 8-650.

153. Avrich, Russian Anarchists, 70; см. также «Вести из заграницы», Известия Областного Комитета Загранич. Организаций 8(1 июля 1908), 5, ПСР 1-88.

154. См., например, «Вести из заграницы», 5, ПСР 1—88; доклады ДДП от 16 (29) января 1908, от 22 апреля (5 мая) 1908 и от 20 ноября

1908, Охрана XXVc—1; «Убийство полисменов», вырезка из газеты «Русские ведомости», ПСР 2—150; донесение агента Дмитриева из

Швейцарии от 15 августа 1907, Охрана ПЬ (Швейцария)—2; «Письма из-за границы», «Наша газета», 1 февраля 1909, ПСР 2—132.

155. Доклад ДДП от 7 (20) июля 1907, Охрана XXVd—1.

156. Отрывок из письма Смольянинову от «П.», Охрана ХПС(1)— 1В; отрывок из письма Л.В. Левитману в Москве от «Владимира» в Брюсселе от 18 февраля 1909, Охрана XXVc —1.

157. Доклад ДДП от 4 (17) июня 1912, Охрана XV b(5)-4; Герасимов, На лезвии с террористами, 55.

158. См., например, полицейское донесение от марта 1906, Охрана XV b(5)—5А; копия доклада ДДП от 16 октября 1906, Охрана XX -1A.

159. См.: копия письма Курлова Извольскому, Охрана Va—3; W ll am J. F shman, East End Jew sh Rad cals 1875–1914 (Лондон, 1975), 272, 287–288; полицейское донесение от 15 января 1911, Охрана XV b(3)—4; копия письма Ерамасову с неразборчивой подписью, Охрана XV o—1; отрывок из письма Ф.Я. Зимовскому в С.-Петербурге от «Максима» в Нанси, Франция, от 22 марта 1909, Охрана XШc(1)—1B, входящие документы (1909), док. 346.

160. И. Дубинский-Мухадзе, Камо (Москва, 1974), 102–103; см. также отрывок из письма от «Людвига» в Льеже Е. Райнеру в Киев от 4 апреля 1909, Охрана XIX—7.

161. Полицейское донесение от 17 марта 1904, Охрана XIIId(I)— 9; «Протокол», Охрана Va—103; см. также отрывок из перехваченного письма без подписи от 18 ноября 1903, написанного из Женевы Н.П. Литовой в С.-Петербург, Охрана XVI d—1A; «Отражение событий 1905 г.», КА 2 (9) (1925), 44, 48–49. Европейские правительства также принимали меры против русских экстремистов, связанных с радикальными социалистическими организациями (см., например, Первая русская революция 1905–1907 гг. и международное революционное движение, ч. 1 [Москва, 1955J, 216–217).

162. Письмо П,А. Столыпина А.П. Извольскому от 19 февраля 1909, Охрана Va—4; письмо Нелидова Извольскому от 2 (15) апреля 1909, Охрана Va—4; полицейское донесение от 25 ноября (8 декабря) 1905, Охрана XXIV —1A; доклад ДДП от 8 (21) октября 1907, Охрана XX Vh— 1; полицейское донесение от 15 января 1914, Охрана XV s — ; полицейское донесение от 19 апреля (2 мая) 1916, Охрана XXVc—2M. Согласно

источникам Охранного отделения, по крайней мере в двух случаях французская полиция предупреждала русских экстремистов о ведущейся за ними слежке (доклад ДДП от 2 июля 1909, Охрана XV b(5)-5B).

163. Ames, Revolution in the Balt c Prov nces, x — x ; см. также Ду-бинский — Мухадзе, Камо, 125, 133–134, 151.

164. «Письмо В.В. Ратко», 43.

165. «Письма Е.П. Медникова», в Б.П. Козьмип, ред., Зубатов и его корреспонденты (Москва — Ленинград, 1928), 111; см. также «Допрос Герасимова», 3.

166. «Телеграммы», Еж 1 (б/д), 13, Ник. 435—12.

167. Расшифрованная телеграмма 1294 из С.-Петербурга от 12 (25) нюня 1907, Охрана XШc(3)—24.

168. Мы не утверждаем, что во время деятельности Народной Воли вовсе не было случаев неразборчивого террора. Приведем один пример. Члены «Народной воли», стремясь убить Александра   , устроили 5 февраля 1880 сильный взрыв, разрушивший центр Зимнего дворца, при котором погибло или было ранено шестьдесят семь человек (Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 13).

169. Кропоткин, Русская революция и анархизм, 40; «Из общественной хроники», ВЕ 8 (1907), 848.

170. Жордания, Большевизм, 80; Zeev v ansk , «The Terrorist Revolution: Roots of Modern Terrorism», в Dav d C. Rapoport, ed., ns de Terrorist Organ zat ons (Лондон, 1988), 133.

171. Заварзин, Работа тайной полиции, 128.

172. ГД 1906, 23-2, 1128, и 4–1, 232.

173. См., например, Дубинский-Мухадзе, Камо, 49; «Прибалтийский край», КА 4–5 (11–12), (1925), 273; полицейское донесение от 17 марта 1905, с. 9, Охрана X c(2)—6A.

174. См., например, полицейское донесение от 3 марта 1905, с. 5–6, 18, Охрана XШc(2)-6A.

175. «Прибалтийский край», КА 4–5 (11–12) (1925), 272.

176. М. Раковский, «Несколько слов о Сикорском», КС 41 (1928), 147.

177. Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 19.

178. «Из материалов Департамента полиции», ПСР 1—26.

179. См., например, Рождественский, «Десять лет службы», 50, 55, АР; полицейское донесение от 27 января 1905, с. 15, Охрана XШc(2)-6A.

180. См., например, П. Аршинов, Два побега. Из воспоминаний анархиста 1906–1909 гг. (Париж, 1929), 9; «Декабрьские дни в Донбассе», КА 6 (73) (1935), 107, 118; Киржниц, Еврейское рабочее движение, 176; Гроссман-Рощин, «Думы о былом», Былое 27–28 (1924), 176.

181. Fuller, C v l-M l tary Confl ct, 165; Е.Н. Андриканис, Хозяин «чертова гнезда» (Москва, 1960), 101.

182. И. Рябков-«Пчела», «Как я попал на работу при нашем подпольном правительстве и что именно выполнял», ПР 3 (1921), 221.

183. Отдельные представители местной администрации на окраинах иногда решали, что единственным путем борьбы с революцией было применение такой же тактики. Они организовывали небольшие террористические группы для осуществления убийств радикальных активистов — практика, которая приводила к минимальным результатам и

способствовала общей анархии (см., например, «Крестьянское движение в Западном Закавказье», КА 2 {99], 111, 115, и Грауздин, «К истории реголюционного движения в Латвии», КС 7 [92] [1932], 109).

184. «Письма Медникова», 112—13; «25 лет назад. Из дневника Л. Тихомирова», КА2 (39) (1930), 63; «Из дневника Константина Романова», КА 6 (43) (1930), 113–115, и 1 (44) (1931), 126, 128; Герасимов, На лезвии с террористами, 9, 35.

185. Приложение к журналу «Сигналы», вып. 1 (С.-Петербург, 8 января 1906), Ник. 436—3.

186. Таганцев, Смертная казнь, 141.

187. «Из общественной хроники», BE 9 (1906), 422–423.

188. Ермаковский, «Труханские события, 1907–1908 гг. (Воспоминания участника)», КС 39 (1928), 120; материалы амурского комитета ПСР, ПСР 3 —171; Пальвадре, Революция 1905–1907 гг. в Эстонии, 137.

189. Souvar ne, Stal n, 104; Laqueur, Terrorism, 41; см. также Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 16.

190. Вот только несколько примеров. Горький жертвовал крупные денежные суммы эсеровским и большевистским боевикам, а также предоставлял свою московскую квартиру для использования боевиками в качестве укрытия и для изготовления бомб (А.А. Би-ценко, «Две встречи с М. Горьким», КС 41 [1928], 64–65; Буренин, Памятные годы, 114; доклад ДДП от 28 февраля [13 марта] 1906, Охрана XV b[6]—1A). Андреев также прятал на своей даче террористов (доклад ДДП от 20 марта [2 апреля] 1914, Охрана XXVc— 1). После обнародования Октябрьского манифеста в Екатериносла-ве местная буржуазия закупила оружие и раздала эсерам и бундовцам (Нестроев, Из дневника максималиста,

42–43).

191. Леонид Борисович Красин («Никитич»), 142.

192. В. Дальний, «Террор и дело Азефа», Известия Областного Заграничного Комитета 9 (1909), 10, ПСР 1—88.

193. Юренев, «Работа Р.С.—Д.Р.П. в Северо-Западном крае», ПР 8–9 (31–32) (1924), 188, 188; Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 122.

194. См., например, полицейское донесение от 29 января 1904, с. 1–2, Охрана X c(2)—4A; полицейские донесения от 25 августа 1905, с. 10, от 1 сентября 1905, 7, и от 8 сентября 1905, 15, Охрана ХП1с(2)-6С.

195. Воля 69 (29 сентября 1906), 3, ПСР 7—569.

196. Грауздин, «К истории революционного движения в Латвии», КС 7 (92) (1932), 108–109; Рождественский, «Десять лет службы», с. 48(Ь) АР.

197. ГАРФ, ф. 102, ДПОО, 1912, д. 80, ч. 3, 54-54об.; «Борьба с революционным движением на Кавказе», КА 3 (34), 195.

198. К. Захарова-Цедербаум, «В годы реакции», КС 60 (1929), 77–78.

199. «Прибалтийский край», КА 4–5 (11–12) (1925), 272.

200. Там же.

201. См., например, вырезка из газеты «Реформа» от 4 июля 1906, ПСР 4—346; Киржниц, Еврейское рабочее движение, 174, 262; Н.И.

Фалеев, «Шесть месяцев военно-полевой юстиции», Былое 2 (14) 0907), 66; Обнинский, Полгода русской революции, 154, 156, 159–160, 162–163, 166.

202. «Крестьянское движение в Западном Закавказье», КА 2 (99) (1940), 114; см. также Киржниц, Еврейское рабочее движение, 274.

203. Вырезка из газеты «Новое время» от 16 мая 1907, ПСР 4— 346; см. также «Дашнакцутюн. Обвинительный акт», 11, Ник. 256—5.

204. Локерман, «По царским тюрьмам», КС 25 (1926), 180.

205. Гершуни, «Об экспроприациях» [письмо товарищам, б/д], с. 1–2, Ник. 12—1; полицейское донесение от 17 марта 1905, 9, Охрана XШс(2)-6A; доклад ДДП от 14 (27) февраля 1912, Охрана XIX-12B.

206. «Борьба с революционным движением на Кавказе», КА 3 (34) (1929), 216.

207. Trotsky, Stal n, 99.

ГЛАВА 2

ПАРТИЯ СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ

1. Савинков, Воспоминания террориста, 37.

2. Franc s Ballard Randall, «The Major Prophets of Russian Peasant Social sm: A Study in the Social Thought of N.K. M kha lovsk and V.M. Chernov» (докторская диссертация, Колумбийский университет, 1961), 148.

3. Работ по истории ПСР до революции 1917 года немного. Среди многочисленных исследований о русском революционном движении в XX веке только несколько опубликованных книг посвящены конкретно эсерам и их террористической деятельности. В их числе: Manfred H lderme er, D e Soz alRevolutionare Parte Russlands: Agrarsoz al smus und Modern s erung in Zarenre ch (1900–1914) (Кельн, 1978); А.И. Спиридович, Партия социалистов-революционеров и ее предшественники (1886–1916) (Петроград, 1918);

Слетов, К истории возникновения Партии социалистов-революционеров; первые три главы в Ol ver H. Radkey, The Agrar an Foes of Bolshev sm: Prom se and Default of the Russian Socialist-Revolutionar es, February-October 1917 (Нью-Йорк, 1958); некоторые части в Maureen Perrie, The Agrar an Policy of the Russian Socialist Revolutionary Party: From ts Or g ns through the Revolution of 1905–1907 (Кембридж, Англия, 1976). Есть также несколько советских монографий об эсерах, таких, как К.В. Гусев, Партия эсеров: От мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции (Москва, 1975) и Б.В. Лева-нов, Из истории борьбы большевистской партии против эсеров в годы первой русской революции (Ленинград, 1974). Единственной пока опубликованной научной работой о максималистах остается книга Д. Павлова «Эсеры-максималисты в первой русской революции» (Москва, 1989).

4. «Неотложные задачи», Революционная Россия 3 (1902); см. также Леванов, Из истории борьбы большевистской партии против эсеров 94.

5. См., например, полицейское донесение от 20 февраля (5 марта) 1910, Охрана XV b(3)—4, и рукопись без подписи (вероятно, написанную Черновым) о В.Л. Бурцеве, с. 10, Ник. 384—5.

6. Perrie, «Politic al and Economic Terror», 64–65; «Террор и социалисты-революционеры», Революционное слово 2 (1906), 1, ПСР 3— 171.

7. Ю. Гардении (Виктор Чернов), «Террористический элемент в нашей программе», в сборнике «Революционная Россия», вып. 2, 79, ПСР 9-788.

8. Там же, 84.

9. Ю. Гардении (В. Чернов), «Террор и массовое движение», в сборнике «Революционная Россия», 122, ПСР 9—788.

10. H lderme er, «Terrorist Strateg es of the Socialist-Revolutionary Party», 83; см. также Гардении, «Террористический элемент», 73, 77, ПСР 9-788.

11. McDan el, «Politic al Assass nat on and Mass Execut on», 110.

12. Гардении, «Террористический элемент», 74; H lderme er, «Terrorist Strateg es of the Socialist-Revolutionary Party», 83.

13. М. Павлович, «Ленин и эсэры», Под знаменем марксизма 10 (1923), 157.

14. Там же, 159–160.

15. H lderme er, «Terrorist Strateg es of the Socialist-Revolutionary Party», 84.

16. Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа (1911), 26.

17. См. там же, 28.

18. Laqueur, Terrorism, 84.

19. Knight, «Female Terrorists», 147. Так же, как и в других странах, террористические группы походят на религиозные культы, «дух религиозного ордена» характеризовал русских террористов (Martha Crenshaw, «Theor es of Terrorism: nstrumental and Organ zat onal Approaches», in Rapoport, ns de Terrorist Organ zat ons, 20; Zeev v ansk , «Fathers and Sons: A Study of Jew sh nvolvement in the Revolutionary Movement and Terrorism in Tsar st Russia», Terrorism and Politic al Violence 2 [2] [1989], 154).

20. Письмо без даты от В.М. Чернова Б.И. Николаевскому, Ник. 206-6.

21. Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа, 12.

22. H lderme er, «Terrorist Strateg es of the Socialist-Revolutionary Party», 85; см. также Савинков, Воспоминания террориста, 74–76.

23. Чернов, Перед бурей, 177, 228.

24. Савинков, Воспоминания террориста, 40, 92, 194–196.

25. ГАРФ ф. 5831 (Б.В. Савинков), оп. 1, д. 559, 5; «Из писем Е. Сазонова», письмо, датированное маем 1906, с. 4–5, Ник. 12—1.

26. Walter Re ch, ред., Or g ns of Terrorism (Кембридж, Англия, 1990), 31, 33.

27. Савинков, Воспоминания террориста, 68.

28. H lderme er, «Terrorist Strateg es of the Socialist-Revolutionary Party», 85.

29. Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 16; см. также Телеграмма Российского Телеграфного Агентства 5 (2 апреля 1402), ПСР 2—126. Балмашев был приговорен военным судом к смертной казни и повешен в Шлиссельбургской тюрьме 16 мая 1902 г.

30. Спиридович, Партия социалистов-революционеров, 125–127.

31. «К делу Фомы Кочуры», Былое 6 (1906), 102–103.

32. «Ко всей сознательной и трудовой России» (б/м, б/д) и листовка, выпущенная ЦК ПСР в 1903 г. после убийства губернатора Богдановича, обе в ПСР 3—168.

33. «Письмо С.В. Зубатова А.И. Спиридовичу по поводу выхода в свет его книги «Партия с.-р. и ее предшественники», КА 2 (1922), 281; Герасимов, На лезвии с террористами, 195.

34. Спиридович, Партия социалистов-революционеров, 123–124.

35. in kolajewsky, Aseff the Spy. Russian Terrorist and Pol ce Stool (Нью-Йорк, 1934), 54.

36. «Памяти С.В. Сикорского», КС 41 (1928), 147, и Нестроев, Из дневника максималиста, 8; см. также М. Спиридонова, «Из жизни на Нерчинской каторге», КС 15 (1925), 171.

37. Спиридович, Партия социалистов-революционеров, 125–126.

38. Савинков, Воспоминания террориста, 22; А.И. Спиридович, Записки жандарма (Москва, 1991), 122.

39. Гершуни также собирался написать агитационное письмо за Григорьева. См. обвинительное заключение по делу Гершуни и его подельников, замешанных в террористических заговорах в 1902 г.: Обвинительный акт, 12, 38–39, ПСР 3—1701.

40. После своего ареста и осуждения Мельников нарушил традиционный революционный кодекс поведения, обратившись к царю с прошением о помиловании. Его товарищи были особенно возмущены тем, что после отмены смертного приговора Мельников написал еще одно прошение, на этот раз на имя Плеве, в заговоре против которого он участвовал, и сумел добиться замены тюремного срока ссылкой в Сибирь (Shl sselburg pr soners' collect ve statement. Re. MeFn kov [без места и даты], Ник. 11–23.

41. Спиридович утверждает, что во время его предыдущего ареста Гершуни избежал административной высылки и купил себе свободу тем, что дал следствию подробные показания о радикалах (Спиридович, Записки жандарма, 49). Существуют свидетельства, что в 1903 г. власти сохранили жизнь Мельникову и Гершуни для того, чтобы продемонстрировать всем их незначительность (доклад ДДП от 2 [15] марта 1904, Охрана XVIb[3]-4).

42. Другой боевик, Мария Беневская, потеряла руку при обезвреживании бомбы

(Савинков, Воспоминания террориста, 124–126,209—210; Чернов, Перед бурей, 175).

43. Crenshaw, «Theor es of Terrorism», 19.

44. М. Горбунов, «Савинков как мемуарист», КС 5 (42) (1928), 175–177. Чернов описывает Савинкова как попутчика партии, полного презрения к людям и не имеющего никакой определенной идеологической позиции. В одно время Савинков объявлял себя сторонников «Народной воли», но потом, после визита к Петру Кро-) поткину, заявил себя анархистом, какое-то время он даже скло-. нялся к «духовно-религиозному революционизму» (Виктор Чернов, «Савинков в рядах П.С.-Р.», 157–158, Ник. 616—9).

45. В течение многих лет Савинков отрицал автобиографичность сво- j их романов, признав ее только в письме 1924 года к сестре; см. также j Горбунов, «Савинков как мемуарист», КС 3 (40) (1928), 174п—75.

46. Горбунов, «Савинков как мемуарист», КС 3 (40) (1928), 173; доклад ДЦП от 28 марта 1912, Охрана XV b(3)-4.

47. Горбунов, «Савинков как мемуарист», КС 4 (41) (1928), 171; A leen Kelly, «Self-Censorsh p and the Russian ntell gents a, 1905–1914», Slav c Review 46 (2) (лето 1987), 201.

48. В. Ропшин, Конь бледный (Ницца, 1913), 11–12, 134, 137, 143.

49. Там же, 32.

50. Критики отмечали заметное влияние Достоевского на романы Савинкова; Феликс Кон в предисловии к мемуарам Савинкова пишет о характерной для него «достоевщине» (Савинков, Воспоминания террориста, 5).

51. Kelly, «Self-Censorsh p and the Russian ntell gents a», 201–202.

52. Савинков, Воспоминания террориста, 55–58; листовка 15-ое июля 1904 г. (С.-

Петербург, июль 1904), ПСР 3—168. Е.С. Сазонов предстал перед судом и, благодаря новому либеральному правительственному курсу и выдающемуся таланту своего адвоката Ка-рабчевского, избежал смертного приговора и получил каторгу. 27 ноября 1910 г. он покончил жизнь самоубийством в Зерентуйс- ' кой тюрьме в знак протеста против тюремных репрессий (В. Пирогов, «Смерть Е.С. Сазонова», КС 3 [1922], 71–74; Спиридовйч, Записки жандарма, 252).

53. Многие местные группы СР считали своей главной целью убийство Плеве и готовились к нему независимо от Боевой организации (доклад ДЦП от 2 [15] марта 1904, Охрана XVIb[3j—4).

54. Савинков, Воспоминания террориста, 89.

55. Там же, 88–89; Заключение судебно-следственной комиссии по делу Азефа, 32.

56. Савинков, Воспоминания террориста, 102. Вскоре после этого теракта в столицах начало распространяться стихотворение «Кучер Его Превосходительства»:

Удручен былым примером, Кучер важного лица Обращается к эсерам И стучится в их сердца:

«Досточтимые эсеры! Пью за ваше торжество. Но молю: примите меры Для спасенья моего.

Я исполнен беспокойства

За грядущий мой удел…

Нет ли бомб такого свойства,

Чтоб остался кучер цел?»

(Сигнал, вып. 3 [27 ноября 1905], Ник. 436—3)

57. Согласно полицейским источникам, в конце 1905 г. в кассе ЦК ПСР имелось приблизительно четыреста тысяч рублей (Герасимов, На лезвии с террористами, 55). Савинков вспоминал, что Боевая организация в то время располагала значительными средствами: после убийства Плеве пожертвования доходили до десятков тысяч рублей. Террористы даже отдавали часть денег на другие расходы партии (Савинков, Воспоминания террориста, 129–131, 78). Что же касается количества членов Боевой организации, то, по словам Осипа Минора, члена ЦК ПСР, боевиков было так много, что руководители «не знали, что с ними делать» (доклад ДДП от 7 [20] февраля 1906, Охрана XXVa—1).

58. «25 лет назад. Из дневника Л. Тихомирова», КА 1 (38) (1930), 59–60.

59. Савинков, Воспоминания террориста, 129.

60. Согласно Петру Струве, «Роль Трепова после событий 9 января и потом в октябрьские дни [1905] с [его знаменитым лозунгом] «Патронов не жалеть!» создала легенду, что он был реакционером, обладавшим сильным влиянием… некое чудовище реакции. Он же вовсе таким не был» (П. Струве, Patr ot ca [С.-Петербург, 1911], 49, 51). То, что общественное мнение видело в Трепове противника реформ, становится очевидным из полицейского донесения П.И. Рачковскому от 25 октября (7 ноября) 1905 г., Охрана XV b(3)—4. Несколько неудачных покушений на Трепова были организованы террористами, не входившими в Боевую организацию. Во время наиболее известного покушения в Петергофе 1 июля 1906 г. боевик убил генерала Козлова по ошибке, приняв его за Трепова (П. Витя-зев, М. Исакович, С. Каллистов, «Из воспоминаний о Н.Д. Шишмаре-ве», КС 6 [1923], 252). -

61. Савинков, Воспоминания террориста, 176.

62. Там же, 184.

63. Протоколы съезда Партии социалистов-революционеров (1906), 314.

64. Ксения Памфилова-Зильберберг, «Саша» (А. Савостьянова)» (неопубликованная рукопись, 1914), с. 24, АЧ 40.

65. Зеркало 1 (1906), 11, Ник. 436-19.

66. Герасимов, На лезвии с террористами, 15.

67. «Судебная хроника. Покушение на жизнь генерал-губернатора Дубасова», Русские ведомости 266 (1 ноября 1906), ПСР 8—650.

68. Спрут 15 (26 апреля 1906), 6, Ник. 436—5.

69. На время заседаний Думы эсеры скрепя сердце прекратили террористическую деятельность, оставив' за собой право возобновить ее при первых признаках конфликта между правительством и Думой (доклад ДДП от 29 мая [11 июня] 1906, Охрана XПс[1]—1А). Послав депутатов во Думу якобы для мирной законодательной деятельности, ПСР продолжала проводить теракты, открыто санкционировавшиеся ЦК (Perrie, «Politic al and Economic Terror», 66).

70. Савинков, Воспоминания террориста, 249.

71. Там же, 278–281.

72. Там же, 280–285.

73. Примерный устав Боевой дружины (Москва, октябрь 1906), с. 1–3, ПСР 8—722.

74. К январю-февралю 1907 г. только двое из десяти членов группы были «идеологически убежденными эсерами» (Schle fman, Undercover Agents, 77; «К

характеристике Летучего отряда Сев. обл.», с. 1, Ник. 287—18; Герасимов, На лезвии с террористами, 118).

75. Роль генерала Мина в подавлении декабрьского восстания в Москве снискала ему репутацию реакционера и вызвала злобные нападки в антиправительственной прессе (см., например, Забияка 1 [6 января 1906], 10, Ник. 436—13). См. также «Дело Зинаиды Ко-ноплянниковой», Былое 1 (23) (1917), 258–274.

76. Герасимов, На лезвии с террористами, 118–119.

77. Там же, 119.

78. «Обвинительный акт по делу о писарях», 22 сентября 1907, с. 1–2, 5, ПСР 3-1701.

79. «Обвинительный акт по делу об Анне Распутиной, Лидии Стуре, Сергее Баранове, Марио-Кальвино и др., преданных суду Помощником Главнокомандующего войсками Гвардии СПБ. военного округа», ПСР 9—778, перепечатано в Былое 9—10 (1909), 153–157.

80. См. «К арестам 7-го февраля», вырезка из газеты от 8 (21) февраля 1908, ПСР 7—602; Герасимов, На лезвии с террористами, 121–122.

81. См. копию документа, озаглавленного «Обвинительный акт по делу об Анне Распутиной», ПСР 9—778.

82. Герасимов, На лезвии с террористами, 122–123, 146.

83. Там же, 95–96, 101–105; «Обвинительный акт по делу об отставном лейтенанте Борисе Никитенке, сыне Коллежского Советника Владимире Наумове… и др., преданных Петербургскому военно-окружному суду Вр. и. д. Помощника Главнокомандующего войсками Гвардии и Петербургского военного округа», ПСР 9—778.

84. Гусев, Партия эсеров, 66; «Заявление Центрального Комитета» (С.-Петербург, 31 июля 1907), ПСР 3-168.

85. К. Маркелов, «Покушение на цареубийство в 1907 г.», Былое 3 (31) (1925), 164–714.

86. Там же, 157–159, 175–176; Герасимов, На лезвии с террористами, 105–107.

87. П. Рутенберг, «Дело Гапона», Былое 11–12 (1909), 113, 115.

88. Савинков, Воспоминания террориста, 241, 246.

89. Рутенберг, однако, потом настаивал на том, что, хотя ЦК приказал ему убить и Гапона и Рачковского, он имел разрешение уничтожить одного Гапона, если окажется невозможным убрать обоих (там же, 248; Рутенберг, «Дело Гапона», Былое 11–12 [1909], 95–96).

90. Герасимов, На лезвии с террористами, 66; см. также «Документы о смерти Гапона», КЛ 2 (13) (1925), 244–246.

91. Рутенберг, «Дело Гапона», 93, 99. Члены ЦК также пытались скрыть, что Рутенберг был членом Боевой организации (Попова, «Динамитные мастерские», КС 4 [33] [1927], 66).

92. Чернов позже признавал, что эсеры «преувеличивали популярность Гапона в рабочей среде» (письмо Чернова Николаевскому от 7 октября 1931).

93. Рутенберг, «Дело Гапона», Былое 11–12 (1909), 95, 115.

94. Савинков, Воспоминания террориста, 248–249.

95. «Обвинительный акт по делу о писарях» 1, ПСР 3—1701.

96. Perrie, «Politic al and Economic Terror», 69.

97. Там же.

98. М. Ивич, ред., «Статистика террористических актов», Памятная книжка социалиста-революционера, вып. 2 (1914). В 1912 эсеровская газета «Знамя труда» повысила эту цифру до 218 (см. Лева-нов, Из истории борьбы, 100).

99. См., например, Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг. (С.-Петербург, 1908), с. 82, ПО, Ник. 197—2, и Красноярский Комитет Партии С.-Р., «Извещение» (без даты и места), ПСР 3—171.

100. Е. Вагнер-Дзвонкевич, «Покушение на начальника киевской охранки полковника Спиридовича», КС 13 (1924), 136–138. Это был не единственный случай, когда эсеры брали на себя ответственность за акты, не ими совершенные. См., например, Н.М. Ростов, «Еще о взрыве трактира «Тверь» в 1906 году», КЛ 1 (40) (1931), 246, и полицейское донесение от 24 мая (6 июня) 1911, Охрана XVIb(3)—7.

101. Измаилович была убита матросами на месте преступления (Не-строев, Из дневника максималиста, 43; Knight, «Female Terrorists», 153–154).

102. См. Гусев, Партия эсеров, 61; Ивич, «Статистика террористических актов», 9—11; Knight, «Female Terrorists», 153. Руководители эсеров были прекрасно осведомлены об этой ситуации, и многие из них в глубине души считали, что местные эсеры были вправе нарушать резолюцию партии о прекращении террора. Осип Минор и Илья Рубанович заявляли, что «террористическая деятельность Партии социалистов-революционеров не прекратится, пока Государственная дума не выполнит все требования», которые ПСР предъявила правительству (доклад ДДП от 16 мая [3 июня] 1906, с. 6, Охрана X1c[5]—1).

103. Ивич, «Статистика террористических актов», 11–12; Савинков, Воспоминания террориста, 255; Бюллетень Ц.К.П.С.-Р. 1 (март

1906), 7.

104. В. Зензинов, «Г.А. Гершуни — глава Боевой Организации» (неопубликованная статья, датированная декабрем 1932), 34, Ник.

12-2.

105. Борис Вноровский, который бросил бомбу в Дубасова, заранее заявил, что он отложит покушение, если в карете вместе с Дубасовым будет и его жена. Савинков, в качестве главы Боевой организации, одобрил такое решение (Савинков, Воспоминания террориста, 95–96, 205).

106. Зензинов, «Г.А. Гершуни», 34, Ник. 12—2.

107. Савинков, Воспоминания террориста, 255, 274–275. Согласно другим источникам, восемь человек были убиты, пятьдесят четыре — ранены (ВЕ 6 [1906 , 783).

108. См., например, полицейское донесение от 4 августа 1905, с. 24–25, Охрана ХШс(2)-6В.

109. «Обвинительный акт по делу о сыне коллежского советника Сергее Ильинском, потомственном дворянине Александре Цявлов-ском и потомственном почетном гражданине Федоре Серебренникове», ПСР 3-170 .

110. Голос революции. Издание Красноярского Комитета Партии Социалистов-Революционеров 3 (ноябрь 1906), ПСР 3—171.

111. «Резолюция, принятая Северокавказским Союзным Съездом», с. 7, ПСР 9-759.

112. Полицейское донесение от 20 сентября 1906, Охрана XIIId(I)—9.

113. Там же. Подобная резолюция, призывающая убивать мелких государственных

чиновников и полицейских, была принята на съезде представителей Крестьянского союза социалистов-революционеров, состоявшемся в Финляндии 8—13 сентября 1906 (полицейское донесение от 18 сентября 1906, Охрана X d[lj, папка 9).

114. Ивич, «Статистика террористических актов», 8–9.

115. Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1897–1907 гг., 141, Ник. 197-2.

116. Нестроев, Из дневника максималиста, 47.

117. Есть сведения, что Шишмарев предпринял эту акцию без сан-; кции местного комитета СР (И. Генкин, «Тобольский централ», КС 10 [1924], 176; Витязев, Исакович и Каллистов, «Из воспоминаний о Н.Д. Шишмареве», КС 6 [1923], 259, 261).

118. Григорий Фролов, «Террористический акт над самарским губернатором», КС 1 (8) (1924), 117.

119. Там же.

120. «Обвинительный акт по делу о писарях», 4, ПСР 3—1701. '

121. Полицейское донесение от 18 сентября 1906, Охрана

X I d(I)-9.

122. П. Кобозев, «Мои воспоминания о 1905 г. в гор. Риге», КЛ 5J.

(1922), 295–296.

123. ПСР 1-49.

124. «Листовка Боевого комитета при Бакинской Организации ПСР», датированная 25

мая 1907, ПСР 7—5531.

125. Perrie, «Politic al and Economic Terror», 69–70, 72; см. также Павлов, Эсеры-максималисты, 21.

126. Perrie, «Politic al and Economic Terror», 70.

127. Протоколы первого съезда Партии Социалистов-Революционеров, 332.

128. Perrie, «Politic al and Economic Terror», 70.

129. Леванов, Из истории борьбы, 107.

130. Протоколы съезда Партии социалистов-революционеров, 333; см. также Гусев, Партия эсеров, 54.

131. Леванов, Из истории борьбы, 108.

132. Perrie, «Politic al and Economic Terror», 71, и Павлов, Эсеры-максималисты, 41.

133. Perrie, «Politic al and Economic Terror», 71.

134. Там же.

135. Там же, 72; см. также Леванов, Из истории борьбы, 111.

136. Большинство присутствовавших на съезде ПСР высказались против включения аграрного террора в партийную программу, а также против призывов к нему; в то же время они не были готовы осудить его (Павлов, Эсеры-максималисты, 53). Впоследствии руководители ПСР несколько раз официально осуждали аграрный и фабричный террор. См., например, Памятная книжка социалиста-революционера (1911), 48–50; «Резолюция, принятая па первой конференции Северной Области партии С.-Р.», 6, ПСР 3—208. В то же время многие руководители партии относились с одобрением к экономическому

террору (см., например, листовку, выпущенную женевской группой ПСР, Резолюция о боевых дружинах в деревне в связи с аграрным террором [1904], ПСР 2—126). Иногда эсеры не могли удержаться от провоцирования нападений на собственность эксплуататоров (см., например, Павлов, Эсеры-максималисты, 55).

137. Герасимов, На лезвии с террористами, 87.

138. Павлов, Эсеры-максималисты, 85. Некоторые максималистские группы продолжали действовать на территории империи до осени 1907 г., когда, согласно полицейскому донесению, многочисленные «аресты полностью разрушили их организацию» (доклад ДДП от 5 октября 1907, Охрана XV а—2).

139. Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 17; Не-строев, Из дневника максималиста, 64.

140. Нестроев, Из дневника максималиста, 112.

141. «Взрыв на Аптекарском острове», Былое 5–6 (27–28) (1917),

142. Герасимов, На лезвии с террористами, 89.

143. Граф В. Коковцев, Из моего прошлого, том 1 (Париж,!933), 230.

144. Серебренников, Убийство Столыпина, 40. На следующий день еще шесть человек умерли от ран (С.С. Ольденбург, Царствование императора Николая [25 лет перед революцией] [Вашингтон, 1981], 365).

145. Герасимов, На лезвии с террористами, 146.

146. Доклад ДДП от 29 мая (11 июня) 1906, Охрана ХПс(1)— 1А, и доклад ДДП от 4 (17) января 1907, Охрана ХН b(I)—1А, выходящие документы (1907), док. 3.

147. П. Львов-Марсьянин, «Рабочий дружинник Никита Деев», КС 8 (1924), 234–235.

148. См. описание нескольких местных максималистских терактов в «Обзоре революционного движения в округе» Иркутской судебной палаты за 1908 год, 19, Ник. 197—2.

149. Согласно Павлову, в 1907 г. в России было 2 000—2 500 активных максималистов. Типичная группа состояла из приблизительно тридцати членов, хотя в некоторых было больше ста человек (Павлов, Эсеры-максималисты, 194, 196).

150. Например, согласно финансовому отчету, подготовленному Владимирской областной организацией СР, из общей суммы бюджета в 1720 рублей 95 копеек путем экспроприации было добыто 1120 рублей (ПСР 2-127).

151. Захарова-Цедербаум, «В годы реакции», КС 60 (1929), 73.

152. См., например, полицейское донесение П.И. Рачковскому от 24 декабря 1905 (5 января 1906), Охрана XX Vh—1; полицейское донесение от 12 августа 1906, Охрана XXVc—1.

153. Гершуни, «Об экспроприациях», 7–8, Ник. 12—1.

154. Там же, 5–8.

155. Там же, 8.

156. Резолюции Совета партии С.-Р. (1906), с. 4, ПСР 3-168.

157. См., например, «Постановления конференции Восточного Заграничного Автономного Комитета с представителями Никольск-Уссурийской и Хабаровской Групп П.С.-Р., 7—14 ноября 1907. Об экспроприациях», Материалы Дальневосточного комитета П.С.-Р. (1907 г.), 3, ПСР 3-200.

158. Протоколы (Экстренного) Съезда Партии Социалистов-Революционеров, 160.

159. Feme, «Politic al and Economic Terror», 76.

160. См., например, Кобозев, «Мои воспоминания о 1905 г. в гор. Риге», КЛ 5 (1922), 296; «Казанские максималисты», Биржевые ведомости 11905 (7 сентября 1910), 4, ПСР 3-219.

161. Гершуни, «Об экспроприациях», 2, Ник. 12—1; Комаров, «Очерки по истории местных и областных боевых организаций», КС 25 (1926), 79.

162. «Резолюция, принятая Северокавказским Союзным Съездом», с. 5, ПСР 9—759; «Совет Партии о боевых дружинах», с. 5, ПСР 3-202.

163. Р. Кантор, «Смертники в тюрьме», КС 6 (1923), 129.

164. ПСР 5-443.

165. Кантор, «Смертники в тюрьме», КС 6 (1923), 120.

166. «Казанские максималисты», 4, ПСР 3—219.

167. Кантор, «Смертники в тюрьме», КС 6 (1923), 127п.

168. См., например, Кобозев, «Мои воспоминания о 1905 г. в гор. Риге», КЛ 5 (1922), 296.

169. Согласно Герасимову, максималисты украли более 800 000 рублей (Герасимов, На лезвии с террористами, 87); максималистские источники сообщают о сумме в 775 000 рублей («Экспроприация экспроприаторов», Максималист 6 [2 апреля 1920J); другие источники дают цифру 875 000 (Валентинов, Малознакомый Ленин, 89). Относясь с полным равнодушием к вопросам идеологическим, Мазурин, «прирожденный бунтовщик»

и человек «отчаянной храбрости», называл себя анархистом; он занимался экспроприациями из убеждения, что «конфискация частного капитала — это и есть революция» (Павлов, Эсеры-максималисты, 73–74).

170. «Обвинительный акт о Михаиле Алексееве Михайлове, Сергее Александрове Синявском… и других, числе 83 чел.», с. 14, ПСР 9—778; Спиридович, Партия Социалистов-Революционеров, 285—86.

171. Согласно Герасимову, максималисты взяли почти все шестьсот тысяч рублей (Герасимов, На лезвии с террористами, 92). Во время ограбления было убито несколько максималистов, причем, по словам одного революционера, двое из них были застрелены своими товарищами, когда начали убегать, не дождавшись сигнала (копия письма, написанного «Акакием» из С.-Петербурга Дмитриеву в Женеву, 14 марта 1907, Охрана XXIV — B). Десять максималистов были арестованы полицией, семеро из них были приговорены к смертной казни и повешены (Спиридович, Партия Социалистов-Революционеров, 292–293). Инициатор этой экспроприации Михаил Соколов был арестован месяц спустя в С.-Петербурге, судим военным судом и повешен 2 декабря 1906 г. (Савинков, Воспоминания террориста, 201).

172. Спиридович, Партия Социалистов-Революционеров, 307; Не-строев, Из дневника максималиста, 80–82.

173. См. Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 год, 19, Ник. 197—3.

174. И. Павлов, Очистка человечества (Москва, 1907), 9, 15.

175. Там же, 9.

176. Там же, 14, 17–18, 23, 30.

177. Поссе, Мой жизненный путь, 407. Некоторые эсеры одобряли массовое уничтожение своих противников в правительственном лагере. Видный член партии Хилков заявлял, что он «согласен принести в жертву тысячи голов для достижения поставленной цели» (доклад ДДП от 20 февраля (5 марта) 1905, Охрана X1c[5]-1).

178. Спиридович, Партия Социалистов-Революционеров, 311.

179. Согласно видному эсеру Н.В. Чайковскому, «грехи максимализма» лежали на эсерах (письмо Н.В. Чайковского из США от 2 июля 1907, Ник. 183—9).

ГЛАВА 3

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ И ТЕРРОР

1. Ростов, «Еще о взрыве трактира «Тверь», КЛ 1 (40) (1931),

246.

2. Буренин, «Памятные годы», 85.

3. Хотя некоторые ученые уделяют внимание большевистской практике экспроприации, они обходят молчанием участие фракции большевиков в политических убийствах (Абдурахман Авторханов, Происхождение партократии, т. 1 [Франкфурт-на-Майне, 1981]; Souvar ne, Stal n; Robert C. W ll ams, The Other Bolshev ks: Len in and H s Cr t cs [Блюмингтон, Индиана, 1986]. Историки, занимающиеся социал-демократическим движением, большей частью не обращают внимания на их участие в терроре, хотя Дж. Л. Х. Кип (J.L.H. Keep) упоминает об этом в The R se of Social Democracy in Russia (Оксфорд, 1963) и Генри Дж. Тобиас (Henry J. Tob as) кратко обсуждает официальную политику Бунда по отношению к терроризму в The Jew sh Bund in Russia from ts Or g ns to 1905 (Стэнфорд, 1972), правда, без упоминания о практических аспектах и рассматривая

только период до 1905 г. Единственный историк, который занимается подробно этой проблемой в своей докторской диссертации «The Russian Marx st Response To Terrorism: 1878–1917» (Стэнфорд, 1981), это Дэвид Ален Ньюэлл (Dav d Allan Newell), но и он в первую очередь занят идеологической позицией социал-демократов, а не их практическими действиями.

4. В 1878 г., например, С.М. Степняк-Кравчинский, действуя по приказу партии, убил жандармского начальника генерала Мезенцева. В феврале следующего года Григорий Гольденберг убил харьковского губернатора Кропоткина (двоюродного брата знаменитого анархиста), который пользовался репутацией либерала. В марте Дрентельн, глава тайной полиции, был обстрелян на центральной улице С.-Петербурга, и ответственность за это взял Исполнительный комитет «Земли и Воли».. Эта организация также претендовала на честь убийства нескольких подозреваемых шпионов полиции. С 31 октября 1878 по 14 августа 1879 г. «Земля и Воля» истратила около шести тысяч рублей, из которых четверть ушла на поддержку террористической деятельности (Ventur , Roots of Revolution, 629–630, 655; и Deborah Hardy, Land and Freedom. The Or g in of Russian Terrorism, 1876–1879 [Вестпорт, Конн., 1987], 70, 84).

5. У Дейча и его соратников не было доказательств вины Гори-новича, и они действовали на основании подозрений, домыслов и слухов. Горинович выжил, но на всю жизнь остался слепым и изувеченным (Jay Bergman, Vera Zasul ch [Стэнфорд, 1983], 27–28; и Hardy, Land and Freedom, 55; AM 5).

6. Лев Троцкий, Дневники и письма (Тенафлай, Нью-Джерси,

1986), 190.

7. Сборник «Революционная Россия», 99, ПСР 9-788. К 1887 г.,

однако, во второй программе группы, лидеры «Освобождения труда» уделили меньше внимания террору как необходимой составляющей антиправительственной борьбы, однако подчеркнули, что они не остановятся перед политическими убийствами в случае необходимости (Троцкий, Дневники и письма, 190).

8. Например, Маркс цит. в Янсон (Браун), «Латвия в первой половине 1905 года», ПР 12 (1922), 48.

9. Обе стороны признавали, что «сущность разногласий межлу двумя фракциями, социал-демократической и социал-революции! г-ной, заключалась в их отношениях к крестьянству и к террору» (Сборник «Революционная Россия», 94, ПСР 9—788).

10. Один эсеровский публицист утверждал, что на раннем этапе многие социал-демократы не испытывали необходимости соотносить свои действия с недалекими расчетами фракционной политики и признавали нужность террора (там же, 100).

11. Newell, «Russian Marx st Response to Terrorism», 308; В.В. Ви-тюк, «К анализу и оценке эволюции терроризма», Социологические исследования 2 (апрель — май — июнь, 1979), 143.

12. Витюк, «К анализу и оценке эволюции терроризма», 144. В другом случае Засулич пошла еще дальше, заявляя, что социал-демократы были «против террора по именно той причине, что он re революционен» (там же, 148).

13. Бурцев, «За террор», Народоволец 4 (1903), 31, ПСР 1 — 19.

14. М. Павлович, «Ленин и эс-эры», Под знаменем марксизма 10 (1923), 155.

15. Витюк, «К анализу и оценке эволюции терроризма, 146,145; см. также В.И. Ленин, ПСС, V.5 (Москва, 1959), 375. По другому случаю Ленин писал: «Мы уверены, что

пожертвовать одним революционером ради даже десятка негодяев означает лишь дезорганизовать наши собственные ряды», уже недостаточные для наиважнейшей работы среди пролетариата (цит. в Павлович, «Ленин и эс-:)ры», 161).

16. Сборник «Революционная Россия», 99 ПСР 9—788.

17. Бурцев, «За террор», Народоволец 4 (1903), 34, ПСР 1 — 19.

18. Ник. 70—3; также Бурцев, «За террор», Народоволец 4 (1903), 33, ПСР 1-19.

19. Другие примеры антитеррористических заявлений различных групп и комитетов РСДРП см. в Леванов, Из истории борьбы большевистской партии против эсеров, 100–102.

20. Многие бывшие террористы вступили в РСДРП (см., например, «Обзор Кавказских революционных партий», 33, Охрана XXa— 1B; и Ленин, ПСС, 6:180). Известное утверждение Марии Ульяновой, сестры Ленина, что ее брат отказался от террора и пошел «другим путем» еще в 1887 году, требует переосмысления: Исаак Лалаянц, видный социал-демократ, близкий к Ленину в 1893 году, отмечал интерес будущего лидера большевиков к террору, кото-Рым занималась «Народная воля». Троцкий также обратил внима-

133ак. 12907

ние на террористические симпатии молодого Ленина (Троцкий, Дневники и письма, 191).

21. См., например, Генкин, «Тобольский централ», КС 10 (1924), J 163.

22. Леонид Красин, большевик, начавший свою революционную карьеру в Баку, критиковал антиэсеровскую кампанию в «Искре», считая, что она наносит сильный вред работе на местах, где многие терак- ". ты совершались объединенными силами (Леонид

Борисович Красин [«Никитич»), 159). Другой большевик вспоминал, что он и его товарищи «не выносили полемики» и всегда были готовы присоединиться к членам других партий в активных действиях (А. Марцинковский, «Воспоминания о 1905 г. в г. Риге», ПР 12 [1922], 328).

23. Как сказал сам Ленин, «марксизм отрицает все абстрактное мышление и доктринерские рецепты о типах борьбы… Марксизм никогда не отвергнет какой-либо определенный боевой метод, тем более не отвергнет навсегда» (Stefan T. Possony, Len in Reader [Чикаго, 1966], 475–476).

24. Павлович, «Ленин и эс-эры», 155; см. также Ленин, ПСС, 6, 375.

25. В.И. Ленин, ПСС, т. 5 (Москва, 1959); см. также Possony, Len in Reader, 468. Троцкий позже тоже осудил «евнухов и фарисеев», которые из принципа отрицали терроризм, хотя он и считал капитализм слишком сильным врагом, чтобы можно было победить его индивидуальными актами (Laqueur, Terrorism, 68). В своих нападках на эсеров Ленин намеренно выискивал малейшие точки расхождений, в одном случае утверждая, что для социал-демократов «террор выступает как один из [многих] возможных подсобных средств, а не как особый прием тактики», как это было якобы у эсеров (Ленин, ПСС, 6, 371).

26. Ленин, ПСС, 5, 7.

27. Там же, т. 4 (Москва, 1959), 223.

28. Многие социал-демократы разделяли эти мнения. См., например, Р. Арский, «Эпоха реакции в Петрограде (1907–1910 гг.)», КЛ 9 (1923), 65, 67.

29. Ленин также предостерегал: «Не партизанские действия дезорганизуют движение, а слабость партии, неспособной подчинить такие действия своему контролю» (Laqueur,

Guerr lla Reader, 175; см. также Ленин, ПСС, 4, 223, и Ленин, ПСС, т. 11 [Москва, 960], 342).

30. Possony, Len in Reader, 478.

31. Витюк, «К анализу и оценке эволюции терроризма», 147.

32. Павлович, «Ленин и эс-эры», 156.

33. Ленин, ПСС, 11, 339; цит. также в Арский, «Эпоха реакции в Петрограде», КЛ 9 (1923), 65.

34. Ленин, ПСС, 11—341; цит. также в Н. Чужак, «Ленин и техника восстания. Два момента в истории партии», КС 12 (73) (1931), 78.

35. Laqueur, Guerr lla Reader, 173.

36. Чужак, «Ленин и «техника» восстания», КС 12 (73) (1931),

37. Доклад ДДП от 5 марта (20 февраля) 1906, Охрана XX —2.

38. Ленин, ПСС, 11, 340–343.

39. Чужак, «Ленин и «техника» восстания», КС 12 (73) (1931) 77.

40. Авторханов, Происхождение партократии, 1, 169.

41. Спиридович, История большевизма в России, 138.

42. N. Buren n, «Memo rs of an Old Revolution st» (машинописный текст по-английски), часть 1, «1901–1906 in F nland», с. 26, АК; и Т.И. Вулих, «Большевики в Баку (1908)», с. 6, Ник. 207—9.

43. Леонид Борисович Красин («Никитич»), 252.

44. В одном случае два большевика случайно встретили шпиона и на месте задушили его (Мызгин, Со взведенным курком, 92). Другие примеры см. в: Ида Педер-Сермус, «Как и почему я перестала быть большевичкой», 1, Ник. 27—5; Александр Соколов-Новоселов, Вооруженное подполье (Уфа, 1958), 68–70; Л. Рогов, «Из жизни Бакинской тюрьмы», КС 37 (1927), 127–128; и Дубинский-Му-хадзе, Камо, 62.

45. Т.С. Кривов, В ленинском строю (Чебоксары, 1969), 57–58.

46. См., например, М. Гордеев-Битнер, «Боевая дружина в 1905 году за Невской заставой», КЛ 5 (20) (1926), 104, и Педер-Сермус, «Как и почему я перестала быть большевичкой», 1, Ник. 27—5.

47. Дальнейшие детали см. в: Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 180–184, и Ростов, «С первой волной», КС 20 (1925) 52–53.

48. Мызгин, Со взведенным курком, 14; см. также Л.С., «Моисей Георгиевич Цхоидзе», КС 34 (1927), 195, и Первый штурм самодержания (Москва, 1989), 358–360.

49. Гордеев-Битнер, «Боевая дружина», КЛ 5 (20) (1926), 108; Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 181, и С.З. Лакоба, Абхазия в годы первой российской революции (Тбилиси, 1985), 39.

50. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 92.

51. Там же, 122.

52. О. Баренцева, «Михаил Васильевич Фрунзе в Иваново-Вознесенском районе», ПР 12 (47) (1925), 209. Убийство не удалось, и два большевика были приговорены к смертной казни, но приговор был заменен на шесть лет каторги для Фрунзе и восемь для Гусева. Полную стенограмму суда, официальные сообщения и текст приговора см. в: Варенцова,

«Михаил Васильевич Фрунзе», 212–224; «Десять лет со дня смерти М.В. Фрунзе», КА 5 (72) (1935), 49–50; «Из революционной деятельности М.В. Фрунзе», КА 6 (73) (1935), 84–90, и П. Березов, Михаил Васильевич Фрунзе (Москва 1947), 33–36.

53. Познер, Боевая группа при РСДРП(б), 103.

54. Ростов, «С первой волной», КС 20 (1925), 53–54.

55. Прежде чем попытаться осуществить свой план, Игнатьев просил у Ленина согласия, но Ленин категорически запретил (Буренин, Памятные годы, 266–269).

56. В отсутствие Ленина только А. В. Луначарский, один из лидеров большевиков и будущий советский комиссар образования, согласился с предложением Бонч-Бруевича, в то время как остальные товарищи не были готовы к такому рискованному шагу (В. Бонч-Бруевич, «Мои воспоминания о П.А. Кропоткине», Звезда 6 [1930], 196).

57. Доклад ДЦП от 3 (16) октября 1912, Охрана XV s—3.

58. Леонид Борисович Красин («Никитич»), 244–245.

59. А. Белобородов, «Из истории партизанского движения на Урале», КЛ 1 (16) (1926), 93, 97.

60. См., например, Л.С., «Моисей Георгиевич Цхоидзе», КС 34 (1927), 194, и Марцинковский, «Воспоминания о 1905 г. в г. Риге», ПР 12 (1922), 329.

61. Марцинковский, «Воспоминания» о 1905 г. в г. Риге», ПР 12 (1922), 329.

62. Басалыго, «Революционное движение в Харькове», Летопись революции 1 (6) (Гос. изд. Украины, 1924), 133–134.

63. См., например, Охрана XV n—4B; П. Никифоров, Муравьи революции(Москва,

1932), 120.

64. См., например, Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 99.

65. Департамент полиции, док. № 8610, 6 июня 1906, Охрана X d(l)-9.

66. Письмо Б.И. Николаевского В.С. Войтинскому, 15 июля 1956, ВС(?) 5—2е; см. также В.М. Зензинов, «Страничка из истории раннего большевизма» (рукопись без даты), с. 11, Ник. 392—4.

67. Леонид Борисович Красин («Никитич»), 232. По мнению Вильямса, «не Ленин, а Красин начал разрабатывать большевистские планы создания вооруженных отрядов, способных наносить удары по российскому правительству в 1905. В январе он создал при Центральном комитете «Военно-техническую группу»… чтобы направлять нелегальные действия партии», в том числе покупку и изготовление взрывных устройств. «Один раз Красин сам спроектировал бомбу, хотя большая часть работы осуществлялась двумя химиками, работавшими под псевдонимами Альфа и Омега» (W ll ams, Other Bolshev ks, 62; см. также Буренин, Памятные годы, 85, 114). Красин мечтал создать бомбу величиной с грецкий орех (Троцкий, Дневники и письма, 194).

68. Доклад ДЦП от 15 (28) мая 1906, Охрана XV b(6)—2; полицейское донесение от 13 (26) февраля 1907, Охрана XXЬ—2. См. также Hugh Ph ll ps, «From a Bolshev k to a Br t sh Subject: The Early Years of Max m M. L tv nov», Slav c Review 48 (3) (осень 1989), 395–396.

69. В.М. Гургенидзе, «Убийство Ильи Чавчавадзе по архивным данным» (рукопись 1987), с. 11, АС.

70. Там же, 4.

71. Большевики'обвиняли Чавчавадзе во всех мыслимых грехах, называя его

«буржуем», «эксплуататором крестьянства», «врагом рабо-

чих», «послушным рабом правительства», «шпионом», «реакционером», «мизантропом» и т. д. (там же, 6, 31; Речь 303 [10 декабря 1908], ПСР 4-346).

72. Гургенидзе, «Убийство Ильи Чавчавадзе», 8, 12, АС. Убийцы забрали кошелек Чавчавадзе и серьги его жены, чтобы скрыть истинные причины убийства, придав ему видимость обычного нападения ради грабежа и направив полицию по ложному следу (Речь 303 [10 декабря 1908]).

73. Гургенидзе, «Убийство Ильи Чавчавадзе», 24, 7–8, АС.

74. См. там же, 13–14, 16–17, 31–32, и «Об одном из убийц И. Чавчавадзе, об имеретиме (газета «Исари» [«Стрела»], 13 февраля 1908 года. «Опять об убийстве И. Чавчавадзе»)», 1–2, АС.

75. Кремнев, Красин, 148–149.

76. Доклад ДЦП от 28 июня (11 июля) 1908, Охрана XH b(I)— 1B, док. 244.

77. Леванов, Из истории борьбы большевистской партии против эсеров, 99.

78. Бонч-Бруевич, «Мои воспоминания о Кропоткине», 196.

79. См. П.А. Гарви, «Петербург 1906» (машинописный текст), с. 144, Ник. 56—2, и Дубинский-Мухадзе, Камо, 82.

80. Социал-демократы даже уверяли, что на момент убийства Боевой организации вообще не существовало и что она была создана эсерами сразу после него (доклад ДДП от 2 [15] марта 1904, Охрана XV b[3]—4, и Зензинов, «Г.А. Гершуни — глава Боевой Организации», 17–19, Ник. 12—2).

81. В личном письме один революционер писал: «Даже если социал-демократы не признают систематический террор, они не скажут, что Балмашев действовал глупо, убив Сипягина, потому что все только рады, что Сипягин, как Оболенский и другие, убит» (Охрана XV d-4).

82. Памяти Григория Андреевича Гершуни (Париж, 1908), 45.

83. Один представитель социал-демократов в Думе утверждал, что «террористические акты являются результатом преступной политики правительства» (ГД 1907, 8–1, 419; подобные высказывания см. ГД 1907, 32-2, 230–231).

84. Laqueur, Terrorism, 66.

85. Лакер признает, что После убийства Плеве Плеханов «был готов оправдать такие операции при определенных обстоятельствах и предлагал наладить сотрудничество с эсерами. Только после того, как такие ведущие социал-демократы, как Аксельрод и Мартов, пригрозили выйти из партии, он забрал назад свое предложение» (там же, 41; см. также Souvar ne, Stal n, 90).

86. Поссе, Мой жизненный путь, 321. В то же время Плеханов осуждал большевистских лидеров за участие в экспроприациях (Б.И. Николаевский, «Большевистский Центр» [незаконченная рукопись], вступление «К истории 'Большевистского Центра'», 75, Ник. 544-11).

87. Tob as, Jew sh Bund, 156.

88. Ю. Мартов, «Только мертвые не возвращаются» (машинописный текст 1905 года), Ник. 52—6.

89. Newell, «Russian Marx st Response to Terrorism», 438.

90. См., например, доклад ДДП от 9 (22) января 1910, Охрана XH b(I)—1A, исходящие документы, док. 35.

91. В по крайней мере одном случае меньшевики даже попросили свою организацию на воле помочь эсерам и анархистам убить начальника тюрьмы (Витязев, Исакович и Каллистов, «Из воспоми- наний о Н.Д. Шишмареве», КС 6 [1923], 257).

92. Н. Ростов, «Южное Военно-Техническое Бюро при Центральном Комитете РСДРП», КС 22 (1926), 98.

93. Там же.

94. См., например, полицейское донесение от 15 сентября 1905, с. 9, Охрана ХШс(2)-6С.

95. Л.С., «Иван Васильевич Савин», КС 41 (1928), 160.

96. Ростов, «Южное Военно-Техническое Бюро», КС 22 (1926),

105-106.

97. А. Сухов, «Три месяца работы в Шендриковской группе», ПР 10 (45) (1925), 118. Это, однако, не помешало социал-демократам публично выступать против анархистской тактики экономического террора («Юпитер сердится», Анархист 1 [10 октября 1907],

17).

98. Сухов, «Три месяца работы в Шендриковской группе», ПР 10

(45) (1925), 118.

99. Там же, 118–119.

100. Одна революционерка описала устоявшуюся традицию насилия на Кавказе,

которую она наблюдала по приезде в Баку: «Население оставалось неразоруженным, и револьвер или кинжал пускались в ход по всякому поводу. Ношение оружия при себе считалось столь естественным делом, что, когда после попытки ограбления почтамта там был поставлен караул, часовой у входа в здание предлагал посетителям оставлять оружие в сенях — револьверы и громадные кинжалы складывались в общую кучу и при выходе на улицу каждый брал свое оружие обратно» (Захарова-Цедербаум, «В годы реакции», КС 60 [1929], 77).

101. И.В. Шауров, 1905 год (Москва, 1965), 201.

102. Григорий Уратадзе, Воспоминания грузинского социал-демократа (Стэнфорд, 1968), 130.

103. Ной Жордания, Моя жизнь (Стэнфорд, 1968), 44.

104. Охрана XV In—5A.

105. Барон (Бибинеишвили), За четверть века, 145.

106. Рождественский, «Десять лет службы», 49(Ь)—50, АР; С. Маглакелидзе и А. Иовидзе, ред., Революция 1905–1907 гг. в Грузии. Сборник документов (Тбилиси, 1956), 588, 635; Обнинский, Полгода русской революции, 49–50; Уратадзе, Воспоминания грузинского социал-демократа, 130–132; Жордания, Моя жизнь, 45.

107. Souvar ne, Stal n, 74.

108. Там же.

109. Рождественский, «Десять лет службы», 49, АР.

110. Маглакелидзе и Иовидзе, Революция 1905–1907 гг. в Грузии, 277–278.

111. Неполный список многочисленных террористических актов, совершенных на Кавказе членами РСДРП, см. в Барон (Бибинеишвили), За четверть века, 122–146, и Гургенидзе, «Убийство Ильи Чавчавадзе», 22, АС.

112. Барон (Бибинеишвили), За четверть века, с. 124; Гургенидзе, «Убийство Ильи Чавчавадзе», 23, АС; Маглакелидзе и Иовидзе, Революция 1905–1907 гг. в Грузии, 108.

113. Некоторые революционеры были недовольны жестокостью этого акта (Аркомед, «Красный террор на Кавказе», КС 13 [1924], 72).

114. См., например, Хроника революционных событий на Одес-щине в годы первой русской революции [1905–1907 гг.] (Одесса, 1976), 96.

115. Полицейское донесение от 13 октября 1905, Охрана ХШс(2)—6С. В декабре 1905 г. в Екатеринославе социал-демократы убили агента тайной полиции Самуила Черткова (Г. Новополин, «В мире предательства», Лет, опись революции 4 [Гос. изд. Украины, 1923], 37–38)..3 декабре 1908 они совершили неудачное покуше-ние на убийство московского рабочего, оказавшегося служащим полиции (Охрана XX Va—5q). «Я никогда не забуду энтузиазм, с которым каждый… [революционер] стремился быть тем, кто отомстит за арест… [товарища] и казнит провокатора», — писал один бывший социал-демократ (Б. Футорян, «Мирон Константинович Владимиров», КС 17 [1925], 236–237).

116. Полицейское донесение от 3 марта 1905, с. 8, Охрана ХШс(2)—6А, и В. Войтинский, Годы побед и поражений, кн. 2 (Берлин, 1924), 272–273.

117. Согласно одному источнику, «случаев убийств и покушений рабочих социал-демократов на отдельных представителей полиции в течение 1905 года зарегистрировано немало» (Киржниц, Еврейское рабочее движение, 97; см. также К., «Иван Тименков», Былое 14 [1912], 46, и Г. Котов, «Второй раз в тюрьме», ПР 4 [1922],

197).

118. Бомбы упали в глубокий снег и не взорвались (В. Якубов, «Александр Дмитриевич Кузнецов», КС 3 [112] [1934], 134; см. также полицейское донесение от 21 июля 1905, с. 18–19, Охрана X1Пс[2]—6В, и «Из истории рабочего движения на Украине в 1905 г.», КА 5 [102] [1940], 87).

119.'А. Гамбаров, «Очерки по истории революционного движения в Луганске (1901–1921 гг.)», Летопись революции 4 (Гос. изд. Украины, 1923), 71–72.

120. Юренев, «Работа Р.С.-Д.Р.П. в Северо-Западном крае», ПР 8–9 [31–32] [1924], 190; см. также 3. Чиквиладзе, «Афрасион Мерк-" виладзе и его красная сотня», КС 17 (1925), 97.

121. Чиквиладзе, «Афрасион Мерквиладзе», КС 17 (1925), 97.

122. Лядов, Из жизни партии, 191.

123. Юренев, «Работа Р.С.-Д.Р.П. в Северо-Западном крае», ПР 8–9 [31–32] [1924], 190.

124. Бурцев, «За террор», Народоволец 4 (1903), 35, ПСР 1 —

19.

125. Там же, 34, и в Tob as, Jew sh Bund, 100.

126. Ник. 70—3; см. также Tob as, Jew sh Bund, 148.

127. Обсуждение разногласий в центральном руководстве Бунда по вопросу политического насилия см. в Tob as, Jew sh,Bund, 147–148, 150–152, 154. В заметке в Arbe ter St mme недвусмысленно заявлялось, что партия боролась «против терроризма как системы, а не против отдельных личностей» (Newell, «Russian Marx st Response

to Terrorism», 314).

128. Бурцев, «За террор», Народоволец 4 (1903), 35, ПСР 1 — 19.

129. Ник. 68-8.

130. Keep, R se of Social Democracy, 79.

131. «Ф.М. Койген (Ионов)», ПР 11 (23) (1923), 6.

132. Охрана XVIc—7; см. также Tob as, Jew sh Bund, 155.

. 133. Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927),

200.

134. Доклад ДДП от 17 (4) февраля 1906, Охрана XX Vh—1.

135. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 249.

136. Дополнительную информацию и официальные документы об этом покушении см. в «Гирш Лекерт и его покушение», КА 15 (1926),

87-103.

137. Комитет Бунда в Минске откликнулся на этот призыв к мести: «Пусть ни одна дикая мера царских сатрапов не останется безответной!» (цит. в Сборник «Революционная Россия», 144, ПСР 9—788).

138. Tob as, Jew sh Bund, 151, и цит. в «Революционная Россия»,

144-145, ПСР 9-788.

139. В Лодзи, например, два члена боевого отряда Бунда стреляли в дворников, пытавшихся их остановить (Р. Арский, «Из истории революционного движения в

Польше», КЛ 4 [15] [1925], 209).

140. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 274.

141. Полицейское донесение от 11 августа 1905, Охрана XШс(2)—

6С.

142. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 97, 202, 204.

143. Полицейское донесение от 28 июля 1905, Охрана XШс(2)—

6В.

144. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 400.

145. «Гирш Лекерт и его покушение», КА 15 (1926), 89.

146. Там же, 89–90.

147. Tob as, Jew sh Bund, 315.

148. Там же, 311; «Хроника вооруженной борьбы», КА4—5 (11

12) (1925), 169.

149. П. Ягудин, «На Черниговщине», КС 57–58 (1929), 294.

150. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 280.

151. Там же.

152. Описание набора таких отрядов см. в Tob as, Jew sh Bund, 226–227. Согласно одному источнику, «инициатива по организации отрядов самообороны исходила почти везде от бундовских организаций» (Н.А. Бухбиндер, «Еврейское рабочее движение в

1905 г. Первое мая», КЛ 7 [1923], 9).

153. Полицейские власти также отметили несколько случаев, в которых члены отрядов самообороны стреляли в пешеходов из экипажей (полицейский рапорт от 10 ноября 1905, с. 13, Охрана ХШс[2]—6С).

154. Там же.

155. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 258.

156. Там же, 297, 355–356. См. также полицейское донесение от 4 августа 1905, с. 12, 16, Охрана ХШс(2)—6В.

157. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 355–356, и Обнинский, Полгода русской революции, 161.

158. «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», 1910, с. 8, Охрана XV b(6)-IC.

159. «Покушение на убийство г.-м. Кошелева, председателя Рижского военного суда», с. 1, Ник. 199—7.

160. «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», с. 39, Охрана XV b(6)-IC.

161. Среди социал-демократических террористов и даже среди их лидеров были молодые люди школьного возраста, всегда готовые пожертвовать теоретическими принципами ради «настоящего дела» (см. «Красная гвардия» в Риге в 1906 г.», КА 4–5 [41–42] [1930], 213).

162. Много лет спустя бывший член социал-демократической партии признал, что в их ряда;' были люди, «использовавшие для своих корыстных целей революционную маску» (Янсон [Браун), «Латвия в первой половине 1905 года», ПР 12 [1922], 49).

163. «Красная гвардия» в Риге», КА 4–5 (41–42) (1930), 213.

164. Латышские социал-демократы провозглашали своей целью национальное самоопределение и «возрождение латышской земли» («Прибалтийский край», К А 4–5 [11–12] [1925], 266). Социал-демократы на Кавказе также часто выказывали националистические убеждения (см., например, Барон [Бибинеишвили], За четверть века, 86). Бунд, хотя и предупреждал против «пробуждения национальных чувств, которые могут только затуманить классовое сознание пролетариата и привести к шовинизму», на деле стремился к национальной автономии для евреев (цит. в письме Николаевского Фишеру от 26 марта 1937, с. 3).

165. Янсон (Браун), «Латвия в первой половине 1905 года», ПР 12 (1922), 34, 49.

166. «Покушение на убийство г.-м. Кошелева», 1, Ник. 199—7.

167. Янсон (Браун), «Латвия в первой половине 1905 года», ПР 12 (1922), 35.

168. Янис Лютер Бобис, 167.

169. «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», 30, Охрана XV b(6)—1C, и Янис Лютер Бобис, 80.

170. Янис Лютер Бобис, 131.

171. Янсон (Браун), «Латвия в первой половине 1905 года», ПР

12 (1922), 48.

172. «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», 40, Охрана

XVIb(6)-IC.

173. «Покушение на убийство г.-м. Кошелева», 1, Ник. 199—7.

174. Там же.

175. Описание особенно кровавого нападения на казармы драгунов в Риге см. в Янис Лютер Бобис, 280–281; см. также «Прибалтийский край», КА 4–5 (11–12) (1925), 269–271, 273п.

176. «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», 31, Охрана

XV b(6)-IC

177. «Рецензия на Бейка, Год лесных братьев», 12, Ник. 121—5.

178. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 13. 196.

179. Янис Лютер Бобис, 147.

180. «Review of Be ka's Год лесных братьев», 2, Ник. 121—5.

181. «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», 32–33, Охрана

XVIb(6)-IC.

182. Там же, 33. См. также Леванов, Из истории борьбы большевистской партии против эсеров, 101.

133. «Обзор деятельности и настоящего положения Польской Социалистической Партии (П.П.С.) и Социал-Демократии Польши и Литвы (П.С.-Д.)» (Париж, 17 [30] января 1911), с. 11–12, Охрана

XIX- 12A,

184. Сборник «Революционна* Россия», 143, ПСР 9—788,

185. Пестковский, «Борьба партии в рабочем движении в Польше в 1905–1907 гг.», ПР И

(1922), 42.

186. «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», 2, Охрана

XVIb(6)-IC.

187. Мошинский (Юз. Конарский), «Ф.Э. Дзержинский и варшавское подполье 1906 г.», КС 50 (1928), 21.

188. Там же, 20–21.

189. Там же, 21–22.

190. «Польские революционные и националистические организации», сентябрь 1909, Охрана XIX—12A, с. 36.

191. «Обзор деятельности Литовской социал-демократической партии», 1909, с. 14, Охрана XX —2.

192. См. копию полицейского рапорта от 5 февраля 1910, Охрана XXH-1A.

193. Там же, см. также полицейское донесение от 13 января 1910,

Охрана X d(2)-49.

194. «Обзор Кавказских революционных партий», 30, Охрана XXa-Ш.

195. Сообщения о других планах гнчакистов см. в: полицейское донесение от 4 сентября 1903, с. 1–2, Охрана ХП1с(2)-2С.

196. Охрана XXa-1 A; см. также «Обзор Кавказских революционных партий», 33, Охрана XXa—1B.

197. Охрана XXa-1 A.

198. См., например, «Красная гвардия» в Риге в 1906 г.», КА 4–5 (41–42) (1930), 214.

199. Цит. в W ll ams, Other Bolshev ks, 108; см. также «Резолюция на V (Стокгольмском) Съезде (Май, 1906)», с. 26, Охрана XV b(6)—1C, и Кривов, В ленинском строю, 67.

200. «Резолюция на V (Стокгольмском) Съезде», с. 26, Охрана XV b(6)-IC.

201. См. Валентинов, Малознакомый Ленин, 89.

202. Ленин, ПСС, 11:341–342.

203. Спиридович, История большевизма в России, 137.

204. Само название «Большевистский Центр» было известно только избранным членам фракции, в прессе его называли «расширенной редколлегией газеты «Пролетариат» (доклад ДДП от 3 [16] июля 1909, Охрана XV b[6] — Ia). Согласно полицейскому источнику, «истинным правящим органом партии» был «не Центральный комитет, а тайный Большевистский Центр» (полицейский рапорт от 13 [26] июня 1909, Охрана XV b[6]-Ia).

205. Спиридович, История большевизма в России, 137. К августу 1908 г. коллегия трех раскололась, Красин и Богданов больше не играли ведущих ролей, а главными стали Ленин, Зиновьев, Каменев и Таратута (Николаевский, «Большевистский Центр», 118, Ник. 544— 11).

206. Souvar ne, Stal n, 102.

207. Бибинеишвили, Камо, 98—100; W ll ams, Other Bolshev ks, 113; Дубинский-Мухадзе, Камо, 58.

208. Описание тифлисской экспроприации см. в W ll ams, Other Bolshev ks, 114; Бибинеишвили, Камо, 118–130.

209. Уратадзе, Воспоминания грузинского социал-демократа, 163, 164.

210. Вулих отмечает, что грузинские террористы и экспроприаторы считали Сталина вторым человеком в партии после Ленина (Вулих, «Большевики в Баку», 5, Ник. 207—9). Суварин также предполагает, что Сталин «сам не принимал участия в операциях, а направлял их». Областной съезд закавказских социал-демократических организаций решил исключить его из партии за причастность к тифлисской экспроприации (Souvar ne, Stal n, 99—100). Николаевский уверяет, что большевики з_а границей смогли убедить Центральный комитет отменить решение закавказских социал-демократов (письма от Николаевского И.И. Жордания от 5 февраля 1957 и И.И. Церетели от 9 сентября 1956, Ник. 144—9).

211. Существуют доказательства того, что Ленин сам в 1906 или 1907 г. выдвинул идею организации группы кавказских боевиков и предложил Сталину, чтобы члены этой группы формально вышли из партии, опасаясь, что в случае провала «меньшевики нас съедят» (письма

Д. Шуба П.А. Гарви от 16 июня, 1 ноября 1947 и 1 декабря 1947, Ник. 438—19). В других областях России социал-демократические комитеты предпринимали те же меры предосторожности, приказывая своим боевикам выйти из партии «на бумаге» (Г.А. Алексинский, «Воспоминания. Конец 1905 и 1906–1910 годы» [машинописный текст без даты], 107, Ник. 302-3).

212. Souvar ne, Stal n, 96.

213. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 79.

214. Т.Н. Вулих, «Основное ядро кавказской боевой организации», 3, Ник, 207-11.

215. Сами боевики были бедны. Камо «жил на пятьдесят копеек в день и давал им

[своим товарищам боевикам] столько же» (Souvar ne,

Stal n, 96).

216. Вулих, «Основное ядро кавказской боевой организации»,

4-5, Ник. 207-11.

217. Вулих, «Большевики в Баку (1908)», 5–6, Ник. 207—9. Согласно Николаевскому, когда рабочий-большевик стал протестовать против вымогательств, Сталин обвинил его в том, что он провокатор; рабочий был приговорен к смерти, но ему удалось спастись, хотя он все же получил тяжелые ранения (письмо Николаевского Т.И. Вулих от 8 августа 1949, Ник. 207—15).

218. Доклад ДЦП от 31 октября (13 ноября) 1907, с. 3, 5, Охрана

ХХЬ-2.

219. Николаевский, вступление к «Большевистский Центр»: «К

истории «Большевистского Центра», 54, Ник. 544—11.

220. Доклад ДЦП от 31 октября (13 ноября) 1907, с. 4, Охрана ХХЬ—2, и доклад ДДП от 22 октября (4 ноября) 1907, Охрана

XXV с, папка 1.

221. Телеграмма директору Департамента полиции Трусевичу от 22 октября (4 ноября), Охрана XXV с—1.

222. Сулимов, «К истории боевых организаций на Урале», ПР 7

(42) (1925), 109.

223. Соколов-Новоселов, Вооруженное подполье, 65; Х.И. Муратов и А.Г. Липкина, Тимофей Степанович Кривов (Уфа, 1968), 36.

224. По словам знакомого Михаила Кадомцева, этот боевик «считал себя ортодоксальным марксистом, но по своим симпатиям в вопросах тактики и по целому ряду других качеств напоминал кого угодно: радикально настроенного эсера былых «героических» времен, максималиста… а то и анархиста, но меньше всего социал-демократа эпохи 1905–1914 гг.» (Генкин, «Тобольский централ»,

КС 10 [1924], 161).

225. Кривов, В ленинском строю, 35–36; Мызгин, Со взведенным курком, 12, 21, 23.

226. Мызгин, Со взведенным курком, 48; С. Залкинд, «Воспоминания об Урале (1903–1906 гг.)», ПР 4 (16) (1923), 135-36.

227. Белобородое, «Из истории партизанского движения на Урале», КЛ 1 (16) (1926), 93.

228. Кривов, В ленинском строю, 67–68; Муратов и Липкина, Кривов, 36.

229. В это время Керенский был адвокатом, строящим свою репутацию на специализации по политическим и террористическим делам (см., например, Фролов, «Террористический акт над самарским губернатором», КС [8] [1924], 119). Однако причастность Керенского к террористической деятельности не ограничивалась профессиональными юридическими услугами. В декабре 1905 г. он, как утверждают, собирался вступить в Боевую организацию эсеров, чтобы участвовать в покушении на Николая , но его не приняли (Richard Abraham, Alexander Kerensky: The F rst Love of the Revolution [Нью-Йорк, 1987], 32–33. Согласно Герасимову, Керенский настаивал и стал начальником боевой дружины социалистов-революционеров Александро-Невского района С.-Петербурга; впрочем, очень скоро он был арестован (Герасимов, На лезвии с

террористами, 51).

230. Кривов, В ленинском строю, 70–71.

231. Например, в 1907 г. большевики экспроприировали больше тысячи рублей у земства около города Двинска, а в другом случае захватили несколько сотен чистых паспортов и печатей (И. Юренев, «Двинск» [1907–1908 г.]», ПР 3 [15] [1923], 209). В феврале 1906 г. большевики предприняли попытку ограбления С.-Петербургского сберегательного банка, при этом они убили офицера полиции, случайно там оказавшегося. Они также разграбили несколько казенных винных лавок (Ростов, «С первой волной», КС 20 [1925], 53–54).

232. Медведева-Тер-Петросян, «Товарищ Камо», ПР 8–9 (31–32) (1924), 117.

233. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 102—3, и Николаевский, «Большевистский Центр», заметки к документам 1—14, 15, п. 32, Ник. 544-11.

234. Троцкий, Сталин, 97.

235. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, т. 1, 9-е изд. (Москва, 1983), 242.

236. W ll ams, Other Bolshev ks, 106, и полицейское донесение от 27 марта (9 апреля) 1910, Охрана XV b(6)(b)—1. Когда большевики потребовали партийного суда над Мартовым, он заявил, что «не желает иметь ничего общего с бандитами, фальшивомонетчиками и ворами» (Охрана XV d-1, 1908).

237. Большие люди, Альманах (без места и даты), 9, Ник. 757—5.

238. Например, швейцарский федеральный прокурор жаловался, что в его стране «проживают очень много русских, подозреваемых в совершении уголовных

преступлений» в России, таких, как ограбления банков (W ll ams, Other Bolshev ks, 106). Даже европейских социалистов коробила деятельность русских социал-демократов (см. Николаевский, «Большевистский Центр», вступление «К истории «Большевистского Центра», 66, Ник. 544—11).

239. Там же, 119, Ник. 544—11; см. также Souvar ne, Stal n, 126.

240. Письмо Б.И. Николаевского Н.В. Валентинову от 17 января 1959, с. 2, Ник. 508-2.

241. Николаевский, «Большевистский Центр», вступление «К истории «Большевистского Центра», 13, Ник. 544—11. Богданов также уверял, что Ленин применял финансовые репрессии к партийным организациям, отказывавшимся поддерживать его взгляды, намеренно задерживая передачу им денег (см. Николаевский, «Большевистский Центр», вступление «К истории «Большевистского Центра», 132, Ник. 544-11).

242. Согласно Богданову, «Большевистский центр» потратил сотни тысяч рублей всего за два года; Николаевский считал, что эта цифра верна, если учитывать, какие значительные суммы получили большевики в 1907-м (там же, 13, 33).

243. Souvar ne, Stal n, 106; см. также доклад ДДП от 31 октября (13 ноября) 1907, с. 3, Охрана XXЬ—2.

244. Дубинский-Мухадзе, Камо, 68.

245. Souvar ne, Stal n, 106. Видный большевик вспоминал ситуацию в Екатеринбурге: «Средств у нас, конечно, не было… но зато была хорошая боевая дружина. Успешная экспроприация почтового поезда… дала нам достаточно средств на всю кампанию». У большевиков не хватало типографского оборудования и материалов, но они решили эту проблему нападением на областную типографию. «Три или четыре газеты были поставлены таким образом» (Лядов, Из жизни партии, 194).

246. Сулимов. «К истории боевых организаций на Урале», ПР 7 (42) (1925), 111. Описание школы бомбистов в Лемберге см.: Мыз-гин, Со взведенным курком, 67–71.

247. Соколов-Новоселов, Вооруженное подполье, 61; Быстрых, Большевистские организации Урала, 294; Муратов и Липкина, Кри-вов, 54; Валентинов, Малознакомый Ленин, 89.

248. Чужак, «Ленин и «техника» восстания», КС 12 (73) (1931), 104.

249. W ll ams, Other Bolshev ks, 83; Newell, «Russian Marx st Response to Terrorism», 447—50.

250. Спиридович, История большевизма в России, 169. См. также Мызгин, Со взведенным курком, 99, и А. Рогов, «На революционной работе в Баку», КС 35 (1927), 103-4.

251. Мурашев, «Столица Урала в 1905–1908 гг.», КС 4 (65) (1930), 50–51.

252. Особенно известен запутанный случай с наследством Шмидта. Сын богатого фабриканта, Николай Шмидт, попавший в тюрьму за участие в декабрьском восстании 1905 г. в Москве, неожиданно умер в камере в феврале 1907-го, не оставив официального завещания. Его адвокат настаивал на том, что Шмидт уполномочил его передать его состояние РСДРП. «Большевистский центр» немедленно ухватился за эту возможность и объявил, что богатство, унаследованное Шмидтом от его деда, миллионера Викулы Морозова, принадлежит исключительно фракции большевиков. Действуя в полной тайне, большевики принудили законного наследника, младшего брата Шмидта Алексея, отказаться от всех прав на наследство в пользу двух его сестер — Екатерины и Елизаветы, так что каждая из них должна была получить по 129 000 рублей (Николаевский, «Большевистский Центр», вступление «К истории «Большевистского

Центра», 25, 27, 126—27, Ник. 544—11). Ленин и Красин намеревались заполучить эти деньги, также как и наследство, оставленное сестрам самим Морозовым. Для начала они назначили члена своей фракции, адвоката Н.А. Андриканиса, добыть деньги Екатерины, и когда тот обманул их ожидания, женившись на девушке и передав только треть денег большевикам, они стали угрожать ему убийством, если он не передаст им всю сумму (доклад ДДП от 29 ноября (12 декабря) 1907, Охрана XXVb—2C, 2–3). После многочисленных перипетий, взаимных требований и в конце концов посредничества комитета эсеров большевики и Андриканис в 1908 достигли компромисса: последний отдал половину денег Екатерины (85 000 рублей) (доклад ДДП от 31 мая [13 июня] 1908 г., Охрана XXVb—2C, 2–3, и Спиридович, История большевизма в России, 165). Чтобы получить вторую часть наследства, Ленин заставил А.М. Игнатьева фиктивно жениться на Елизавете Шмидт, которая, как несовершеннолетняя, не могла законно сама отказаться от своих денег и нуждалась для этого в муже. Дело еще более усложнилось двусмысленной ролью небезызвестного Виктора Таратуты, подозреваемого в сотрудничестве с полицией и, по мнению его коллег-большевиков, законченного мошенника, бывшего главным действующим лицом при отбирании денег у Алексея и Екатерины Шмидт. Ленин сначала поручил ему добыть деньги Елизаветы. Следуя примеру Андриканиса, Таратута быстро стал ее любовником, в то время как за ней ухаживал Игнатьев. Как человек, объявленный вне закона, жениться на ней Таратута не мог, но он мешал чем мог ее замужеству с Игнатьевым, расстраивая тем самым планы Ленина. В то же самое время Таратута «угрожал ее променьшевистским родственникам немедленными действиями кавказских боевиков, если вся сумма не будет выплачена» (доклад ДДП от 28 июня [11 июля] 1908, Охрана X b[l] — B, док. 244; Николаевский, «Большевистский Центр», вступление «К истории «Большевистского Центра», 46, Ник. 544—11). К июню 1908 г. «Большевистский Центр» наконец получил большую часть наследства Елизаветы (W ll ams, Other Bolshev ks, 118). Меньшевики, и особенно Мартов,

были возмущены всем этим делом, требуя передать всю сумму Центральному комитету. К 1915 г. оставшаяся часть наследства Шмидта все еще была яблоком раздора между большевиками и меньшевиками. Когда «последний кусок добычи», судьба которого решалась через посредничество трех германских социал-демократов — Карла Каутского, Клары Цеткин и Франца Меринга, попал-таки в руки большевиков, у них оказалось в общей сложности около 280 000 рублей из шмидтовского наследства (Николаевский, «Большевистский Центр», вступление «К истории «Большевистского Центра», 23, 33,

Ник. 544—11; Souvar nc, Stal n, 126). Полиция называла это дело, которое Ленин и его товарищи осуществили при помощи угроз, вымогательства и лжи, «бескровной экспроприацией», а Троцкий обозначил большевистские методы как «экспроприацию внутри партии» (доклад ДДП от 16 [3J декабря 1907, Охрана X1c[4 —1; Souvar ne, Stal n, 126). Советскую версию см.: Андриканис, Хозяин «чертова гнезда».

253. В соответствии с договоренностью с британским бизнесменом во время V съезда РСДРП большевики должны были вернуть занятые у него деньги до 1 января 1908 г… Когда наступил этот срок, Ленин заявил, что из-за многочисленных недавних расходов большевиков достать сейчас деньги абсолютно невозможно. Большевики выплатили эти деньги только в 1923 г. по настоянию Красина (письмо Н.В. Валентинова Б.И. Николаевскому от 10 января 1959, Ник. 508—2). В 1909 г. Ленин и его сподвижники в «Большевистском центре» отказались вернуть три тысячи рублей, которые Красин занял для фракции у богатой петербургской вдовы А.И. Умновой. Красин, возмущенный этим отказом, отплатил Ленину тем же: он удержал двадцать пять тысяч рублей, оставшихся после тифлисской экспроприации, заставив этим «Большевистский центр» пересмотреть свое решение (доклад ДДП от 3 [16] июля 1909, Охрана XVIb[6J — Ia).

254. Доклад ДДП от 27 марта (9 апреля) 1910, Охрана XV b(6)(b)— 1.

255. Чужак, «Ленин и «техника» восстания», КС 12 (73) (1931), 104.

256. Алексинский, «Воспоминания. Конец 1905 и 1906–1910 годы», 74, Ник. 302-3.

257. Ростов, «Южное Военно-Техническое Бюро», КС 22 (1926), 94–95; А. Трофименко, «К истории военно-технического бюро юга России в 1905–1906 гг.», Летопись революции 5–6 (14–15) (Гос. изд. Украины, 1925), 103.

258. Трофименко, «К истории военно-технического бюро», Летопись революции 5–6 (14–15) (Гос. изд. Украины, 1925), 103, 105.

259. В результате своего несогласия с меньшевистской антитеррористической резолюцией на пятом партийном съезде Альбин порвал с меньшевиками (Шауров, 1905 год, 178—79, 235, 239).

260. Блинов, «Экспроприации и революция», 6; см. также Ду-бинский-Мухадзе, Камо, 68–69. Латышский социал-демократ Азис говорил на лондонском съезде, что если бы партия проголосовала за исключение экспроприаторов, то пришлось бы исключить весь Центральный комитет (цит. в Чужак, «Ленин и «техника» восстания», КС 12 [73] [1931], 111.

261. См., например, Кантор, «Смертники в тюрьме», КС 6 (1923), 123–124, и С.Л. Гельцин (Бабаджан), «Южное Военно-Техническое Бюро при, ЦК РС-ДРП», КС 61 (1929), 31.

262. Доклад ДДП от 31 октября (13 ноября) 1907, с. 2, Охрана XXЬ—2, и Бибинеишвили, Камо, 106–107.

263. Барон (Бибинеишвили), За четверть века, 123, 130.

264. Никифоров, Муравьи революции, 175.

265. Алексинский, «Воспоминания. Конец 1905 и 1906–1910 годы», 74, Ник. 302—3; Барон (Бибинеишвили), За четверть века, 127.

266. Гургенидзе, «Убийство Ильи Чавчавадзе», 22–23, АС.

267. Доклад ДДП от 3 (16) июля 1909, с. 2, Охрана XVIb(6)-Ia.

268. Avrich, Russian Anarchists, 18.

269. Ягудин, «На Черниговщине», КС 57–58 (1929), 301.

270. Письмо П.А. Кропоткина М.И. Гольдсмиту от 22 февраля 1906, Ник. 81-4.

271. «Ко всем», листовка, выпущенная Гродненским социал-демократическим комитетом Бунда, сентябрь 1905, Ник. 68—8.

272. Петере, «1905 год в Либаве», ПР 11 (46) (1925), 201.

273. Laqueur, Guerr lla Reader, 173; Souvar ne, Stal n, 90.

274. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 176–177.

275. Эта экспроприация была осуществлена по инициативе двух членов ЦК РСДРП в Финляндии, одним из которых был меньшевик А. Бушевич (Рыбак). Непосредственно руководил операцией Япис Лютер (Бобис), известный латышский террорист. Согласно Бруно Кал-нину, боевики скрылись с 162243 рублями наличными, часть денег потратили на собственные нужды, а остальное Бушевич переправил в ЦК РСДРП (письмо Калнина Николаевскому от 11 августа 1965, Ник. 485—16; Янис Лютер Бобис, 283–285, 294).

276. Чужак, «Ленин и «техника» восстания», КС 12 (73) (1931), 107.

277. Souvar ne, Stal n, 105.

278. См., например, «Обзор деятельности Литовской социал-демократической партии», 14; полицейское донесение от 4 декабря 1903, с. 1, Охрана ХШс(2)-2С.

ГЛАВА 4

ТЕРРОРИСТЫ НОВОГО ТИПА

1. Хлеб и воля 19–20 (июль 1905), 11.

2. Кропоткин, Русская революция и анархизм, 3; полицейское донесение от 11 июля 1910, Охрана XV b(5)—5B.

3. Avrich, Russian Anarchists, 34. Книга Аврича остается наиболее полным научным исследованием анархизма в России.

4. Гроссман-Рощин, «Думы о былом», Былое 27–28 (1924), 176.

5. Avrich, Russian Anarchists, 43.

6. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 181. Согласно убеждению анархистов, человек от природы хорош и добр и потому не нуждается в ограничениях, устанавливаемых законом и правительством (Генкин, «Анархисты», Былое 3 [31] [1918], 163).

7. Генкин, «Анархисты», Былое 3 (31) (1918), 164; неопубликованная полицейская брошюра, без даты, «Анархизм и движение анархизма в России», 87–88, Ник. 80—4.

8. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 46.

9. Avrich, Russian Anarchists, 34.

10. См., например, П. Кочетов, «Вологодская ссылка 1907–1910 годов», КС 4 (89) (1932), 87.

11. Согласно Авричу, в Российской Империи было приблизительно пять тысяч активных анархистов в' 1905–1907 годах (Avrich, Russian Anarchists, 34, 69n.).

12. Там же, 34.

13. Laqueur, Terrorism, 42.

14. А. Добровольский, ред., Анархизм. Социализм. Рабочие и аграрные вопросы (С.-Петербург, 1908), 14.

15. Кропоткин, Русская революция и анархизм, 7, 9, 52.

16. Avrich, Russian Anarchists, 59–60; «К товарищам анархистам-коммунистам» (С.-Петербург, сентябрь 1906), Ник. 3–3.

17. Кропоткин давал деньги из своих личных средств анархистам, возвращавшимся в Россию из-за границы, для осуществления террористических актов (доклад ДДП от 10 [23] мая 1907, Охрана Vf-2).

18. Кропоткин, Русская революция и анархизм, 9. Хотя анархисты-коммунисты поддерживали эсеров в использовании террора в качестве средства дезорганизации, они не могли с ними согласиться, что с помощью насилия нужно добиваться уступок от царизма, настаивая на том, что борьба должны продолжаться до окончательного падения всего строя («Ктоварищам анархистам-коммунистам», Ник. 3–3).

19. Кропоткин, Русская революция и анархизм, 52–54.

20. Avrich, Russian Anarchists, 60.

21. Кропоткин, Русская революция и анархизм, 55.

22. «Анархизм и движение анархизма в России», 55, Ник. 80—4; «Анархизм», 55, 92,

Охрана XVIb(5)—5A.

23. П. Катенин, Очерки русских политических течений (Берлин, 1906), 100.

24. Локерман, «По царским тюрьмам», КС 25 (1926), 187.

25. Объяснение безмотивного террора лидером маленькой анархистской группы в Москве см.: Заварзин, Жандармы и революционеры, 177.

26. Генкин, «Анархисты», Былое 3 (31) (1918), 164.

27. Avrich, Russian Anarchists, 44, 48.

28. «К товарищам анархистам-коммунистам», Ник. 3–3.

29. «Анархизм и движение анархизма в России», 25, Ник. 80—4.

30. См., например, С. Анисимов, «Суд и расправа над анархистами-коммунистами», КС 10 (95) (1932), 138.

31. Письмо без обращения, написанное А.А. Лопухиным 6 декабря 1904, с. 7, Ник. 205-13.

32. Там же.

33. Генкин, «Анархисты», Былое 3 (31) (1918), 164.

34. Там же.

35. Avrich, Russian Anarchists, 49–51.

36. Аршинов, Два побега, 5.

37. См., например, Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 27–28, 42, 69; газетные вырезки из «Товариш» (25 июля 1907) и «Русское слово» (23 нюня

1907), ПСР 8— 650. Как и другие революционеры, анархисты редко проводили се-фьезное расследование и быстро расправлялись с любым подозреваемым в сотрудничестве с полицией, иногда убивая своих невинных товарищей (см., например, доклад ДДП от 3 [16] января 1907, ЮхранаХШЬ[1]—1А, исходящие документы, док. 2; Генкин, «Анархи-f-сты», Былое 3 [31] [1918], 175п).

38. См., например, Аршинов, Два побега, 11, 18; Генкин, «Сре-преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927), 199. Дворники станошлись частыми жертвами террористов из-за того, что в их обязан-[ности входила помощь полиции при обысках, арестах и слежке (см., [например, Альманах. Сборник по истории анархического движения в,'России, 10–11, 35).

39. См., например, полицейское донесение от 21 июля 1905, с. 25, 'Охрана ХШс(2)—6В; полицейское донесение от 15 сентября 1907, Ох-;рана ХШс(1)— 1В, входящие документы, док. 499; полицейское донс-[сение от 8 июля 1911, Охрана XXVc-1; вырезка из газеты «Товарищ» Й49 (19 августа 1907), ПСР 8—650; «Беньямин Фридман (Немка Ма-[ленький). (Некролог)», с. 4, Охрана XX Ve—2d; Ташкентец, «Первая риселица в г. Пензе», КС 50 (1928), 93; Генкин, «Среди преемников [Бакунина*, КЛ 1 (22) (1927), 177, 199; Анисимов, «Суд и расправа», ВСС 10 (95) (1932), 144; листовка «Тиранам, палачам и насильникам — рмерть» (январь 1907), Ник.' 3–2; «Федосей Зубарь (Некролог)», с. ,

)храна XX Ve—2d; вырезка из газеты «Речь» 212 (8 сентября 1907), fССР 8—650; Обзор революционного движения в округе Иркутской; удебной палаты за 1908 год, 34, Ник. 197 —3. Во многих случаях тер->исты были убиты собственными бомбами вместе со своими жертва-

[ми. Например, 14 марта 1909 г. в городке Смела после длительной и; ровавой перестрелки с полицией анархист Макарий Мирошник вло-

кил динамит себе в рот и взорвался. Его товарищ, Арис, бросил гра-1ату себе под ноги

(Альманах. Сборник по истории анархического дви-

[жения в России, 188).

40. Аршинов, Два побега, 46; см. также В. Симанович, «Воспомина-шя пролетария», КС 6 (79) (1931), 99; и «Тиранам, палачам и на-;ильникам — смерть*, Ник. 3–2.

41. См., например, «Убийства, нападения, грабежи», вырезка из)еты «Русское слово» 102 (5 июня 1907), ПСР 8—653; Обзор рево-)ционного движения в округе Иркутской судебной палаты за

В97—1907 гг., 201–202, Ник. 197—2; «Федосей Зубарь (Некролог)» Охрана XX Ve-2d.

42. См., например, полицейскую телеграмму № 1306 от 13 (26) >ября 1910, Охрана ХШа—9; доклад ДДП от 17 (30) декабря

1907, Охрана XXVc-2K; доклад ДДП от 8 (21) февраля 1906, рсрана XX V -IA; Гроссман-Рощин, «Думы о былом», Былое 27—

28 (1924), 182; Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927). 182; «Анархизм», 78, Охрана XV b(5)—5A.

43. Примеры см.: вырезка из газеты «Анархист» 3 (май 1909), 28, ПСР 7—558; «Беньямин Фридман», 4, Охрана XX Ve—2d; доклады ДЦП от 24 октября (6 ноября) 1907 и 17 (30) декабря 1907, Охрана ХН b( )—1С, исходящие документы, док. 485 и 568; Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, б— 7, 27, 32, 44, 64, 59, 69, 187; Витязев, Исакович и Каллистов, «Из воспоминаний о Н.Д. Шишмареве», КС 6 (1923), 257; Avrich, Russian Anarchists, 66.

44. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 44.

45. Там же, 11, 28, 35; «Из России», «Анархист» 4 (сентябрь 1909), 29; «Федосей Зубарь

(Некролог)», 5, Охрана XX Ve—2d.

46. Полицейское донесение от 28 апреля 1905, Охрана XШc(2)—6B.

47. См., например, «Федосей Зубарь (Некролог)», 5, Охрана XX Ve— 2d.

48. Fuller, C v I-M I tary Confl ct, фотография 5, между с. 164 и 165, и с. 150–152. См. также Ames, Revolution n.the Balt c Prov nces, 31 и 47, фотографии.

49. Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927), 198.

50. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 26.

51. Там же, 8, 15.

52. См., например, там же, 36, 39, 58, 125, 166, 179; письмо без обращения, написанное А.А. Лопухиным, 6 декабря 1904, с. 7, Ник. 205—13; Аршинов, Два побега, 15–16, 75.

53. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 181.

54. «Беньямин Фридман», 2, Охрана XX Ve—2d; Симанович, «Воспоминания пролетария», КС 6 (79) (1931), 94.

55. См., например, Киржниц, Еврейское рабочее движение, 174; «Декабрьские дни в Донбассе», КА 6 (73) (1935), 102, US-I e, 121.

56. Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927). 198; «Федосей Зубарь (Некролог)», 5, Охрана XX Ve—2d.

57. Генкин, Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927), 197; вырезка из раздела «Судебная хроника» газеты «Русские ведомости» 111 (1908), ПСР 2—150,

58. См., например, полицейское донесение от 19 ноября 1913, Охрана XX —1B;

Симанович, «Воспоминания пролетария», КС 6 (79) (1931), 91; «Декабрьские дни в Донбассе», КА 6 (73) (1935), 120; Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 24, 27–28, 63, 69, 167, 179, 187, 189; «Анархизм», 45–46, Охрана XV b(5)-5A.

59. Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 18.

60. Обзор революционного движения в округе Иркутской судеб-юй палаты за 1908 год, 33, Ник. 197—3.

61. «Анархизм», 31, 25, Охрана XV b(5)—5a; Генкин, «Среди феемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927), 198.

62. Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927),)8.

63. Laqueur, Terrorism, 42; ГАРФ ф. 102, ДПОО, оп. 1905. д. 2605, >2.

64. См., например, Симанович, «Воспоминания пролетария», С 6 (79) (1931), 95.

65. Генкин, «Анархисты», Былое 3 (31) (1918), 176.

66. Альманах. Сборник по истории анархического движения в 'осени, 37.

67. «Федосей Зубарь (Некролог)», 15, Охрана XX Ve—2d.

68. Альманах. Сборник по истории анархического движения в Рос-жи, 115.

69. Там же, 45.

70. Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 18.

• 71. Там же; Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) [(1927), 199; «Памяти Мойше Киршенбаума («Токарь»), Анархист 5 [(март 1910), 2–3,

72. Альманах. Сборник по истории анархического движения в 'осени, 7, 38, 17, 151;

«Анархизм», 55, Охрана XV b(5)—5A.

73. Альманах. Сборник по'истории анархического движения в)ссии, 26.

74. Avrich, Russian Anarchists, 44, 63.

75. М. Слоним, Русские предтечи большевизма (Берлин, 1922), Й7.

76. Преступные элементы анархистских групп свидетельствовали, что их лидеры уверяли их в том, что бандитизм является соци-

1ьно прогрессивным явлением (см., например, Заварзин, Жан->мы и революционеры, 180).

77. Laqueur, Terrorism, 102; см. также Naimark, «Terrorism and Fall of imperial Russia», 18.

78. Avrich, Russian Anarchists, 51, 63; Альманах. Сборник по ис->ии анархического движения в России, 45.

79. Там же, 46; см. также Генкин, «Анархисты», Былое 3 (31) [1918), 181.

. 80. Альманах. Сборник по истории анархического движения в *оссии, 6.

81. Кочетов, «Вологодская ссылка», КС 4 (89) (1932), 86–88.

82. Описание бывшего уголовника, вступившего в ряды анархис- гов, см. Симанович, «Воспоминания пролетария», КС 6 (79) (1931),

>-97.

83. Laqueur, Terrorism, 102.

84. «Анархизм» 81–82, Охрана XV b(5)—5A.

85. «Допрос Герасимова 26 апреля 1917 года», 3.

86. Заварзин, Жандармы и революционеры, 180–181, 185.

87. Генкин, «Среди преемников Бакунина*», КЛ 1 (22) (1927), 200. Описание террористических действий «Черных воронов» см. и вырезке из газеты «Русское слово» 2 (ноябрь 1907), ПСР 8—650.

88. Вырезка из газеты «Товарищ» (20 октября 1907), ПСР 8—650.

89. Доклад ДДП от 20 февраля (5 марта) 1906, Охрана XX —2; см. также Киржниц, Еврейское рабочее движение, 175.

90. «Федосей Зубарь (Некролог)*, 3–4, Охрана XX Ve—2d.

91. Альманах. Сборник по истории анархического движения ц России, 63.

92. См., например, полицейское донесение от 27 сентября 1907, Охрана Xd-1; доклад ДДП от 23 августа (5 сентября) 1907, Охрана ХШЬ(1)-1В, исходящие документы, док. 366.

93. Гроссман-Рощин, «Думы о былом», Былое 27–28 (1924), 179.

94. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 162–163.

95. Похожую биографию бакинского анархиста Л. Домогацкого см. ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1915, д. 12, ч. 6, 1–2. Домогацкий признавался в собственноручном убийстве шестнадцати и ранении восьми человек и в участии вместе с товарищами в убийстве еще пятидесяти, в первую очередь низших чинов полиции, и в причастности к четырнадцати грабежам. До того, как стать анархистом, Домогацкий отсидел срок в тюрьме за убийство.

96. Равич-Черкасский, «Мои воспоминания о 1905 годе», Летопись революции 5–6 (14–15) (Харьков, 1925), 319.

97. Заварзин, Жандармы и революционеры, 188.

98. Там же, 188–189.

99. Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927), 174.

100. Аршинов, Два побега, 74.

101. К., «Иван Тименков», Былое 14 (1912), 47–49. Похожие примеры, когда в 1907–1909 гг. бывшие эсеры объединялись в группы по пять — семь человек для совершения бесконтрольных актов насилия, см.: Белобородое, «Из истории партизанского движения на Урале», КЛ 1 (16) (1926), 99. Одна такая группа, Союз крайних террористов, включила программу ПСР в свой устав (ГАРФ, п. 102, ОО, оп. 1901, д. 187, 1, 32). Члены местных эсеровских организаций иногда объединялись с дезертирами из своих же собственных рядов для совершения совместных терактов (см., например. Нестроев, Из дневника максималиста, 42).

102. Отношение 27, Охрана XV In—8, с. ; см. также «Анархизм — , 49, Охрана XV b(5)—5а, и полицейское донесение от 22 апреля 1904. с. 4, Охрана XШc(2)-4A.

103. Paul H. Avrich, «The Last Max mal st: An nterv ew w th Klnra Klebanova», Russian Review 32 (4) (октябрь 1973); 416.

104. Описание террористических актов и экспроприации, осуществленных под руководством Савицкого против местных консервато-

,ров и буржуазии, см. Ягудин. «На Черниговщине», КС 57–58 (1929), 298.

105. С. Сибиряков, «Памяти Петра Шеффера», КС 22 (1926), 239.

106. Белобородов, «Из истории партизанского движения на Урале», КЛ 1 (16) (1926), 93–94.

107. Там же, 95.

108. Отряд Лбова продолжал действовать до 1908 г., когда террори-[сты, постоянно преследуемые полицией, начали разбегаться. Самого >Лбова в конце концов арестовали, судили и повесили (там же 93 196-98).

109. «Прибалтийский край в 1905 г.», КЛ 1 (16) (1926), 266–267; [«Красная гвардия» в Риге в 1906 г.», КА 4–5 (41–42) (1930), 213.

110. «Анархизм», 61, Охрана XV b(5)—5А.

111. Доклад ДДП от 14 (27) июля 1907, Охрана XXVc-1; Охрана ЛОЫбВ.

112. Полицейское донесение из Парижа от 14 сентября 1906, Охра-;.HaV j-15C.

113. «Судебная хроника. Дело о предполагавшемся взрыве охранного отделения», вырезка из газеты «Товарищ» (19 октября 1907), ПСР 8-650.

114. «Судебная хроника», вырезка из газеты «Колокол» 852 "(3 января 1909), ПСР 7-602.;

115. Вырезка из газеты «Товарищ» 349 (19 августа ["1." сентября] J1907), ПСР 8-650; вырезка из газеты «Русь» 143 (25 мая 1908), ПСР г8—653. Сведения о так называемом Беспартийном союзе тсррорис-[тов см. в ГАРФ, п. 102, оп. 1912, д. 88, 1, 7–7 об.; см. также упомн-Ьнание о боевом отряде «Свобода внутри нас» в Севастополе в 1906, РГАРФ. п. 102, оп. 1914, д. 340, 22 об.-23.

116. Охрана ХШа-ЮВ, .

117. F shman, East End Jew sh Rad cals, 272.

118. «Устав партии «Независимых*, март 1909, Охрана XV а—2.

119. Там же.

120. См., например, Никифоров, Муравьи революции, 263.

121. «Воспоминания бывш. охранника», Бессарабское слово, 11930, Ник. 203—25; М. Барсуков, «Коммунист-бунтарь», 200–201, ,Шк. 747-Ю.

122. Там же, 202–203, и Г.И. Котовский. Документы и материалы '(Кишинев, 1956), 12, 29.

123. Там же, 12, 30, 34.

124. Там же, 50; Барсуков, «Коммунист-бунтарь», 207, Ник. 747—

125. Сухомлин, «Из тюремных скитаний», КС 55 (1929), 103.

126. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 178п; Альманах. [Сборник по истории анархического движения в России, 58.

127. Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927), 1-194.

128. Полицейское донесение от 22 апреля 1904, с. 4, Охрана ХШс(2)— 4А; «Ктоварищам анархистам-коммунистам», Ник. 3–3.

129. Анисимов, «Суд и расправа», КС 10 (95) (1932), 136–137; «Анархизм и движение анархизма в России», 73, Ник. 80—4; доклад ДДП от 17 (30) декабря 1907, Охрана XXVc-2K. Описания подобных крупных экспроприации государственных денег и имущества см., например: вырезка из газеты «Товарищ» (3 августа 1907) и «Судебная хроника», «Товарищ» 374 (18 сентября 1907), обе в ПСР 8—650; доклад ДДП от 21 мая (3 июня) 1909, Охрана ХШЬ(1)-1В, исходящие документы, док. 296; вырезка из газеты «Русское слово» (7 ноября 1907), ПСР 8-650; «Федосей Зубарь (Некролог)», 7, Охрана XX Vc-2d.

ГЗО. См., например, доклад ДДП от 31 декабря 1911 (12 января 1912), Охрана X b(I)—1J, исходящие документы, док. 1727; Avrich, Russian Anarchists, 46.

131. Охрана XIIIa—13B; Анисимов, «Суд и расправа», КС 10 (95) (1932), 143.

132. Там же, 135. Анархисты планировали также ряд крупных грабежей, которые, однако, не удались; один из них должен был произойти на борту торгового судна «Румянцев» в Одессе, но полиция узнала об этом заблаговременно (вырезка из газеты «Русские ведомости» [25 марта 1908], ПСР 3-227).

133. См., например, вырезку «Судебная хроника* из газеты «Русские ведомости*» 111 (13 мая 1908), ПСР 2—150; вырезку «Из зала суда» из газеты «Русское слово» (14 мая 1908), ПСР 2—150; Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 57, 61, 63; Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 год, 35, Ник. 197—3.

134. Отношение 66, Охрана XV n—8.

135. «Памяти Киршенбаума», Анархист 5 (март 1910), 3.

136. Заварзин, Жандармы и революционеры, 179.

137. См., например, вырезку «Судебная хроника» из газеты «Русские ведомости» 149 (1 июля 1907), ПСР 8—650; вырезку из газеты «Русские ведомости» (16 октября 1907), ПСР 8—653; вырезку из газеты «Русское слово» 127 (5 июня 1907), ПСР 8—653; Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 61, 70; Обнинский, Полгода русской революции, 82; Андрей Соболь, «Отрывки из воспоминаний», КС 13 (1924), 154.

138. Вырезка «Судебная хроника» из газеты «Товарищ» 374 (18 сентября 1907), ПСР 8-650.

139. Гершуни, «Об экспроприациях» (письмо товарищам, без даты). 4, Ник. 12-1.

140. Вырезка «Судебная хроника» из газеты «Товарищ» 375 (19 сентября 1907), ПСР 8-

650.

141. Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 год, 11, Ник. 197—3.

142. Там же, 11–13. Рассказ о другой шайке беглых политических

преступников см. в ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1915, д. 167, ч. 15, 40 об. — 41. Когда подобные группы появились в том же году в Челябинске, который также был местом административного выселения политических осужденных, местные власти начали жаловаться на возросшую преступность в этом районе. Они обратились с просьбой к центральной администрации перевести политических ссыльных в другое место и никогда больше не высылать никого в эту область.(вырезка из газеты «русские ведомости», 25 октября 1908, ПСР 3— '227; см. также Нестроев, Из дневника максималиста. 222).

143. Свидетельство бывшего полицейского агента о том, как его пытали анархисты, см. в вырезке из газеты «New York Tr bune» (28 сентября 1911), AM 2-G.

144. Образцы писем с вымогательствами см. в ГАРФ, п. 102, ОО, оп. 1912, д. 98, 37, 42, 44, 57, 96; копия донесения московского губернатора в Департамент полиции от 17 октября 1906, № 5396, Охрана XXVd—2C; см. также «Анархизм», 79, Охрана XV b(5)—5A; полицейское донесение от 18 марта 1906, Охрана XXVb—1; вырезка из газеты «Товарищ» (16 мая 1907), ПСР 4—346; вырезка из газеты «Наша газета» (4 марта 1909), ПСР 8—653.

145. «Анархизм», 51–52, Охрана XV b(5)—5A.

146. Примеры подобного поведения см.: вырезка из газеты «Рус-jcКое слово» 9 (13 января 1909), ПСР 8—653; Альманах. Сборник по

истории анархического движения в России, 35.

147. Там же, 69–70; вырезка из газеты «Русское слово» 9 (13 января 1909), ПСР 8-653.

148. См., например, Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927), 199; вырезка из газеты «Товарищ» (13 июня 1907), ПСР 8—653; вырезка из газеты «Русское слово» 126 (3 июня 1907), ПСР 8—653; Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 115–116.

149. Вырезка из газеты «Новое время» (16 мая 1907), ПСР 4— 346.

150. Нестроев, Из дневника максималиста, 41.

151. Вырезка из газеты «Русское слово» (15 июня 1908), ПСР.8-653.

152. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 104.

153. Там же.

154. Там же, 97, 149.

155. Обзор революционного движения в округе Иркутской судебной палаты за 1908 год, 17, Ник. 197—3; Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ (22) (1927), 200.

156. Охрани XV n—8, с. 2; Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 104.

157. «Анархизм», 64, Охрана XV b(5)—5A; см. вырезку «Дело анархистов-экспроприаторов*4 из газеты «Товарищ» 379 (23 сентября 1907), ПСР 8-650.

158. Альманах. Сборник по истории анархического движения в Р0с, сии, 151, 93, 104; Генкин, «Среди преемников Бакунина*, КЛ 1 р-к (1927), 201.

159. Альманах. Сборник по истории анархического движения \> России, 152; «Анархизм», 90, Охрана XV b(5)—5A.

160. Avrich, Russian Anarchists, 34.

ГЛАВА5 «ИЗНАНКА.

РЕВОЛЮЦИИ:

1. В. Зензинов, неопубликованная рукопись «Страничка из истории раннего большевизма» (без даты), 11, Ник. 392—4.

2. См., например, «Из общественной хроники*, BE 8 (1907), 844.

3. Согласно одному мемуаристу, «нельзя было говорить о партийности» в среде, из которой происходили многие террористы. Большинство их были «зеленая молодежь, совершенные младенцы в политическом смысле… имевшие крайне смутное представление о революции, революционерах, партийных программах и теоретических обоснованиях» (Москвич, «К истории одного покушения» Былое 14 [19 Р] 38–39).

4. «Волхов. Деревенские анархисты», вырезка из газеты «Русское слово», 23 октября 1907, ПСР 8—650.

5. «Гирш Лекерт и его покушение», КА 15 (26), 89, 91. Большевик-террорист и экспроприатор Камо был выгнан из школы в возрасте 14 лет, но и до этого он не уделял занятиям должного внимания, судя по тому, что основы русской грамматики и четыре основных арифметических действия он выучил только после революции 19.17 года (А. Зонин, «Примечания к ст. Медведевой «Товарищ Камо-. ПР 8–9 [31–32] [1924]).

6. См., например, полицейское донесение от 27 октября 1911, Охрана XV c— 1; Кантор, «Смертники в тюрьме», КС 6 (1923), 135.

7. Г.А. Алексинский, «И. Г. Церетели (воспоминания и размышления)», неопубликованная рукопись, без даты, Ник. 302—2.

8. Полицейское донесение от 19 мая 1905, с. 4, Охрана Х1Пс(2)— 6В; полицейское донесение от 4 августа 1905, с. 29, Охрана ХШс(2)— 6В.

9. Доклад ДДП от 14 (27) октября 1909, Охрана ХШЬ(1)-1С исходящие документы (1909), док. 498.

10. «Автобиография В. Бушуева», ПСР 1—28.

11. Копия письма с неразборчивой подписью, написанного в Париже Лапе Рабинович в Женеву, 9 июня 1906, Охрана XV n-5A.

12. См., например, Анисимов, «Суд и расправа», КС 10 (95) (1932), 138, и полицейское донесение от 29 ноября 1903, Охрана XVIb(4)- .

13. См., например, ГАРФ, п, 102, ДПОО, оп. 1912, д. 20, ч. 86А, 1-

4. Хотя считается, что Спиридонова убила Гаврилу Луженовского, главного советника тамбовского губернатора, по политическим причинам, некоторые исследователи придерживаются другого мнения. Этот теракт вызвал целую бурю в либеральной прессе. Если судить по левым газетам того времени, Спиридонова, девятнадцатилетняя гимназистка, решила отомстить Луженовскому за жестокое обращение с крестьянами во время подавления сельских беспорядков в Тамбовской губернии. Согласно же другой гипотезе, однако, она действовала в первую очередь по личным мотивам и только потом объяснила свои действия революционными побуждениями по совету своего либерального адвоката и таким образом из уголовной преступницы превратилась в политическую деятельницу (см. Е. Брейтбарт, «Окрасился месяц багрянцем…», или Подвиг святого террора», Континент 28 [1981], 321–342).

14. Доклады ДДП от 9 (22) августа и 17 (30) мая 1907, Охрана XX V -IB.

15. Исповедальное письмо без даты от Лидии Павловны Езерской, ПСР 1–2.

16. Knight, «Female Terrorists,» 153.

17. «Материалы о провокаторах», ПСР 5—518.

18. Копия письма от 14 марта 1907 от революционера в Петербурге Дмитриеву в Женеву, Охрана XX V — B.

19- Доклад ДДП от 28 июня (П Июля) 1913, Охрана XX —1B; Нестроев, Из дневника максималиста, 218.

20. «Ко всем!» и «Оповещение», листовки елизаветградского комитета ПСР, без даты, ПСР 9-747; см. также ГАРФ, п, 102, ОО, оп. 1911, Д. 302,20.

21. См., например, «Постановление съезда «Эстонского Союза РСДР Партии», Охрана XX —1A.

22. Доклад ДДП от 21 января (3 февраля) 1913, Охрана XV —1.

23. Доклад ДДП от 3 (16) мая 1906, Охрана X1c(5)—1.

24. «Редакция «Знам. Труда», документ из редакторского архива газеты «Знамя труда», ПСР 3—238; см. также «Материалы о провокаторах», ПСР 5-518.

25. Доклад ДДП от 16 (29) января 1909, Охрана XXVc—1.

26. См., например, ПСР 7—6231; «Зильберман», «Саша*, Ник. 88–31; доклад ДДП от 7 (20) января 1908, Охрана XXVc—1; Павлов, Эсеры-максималисты, 81п.

27. Герасимов, На лезвии с террористами, 91.

28. Нестроев, Из дневника максималиста, 75–76.

29. Спиридович, Партия социалистов-революционеров, 310. Согласно Нестроеву, руководитель группы Михаил Соколов выделил только десять тысяч рублей на освобождение Рысса (Нестроев, Из дневника максималиста, 65). Биография Рысса замечательна сама по себе. В начале своей деятельности он скрылся за границу, потому что его собирались арестовать в Ростове за подделку гимназических дип-

ломов, обвиняя его в том, что полученные деньги он использовал для революционной работы. В Европе он был замешан в других темных делах, включая воровство и продажу редких библиотечных книг. После возвращения в Россию Рысс был арестован в июне 1906 г. в Киеве во время грабительского нападения на артель. В этот момент он предложил полиции свои услуги и несколько месяцев поставлял ей смесь фактов с вымыслами о деятельности максималистов, уверяя в то же время своих товарищей, что сообщает полиции только ложную информацию, и некоторые его соратники считали его поведение правильным и полезным. Игра, однако, продолжалась недолго, полиция начала относиться к нему с подозрением, и Рысс опять скрылся. Он был арестован в апреле 1907 г., приговорен к смертной казни и повешен в феврале 1908 г. (П, Берлин, «Страница прошлого. О двух повешенных», Новое русское слово, 7 сентября 1952, Ник. 438—28; Герасимов, На лезвии с террористами, 88, 91–93; Павлов, Эсеры-максималисты, 14, 169–172, 179–180, 183).

30. Копия письма революционера из Петербурга Дмитриеву в Женеву, Охрана XX V — В; доклад ДДП от 17 (30) марта 1907, Охрана XH b(I)—1A, исходящие документы (1907), док. 109.

31. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 103.

32. В.М. Сивилев, «Старый большевик, рабочий Мотовилихинс-кого завода, Александр

Петрович Калганов», КС 25 (1926), 238, 242.

33. См., например, полицейские донесения от 17 августа 1906 и мая 1907, Охрана XXVC-2C.

34. «Постановление съезда «Эстонского Союза РСДР Партии», Охрана XX -1A.

35. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 103.

36. «Из воспоминаний М. Сотникова», Былое 14 (1912), 114.

37. Некоторые лидеры анархистов думали, что революционеры были «страшно дискредитированы» после стольких мелких экспроприации и актов произвольного террора, совершенных анархистами и различными малоизвестными группами по всей стране и в результате которых жертвы были взорваны в куски за то, что отказывались «пожертвовать» экстремистам сто рублей или меньше (Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 [221 [1927], 200). Чтобы очистить движение в глазах общества, некоторые анархисты предлагали провести серию крупных боевых операций (копия письма Самуила Бейлина из Гродно Николаю Музилю от 2 октября 1907, Охрана ХШЬ[1]—1C, исходящие документы [1907], док. 450).

38. См., например, Охрана V j—17B; Заварзин, Жандармы и революционеры, 179; Нестроев, Из дневника максималиста, 221.

39. Копия письма, подписанного «Алекс.», Кате в Париж из Швейцарии от 24 июля 1907, Охрана XV n—3.

40. Заварзин, Жандармы и революционеры, 115.

41. Доклад ДДП от 4 (17) августа 1907, Охрана XXVc-2M.

42. ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1912, д. 13, ч. 60 В, 40.

43. Perrie, «Politic al and Economic Terror», 75.

44. Нестроев, Из дневника максималиста, 218.

45. Там же.

46. Доклад ДДП от 18 (31) октября 1907, Охрана XXVc-2H.

47. См., например, «Зильберман, Саша», Ник. 88–31.

48. Доклад ДДП от 7 (20) ноября 1914, Охрана XX Va-5q.

49. Меморандум и.о. зам. директора Департамента полиции директорам губернских жандармских управлений и отделений Охранного департамента от 26 августа 1909, Охрана X d(I)—10. Разоблаченный полицейский агент эсер Метальников объяснял своим товарищам, что он пошел на сотрудничество с полицией за шесть тысяч рублей, чтобы потом на эти деньги организовать крупную экспроприацию в Казани, доходы от которой пошли бы на нужды террористов-эсеров для совершения громкого политического убийства (доклад ДДП от 24 февраля (8 марта) 1912, Охрана XX Va-IA).

50. Доклад ДДП от 23 февраля (8 марта) 1905, Охрана XX V —1A; Radkey, Agrar an Foes of Bolshev sm, 75.

51. См., например, Radkey, Agrar an Foes of Bolshev sm, 75; доклад ДДП от 5 (18) апреля 1910, Охрана XXVb-2K.

52. Доклад ДДП от 20 декабря 1914 (2 января 1915), Охрана V b-IA.

53. Доклад ДЦП от 4 (17) июля 1915, Охрана XX Vh—2.

54. Копия официального письма № 122907 от 30 января 1909 от П. Курлова А.П. Извольскому, Охрана Va—3.

55. Доклад ДДП от 14 (27) февраля 1912, Охрана XIX-12B.

56. Полицейское донесение от 10 июня 1904, Охрана ХШс(2)— 4B.

57. См., например, Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1897 год, 113, Ник. 196—9.

58. Заварзин, Работа тайной полиции, 111–112.

59. См. также доклад ДДП от 17 (30) декабря 1907, Охрана XXVc—2K. В одном случае в 1913 г. человек под именем «Иван Иванович» получал ежемесячные суммы в 75 франков от Заграничной делегации ПСР, хотя он не был членом партии и был известен только ее лидерам. Полицейские источники связывают этот факт с тем, что «Иван Иванович» раньше служил охранником в Ташкентском губернском казначействе и помог революционерам экспроприировать оттуда восемьсот тысяч рублей в 1906 г., а потом скрылся за границу (доклад ДЦП от 25 июля (7 августа) 1913, Охрана XXVc-1).

60. Полицейское донесение от 10 июня 1904, Охрана ХШс(2)— 4B.

61. Копия письма от 10 октября 1909, переведенного на русский с идиша, от «Иоська Шварц» в Варшаве «Гальду» в Париж, XXVI d—7.

62. Копия приказа № 1363 Департамента полиции от 4 октября 1907 директорам областных жандармских и полицейских управлений, ПСР 1—26; см. также «Отчет о партиях» 1909 года, Охрана XV d-1.

63. Письмо Г. Гершуни без обращения от 23 февраля 1906, с. 4, Ник. 12-1.

64. Письмо без даты от «Саши» В.Л. Бурцеву, с. 6–7, Ник. 150—11.

65. См., например, жандармское донесение № 5504 Департаменту полиции от августа 1909, Охрана XX —2.

66. Доклад ДДП от 9 (22) февраля 1913, Охрана XXVd-1.

67. Письмо от «Саши» Бурцеву, с. 6, Ник. 150—11.

68. Полицейское донесение от 3 (16) сентября 1910, Охрана XV b(5)-5B.

69. ПСР 1-94.

70. Гельзин (Бабаджян), «Южное Военно-Техническое Бюро», КС 61, 42; доклад ДДП от 10 (23) декабря 1910, Охрана ХШЬ(1) — F, исходящие документы (1910), док. 1141.

71. Исходя из прошлого опыта, полицейские власти считали вполне возможным, что русские революционеры за границей охотно помогут Махарашвили выдать себя за политическую жертву царского режима (доклад ДДП от 30 марта [12 апреля] 1915, Охрана XXVc—

1).

72. ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 113, д. 304, 339 35 об.; Гельзин (Бабаджян), «Южное Военно-Техническое Бюро», КС 61 (1929), 42.

73. Рукописная копия статьи Пескеля «С-ры и анархисты на Литве», ПСР 3-269.

74. См. также выдержку из письма от 27 февраля 1908, подписанного «Леон», В.И. Мальчиной в Ницце, Охрана ХШс(1)-1B, входящие документы (1908), док. 377. <

75. ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1912, д. 13, ч. 60B, 40; В.О. Левицкий, «А.Д. Покотилов», КС 3 (1922), 159, 171; Spence, Sav nkov, 47.

76. См. также выдержку из письма «Леона» Мальчиной, Охрана ХШс(1)—1B, входящие документы (1908), док. 377; Никифоров, Муравьи революции, 266.

77. «Редакция «Знам. Труда», ПСР 3—238.

78. Выдержка из письма «Леона» Мальчиной, Охрана XШс(1)— 1В, входящие документы (1908), док. 377.

79. Выдержка из письма от 6 октября 1908, подписанного «Александр», из Швейцарии к Е.В. Трофименко в Киеве, Охрана XV d—4.

80. Копия письма с неразборчивой подписью к А.И. Ерамасову, Охрана XV o-1.

81. Нестроев, Из дневника максималиста, 221.

82. Len n, «Guer lla Warfare», 117; Алексинский, «И.Г. Церетели», Ник. 302—2; «Из записной книжки архивиста. Пресня в декабре 1905 г.», КА 6 (73) (1935), 205.

83. Ю. Кижмер, «Борьба с подаванцами в рижских тюрьмах», КС 20 (1925), 236; В.Н. Залежский, «В годы реакции», ПР 2 (14) (1923), 368.

84. Живое описание тюремной жизни этих «политиков» см.: Нестроев, Из дневника максималиста, 219–222; Ю. Красный, «Тов. Дзержинский в тюрьме», КС 27 (1926), 195–196.

85. Локерман, «По царским тюрьмам», КС 25 (1926), 187.

86. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 152.

87. Ковальская, «По поводу статьи Орлова» КС 52 (1929), 165; Шауров, 1905 год, 235.

88. Локерман, «По царским тюрьмам», КС 25 (1926), 175.

89. Д. Надельштейн, «Бутырские очерки», КС 45–46 (1928), 199.

90. Витязев, Исакович и Каллистов, «Из воспоминаний о Н.Д.Шишмареве», КС 6 (1923), 257–258; см. также Г. Крамаров, «Неудавшееся убийство на этапе», КС 3 (64) (1930), 122–126.

91. Доклад ДДП от 7 (20) ноября 1914, Охрана XX Va—5q; полицейское донесение от 20 февраля 1910, Охрана XX —1A.

92. AM 10-BB, с. 1–2.

93. Дубинский-Мухадзе, Камо, 156.

94. См. Laqueur, Terrorism, 133.

95. Цит. в McDan el, «Politic al Assass nat on and Mass Execut on», 97.

96. Многочисленные примеры подтверждают то, что душевное заболевание часто приводило людей к терроризму и иногда даже к планированию определенных убийств, идущих вразрез с интересами других радикалов. См., например, полицейское донесение без даты, Охрана XX V —3U; «Дело о предполагавшемся взрыве охранного отделения», вырезка из газеты «Товарищ», 19 ноября 1907, ПСР 8—650; Охрана ХГПа—8. Медицинские эксперты признавали, что многие душевно неуравновешенные экстремисты были невменяемы и не отвечали за свои действия (см., например, вырезку из газеты «Русские ведомости» 168 [24 июля 1907], ПСР 8—650).

97. Post, «Terrorist Psycho-log c», Re ch, ed., Or g ns of Terrorism, 25.

98. К примеру, Мария Селгок, террористка, игравшая главную роль в заговоре эсеров против Плеве в 1904 г., страдала от душевного заболевания и была психически невменяема (доклад ДДП от

! 14 [27J декабря 1904, Охрана ХШЬ[1]—1C, исходящие документы [1904J, док. 322). Men'shch kov, «Secrets of the Russian Safety», 20, Ник. 179—25; Knight, «Female Terrorists», 148.

99. В Берлине в 1907 г. Камо обратился за медицинской помощью и прошел лечение,

хотя источники не сообщают, лечили ли его от психического расстройства или только от других заболеваний, включая травму глаза, полученную во время взрыва (донесение Я.А. Житомирского [«Отцова»] по делу Камо, с. 1–2, Ник. 662—15).,

100. В истории современной медицины встречаются отдельные слу-! чаи, когда люди (некоторые со специальным медицинским образованием и опытом) успешно притворялись какое-то время душевнобольными, но чаще всего такие попытки не удавались и медицинские эксперты их разоблачали. Даже самые целенаправленные и знающие не могли играть в эту игру дольше нескольких месяцев. Согласно утверждениям большевиков, Камо совершил чудо перевоплощения: он выдавал себя за сумасшедшего в течение двух лет (Барон [Бибине-

ишвили), За четверть века, 96–97). Немецкие психиатры, чтобы установить подлинность болезни Камо, проводили тесты на восприимчивость к боли. Камо реагировал на боль с абсолютным равнодушием. Врачи никогда не встречали такой выносливости в нормальных людях (там же, 101). Потом большевики уверяли, что терпеть боль Камо позволяла железная сила воли.

Тем не менее даже революционеры не могли объяснить, как психически здоровый человек мог не спать четыре месяца. Они также не могли понять двух его попыток самоубийства во время нахождения в клинике (он остался в живых только благодаря вмешательству медицинского персонала) (там же, 98–99).

Немецкие врачи пришли к выводу, что Камо страдал психическим заболеванием в форме истерии (Зонин, «Примечания к ст. Медведевой «Товарищ Камо», ПР 8–9 [31–32] [1924], 146). Российская полиция же продолжала настаивать, что он только прикидывается больным, и требовала его выдачи (доклад ДДП от 19 мая [1 июня] 1908, Охрана XXV с—1). В октябре 1909 г. Камо был отправлен в Россию, где российские

медицинские эксперты, принимая во внимание выводы немецких врачей и проведя собственное обследование, признали, что он действительно болен (Дубинский-Мухадзе, Камо, 122, 136, 138; Барон [Бибинеишвили], За четверть века, 106).

101. Владимир Бурцев, с которым Камо познакомился в Европе, считал, что грузинский боевик был психически болен (доклад ДДП от 31 декабря 1911, Охрана XXV c—1; донесение Я.А. Житомирского, f-36).

102. Roberta Ann Kaplan, «A Total Negat on of Russia», Russian ntellectual Percept ons of Su c de, 1900–1914» (неопубликованная работа, Гарвардский университет, 1988), 32.

103. Laqueur, Terrorism, 127.

104. Там же, 135; Knight, «Female Terrorists», 150.

105. Ar el Merar , «The Read ness to K ll and D e: Su c dal Terrorism in the M ddle East», Or g ns of Terrorism, Walter Re ch, ред., 193.

106. П.Г. Курлов, Гибель императорской России (Москва, 1991), 90–91; Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia*-, 18.

107. См., например, донесение агента 1910 года, перевод с немецкого, Охрана XV b(4)—2.

108. См., например, Надельштейн, «Бутырские очерки», КС 45–46 (1928), 198–199.

109. Radkey, Agrar an Foes of Bolshev sm, 70.

ПО. См., например, полицейское донесение от 20 ноября 1909, Охрана ХШс(1)-1Н, входящие документы (1909), док. 1377.

111. Knight, «Female Terrorists», 150.

112. Для некоторых террористов участие в политическом убийстве было только способом пожертвовать собственной жизнью. Таков был, вероятно, случай с террористкой эсеркой Дорой Бриллиант. Эта молодая женщина была склонна к депрессии и истерии и постоянно мучилась невозможностью разрешить конфликт между сознанием и чувствами. После своего ареста в 1905 г. и тюремного заключения в Петропавловской крепости она потеряла всякое душевное равновесие. В октябре 1907 г. в тюрьме у нее произошел нервный срыв, и она вскоре умерла в возрасте двадцати семи лет. Другая террористка, Рашель Лурье, тоже не могла разрешить внутренние конфликты и после выхода из боевой организации и отъезда за границу покончила с собой в 1908 г. в возрасте двадцати четырех лет (Knight, «Female Terrorists», 149–150; Савинков, Воспоминания террориста, 186). Один революционер в тюрьме начал страдать тяжелым сердечным заболеванием и после своего освобождения понял, что из-за болезни не может больше быть террористом. Не видя возможности жить без борьбы, он покончил жизнь самоубийством (письмо П. Поливанова товарищам, без даты, ПСР 1-63).

113. Полицейское донесение, без даты, Охрана XV n—5A; Men'shch kov, «Secrets of the Russian Safety», 20, Ник. 179—25.

114. Knight, «Female Terrorists», 152.

115. Фрума Фрумкина вторила Школьник: «Для меня не существует ничего кроме революционной работы» (там же, 152–153).

116. H lderme er, «Terrorist Strateg es of the Socialist-Revolutionary Party», 86.

117. Knight, «Female Terrorists», 151, 153.

118. Там же; Naimark, «Terrorism and the Fall of imperial Russia», 17–18; Спиридович, Записки жандарма, 134–135.

119. Knight, «Female Terrorists», 152; «Дело о покушении 16 лиц на жизнь Трепова», Былое 10 (22) (1907), 305, 307.

120. Ройзман, «Воспоминания о Фрумкиной», КС 28–29 (1926), 302; А.В. Прибылев, Зинаида Жученко (1919), 15; Генкин, «Анархисты», Былое 3 (31) (1918), 166–167; Савинков, Воспоминания террориста, 131–132.

121. Ковальская, «По поводу статьи Орлова», КС 52 (1929), 165.

122. Knight, «Female Terrorists», 150.

123. Д. Венедиктов-Безюк, «Сухая гильотина», КС 8–9 (93–94) (1932), 158.

124. Knight, «Female Terrorists», 150.

125..Вулих, «Основное ядро кавказской боевой организации», 8–9, Ник. 207-11.

126. Обнинский, Полгода русской революции, 161.

127. Воля 54 (25 августа 1906), 4, ПСР 7-569.

128. «Прибалтийский край в 1905 г.», КА 4–5 (11–12) (1925), 283.

129. Вулих, «Основное ядро кавказской боевой организации», 8, Ник. 207-11.

130. Полицейское донесение от 21 апреля 1905, с. 4, Охрана X   с(2)—6В.

131. Полицейское донесение от 2 апреля 1909, Охрана XIX—6; За-'варзин, Работа тайной полиции, 131–136.

132. Там же, 128–129.

14 Зак. 12907

133. Там же, 111.

134. Левицкий, «А.Д. Покотилов», КС 3 (1922), 159; Спирид вич, Записки жандарма, 133–134; ГАРФ, п. 102, ОО, оп. 1916 л п-Г 54, 132–133. ….. >

135. Согласно Лакеру, единственной общей чертой всех терр0 ристических движений была молодость их членов. Он объясняет эт~ тем, что призывы к действию обычно не вызывают энтузиазма людей среднего возраста и пожилых, к тому же отчаянные нападения требуют быстроты и ловкости (Laqueur, Terrorism, 120).

136. Секира 12 (1906), 7, Ник. 436-2.

137. Мызгин, Со взведенным курком, 91.

138. Там же, 6, 22, 89; С. Сулимов, «К истории боевых организа ций на Урале», ПР 7 (42), 106.

139. Perrie, «Social Composition and Structure», 231; см. также Perrie, «Politic al and Economic Terror», 68, 78n.

140. «Обвинительный акт о мещанах Мовше Ароне Давидове Зак-гейме и Цирле Хаимовой Школьник», 1, ПСР 9—778.

141. Надельштейн, «Бутырские очерки», КС 45 -46 (1928), 197.

142. «Памяти С.В. Сикорского», КС 41 (1928), 146; Ташкентец, «Первая виселица в г. Пензе», КС 50 (1928), 93.

143. Генкин, «Среди преемников Бакунина», КЛ 1 (22) (1927), 181.

144. Avrich, Russian Anarchists, 44; см. также Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 31, 44, 46, 167, 182.

145. Рябков-«Пчела», «Как я попал на работу при нашем подпольном правительстве»,

ПР 3 (1921), 221.

146. Троцкий, Сталин, 96.

147. McDan el, «Politic al Assass nat on and Mass Execut on», 97.

148. Perrie, «Social Composition and Structure», 229.

149. Яркой иллюстрацией к этому может служить убийство пожилого жандарма, подполковника Иванова, в Ростове-на-Дону в 1905 г. Двадцать пять лет Иванов служил на железной дороге, он не любил и не интересовался политикой и мечтал выйти на пенсию и поселиться в деревне. Его застрелили два подростка, услышавшие на революционном митинге, что все жандармы — враги народа (Заварзин, Жандармы и революционеры, 98).

150. Выдержка из неподписанного письма из Киева к Н..Шпиц-ман в Берлин от 2 марта 1904, Охрана XX V —1.

151. Воля 71 (4 октября 1906), 4, ПСР 7—569.

152. Г. Новополин, «Дело об убийстве генерал-губернатора В.П. Желтоновского», КС 31 (1927), 26–39.

153. Kaplan, «Total Negat on of Russia», 39.

154. Фролов, «Террористический акт над самарским губернатором», КС 1 (8) (1924), 120.

155. Многие несовершеннолетние террористы утверждали, что главной причиной их присоединения к экстремистам были тяжелые материальные условия. Один из них говорил на суде, что он не мог позволить себе купить новые брюки и носил старые штаны своего брата; другой жаловался, что он был всегда голоден и спал где попало (Аль-[щанах. Сборник по истории анархического движения в России, 182).

156. См., например, вырезку из газеты Русское слово 126 (3 июня,1907), ПСР 8-653.

157. В. Князев, «1905», Звезда 6 (1930), 250, 237; см. также [С. Сибиряков, «Борис Берков», КС 31 (1927), 248.

158. Наиболее распространенными формами борьбы против школьной администрации были митинги протеста и забастовки, в которых участвовали даже двенадцатилетние ученики (см., напри-*мер, Обнинский, Полгода русской революции, 78, 89).

159. Например, см. там же, 86, 155, 163–168; вырезки из газет: («Семинарист-разбойник», «Колокол» 897 (28 февраля 1909), «Но-[вая Русь» 18 (19 января 1909), «Русское слово» 21 (27 января 1909) 'и «Наша газета» 48 (27 февраля 1909), все в ПСР 7—602; полицей-! ское донесение от 8 сентября 1905, с. 13, Охрана ХШс(2)—6С; [полицейские донесения от 11 ноября 1903, с. 5, и от 16 декабря

1904, с. 6, Охрана ХШс(2)—6А.

160. Отношение № 69, Охрана XV n—2В.

. 161. См., например, там же; доклад ДДП от 14 (27) мая 1909, Охрана XV b(4)-I.

162. Вырезки из газеты «Русское время», 24 декабря 1907 и 30 [марта 1908, ПСР 4-346.

163. Полицейское донесение от 15 сентября 1905, с. 5, Охрана! ХШс(2)-6С.

164. Вырезка из газеты Русское слово 94 (25 апреля 1909), ПСР -346.

165. Князев, «1905», Звезда 6 (1930), 235, 241, 243.

166. Kaplan, «A Total Negat on of Russia», 42.

167. Нестроев, Из дневника максималиста, 78.

168. См., например, Симанович, «Воспоминания пролетария», КС 6 (79) (1931), 94; Обзор революционного движения в округе иркутской судебной палаты, 36–37, Ник. 197—2; Заварзин, Жандармы и революционеры, 142–145, 148–149.

169. Сулимов, «К истории боевых организаций на Урале», ПР 7 (42) (1925), 106; Соколов-Новоселов, Вооруженное подполье, 36,

43—44, 70; Мызгин, Со взведенным курком, 6.

170. Фролов, «Террористический акт над самарским губернатором», КС 1 (8) (1924), 117.

171. Сулимов, «К истории боевых организаций на Урале», ПР 7 (42) (1925), 106; Соколов-Новоселов, Вооруженное подполье, 43–44.

172. Следуя примеру взрослых, подростки часто пытались разоружать городовых. Один изобретательный мальчик сделал браунинг из мыла, покрасил его в черный цвет и с помощью этой игрушки забрал у городовых шесть настоящих браунингов (Лядов, Из жизни партии, 135).

173 Нестроен, Из дневника максималиста, 78. Примеры отношения подростков к'революции как к игре см. Мызгин, Со взведенным курком, 6–7, и Князев, «1905», Звезда 6 (1930), 230–232, 234, 239, 241, 247.

174. Заварзин, Жандармы и революционеры, 149.

175. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 44.

176. Примеры см.: вырезка из неизвестной газеты, № 155 (5 июля 1908), ПСР 3—227; вырезка из газеты «Русские ведомости», 16 марта 1908, ПСР 3—227; Б. Николаевский, «Новое о прошлом», Былое 15 (1920), 169; полицейское донесение от 10 ноября 1905, с. 18, Охрана XШс(2)—6С; Савинков, Воспоминания террориста, 275.

177. Фролов, «Террористический акт над самарским губернатором», КС 1 (8) (1924), 114.

178. См., например, вырезки из газет «Товарищ», апрель 1907, и «Русское слово» 58 (9 марта 1908), ПСР 4—346; полицейское донесение от 29 сентября 1905, с. 7, Охрана ХШс(2)—6С.

179. Материалы Департамента полиции, протокол от 17 сентября 1901, С.-Петербург, ПСР 8—675; вырезки из нескольких неизвестных газет, собранные под заголовком «Взрыв в Знаменском монастыре в Курске», ПСР 3—293.

180. ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1905, д. 2605, 58; полицейское донесение от 31 марта 1905, с. 15, Охрана ХШс(2)—6А.

181. См., например, ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1905, д. 2605, 1, 7, 10, 123 об., 128, 141–141 об.

182. Полицейское донесение от 1 июля 1904, с. 6, Охрана ХШс(2)-4В.

183. Заварзин, Жандармы и революционеры, 145, 148; Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 33.

184. Кантор, «Смертники в тюрьме», КС 6 (1923), 125.

185. Сухомлин, «Из тюремных скитаний», КС 55 (1929), 103.

186. См. Таганцев, Смертная казнь, 163. ГЛАВА 6

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ:

МЕЖПАРТИЙНЫЕ СВЯЗИ И СОТРУДНИЧЕСТВО

1. Бурцев, Долой царя! 22, ПСР 1—19.

2. М. Алданов, «Азеф», Последние новости (1924), Ник. 205—19.

3. Naimark, Terrorists and Social Democrats, 244.

4. M chael Melancon, «March ng Together!»: Left Block Act v t es in the Russian Revolutionary Movement, 1900 to February 1917», Slav c Review 49 (2) (лето 1990), 239.

5. Полицейское донесение от 12 (25) ноября 1911, Охрана XV b(3)—4; доклад ДДП от 28 октября (10 ноября) 1910, Охрана XV с-4.

6. Протоколы 1 съезда Партии социалистов-революционеров, 342;

Памятная книжка социалиста-революционера, 25; «Извещение о v-m Съезде Совета ПСР», Охрана XV b(3) — IA.

7. Савинков, Воспоминания террориста, 201; Нестроев, Из дневника максималиста, 71.

8. Обвинительный акт о Михаиле Алексееве Михайлове, Сергее Александрове Синявском… и других, в числе 83 чел., ПСР 9—778, с. 14; Нестроев, Из дневника максималиста, 84–85.

9. Письмо от Н.В. Чайковского из Соединенных Штатов от2 июля 1907, с. 6–7, Ник. 183-9.

10. Письмо от Б.И. Николаевского М.А. Алданову от 5 февраля 1928, Ник. 471-19. * '

П. Доклад ДДП от 11 (24) мая 1906, Охрана X1c(5)—1.

12. Доклад ДДП от 26 декабря 1910, Охрана XH b(I) — F, исходящие документы (1910), док. 1160; Гамбаров, «Очерк по истории революционного движения в Луганске», Летопись революции 4 (Гос. изд. Украины, 1923), 72; доклад ДДП от 20 февраля (5 марта) 1906, Охрана XX —2; Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 35, 41,

46.

13. Там же, 40; Гамбаров, «Очерк по истории революционного движения в Луганске», Летопись революции (Гос. изд Украины 1923), 73.

14. Доклад ДДП от 20 февраля (5 марта) 1906, Охрана XX —2.

15. Эта тенденция была присуща нескольким политическим организациям (см., например, Заварзин, Работа тайной полиции, 113).

16. Полицейское донесение от 15 января 1911, Охрана XV с—4. В Баку комитет ПСР обдумывал объединение с дрошакистами — местными армянскими революционерами (доклад ДДП от 23 февраля [8 марта] 1905, Охрана XX V—1 А).

17. См., например, доклад ДДП от 18 февраля (2 марта) 1912, Охрана XX V -IB.

18. Доклад ДДП от 30 августа (12 сентября) 1907, Охрана XX V — 1B. О других случаях сотрудничества анархистов и максималистов см. в Ник. 101-7.

19. Альманах: Сборник по истории анархического движения в России, 61.

20. Avrich, Russian Anarchists, 55, 62.

21. «Анархизм и движение анархизма в России» (без даты), 23 Ник. 80-4.

22. Tob as, Jew sh Bund, 329.

23. Большевики Екатеринбурга во главе масс (Свердловск, 1962),

101. — …….,

24. Вырезка из газеты «Товарищ», 19 октября 1907 ПСР 8— 650.

25. Нестроев, Из дневника максималиста, 73.

26. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 91.

27. Копии обеих прокламаций находятся в ПСР 7—623 .

28. Охрана XV n—6.

29. Доклад ДЦП от 18 апреля (1 мая) 1907, Охрана XIX—13.

30. Доклад директору Охранного отделения в Варшаве от 10 (23) февраля 1909, Охрана XX Va—1 A.

31. Письмо без даты, подписанное «тов. Американец», ПСР 3—295.

32. Полицейское донесение от 7 сентября 1906, Охрана ХШс(1)-1Е, входящие документы (1906), док. 579; полицейское донесение от 23 января 1907, Охрана X d(2)—43.

33. Копия расшифрованной телеграммы из Петербурга от 7 (20) июня 1909, Охрана ХШс(3)-28.

34. Леонид Борисович Красин («Никитич»), 254.

35. Письмо Е.Е. Лазарева товарищам от 13 октября 1908, Ник. 11–12.

36. Полицейское донесение от 19 ноября 1913, Охрана XX —

1B.

37. Доклад ДЦП от 30 августа (12 сентября) 1907, Охрана XX V —

1B.

38. Ленин сам иногда давал добро на сделки с оружием (Познер, Боевая группа при ЦК РСДРЩб], 60, 62, 66, 167–168).

39. Там же, 167п., 171.

40. Там же, 165.

41. П.С. Шувалов, «Из борьбы за хлеб и волю (из воспоминаний рабочего)», КЛ 5 (1922), 279; Лядов, Из жизни партии, 163.

42. И. Юренев, «Двинск (1904–1906 гг.)», ПР 12 (1922), 136.

43. Описание террористических действий этой группы см. в Юренев, «Работа Р.С.Д.Р.П. в Северо-Западном крае», ПР 8–9 (31–32)

(1924), 188–189.

44. Кобозев, «Мои воспоминания о 1905 г. в гор. Риге», КЛ 5 (1922), 298; «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», 1910, с. 30, Охрана XV b(6)-IC.

' 45. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 171.

46. Там же; Торф, «К истории нападения на рижскую центральную тюрьму в 1905 г.», КС 74 (1931), 190.

47. «Обзор партий, примыкающих к РСДРП», 31–32, Охрана XV b(6)-IC.

48. «Донесения Евно Азефа», Былое 1 (23) (1917), 221; доклад ДЦП от 23 февраля (8 марта) 1905, Охрана XX V -IA.

49. См., например, доклад ДДП от 17 (30) августа 1906, Охрана ХПс(2)—2В, и Мишин, «Тюменская организация РСДРП», КС 4 (113) (1934), 54–55.

50. Там же; Аллилуев, «Мои воспоминания», КЛ 8 (1923), 159.

51. Доклад ДДП от 27 февраля (12 марта) 1905, Охрана XX V —1A.

52. См., например, полицейское донесение от 30 октября 1909, Охрана XX V -IB.

53. См., например, ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1911, д. 330, 1, 8 об., 14; Кочетов, «Вологодская ссылка 1907–1910 годов», КС 4 (89) (1932), 87; Melancon, «March ng Together!», 240, 247.

54. Б. Николаевский, «Новое о прошлом», Былое 15 (1920) 168 cm5591Альманах. Сборник по истории анархического движения в Рос-

56. Леванов, Из истории борьбы большевистской партии против эсеров, 121.

57. Там же, 121, 123.

58. Ташкентец, «Петр Данилович Романов», КС 27 (1926), 235.

59. См., например, полицейское донесение от 11 декабря 1913 Охрана XV b(3)-IA.

60. Melancon, «March ng Together!», 247.

61. Леонид Борисович Красин («Никитич»), 245–246.

62. В какой-то момент Карл Трауберг, руководитель Северного летучего боевого отряда эсеров, пытался убедить большевиков помочь эсерам в производстве какой-то определенной бомбы в обмен на две тонны ружейных пуль. Из этого, однако, ничего не вышло, несмотря на дух сотрудничества среди революционеров (Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 176).

63. См., например, там же, 118.

64. Там же, 118; Леонид Борисович Красин («Никитич»), 232; см. также Алексинский, «Воспоминания», 51п., Ник. 302—3.

65. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРЩб), 103.

66. Рябков-«Пчела», «Как я попал на работу при нашем подпольном правительстве», ПР 3 (1921), 234.

67. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 188—89пп.

68. Обсуждение совместных действий большевиков и анархистов см. Мызгин, Со взведенным курком, 77.

69. Доклад ДДП от 29 ноября (12 декабря) 1907, Охрана XXVc—1.

70. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРЩб), 167.

71. Леонид Борисович Красин («Никитич»), 254.

72. Там же, 255. О помощи финнов большевикам см. также Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 40–41.

73. W ll ams, Other Bolshev ks, 123–124; см. также Souvar ne, Stal n, 125.

74. Е.А. Ананьин, «Из воспоминаний революционера 1905–1923 гг.», Межуниверситетский проект по истории меньшевистского движения, работа 7 (Нью-Йорк, октябрь 1961), 34.

75. Буренин, Памятные годы, 256.

76. Мызгин, Со взведенным курком, 81, 84–88.

77. Матрос вынужден был отказаться от своих планов из-за мер безопасности на яхте (Познер, Боевая группа при ЦК РСДРЩб], 143–144).

78. См., например, доклад ДДП от 8 (21) февраля 1906, Охрана XX V — А; доклад ДДП без даты, Охрана XH b(l)—1G, исходящие документы (1911), док. 1106.

79. См., например, Анархист 1 (10 октября 1907), 17.

80. Tob as, Jew sh Bund, 328.

81. В Совместный комитет самообороны в Минске входили представители Бунда, ПСР, местной Рабочей партии, еврейской организа-

ции Поалей-Сион и группы сионистов-социалистов (Бухбиндер, «Еврейское рабочее движение в 1905 г.», КЛ 7 [1923j:9).

82. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 8.

83. Киржниц, Еврейское рабочее движение, 172.

84. Доклад ДДП от 29 мая (11 июня) 1905, Охрана XVIb(4)—3.

85. Марцинковский, «Воспоминания о 1905 г. в г. Риге», ПР 12 (1922), 327–328.

86. «Покушение на убийство г.-м. Кошелева, председателя Рижского военного суда», 1–3, 5, 7, Ник. 199—7.

87. Полицейское донесение от 20 февраля 1910, Охрана XX — 1A.

88. Полицейское донесение от 24 августа 1908, Охрана XX — 1A.

89. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 179; Пальвад-ре, Революция 1905–1907 гг. в Эстонии, 155, 160–161.

90. Одно из разногласий среди участников анархического движения отразилось в резолюции, принятой на конференции в Вильне, в которой представители местных групп хлебовольцев осудили практику мелких экспроприации частной собственности со стороны чер-нознаменцев и запретили последним официально вступать в ряды хлебовольцев (Анархизм [1909?] [s c], с. 1, 41, Охрана XV b[5J—5A).

91. Письмо П. Кропоткина «дорогому товарищу» от 10 мая 1904, Ник. 81-9.

92. Письмо П. Кропоткина М.И. Гольдсмит 1907 года, Ник. 81—5.

93. Доклад ДДП от 7 (20) февраля 1914, Охрана XXV d—7.

94. Савинков, Воспоминания террориста, 285–286.

95. См., например, Равич-Черкасский, «Мои воспоминания о 1905 годе», Летопись революции 5–6 (14–15) (Гос. изд. Украины, 1925), 319; Юренев, «Работа Р.С.-Д.Р.П. в Северо-Западном крае», ПР 8–9 (31–32) (1924), 176; Кочетов, «Вологодская ссылка 1907–1910 годов», КС 4 (89) (1932), 87–88.

96. См., например, Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 7.

97. Ростов, «Еще о взрыве трактира «Тверь», КЛ 1 (40) (1931), 247.

98. Доклад ДДП от 7 (20) сентября 1906, Охрана XV r(I)—7B.

99. Леонид Борисович Красин («Никитич»), 136. На этой конференции присутствовали также представители ППС и армянские дрошакисты (Познер, Боевая группа при ЦК РСДРЩб], 52).

100. Получил широкую огласку случай с покупкой парохода «Джон Графтон» представителями ПСР (при помощи Георгия Талона и его последователей и финских активистов под руководством Конни Зил-лиакуса); на борту парохода находился груз оружия и взрывчатки для эсеров, финских радикалов и польских и грузинских социалистов в России. Радикалы получили финансовую помощь для этого от представителей японской дипломатической миссии, в частности от Акаши,

японского военного атташе в Швейцарии. Эсеры обратились к Центральному комитету большевиков за помощью после прибытия парохода в Россию. Максиму Литвинову

поручили спрятать оружие, но 26 августа 1905 пароход сел на подводные камни в Финском заливе и революционеры его потопили, чтобы оружие не попало в руки властей (см. Познер, Боевая группа при ЦК РСДРЩб], 220–247; полицейское донесение П.И. Рачковскому от 24 декабря 1905 [6 января 1906], Охрана XX Vh-1).

101. Доклад ДДП от 6 (19) июня 1911, Охрана XX V —3D.

102. Савинков, Воспоминания террориста, 184.

103. В 1906–1908 сеть этих организаций охватила около 30 городов империи (Melancoc, «March ng Together!», 246).

104. С. Мстиславский, «Из истории военного движения. Офицерский и Боевой Союзы 1906–1908 гг.», КС 55 (1929), 12.

105. В этот раз Снесарев сумел скрыться невредимым, но после последующей конфронтации с революционными рабочими он был застрелен неизвестным убийцей (там же, 13–14).

106. Там же, 14–16.

107. Познер, Боевая группа при РСДРП(б), 46–47, 53.

108. Благодаря своевременному вмешательству властей из этих планов ничего не вышло (А.В. Соколинский, «Фидлеровское дело. [Воспоминания участника]», КС 31 [1927], 10).

109. Melancon, «March ng Together!», 243.

ПО. В.А. Соболев, «Воспоминания бунтаря о 1905 г.», КС 74 (1931), 138–140.

111. Melancon, «March ng Together!», 246.

112. Бюллетень ЦК Р.С.-Р. 1 (март 1906), 7.

113. Надельштейн, «Бутырские очерки», КС 45–46 (1928), 197–198.

114. Доклад ДДП от 30 июня (13 июля) 1914, Охрана XV b(5)-4.

115. Доклад ДДП от 22 сентября (5 октября) 1907, Охрана XV а—2.

116. Копия доклада ДДП от 5 сентября 1909, Охрана X c(I) — IG, входящие документы (1909), док. 1093.

117. И действительно Союз не смог совершить ни одного теракта и вскоре распался (там же).

118. «Отражение событий 1905 г. за границей», КА 2 (9) (1925), 40; Бурцев, Долой царя! 40–41, ПСР 1—19.

119. Охрана XV с—2; «Летучий лярок» № 3, Издание Парижской Группы Содействия П.С.-Р. (18 февраля 1908), ПСР 1—88а.

120. «Дело товарища Васильева», Известия областного комитета загранич. организации 7 (1908), 8.

121. Бурцев, Долой царя! 41, ПСР 1 — 19; Дубинский-Мухадзе, Камо, 83.

122. Выдержка из письма от д-ра Л. Гутмана в Берлине д-ру М.О. Гуревичу в Москву от 29 июля 1904, Охрана XV s—4.

123. Аврич отмечает, например, что заявления русских террористов в суде часто напоминали судебную речь знаменитого французского

«пропагандиста делом» Эмиля Хенри, которую женевская группа анархистов в 1898 г. перевела на русский язык. Другой перевод этой речи был опубликован в газете

анархистов «Вольная воля» в 1903 г. (Avrich, Russian Anarchists, 68n).

124. Первые попытки организовать совместные террористические акции русских и болгарских террористов делались уже в апреле 1895 (полицейское донесение июня 1895 г., Охрана XX V —1A).

125. Несколько химиков Боевой технической группы сумели приспособить македонские бомбы к требованиям российской ситуации, превратив их в ручные гранаты. В революционные дни 1905 г. русские власти с удивлением обнаружили, что некоторые бомбы, использовавшиеся в боевых операциях в Петербурге и других городах, были скопированы с македонских моделей, но не смогли выяснить, как болгарские взрывные устройства попали в Россию (Познер, Боевая группа при ЦК РСДРЩб], 43п. — 44).

126. Доклад ДДП от 13 (26) мая 1905, Охрана X1c(5)—1.

127. Охрана XX V -1A.

128. «Телеграммы», Еж 1 (без даты), 13, Ник. 435—12.

129. См., например, Дубинский-Мухадзе, Камо, 90; «Сведения о ввозе оружия в Россию, сношения с комитетами в России и сведения о деятельности революционных организаций» (без даты), 1–2, Охрана XX Vh-5n.

130. Там же; выдержка из письма Гутмана Гуревичу, Охрана XV s-4.

131. Полицейское донесение от 28 декабря 1905 (10 января 1906), Охрана XX Vh—4G; полицейское донесение от 31 июля 1913, XX —1B.

132. Дубинский-Мухадзе, Камо, 98.

133. Доклад ДДП от 8 (21) марта 1914, Охрана XX V —2g.

134. Полицейское донесение от 13 (26) декабря 1905, Охрана XX VK-4C.

135. Полицейское донесение от 7 августа 1906, Охрана V j— 15C; полицейское донесение от 7 августа 1908, Охрана XV s—1.

136. Доклад ДДП от 6 (19) сентября 1907, Охрана XV c—3.

137. Полицейское донесение от 22 марта (4 апреля) 1910, Охрана XV b(5)-5b.

138. Доклад ДДП от 12 (25) мая 1911, Охрана XVIb(5)—2.

139. См., например, «Отражение событий 1905 г. за границей», КА 2 (9) (1925), 40.

140. Доклад ДДП от 14 (27) мая 1916, Охрана XX V -IB.

141. Доклад ДДП от 8 (21) октября 1907, Охрана XXIVh-1; полицейские донесения от 12 и 16 октября 1907, Охрана V j—16B.

142. Полицейское донесение П.И. Рачковскому от 16 октября 1901, Охрана XIX-12A.

143. Полицейское донесение от 1 сентября 1895, Охрана XXa—1A.

144. Ратаев, «Евно Азеф», Былое 2 (24) (1917), 189; «Донесения Евно Азефа», Былое 1 (23) (1917), 218.

145. «Анархизм», 97, Охрана XV b(5)-5A.

146. Полицейское донесение, июнь 1905, Охрана XV bm полицейское донесение от 25 октября (7 ноября) 1905, XV b(3\—4'

147. Копия телеграммы от Д.С.С. Жданова из Смирны русскому послу в Константинополе от 15 января 1906, Охрана XX Vf — a

148. Расшифрованная полицейская телеграмма из Одессы от 17 января 1906, Охрана

ХШс(3)—20.

149. Полицейское донесение от 24 августа 1908, Охрана XX —1 А.

150. Полицейское донесение от 4 декабря 1903, ХШс(2)—2С.

151. В сентябре 1908 г. областной военный суд в Варшаве приговорил Ватерлос к пятнадцати годам каторжных работ (отношение № 41, Охрана XV n—8; «Анархизм и движение анархизма в России», с. 47, Ник. 80-4).

152. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 126.

153. Полицейское донесение от 12 ноября 1909, Охрана XX —1.

154. Полицейское донесение от 15 марта 1914, XV s—3.

155. Цели «Черной руки» были интернациональны, выходя за пределы чисто сербских интересов. В 1911-м, например, группа планировала убийство греческого короля (Laqueur, Terrorism, 113).

156. «Обзор кавказских революционных партий», 1 сентября 1901, 39, 42, 44, Охрана XXa-1B.

157. «Иранская революция 1905–1911 гг. и большевики Закавказья», КА 2 (105) (1941), 63–66.

158. Laqueur, Terrorism, 44.

159. Там же, 44–45, 113.

160. Melancon, «March ng Together!», 251–252.

ГЛАВА 7

КАДЕТЫ И ТЕРРОР

1. Ленин, ПСС, 6, 76.

2. Описание совместной деятельности народных социалистов и эсеров см. в кн. Н.Д. Ерофеева, Народные социалисты в первой русской революции (Москва, 1979); см. также Terence Emmons, The Format on of Politic al Part es and the F rst Nat onal Elect ons in Russia (Кембридж, Массачусетс, 1983), 82–87.

3. ГД 1907, 40-2, 747; там же, 1906, 4–1, 118.

4. Trotsky, Stal n, 98. .

5. ГД 1907, 23-1, 1686; там же, 38-2, 600.

6. Там же, 23—1, 503.

7. А.А. Кизеветтер, Нападки на партию Народной Свободы (воспоминания 1881–1914) (Прага, 1929), 53.

8. П. Милюков, Год борьбы (С.-Петербург, 1907), 118; см. также В.В. Шелохаев, Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. (Москва, 1983), 310–321.

9. См., например, В.А. Маклаков, Речи (Париж, 1949), 51.

10. Нестроев, Из дневника максималиста, 78.

11. ГД 1907, 9–1, 491. Один эсеровский депутат, священник, утверждал: «В самом Евангелии можно найти оправдание террору» (Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, 344).

12. По словам Григория Аронсона, «широкое общественное мнение мало

интересовалось либерализмом» (Григорий Аронсон, Россия накануне революции [Мадрид, 1986], 144).

13. Thomas R ha, A Russian European: Paul M l ukov in Russian Politic s (Лондон, 1969), 78.

14. P. M l ukov, Russia and ts Cr s s (Чикаго и Лондон, 1906), 524. О конференции в Париже и последующей кооперации либералов с эсерами см. Shmuel Gala . The L berat on Movement in Russia 1900–1905, Издательство Кембриджского университета, 1973, 214–221.

15. Thomas R ha, Russian European, 83.

16. Gala , L berat on Movement, 220.

17. Аронсон, Россия накануне революции, 159.

18. См. обсуждение этого вопроса в кн. К.Ф. Шацилло, Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. (Москва, 1985), 254–255, 300.

19. См., например, Вагнер-Дзвонкевич, «Покушение на начальника киевской охранки полковника Спиридовича», КС 12 (1924), 137.

20. Л. Меньшиков, Охрана и революция, часть 3 (Москва, 1932), 170–171; см. также Герасимов, На лезвии с террористами, 55.

21. Thomas R ha, Russian European, 83. За некоторое время до убийства Плеве другой известный либерал и член «Союза освобождения», князь Дмитрий Шаховской, который вскоре вошел в кадетский ЦК и стал, кроме того, секретарем   Думы, все повторял в одном дружеском разговоре: «Плеве надо убить… Плеве пора убить» (Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, 166).

22. К.Ф. Шацилло, Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг., 300. Известие об убийстве Плеве «вызвало в доме редактора «Освобождения» [П. Струве] такое радостное ликование, точно это было известие о победе над врагом» (Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, 176).

23. Полицейское донесение от 11 августа 1905, Охрана ХШс(2)— 6С.

24. R ha, Russian European, 78.

25. См. В.В. Шелохаев, Кадеты, 145.

26. M chael Karpov ch, «The Two Types of Russian L beral sm: Maklakov and M l ukov», Cont nu ty and Change in Russian and Sov et Thought, E.J. S mmons, ed. (Кембридж, Массачусетс, 1955), 136.

27. Конституционно-демократическая партия. Съезд 7—18 октября 1905 г. (б/м, б/г), 7.

28. И.В. Гессен, «В двух веках», Архив русской революции 22 (1937), 226; Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, 259.

29. «Клуб партии Народной свободы (из неизданных воспоминаний кн. Д.И. Бебутова)», рукопись б/д, 15–16, Ник. 779—2.

30. Донесение полицейского агента из Парижа от 11 мая 1906 Охрана V j—15С.

31. Доклад ДДП от 9 (22) июня 1906, Охрана XV g—2D.

32. Хотя кадеты и настаивали на насильственной конфискации и разделе помещичьей земли, <рни не требовали национализации средств производства, что и отличало их от всех социалистов.

33. Emmons, Format on of Politic al Part es, 414n; «Кадеты в 1905–1906 гг. (Материалы ЦК

партии «Народной Свободы»)», КА 3 (46) (1931), 53. См. также «Спор о революции: два письма В.А. Маклакова кн. В.А. Оболенскому, Вестник РХД, кн. 146 (Париж, 1986), 272.

34. В.А. Маклаков, Из воспоминаний (Нью-Йорк, 1954), 351.

35. Отрывок из письма, написанного Вашакидзе к Шавдия, Охрана ХШс(1)—1С, входящие документы, док. 400.

36. Кадеты многократно заявляли об этой цели (см., например, Кизеветтер, Нападки, 61–65; В.А. Маклаков, Первая государственная дума [Париж, 1939], 197; П. Милюков, Год борьбы, 492–495).

37. См., например, «Речь», 173 (7 октября 1906), 2, там же, вып. 1 (14 января 1907), 2; см. также Первая Государственная Дума (С.-Петербург, 1907), 94.

38. Гусев, Партия эсеров, 60.

39. См. Герасимов, На лезвии с террористами, 78, и Маклаков, Из воспоминаний, 351.

40. Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, 345.

41. P pes, Struve, 56.

42. См. Конституционно-демократическая партия. Съезд 17–18 октября 1905 г., 26, 25; ГД 1906, 1–1, 3, и «Речь» 60 (11 мая 1906), 1.

43. ГД 1906, 2–1, 35, 37.

44. Там же, 2–1, 24–25.

45. Об — условиях амнистии см. «Хроника-Акты», ВЕ 6 (1905) 346–348.

46. По мнению Государственного совета, должны были быть амнистированы даже

некоторые террористы, те, кто примерно вел себя в заключении и заслужил помилование (см. Д.Н. Шипов, Воспоминания и думы о пережитом [Москва, 1918], 434–436, 440–441).

47. Это особенно подчеркивал известный кадетский депутат Думы Ф.И. Родичев, заявивший, что члены Думы просто обязаны единогласно высказаться за всеобщую амнистию без каких-либо исключений (см. ГД 1906, 2–1, 24).

48. П.Н. Милюков, Три попытки (Париж, б/д), 47. Уже в то время Милюков знал из авторитетных источников, что амнистия могла бы быть дарована, но «не бомбистам» (R ha, Russian European, 125). Однако, как он сам впоследствии указывал, «это был основной пункт расхождения [с правительством], даже более серьезный, чем аграрная реформа» (Милюков, Три попытки, 47).

49. ГД 1906, 4–1, 74, 76, 75.

50. Там же, 4–1, 137.

51. Цит. по: Герасимов, На лезвии с террористами, 78. Впоследствии Милюков отрицал, что он когда-либо произносил эти слова (см. Милюков, «К статье М.В. Вишняка» (Бахметьевский архив Колумбийского университета, коллекция Савченко, б/м, б/д), рукопись, 1 лист.

52. См., например, ГД 1906, 4–1, 231.

— 53. По словам министра юстиции Щегловитова, отмена смертной казни за политические преступления была бы равносильна отказу государства защищать своих служащих (см. там же, 29—2, 1479–1480).

54. Веножинский, Смертная казнь и террор, 32. С ним соглашался и Ленин, считая, что, если правительство подавит революцию решительно и окончательно, кадеты окажутся

беспомощны, так как их сила питается революцией (см. Шелохаев, Кадеты, 159).

55. ГД 1906, 3–1, 45; см. также «Речь» 77 (1 июня 1906), 1.

56. ГД 1906, 4–1, 231; см. также «Речь» 62 (13 мая 1906), 1.

57. ГД 1906, 3–1, 44–45.

58. Милюков, Год борьбы, 354; «Речь» 77 (1 июня 1906), 1; Кизеветтер, Нападки, 54.

59. ГД 1906, 15—1, 642; см. также там же, 1907, 8–1, 410.

60. Милюков, Годы борьбы, 353.

61. ГД 1906, 4–1, 231; см. также «Речь» 20 (27 марта 1906), 4, и 62 (13 мая 1906), 1.

62. ГД 1906, 29-2, 1496.

63. Григорий Фролов, «Террористический акт над самарским губернатором», КС 1 (8) (1924), 114.

64. «Речь» 149 (9 сентября 1906), 2.

65. «Современная летопись», Былое 10 (1906), 342.

66. ГД 1907, 9–1, 485–486; см. также Обнинский, Полгода русской революции, 157.

67. ГД 1907, 38-2, 607–608.

68. ГД 1906, 29-2, 1496.

69. Там же, 29-2, 1487.

70. Там же, 29-2, 1496.

71. Иван Тургенев, «Порог», Новый сборник революционных песен и стихотворений

(Париж, 1899), 61–62.

72. ГД 1906, 29-2, 1495–1496.

73. «Речь» 18 (25 марта 1906), 2.

74. ГД 1906, 11-1,442.

75. «Речь» 13 (20 марта 1906), 1; ГД 1906, 15-1, 643.

76. См. там же, 1907, 8–1, 396, и 1906, 16-1, 738.

77. См., например, обсуждение этого вопроса в Государственной думе (ГД 1907, 8–1, 400).

78. См., например, «Речь» 47 (26 апреля 1906), 1–2; 62 (13 мая 1906), 2; 72 (9 апреля 1907), 2; 43 (22 апреля 1906), 1; 46 (25 апреля 1906), 2.

79. Тыркова-Вильяме, На путях к свободе 343

80. См. В.В. Леонтович, История либерализма в России 17f ? 1914 (Париж, 1980), 478, и ГД 1906, 4–1, 138.

81. Кадеты даже собрали и опубликовали статистику политических убийств за период с октября 1905 по октябрь 1906 г… Но они делали это с определенной целью: показать незначительность террористических актов в сравнении с репрессиями правительства (Двоих. «Погибшие 17 октября 1905 г. — 17 октября 1906 г.», Вестник партии народной свободы. 33–35 [Москва, 1906], 1808–1815, 1725–1736).

82. См., например, «Речь» за 1906: 32, 2; 36, 5; 38, 4; 39, 3; 65, 3; 73, 4; 79, 5; 82, 2; и за 1907: 14, 4; 50, 4; 53,3; 108, 2. Большинство этих передовиц и статей не были подписаны, представляя мнение редакции газеты, а не каждого автора лично. Справедливости ради

следует сказать, что в одном случае, комментируя массовое убийство солдат и полицейских в Варшаве в августе 1906-го, когда только случайных жертв было более ста, «Речь» отметила, что анархистский террор не имеет оправдания («Речь» 133 [9 августа 1906J, 1).

83. См., например, «Речь» за 23 февраля 1906 и 137 (26 августа 1906), 1; Милюков, Год борьбы, 260–264.

84. R ha, «R ech». A Portra t of a Russian Newspaper», Slav c Review 22 (4) (декабрь 1963), 663.

85. См. Герасимов, На лезвии с террористами, 150–155; P pes, Russian Revolution, 170.

86. «Речь» 148 (8 сентября 1906), 1.

87. А. Каминка, «Михаил Яковлевич Герценштейн», Вестник партии народной свободы 19–20 (июль 1906), 1220), и «К смерти М.Я. Гер-ценштейна», Вестник партии народной свободы 21–22 (августа 1906), 1313–1315.

88. См. «Речь» 119 (5 июня 1907), 1, и 117 (2 июня 1907), 3.

89. См. вырезку из газеты «Русские ведомости» (21 марта 1907), ПСР 4-346.

90. ГД 1907, 9–1, 445, 477.

91. Там же, 9–1, 479, и 8–1, 392. Особенно показателен один думский эпизод. Когда главный военный прокурор Павлов появился на трибуне, чтобы ответить на запрос Думы о военно-полевых судах, кадеты вместе с социалистами не дали ему говорить, заглушая криками: «Вон! Вон! Палач! Убийца! Кровь на руках!» Через несколько дней Павлова убили, и в глазах правительства думская оппозиция была косвенно ответственна за это убийство, так как вольно или невольно сыграла роль подстрекателей (см. Тыркова-Виль-

ямс, На путях к свободе, 298, 300).

92. ГД 1907, 8–1, 374–375.

93. «Речь» 81 (19 апреля 1907), 1.

94. Они и делали это многократно (см., например, ГД 1907, 8–1, 373, 402, 433, 445; там же, 9–1, 445, 476).

95. Там же, 1907, 8–1, 433, и 9–1, 475.

96. P pes, Struve, 56.

97. При этом кадеты не говорили ни слова о «политических убийствах» (см. «Речь», 113 [16 мая 1907], 1); см. также А.А. Кизеветтер, На рубеже двух столетий (воспоминания 1881–1914) (Москва, 1906), 461.

98. ГД 1907, 9–1, 477; см. также ГД 1907, 9–1, 529.

99. Там же, 1906, 15-1, 643.

100. Есть много примеров, доказывающих, что лояльность Головина к кадетской партии и его явные симпатии думским левым в большой степени определяли его поведение как председателя (см., например, ГД 1906, 34—2, 237–239, 287). Особенно примечателен случай с использованием им формального предлога для того, чтобы не дать Думе почтить память государственных служащих, убитых террористами (там же, 18—1, 1275–1278, 1373–1376). Даже неко-"торые кадеты не могли не признать, что Головин не был хорошим

председателем (см. И.В. Гессен, «В двух веках», 241, и Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, 339).

101. ГД 1907, 20-1:1533.

102. Там же, 24-1, 1833, и 38-2, 608–610.

103. См. В.А. Маклаков, Вторая Государственная Дума (Париж, б/д), 216.

104. ГД 1907, 34-2, 286–287.

105. Там же, 38-2, 608–609.

106. Там же, 26—1, 1928. Вопрос об осуждении политических убийств еще раз косвенно стал во Думе 17 мая 1907 г… Кадеты и на этот раз отказались сделать прямое заявление, но из-за боязни разгона Думы решились вынести резолюцию, в которой, по словам Маклако-ва, осуждение террора «было так затушевано, что его разыскать можно было только под лупой» (Маклаков, Вторая Государственная Дума, 218–220). См. также ГД 1907, 40-2, 759.

107. В.Н. Набоков, «Справа и слева»; Вестник партии народной свободы 37 (ноябрь 1906), 1935; см. также «Речь» 82 (20 апреля 1907) 1. И кадеты признавали, что они действительно не могут опровергнуть эти обвинения (см. там же, 77 [19 мая 1906], 1).

108. Веножинский, Смертная казнь и террор, 32.

109. Набоков, «Справа и слева», 1935.

110. ВЕ 1 (1907), 355; см. также ВЕ 3 (1907), 333–334.

111. Шипов, Воспоминания, 399.

112. Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, 283; Милюков, Годы борьбы, 117–128.

113. 15 мая 1907 года Струве и Булгаков, например, голосовали против отказа кадетской фракции обсуждать думскую резолюцию, направленную против террора (см.

ВЕ 6 [июнь 1907], прим. на с. 762; см. также Маклаков, Вторая Государственная Дума, 216). Даже левый кадет О.Я. Пергамент в какой-то момент прямо заявил о своем личном несогласии с террористическими методами. Впрочем, это был единственный случай, когда кадетский депутат решился выступить в Думе вопреки решению фракции (см. ГД 1907, 40—2, 763).

114. P pes, Struve, 56.

115. R ha, Russian European, 140.

116. Маклаков, Первая Государственная Дума, 207.

117. Шипов, Воспоминания и думы о пережитом, 450.

118. См. Маклаков, Первая Государственная Дума, 207, и Милюков, Три попытки, 47.

119. См. Шипов, Воспоминания, 457–460.

120. Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, 283; см. также Шипов, Воспоминания, 460.

121. Шелохаев, Кадеты, 160.

122. Кадеты, например, в отличие от всех фракций, стоящих левее их в Думе, подписали заявление, выражающее радость по поводу того, что Николаю удалось благодаря заблаговременным арестам террористов избежать покушения (см. ГД 1907, 34—2, 197–199). Кроме того, кадеты более не требовали всеобщей политической амнистии (см. там же, 1907, 46—2, 1148).

123. ГД 1907, 40-2, 756.

124. P pes, Struve, 56. В манифесте о роспуске Думы царь ясно заявил, что, «уклонившись от осуждения убийств и насилий, Дума не оказала в деле водворения

порядка содействие правительству» (цит. по кн. Тыркова-Вильямс, На путях к свободе, 364). Текст официального заявления по поводу разгона Думы см. «Внутреннее обозрение», ВЕ 7 (июль 1907), 334–335.

ГЛАВА 8

КОНЕЦ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТЕРРОРИЗМА

В РОССИИ

1. Серебренников, Убийство Столыпина, 42.

2. Некоторые высшие чиновники в царском правительстве беспокоились о потере заграничных кредитов в случае реакционной внутренней политики (Шацилло, Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг., 307).

3. Многие полицейские и военные испытывали угрызения совести из-за своего участия в подавлении революции. Некоторые становились алкоголиками и даже сходили с ума или кончали жизнь самоубийством. В нескольких случаях дети государственных чиновников, ответственных за действия против радикалов, также кончали с собой (Прозоров, «Самоубийства в тюрьмах». 74–75; Ковальская, «По поводу статьи Орлова», КС 52 [1929], 165).

4. Чернов, Перед бурей, 222; Мызгин, Со взведенным курком, 141.

5. Обнинский, Полгода русской революции, 109–110.

6. Донесение Л. Ратаева директору Департамента полиции от 5 (18) апреля 1905, Охрана X1c(5)-1.

7. Чернов, Записки, 227, 219.

8. Ph ll ps, «From a Bolshev k to a Br t sh Subject», 390.

9. Спиридонова, «Из жизни на Нерчинском каторге», КС 14,192–193.

10. Ph ll ps, «From a Bolshev k to a Br t sh Subject», 390.

11. Ратаев, «Евно Азеф», Былое 2 (24) (1917), 189.

12. «Из общественной хроники», ВЕ 10 (1906), 866.

13. Иван Бунин, Окаянные дни (Ленинград, 1991), 65.

14. Тюремные служащие не очень старались предотвращать побеги. Максим Литвинов вспоминал, что во время одного успешного массового побега революционеров охранник сочувствовал им и очень слабо сопротивлялся (Ph ll ps, «From a Bolshev k to a Br t sh Subject»,

391).

15. Спиридонова, «Из жизни на Нерчинской каторге», КС 14

(1925), 192.

16. Ратаев, «Евно Азеф», Былое 2 (24) (1917), 189.

17. См. «Борьба с революционным движением на Кавказе», КА 3 (34) (1929), 193, 198.

18. Доклад ДЦП от 26 августа (8 сентября) 1906, Охрана XIX—13.

19. «Борьба с революционным движением на Кавказе», КА 3 (34) (1929), 215–216; приказ за подписью Столыпина всем губернаторам, генерал-губернаторам и градоначальникам (1906), с. 8, Ник. 80—2.

20. «Слухи», Спрут 13 (21 марта 1906), 4, Ник. 436—5.

21. P pes, Russian Revolution, 170.

22. Fuller, C v l-M l tary Confl ct, 173.

23. P pes, Russian Revolution, 169–170.

24. Там же, 170.

25. Согласно статье 87, эти чрезвычайные указы теряли силу, если Дума их не утверждала в течение 60 дней после начала своей работы (там же, 160, 170). Выдержка из декларации правительства, объявлявшей о введении военно-полевых судов, приводится в: Фалеев, «Шесть месяцев военно-полевой юстиции», Былое 2 (14) (1907), 46–47.

26. Там же, 47, 49–50; P pes, Russian Revolution, 170; Fuller, C v l-M l tary Confl ct, 174–175.

27. Там же, 174; «Внутреннее обозрение», ВЕ 4 (1907), 755–758.

28. См. Фалеев, «Шесть месяцев военно-полевой юстиции», Былое 2 (14) (1907), 64–65; «Современная летопись», Былое 3 (1906), 317, и Былое 11 (1906), 338.

29. Подавляющее большинство смертных приговоров было вынесено за террористические акты и вооруженные нападения. За несколькими исключениями, революционеров, обвиненных в производстве и хранении взрывных устройств, приговаривали к каторге на сроки до 15 лет (Ростов, «С первой волной», КС 20 [1925], 54).

30. Отмена военно-полевой судебной системы обсуждается в: Голубев, Вторая Государственная Дума, 23–25.

31. Репрессивные меры, примененные армией в Прибалтике, описаны в «Прибалтийский край», КА4—5 (11–12) (1925), 281–288.

32. Fuller, C v I-M I tary Confl ct, 150; В.А. Старосельский, «Дни свободы в Кутаисской губернии», Былое 7 (19) (1907), 302; Фалеев, «Шесть месяцев военно-полевой юстиции», Былое 2 (14) (1907), 69–70.

33. См., например, «Современная летопись» в нескольких выпусках Былого с 1906: 3, 314; 4, 319 и 325, и И, 336.

34. Таганцев, Смертная казнь, 91; «Смертная казнь в России остается?», Новое время, 22 января 1910(7), ПСР 4—346; С.К. Вик-торский, История смертной казни в России и современное ее состояние (Москва, 1912), 354.

35. Fuller, C v I-M I tary Confl ct, 169, 176, 181.

36. P pes, Russian Revolution, 170.

37. Fuller, C v I-M I tary Confl ct, 182; Ф. Кон, «Военные суды в Царстве Польском», КС 20 (1925), 147; Вентин, «Из итогов судебных репрессий»; А.В. Вентин, «К статистике судебных репрессий по политическим делам в России за 1907 г.», «Товарищ» 366 (8 сентября 1907), и «К статистике судебных репрессий по политическим делам в России за 1908 г.», «Товарищ» 6 (22 марта [4 апреля) 1908), ПСР 2-132.

38. Герасимов, На лезвии с террористами, 8.

39. Сатирическое обозрение 1 (1906), 2, Ник. 436—1.

40. Аркомед, «Красный террор на Кавказе», КС 13 (1924), 78–81; Воля 96 (28 января [20 февраля] 1907),' 35, ПСР 7-592.

41. Мызгин, Со взведенным курком, 140–141.

42. Согласно официальным цифрам, в 1905 г. было 85000 заключенных, к 1906 г. эта цифра выросла до 111000, в 1907 г. — до 125000. К апрелю 1908 г. в тюрьмах

содержалось более 167500 заключенных (Прозоров, «Самоубийства в тюрьмах». 78).

43. Л. Липоткин, «Русское анархическое движение в Северной Америке. Исторические очерки» (рукопись б/д), 152–153, архив Липоткина, Международный институт общественной истории, Амстердам; Залежский, «В годы реакции», ПР 2 (14) (1923), 339, 369; «Новые правила о содержании каторжных», «Товарищ» (11 июля 1907), ПСР 2—132; И. Генкин, Из воспоминаний политического каторжанина (1908–1914 гг.) (Петроград, 1919), 67, 85, 87.

44. «Запрос о ген. Думбадзе», Речь (28 марта 1908), ПСР 2—150; Герасимов, На лезвии с террористами, 147.

45. См., например, «Из общественной хроники», ВЕ 10 (1906), 869.

46. Зарницы 6 (1906), 2, Ник. 436-17.

47. ПСР 3-216.

48. Анчар 1 (март 1906), 3, Ник. 435-2.

49. Fuller, C v l-M l tary Confl ct, 185.

50. Альманах. Сборник по истории анархического движения в России, 181–182; Фалеев, «Шесть месяцев военно-полевой юстиции», Былое 2 (14) (1907), 67.

51. См., например, «Внутреннее обозрение», ВЕ 4 (1907), 757–758.

52. P pes, Russian Revolution, 170–171; см. также Ascher, Revolution of 1905, 295.

53. Одной из словесных атак на жестокость правительства была

сатира. В выдуманном газетном объявлении о рабочих местах говорилось: «Скотобойня предлагает тридцать шесть вакантных мест бывшим губернаторам» (Исаков, 1905 год в

сатире и карикатуре, 179).

54. См., например, отрывок из перехваченного письма, подписанного «Сема», из Одессы Якову Акбройту в Берлин от 12 января 1906, Охрана ХШс(1)—1А, входящие документы, док. 57.

55. Пальвадре, Революция 1905–1907 гг. в Эстонии, 72–73.

56. Возмущенный Столыпин вызвал Родичева на дуэль, но последний извинился (см. В. Маевский, Борец за благо России [Мадрид, 1962], 69–70).

57. «Внутреннее обозрение», ВЕ 4 (1907), 757.

58. См., например, Пальвадре, Революция 1905–1907 гг. в Эстонии, 73.

59. См., например, Леванов, Из истории борьбы большевистской партии против эсеров, 144, и Поволжский, «Некоторые внутренние причины партийного кризиса», Известия Областного Заграничного Комитета 9 (февраль 1909), 4, ПСР 1-88.

60. Отрывок из письма, подписанного «ваш В.», из Ярославля Якову Житомирскому в Париж от 31 января 1908, Охрана ХШс(1)— 1А, входящие документы, док. 172.

61. P pes, Russian Revolution, 191; доклад ДДП от 25 ноября (8 декабря) 1906, Охрана ХХЬ—1.

62. Schle fman, Undercover Agents, 88.

63. Согласно Николаевскому, Азеф предложил свои услуги полиции в апреле 1893 г. (N kolajewsky, Aseff the Spy, 24–25, 30). В своей речи в Думе премьер-министр Столыпин уверял, что Азеф стал шпионом в 1892 г. (П.А. Столыпин, Полное собрание речей председателя Совета министров П.А. Столыпина в Государственной Думе и Государственном Совете [1907–1911 гг.] [Нью-Йорк, 1990], 160.

64. in kolajewsky, Aseff the Spy, 41–42; см. также Ратаев, «Евно Азеф», Былое 2 (24) (1917), 195.

65. Там же, 56.

66. Ge fman, «Politic al Part es and Revolutionary Terrorism in Russia, 1900–1917», докторская диссертация (Гарвард, 1990), 67–87.

67. Столыпин, Полное собрание речей, 160.

68. Герасимов, На лезвии с террористами, 131.

69. «Извещение Центрального комитета о провокации Е.Ф. Азефа» (7 [20] января 1909), с. 2, ПСР 3—168; in kolajewsky, Aseff the Spy, 29:

70. В марте 1906 г., например, Николай Татаров сообщил Савинкову, что Толстый является полицейским агентом в рядах эсеров. Руководство ПСР решило, что Татаров просто пытается обелить себя за счет невинного человека. Согласно Савинкову, некоторые члены Центрального комитета восприняли информацию об Азефе как часть хитроумного плана правительства, выработанного Департаментом поли-

ции для того, чтобы запятнать репутацию видного революционера и таким образом его обезвредить (Савинков, Воспоминания, 227, 323).

71. О личном участии Бурцева в террористических заговорах см.: доклад ДДП от 9 (22) марта 1904, Охрана XV d-IA; доклад ДДП от 8 (21) мая 1907, Охрана XV b(I)-I.

72. «Извещение Центрального комитета о провокации Е.Ф. Азефа», 1, ПСР 3-168.

73. Вырезка из газеты «Нью-Йорк Тайме», 7 января 1910; «AzefPs Career. Told by Vlad m r Bourtzeff», New York Tr bune, 31 августа 1912; «Russian Spy Adm ts Gu It», Sun, 15 сентября 1912, все в ПСР 1—19; Герасимов, На лезвии с террористами, 136.

74. М. Алданов, «Азеф», Последние новости (1924), Ник. 205—19; В. Зензинов, «Разоблачение провокации Азефа» (Нью-Йорк, 1924), 9, Ник. 205-18.

75. Согласно Михаилу Алданову, современнику Азефа, изучавшему его дело, Азефа не убили потому, что все находились в полном смятении (М. Алданов, «Азеф», Ник. 205—19). С другой стороны, Бурцев предположил, что лидеры эсеров намеренно разрешили Азефу скрыться, потому что они не хотели убивать его в Париже, что могло бы привести к высылке многих русских политэмигрантов (доклад ДДП от 20 декабря 1908 [12 января 1909], Охрана ХИс[1]-2а). Таким образом, полное партийное расследование с допросом обвиняемого не могло быть проведено. Правительство, со своей стороны, отрицая использование провокации в борьбе с революцией, в первую очередь пыталось установить истинную роль Лопухина, которого судили на специальной сессии Сената в феврале 1909 г. и признали, что он злоупотребил своим официальным положением и вступил в сношения с революционерами. Сначала его приговорили к пяти годам каторги, но потом приговор был изменен на пожизненную ссылку в Сибирь. В 1913 г., в результате всеобщей амнистии, Лопухину разрешили вернуться в Петербург (Дело Лопухина, 4, 6; Герасимов, На лезвии с террористами, 135). Таким образом, вся история Азефа так никогда и не стала известной и до сих пор окружена слухами, легендами и историческими неточностями.

76. Чернов, Перед бурей, 285.

77. Герасимов, На лезвии с террористами, 145; полицейское донесение от 13 сентября 1909, Охрана ХН d(I)—10; Поволжский, «Некоторые внутренние причины», 7, ПСР 1—88.

78. Леванов, Из истории борьбы большевистской партии против эсеров, 106.

79. См., например, доклад ДДП от 4 (17) июня 1909, Охрана XV b(3)-7; доклад ДДП от 30 декабря 1909 (12 января 1910), Охрана XV b(2)—7; Laqueur, Terrorism, 42; «Больные

вопросы», Известия Областного Заграничного Комитета 12 (ноябрь 1910), 1, ПСР 1-88.

80. Слова «провокатор» и «провокация» часто неправильно применялись в радикальном лагере к обыкновенным полицейским агентам и

их деятельности среди революционеров. Российское же правительство придерживалось традиционного значения этого слова («провокация» в первую очередь означает подстрекание к действию, а «агент-провокатор» — человека, который подстрекает другого к совершению преступного деяния). В случае с Азефом термин «провокатор» не подходит, так как нет никаких сведений о том, что он в качестве агента полиции подстрекал кого бы то ни было к совершению терактов.

81. Radkey, Agrar an Foes of Bolshev sm, 79.

82. Гусев, Партия эсеров, 74, 76; В. Дальний, «Террор и дело Азефа», Известия Областного Заграничного Комитета 9 (февраль 1909), 11, ПСР 1—88; Н.Р., «Банкротство террора и дело Азефа», Буревестник 15 (март 1909), 13, Ник. 205-21.

83. Доклад ДДП от 30 декабря 1908 (12 января 1909), Охрана X c(I)—2A; Schle fman, Undercover Agents, 56, 86.

84. См., например, Н.Р., «Банкротство террора», 13–14, Ник. 205—21; «Дело Азефа и заграничная социалистическая печать», Известия Областного Заграничного Комитета 9 (февраль 1909), 12—

15, ПСР 1-88.

85. См., например, официальное заявление ПСР от 14 (27) августа 1909 о полицейских связях Зинаиды Жученко, секретаря московского областного комитета ПСР («Приложение к № 21–22 «Знамени Труда», ПСР 8—650).

86. «К убийству полковника Карпова», перепечатка из «Знамени Труда» 25, ПСР 3—219; Герасимов, На лезвии с террористами, 166–170, 172–176.

87. Дальний, «Террор и дело Азефа», 12, ПСР 1—88.

88. Полицейское донесение от 21 июля 1908, ПСР 1—26; Гусев, Партия эсеров, 74.

89. Савинков, Воспоминания террориста, 373; Schle fman, Undercover Agents, 106; доклад ДДП от 14 (27) декабря 1909, Охрана X b(I) — D, исходящие документы (1909), док. 708.

90. М. Горбунов, «Савинков как мемуарист», КС 4 (41) (1928), 169–170; доклад ДДП от 18 ноября (1 декабря) 1910, Охрана XX VJ-2P.

91. Полицейское донесение от 31 октября 1910, Охрана XV b(3)— 1A; полицейское донесение от 23 июля 1910, Охрана XX V —2O; доклад ДДП от 6 (19) апреля 1910, Охрана XXVb—1.

92. Доклад ДДП от 27 апреля (10 мая) 1911, Охрана XX V — B; Памятная книжка социалиста-революционера, 17; Гусев, Партия эсеров, 74.

93. «Обзор деятельности и настоящего положения Польской Социалистической Партии», Охрана XIX—12A; А. Сергеев, «Запрос о нападениях на чинов полиции», Русское слово, 1911, ПСР 8— 716.

94. Серебренников, Убийство Столыпина, 37.

95. Там же, 79, 85, 87, 92–93, 103.

96. Там же, 96.

97. Там же, 81, 90–91, 221.

98. Александр Солженицын, «Август 1914» , ИМКА-Пресс (Париж, 1985), 120.

99. P pes, Russian Revolution, 188.

100. Серебренников, Убийство Столыпина, 190–191; Курлов, Гибель императорской России, 140–141.

101. Серебренников, Убийство Столыпина, 84, 130, 139.

102. Там же, 130, 129; Изгоев цит. в: Н.В., «Об А. Петрове», Будущее 18 (18 февраля 1912), Ник. 101-15.

103. Серебренников, Убийство Столыпина, 130.

104. Перед совершением убийства Столыпина Богров приходил к видному эсеру Егору Лазареву и предлагал, чтобы ПСР взяла ответственность на себя за этот акт после его совершения. Когда Лазарев усомнился в его предложении, Богров ответил: «Тогда пусть партия укажет какое угодно другое лицо. Я готов отдать себя в полное распоряжение партии». Лазарев спросил: «Отчетливо ли вы сознаете, что, делая это предложение, вы осуждаете себя на смерть?» Богров ответил: «Если бы я этого не сознавал, я не обратился бы к вам. Я пришел просить не материальной или технической помощи партии, а помощи идейной и моральной. Я хочу обеспечить за собой уверенность, что после моей смерти останутся люди и целая партия, которые правильно истолкуют мое поведение, объяснив его общественными, а не личными мотивами» (там же, 146–147).

105. Там же, 97.

106. См. ПСР 1-82.

107. Например, Центральный комитет ПСР, опасаясь еще одного «дела Азефа», поспешил пресечь слухи о том, что Богров действовал по приказу партии («Заявление

Центрального Комитета Партии Соц. — Рев.», ПСР 2—151).

108. ГАРФ, п. 102, ОО, оп. 1912, д. 98, 103.

109. Доклад ДДП От 22 декабря 1912 (4 января 191'3), Охрана XX V — В; доклад ДДП от 23 октября (5 ноября) 1913, Охрана XVTb(4)-I.

110. Полицейское донесение от 14 сентября 1911, Охрана XV b(4)-I.

111. Доклад ДДП от 16 (29) мая 1912, Охрана XV c-2; В.К. Агафонов, Заграничная Охранка (1918), 142–143; Гусев, Партия эсеров, 81.

112. Доклад ДДП от 18 ноября (1 декабря) 1913, Охрана XX Va-1B.

113. Гусев, Партия эсеров, 81; полицейское донесение от 28 апреля 1911, Охрана XV b(3)—1A.

114. Доклады ДДП от 23 октября (5 ноября) и "24 октября (6 ноября) 1913, полицейское донесение от 5 апреля 1913, Охрана XV b(4)—1; доклад ДДП от 14 (27) октября 1913, Охрана XX V -1B.

115. Полицейское донесение от 8 ноября 1913, Охрана XXVc— 1.

116. ГАРФ, п. 102, ОО, оп. 1914, д. 9, ч. 55B, 7–7 об., 14.

117. Souvar ne, Stal n, 102; Леонид Борисович Красин («Никитич»), 234; Дубинский-Мухадзе, Камо, 165–166.

118. Полицейское донесение от И декабря 1913, Охрана XVIb(3)-1A; полицейское донесение от 1912 года, Охрана ХШа-12.

119. См., например, полицейский циркуляр от 6 апреля 1912, Охрана Vf-2; полицейское донесение от 14 (27) января 1914, Охрана ХШа-16A.

120. ГАРФ, п. 109, ДПОО, оп. 1912, д. 113, 1; доклад ДДП от 18 февраля (2 марта) 1912, Охрана XX V -IB.

121. Полицейское донесение от 17 сентября 1913, Охрана ХШа— 15.

122. См., например, ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1912, д. 98, ч. 25В, 1–4.

123. Доклад ДДП от 14 (27) февраля 1912, Охрана XIX-12B; доклад ДДП от 9 (22) ноября 1912 и полицейское донесение от 1912, Охрана XIX-12B.

124. ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1912, д. 13, ч. 60В, 35; и д. 62, ч. 9В, 8, 9 об., 13 об.

125. Полицейское донесение от 24 июля 1913, Охрана ХШа— 15; доклад ДДП от 19 февраля (4 марта) 1914, Охрана ХХП—1В; полицейское донесение от 14 января 1912, Охрана XX —1.

126. См., например, полицейское донесение, написанное вскоре после января 1915, Охрана ХШа—17В.

127. ГАРФ, п. 102, ДПОО, оп. 1916, д. 122, 55.

128. Доклад ДДП от 7 (20) января 1915, Охрана XV d—1; доклад ДДП от 4 (17) июня 1915, Охрана XX V — B; полицейское донесение от 24 февраля 1916, Охрана XV c—4.

129. Донесения без подписи из Парижа графу А.А. Игнатьеву от 13 (26) ноября 1915 и 28 декабря 1915 (10 января 1916), Охрана V Ib—1 A.

130. Г.И. Котовский. Документы и материалы, 14.

131. ГАРФ, п. 102, ДП, оп. 1912, д. 25, ч. 101, 6.

132. Там же, оп. 1916, д. 79, 7, 9.-

133. Там же, оп. 1916, д. 122, 186.

134. Там же, ОО, оп. 1916, д. 122, 122.

135. Там же, ДПОО, оп. 1912, д. 346, 3, и д. 274 ( ), 1.

136. Сивилев, «Старый большевик», 242.

137. Леванов, Из истории борьбы большевистской партии против эсеров, 105.

138. Полицейское донесение от 23 декабря 1916, Охрана XV a—4W.

ЭПИЛОГ

1. Ford, «Reflect ons on Politic al Murder», 7. Согласно подсчетам, за одно только десятилетие 1968–1978 гг. террористические группы во всем мире убили около десяти тысяч людей (Meltzer, Terrorists, 192).

2. Meltzer, Terrorists, 7.

3. Martha Crenshaw, «Theor es of Terrorism», 19.

4. H lderme er, «Terrorist Strateg es», 82.

5. Von Borcke, «Violence and Terror in Russian Revolutionary Popul sm»,

6. Laqueur, Terrorism, 119; We nberg & Eubank, «Politic al Part es and the Format on of Terrorist Groups», 126.

7. Von Borcke, «Violence and Terror in Russian Revolutionary Popul sm» 60.

8. Robert K. Mass e, in cholas and Alexandra (Нью-Йорк, 1967), 395.

9. Laqueur, Terrorism, 129.

10. Письмо архимандрита Владимира из Тегерана В.М. Чернову в Нью-Йорк от 15 марта 1949, Ник. 391—38.

11. Алексинский, «Воспоминания», 15, Ник. 302—3.

12. Примеры, когда бывшие террористы различных идеологических направлений использовали свои боевые навыки для работы в советских карательных органах, см. в: Вулих, «Основное ядро кавказской боевой организации», 7, Ник. 207-11; Познер, Боевая группа при ЦК РСДРП(б), 170п; Соколов-Новоселов, Вооруженное подполье, 39п; Муратов и Липкина, Кривое, 111; В. Якубов, «Александр Дмитриевич Кузнецов», КС 3 (112) (Москва, 1934), 134, 138; Заварзин, Работа тайной полиции, 157.

13. Кривов, В ленинском строю, 110–112, 128; Познер, «Работа боевых большевистских организаций 1905–1907 гг.», ПР 7 (42), 85; Мызгин, Со взведенным курком, 21; Иоффе, Крах российской монархической контрреволюции, 150.

14. «Комментарии Б.И. Николаевского к книге L. Shap ro, The Commun st Party of the Sov et Un on» (рукопись 1958 года), с. 4, Ник. 519-3OB.

15. Письмо Б.И. Николаевского Т.И. Вулиху от 25 мая 1956, Ник. 207—16.; Иоффе, Крах российской монархической контрреволюции, 149–151.

16. Николай Росс, ред., Гибель царской семьи. Материалы следствия об убийстве царской семьи (август 1918 — февраль 1920) (Франкфурт, 1987), 586; Richard Hall burton, Seven League Boots (Индиана-полис, Индиана, 1935), 120, 140.

17. В.И. Шишкин, «Красный бандитизм в советской Сибири», Советская история: проблемы и уроки (Новосибирск, 1992).

18. P pes, Russian Revolution, 528.

19. Дубинский-Мухадзе, Камо, 5, 195–196; Медведева-Тер-Петросян, «Товарищ Камо», ПР 8–9 (31–32), 141–142.

20. Юрий Фелыитинский, Крушение мировой революции (Лондон, 1991), ЗЗОп.

21. Авторханов, Происхождение партократии, т. 1, с. 181–182.

22. Шишкин, «Красный бандитизм», 76.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН